

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика	Микробиология
Агрохимия	Микроэлектроника
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал	Молекулярная биология
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник	Научное приборостроение
Астрономический журнал	Нейрохимия
Биологические мембраны	Неорганические материалы
Биология внутренних вод	Нефтехимия
Биология моря	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия	Общественные науки и современность
Биофизика	Общество и экономика
Биохимия	Океанология
Ботанический журнал	Онтогенез
Вестник РАН	Оптика и спектроскопия
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы	Петрология
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал
Вопросы ихтиологии	Письма в Журнал технической физики
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Вопросы языкознания	Поверхность
Восток	Почвоведение
Вулканология и сейсмология	Приборы и техника эксперимента
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)	Прикладная биохимия и микробиология
Генетика	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений	Природа
Геомagnetизм и аэрономия	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин
Геотектоника	Проблемы передачи информации
Геохимия	Программирование
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоз экология
Дефектоскопия	Радиотехника и электроника
Дискретная математика	Радиохимия
Дифференциальные уравнения	Расплавы
Доклады Академии наук	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии	Русская речь
Журнал органической химии	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии	Славяноведение
Журнал технической физики	Социологические исследования
Журнал физической химии	Стратиграфия. Геологическая корреляция
Журнал эволюционной биохимии и физиологии	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур
Известия РАН. Механика жидкости и газа	Труды Математического института имени В.А. Стеклова
Известия РАН. Механика твердого тела	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников
Известия РАН. Серия физическая	Физика и химия стекла
Известия РАН. Теория и системы управления	Физика металлов и металловедение
Известия РАН. Физика атмосферы и океана	Физика плазмы
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов
Исследование Земли из космоса	Физиология растений
Кинетика и катализ	Физиология человека
Коллоидный журнал	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия	Химическая физика
Космические исследования	Химия высоких энергий
Кристаллография	Химия твердого топлива
Латинская Америка	Цитология
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология
Литология и полезные ископаемые	Экономика и математические методы
Математические заметки	Электрохимия
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение
	Ядерная физика

Номер 1

Январь–Февраль–Март
2017

ISSN 0869-6063

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2017, № 1

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

Журналу

1957 – 2017

<http://www.naukaran.com>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2017

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

**Москва
Издательство “Наука”**

© Российская академия наук, 2017
© ФГУП «Издательство «Наука», 2017
© Составление. Редакция журнала
«Российская археология», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2017

Рубила в ашеле Северо-Восточного Кавказа <i>Амирханов Х.А.</i>	3
Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель <i>Гак Е.И., Борисов А.В.</i>	19
Особенности домостроительства населения пахомовской культуры эпохи поздней бронзы <i>Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А.</i>	34
Об органических примесях в лепной посуде населения культуры штрихованной керамики в Беларуси <i>Лошенко М.И.</i>	44
Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму <i>Обломский А.М.</i>	55
Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. <i>Ершов И.Н., Кренке Н.А., Муренцева Т.Ю., Олейников О.М., Раева В.А.</i>	70
Археолого-палеонтологические исследования на Соборной горе в Смоленске <i>Ершова Е.Г., Кренке Н.А.</i>	87
Цветной металл средневековых поселений Крутик и Никольское V в Белозерье <i>Зайцева И.Е.</i>	96

Публикации

Клад орудий срубной культуры у с. Альфа Тамбовской области <i>Поляков Ф.А.</i>	116
Химический состав и происхождение стекла-сырца из подводного раскопа Фанагории: уточненные данные <i>Румянцева О.С., Беликов К.Н.</i>	124
Острогжский клад (последняя треть – конец VII в. н.э.) <i>Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Куцев Е.А.</i>	131
Монеты императора Феофила (829–842 гг.) на территории Гнёздовского археологического комплекса <i>Шевцов А.О.</i>	141
Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополя <i>Шполянский С.В.</i>	150

История науки

Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации <i>Лопатина О.А.</i>	168
---	-----

Критика и библиография

Выдающиеся памятники археологии Узбекистана. Ташкент, 2013 <i>Соловьев В.С.</i>	180
Р. Исмагил, Ф.А. Сунгатов. Памятники яйцкой культуры последней четверти V–IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2013 <i>Яблонский Л.Т.</i>	180
Д.Д. Ёлшин, Е.А. Мелюх, Е.В. Ходаковский, Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб., 2015 <i>Антипов И.В.</i>	186

Хроника

Мария Николаевна Погребова <i>Ковалевская В.Б., Гадзяцкая О.С., Мошкова М.Г., Пеперенко В.Г., Погожева А.П.</i>	189
--	-----

CONTENTS

No. 1, 2017

Acheulian handaxes from Northeast Caucasus <i>Amirkhanov H.A.</i>	3
Seasonal settlements of the Middle Don Catacomb Culture: a landscape-ecological pattern <i>Gak E.I., Borisov A.V.</i>	19
Specific traits of house-building among the population of the Late Bronze Age Pakhomovo Culture <i>Tkachev A.I., Tkachev A.A.</i>	34
Organic admixtures in handmade pottery of the bearers of the hatched ceramic culture of Belarus <i>Loshenkov M.I.</i>	44
Ornaments with Champlevé enamels of the Eastern European style on the Pontic steppes and in the Crimea <i>Oblomskiy A.M.</i>	55
Database of Sources on the archaeology of the VIII th –XIII th -century Smolensk <i>Ershov I.N., Krenke N.A., Murentseva T.Yu., Oleynikov O.M., Raeva V.A.</i>	70
Archaeological-palinological studies at Sobornaya Gora in the city of Smolensk <i>Ershova E.G., Krenke N.A.</i>	87
Non-ferrous metals from the Medieval Settlements of Krutik and Nikolskoe V in the Beloe Lake area <i>Zaytseva I.E.</i>	96

Publications

A hoard of implements of the Srubnaya/Timber Grave Culture near the village of Alfa in the Tambov oblast <i>Polyakov F.A.</i>	116
Chemical composition and origins of raw glass from the underwater excavation area of Phanagoria: corrected data <i>Rumyantseva O.S., Belikov C.N.</i>	124
The Ostrogozhsk hoard (the last third – the end of the 7 th century AD) <i>Berezutskiy V.D., Zolotarev P.M., Kutsev E.A.</i>	131
Emperor Theophilus' coins (AD 829–842) in the territory of the Gnezdovo archaeological complex <i>Shevtsov A.O.</i>	141
Weaponry and horse harness pieces of the 10 th – early half of the 12 th century AD from Suzdal and rural settlements of the Suzdal Opolye <i>Shpolyanskiy S.V.</i>	150

History of Science

Textile imprints on early pottery: issues of interpretation <i>Lopatina O.A.</i>	168
---	-----

Review of Books

Outstanding archaeological monuments of Uzbekistan. Tashkent, 2013 <i>Solovyev V.S.</i>	180
R. Ismagil, F.A. Sungatov. The yaik culture sites of the last quarter of the 5 th –4 th century BC in the South Urals. Ufa, 2013 <i>Yablonskiy L.T.</i>	180
D.D. Elshin, E.A. Meliukh, E.V. Khodakovskiy. Dmitriy Vasilievich Mileev (1878–1914): architectural archaeology and restoration in Russia in the early 20 th century. St. Petersburg, 2015 <i>Antipov I.V.</i>	186

Chronicle

Mariya Nikolaevna Pogrebova <i>Kovalevskaya V.B., Gadzyatskaya O.S., Moshkova M.G., Petrenko V.G., Pogozheva A.P.</i>	189
--	-----

РУБИЛА В АШЕЛЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

© 2017 г. Х.А. Амирханов

Институт археологии РАН, Москва (amirkhanov@rambler.ru)

В статье рассматривается развитие форм бифасов (главным образом рубил) в ашеле Северо-Восточного Кавказа. Выделяется четыре морфологические группы, которые соответствуют определенным подразделениям (верхний эоплейстоцен; баку, сингиль, хазар) местной стратиграфической схемы плейстоцена. Фиксируется развитие рубил в соответствии с тенденциями, общими для Европы и Азии и заметно отличающимися от Африки.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, ашель, рубила, культурно-хронологические группы.

Северо-Восточный Кавказ до недавнего времени оставался чрезвычайно малоизученным в отношении раннего палеолита. Ситуация изменилась лишь в последнее десятилетие. Сейчас изученность раннего отрезка каменного века данной территории в сравнении с другими регионами Кавказа может считаться более или менее удовлетворительной. Хотя нужно признать, что для всего Северного Кавказа имеющийся уровень знаний еще далек от желаемого.

С появлением новых материалов сами собой отпали представлявшие их авторам незыблемыми заключения об основных характеристиках ашеля Кавказа. Еще совсем недавно утверждалось, что человек преодолел Кавказ и появился на его северных склонах не ранее 600 тыс. лет назад (л.н.) (Дороничев, 2004. С. 21). Спустя всего лишь 10 лет это заключение выглядит глубоким анахронизмом. То же самое относится и к утверждениям, подобным тому, что рубила появляются в ашеле Кавказа лишь в конце раннего палеолита, не ранее 300–350 тыс. л.н. (Дороничев, 2004. С. 21).

В начале 2000-х годов появились сведения об обнаружении археологических памятников раннего плейстоцена на Северном Кавказе (Деревянко и др., 2004, 2006, 2012; Амирханов, Деревянко, 2005; Амирханов, 2007), в Приазовье (Щелинский и др., 2004, 2010; Щелинский, Кулаков, 2009) и Армянском нагорье (Любин, Беляева, 2006, 2010; Любин и др., 2010). В каждом из этих трех регионов были открыты объекты с залеганием археологического материала *in situ* и в ряде случаев совместно с фаунистическими остатками. Правда, сторонниками короткой хронологии ашеля Кавказа эти материалы в расчет не принимались или даже отвергались как не соответствующие (как это ни

комично) их представлениям об артефактах (Дороничев и др., 2007. С. 205). Существование указанных памятников этими авторами не рассматривалось как препятствие для их вывода о том, что “На Южном Кавказе, как и на Северном Кавказе, после Дманиси отмечается длительный (свыше 1 млн лет) hiatus в заселении людьми раннего палеолита” (Дороничев и др., 2007. С. 219).

Впрочем, мнение о продолжительном разрыве во времени в заселении Северного Кавказа по сравнению с Закавказьем сформировалось задолго до процитированного соображения. Это была практически общепринятая точка зрения, предполагавшая происхождение ашеля в Восточной Африке и постепенное распространение этой культуры на Кавказ через Ближний Восток. Сама возможность дискуссий (Gallotti, 2015) на этот счет не предполагалась. Естественно, что на таком общем фоне и тем более при практическом отсутствии материалов, происходящих с рассматриваемой территории, проблема, освещаемая в данной работе, еще совсем недавно не могла стать предметом специального рассмотрения.

Обращаясь к конкретным материалам, отметим, что в настоящее время в предгорной и среднегорной зонах дагестанского отрезка Большого Кавказа насчитывается 10 пунктов, археологические материалы которых (включая самые скудные) отвечают понятию “ашельского технокомплекса”. В материалах этих памятников, большинство из которых изучено пока рекогносцировочно, содержатся выразительные бифасы в виде типичных ашельских рубил.

Основная группа памятников, из которых происходит рассматриваемый материал, расположена на границе приморской равнины и предгорий Да-

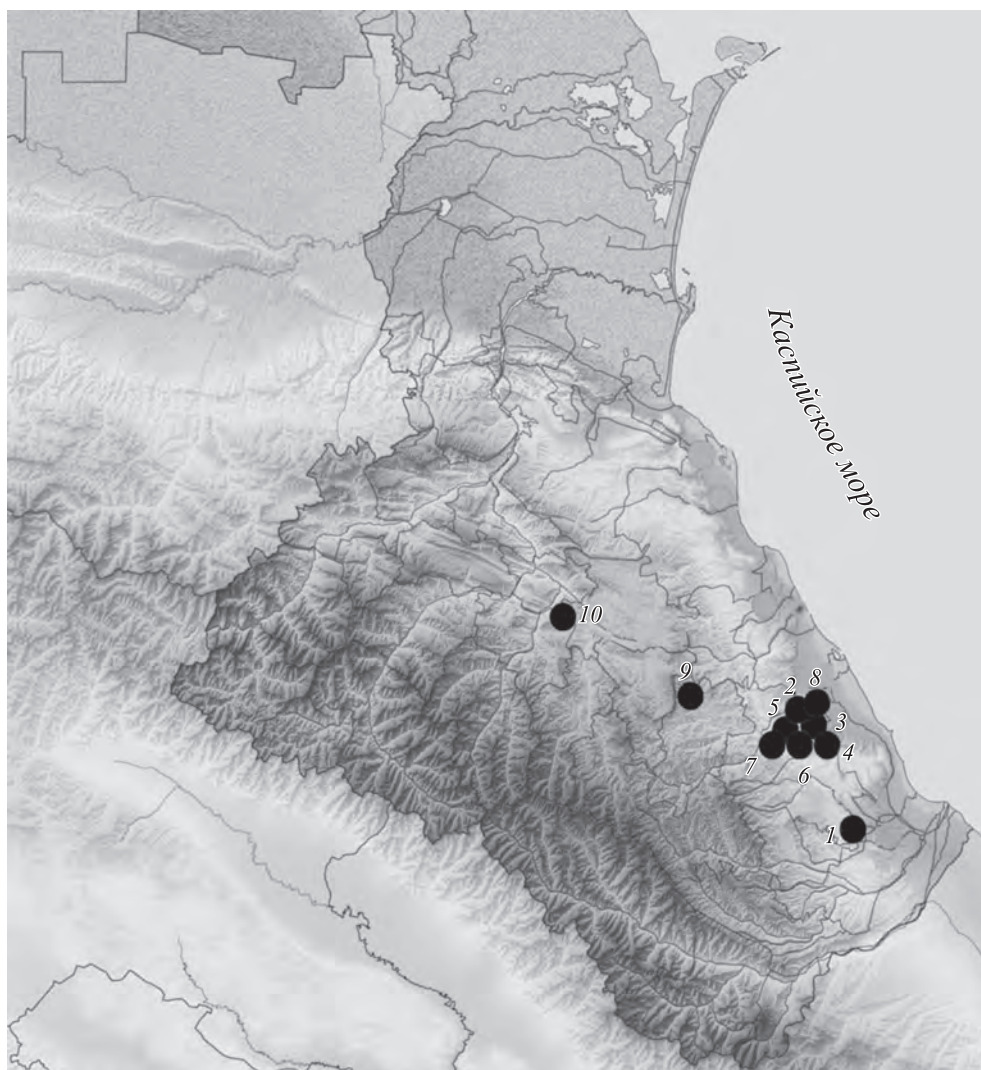

Рис. 1. Местоположение ашельских памятников Северо-Восточного Кавказа. 1 – Рубас 1; 2 – Дарвагчай 1; 3 – Дарвагчай-карьер; 4 – Дарвагчай-залив; 5 – Дарвагчай-залив 2; 6 – Дарвагчай-залив 4; 7 – Дюбекчай; 8 – Чумус-иниц; 9 – Айникаб; 10 – Салта.

гестана на теркемейском отрезке Западного Прикаспия в нижнем течении р. Дарвагчай (рис. 1). Здесь компактно расположены семь памятников, материалы которых содержат рубила. В это число входят Дарвагчай 1, Дарвагчай-залив 1, 2, 4, Дарвагчай-карьер, Чумус-иниц и Дюбекчай. Практически все названные пункты имеют (одни более, а другие менее ясные) геохронологические привязки. Только материалы Чумус-иниц собраны с современной поверхности. Но и здесь существует определенность в том, что они не моложе времени формирования второй древнекаспийской террасы, которая на этом участке прислонена к 120-метровой бакинской террасе. Нет полной ясности относительно геологической позиции отложений, в которых обнаружено рубило в пункте Дюбекчай. В геоморфологическом отношении уровень суг-

линков, из которых происходит предмет, позволяет соотносить его с суглинистыми отложениями, формирующими на отдельных участках устья р. Дюбекчай делювий, который перекрывает отложения бакинской террасы. Для выяснения данного вопроса необходимы специальные исследования.

Большая часть названных пунктов изучена реконструктивно не только с геологической, но и с археологической точки зрения. Памятники доставили пока или единичные находки, или чрезвычайно малочисленный материал (Дюбекчай, Дарвагчай-карьер, Дарвагчай-залив 1, Дарвагчай-залив 2). Относительно многочисленными коллекциями располагают Дарвагчай 1 и Дарвагчай-залив 4. Но и здесь слои с археологическими остатками не везде сохранили свой первоначальный структурный контекст. Правда, возможности биостратигра-

фической датировки рассматриваемых объектов от этого не страдают.

Еще один из рассматриваемых памятников (Рубас 1, слой 5) расположен в глубине предгорной зоны Дагестана в среднем течении р. Рубас. Будучи приуроченным к отложениям бакинской морской террасы, его материал располагает хорошей геохронологической характеристикой. В слое 5 этого памятника обнаружен каменный инвентарь, идентичный материалам синхронного памятника Дарвагчай 1. Один бифас обнаружен также в вышележащем слое 3 разреза данного памятника в отложениях галечного аллювия 30-метровой позднеплейстоценовой террасы р. Рубас. Естественно, что данный предмет находится в переотложенном состоянии. Что же касается материала слоя 5 интересующего нас времени, то он выявлен в придонных морских отложениях, образовавшихся во время бакинской трансгрессии Каспийского моря. Соответственно обнаруживаемые здесь культурные отложения подверглись разрушению в большей степени, чем горизонты Дарвагчай 1, которые приурочены к пляжевой фации. Археологический материал сравниваемых памятников при этом и внешне, и по морфологии, и по своему составу неразличим (Зенин, Анойкин, 2008; Зенин и др., 2010).

Наконец, два памятника — Айникаб 6 и местонахождение Салта, расположены в среднегорной части Дагестана. Материалы Айникаб 6, содержащие два бифаса и около десятка отщепов, происходят из аллювия 145-метровой террасы р. Усиша. Геоморфологически эта терраса соответствует времени формирования бакинской террасы на приморской равнине, т.е. относится к началу неоплейстоцена.

Местонахождение Салта связано с правым бортом долины р. Кара-койсу. Данный пункт лишен геологического или геоморфологического контекста и представлен лишь единственной находкой в виде рубила позднеашельского технико-морфологического облика.

Для рассматриваемого региона характерна общая для всего Большого Кавказа особенность, выражающаяся в относительной малочисленности рубил в коллекциях памятников. Число известных к настоящему времени рубил из ашельских материалов Дагестана не превышает 23 экз. Указанное количество выглядит более чем скромным на фоне того, что только в одной пещере Кударо I обнаружено 63 целых или фрагментированных рубил, и из них 36 экз. в состоянии, пригодном для полноценного технико-типологического рассмотрения (Любин, 1998).

Малочисленность рассматриваемой выборки в определенном смысле компенсируется некоторыми ее достоинствами. Во-первых, анализируемый материал практически полностью происходит из стратифицированных памятников, имеющих геохронологические привязки. Во-вторых, в каждой из выделяемых культурно-хронологических групп, за исключением первой, содержатся рубила выработанных форм. Они представляют собой предельно выразительные морфологические образцы, которые соответствуют самым строгим представлениям о типе археологической классификации. Поэтому постановка вопроса об эволюции формы рубил представляется оправданной. Соответствующие выводы в этом отношении, даже если они будут предварительными, важны для сравнения полученной картины с показателями из тех соседних регионов Кавказа, где состав рассматриваемого материала сопоставим или ненамного превышает тот, который имеется в коллекциях дагестанских памятников.

Совокупность бифасов, известных к настоящему времени в коллекциях памятников Дагестана, автор разделяет на четыре хроностратиграфические группы. Основу указанного членения составляют те изделия, которые происходят из культурных отложений, имеющих биостратиграфические датировки, или обладают определенным геологическим контекстом. Такие материалы содержатся в пунктах Дарвагчай 1, Дарвагчай-залив 2, Дарвагчай-залив 1, Дарвагчай-залив 4, Дарвагчай-карьер, Рубас 1, Айникаб 6.

В долине р. Дарвагчай в районе исследований над слоями бакинского стратиграфического горизонта фиксируются два выраженных уровня речных галечных отложений. На стоянке Дарвагчай-залив 4 они представлены слоями 5 и 3. Специальные работы по корреляции этих слоев на разных памятниках изучаемого района пока не проводились. В предварительном плане возможно сопоставление нижнего галечника (слой 5) Дарвагчай-залив 4 с каким-то из уровней толщи галечников комплекса 3 стоянки Дарвагчай-залив 1. Мнение исследователей этого памятника о том, что галечная толща, содержащая артефакты третьего хронологического комплекса, соответствует рамкам “миндель (493–362 тыс. л.н.) или миндель-рисс (362–310 тыс. л.н.) по европейской геохронологической шкале” (Рыбалко и др., 2014), кажется, имеет под собой основания. Что касается верхнего галечника стоянки Дарвагчай-залив 4, то по принятой логике он может быть соотнесен с пунктом Дарвагчай-карьер. Основанием для указанных допущений является наличие под слоем 5 Дарвагчай-залив 4 и слоями комплекса 3 Дарвагчай-залив 1 стратиграфическо-

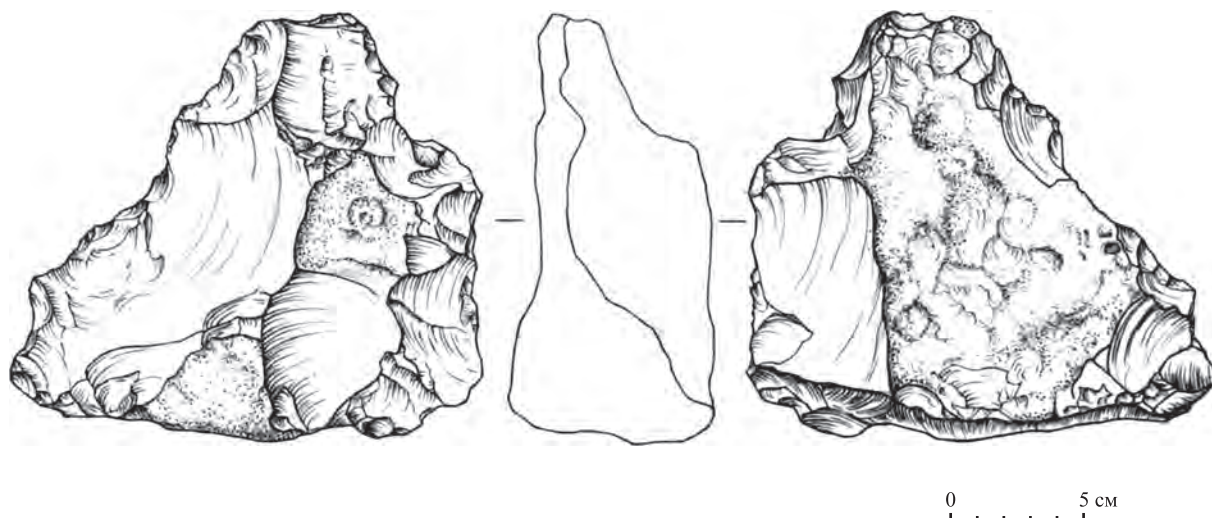

Рис. 2. Мухкай 1 (верхи разреза). Проторубило.

го “репера” в виде бесспорных отложений бакинского горизонта. Второй момент связан с большой вероятностью соответствия перекрывающих его на стоянке Дарвагчай-залив 4 двух уровней речного галечного аллювия двум следующим за бакинской трансгрессией эпизодам миндельского и рисского (по альпийской схеме) оледенений.

Перейдем далее к описанию бифасов из коллекций памятников Северо-Восточного Кавказа с разбивкой их на типологические группы, соответствующие геохронологическим подразделениям плейстоцена.

Группа 1 — бифасы из верха отложений стоянок Мухкай 1 и Айникаб 1. Строго говоря, это бифасы, но еще не рубила в морфологическом смысле. Нижняя хронологическая граница этой группы отбивается концом палеомагнитного эпизода Харамильо. Верхняя граница совпадает с началом эоплейстоцена (в абсолютном выражении, округленно, в рамках 1–0.8 млн л.н.). В периодизационной шкале местного раннего палеолита этот отрезок можно определить как протоашель или стадию перехода от олдована к ашелю.

В конкретном виде данная культурно-хронологическая группа документируется частичным бифасом из слоя 2 стоянки Айникаб 1, а также грубым бифасом и проторубилом из верха отложений стоянки Мухкай 1. С точки зрения морфологии наиболее яркое из этих изделий — проторубило.

Проторубило (рис. 2) из верхнего отрезка разреза стоянки Мухкай 1 (выше верхней границы палеомагнитного эпизода Харамильо) представляет собой массивное ($15.8 \times 16.6 \times 7.8$ см) изделие укороченных пропорций на желваке, обработанном частичной двусторонней оббивкой. Типологиче-

ской сути описываемого изделия в наибольшей степени соответствует его определение как пика, переходящего в рубило. От пика здесь имеется плоско-выпуклое поперечное сечение, обработка краев крупной оббивкой, оформление на выпуклой стороне орудия центрального ребра и наличие утолщенной пятки. При этом существует и принципиальное отличие от изделий, относимых к пикам. Оно заключается в том, что в концевой части орудия утолщенное ребро, приходящееся на выпуклую сторону, целенаправленно удалено аккуратными продольными сколами, достигающими примерно трети длины изделия. Сколы, о которых идет речь, делались расчетливо. Они не уходят слишком далеко от конца орудия, поскольку не направлены на удаление излишней массивности орудия в целом. На линии окончания этих сколов образовались довольно глубокие заломы. Дальше продолжается уже характерное для пиков ребро, формирующее на остальной части предмета подтреугольное поперечное сечение. А конец орудия, полученный таким образом, выглядит близким к форме лопаточки.

Дополнительное оформление конца описываемого проторубила не ограничилось его утончением. Обработка краев в концевой части была более тщательной, чем на остальных участках. Помимо оббивки здесь использовалась и ретушная оббивка, направленная не на выработку общей формы, а относительно тонкую обработку конкретного элемента изготавливаемого орудия. Кромка концевой части лезвия имеет характерную “замятость” и мелкие заломы. Можно предположить, что это результат износа и редуцирования конца орудия. Тонкая обработка верхней (рабочей) части изделия, по-видимому, отчасти связана с подправ-

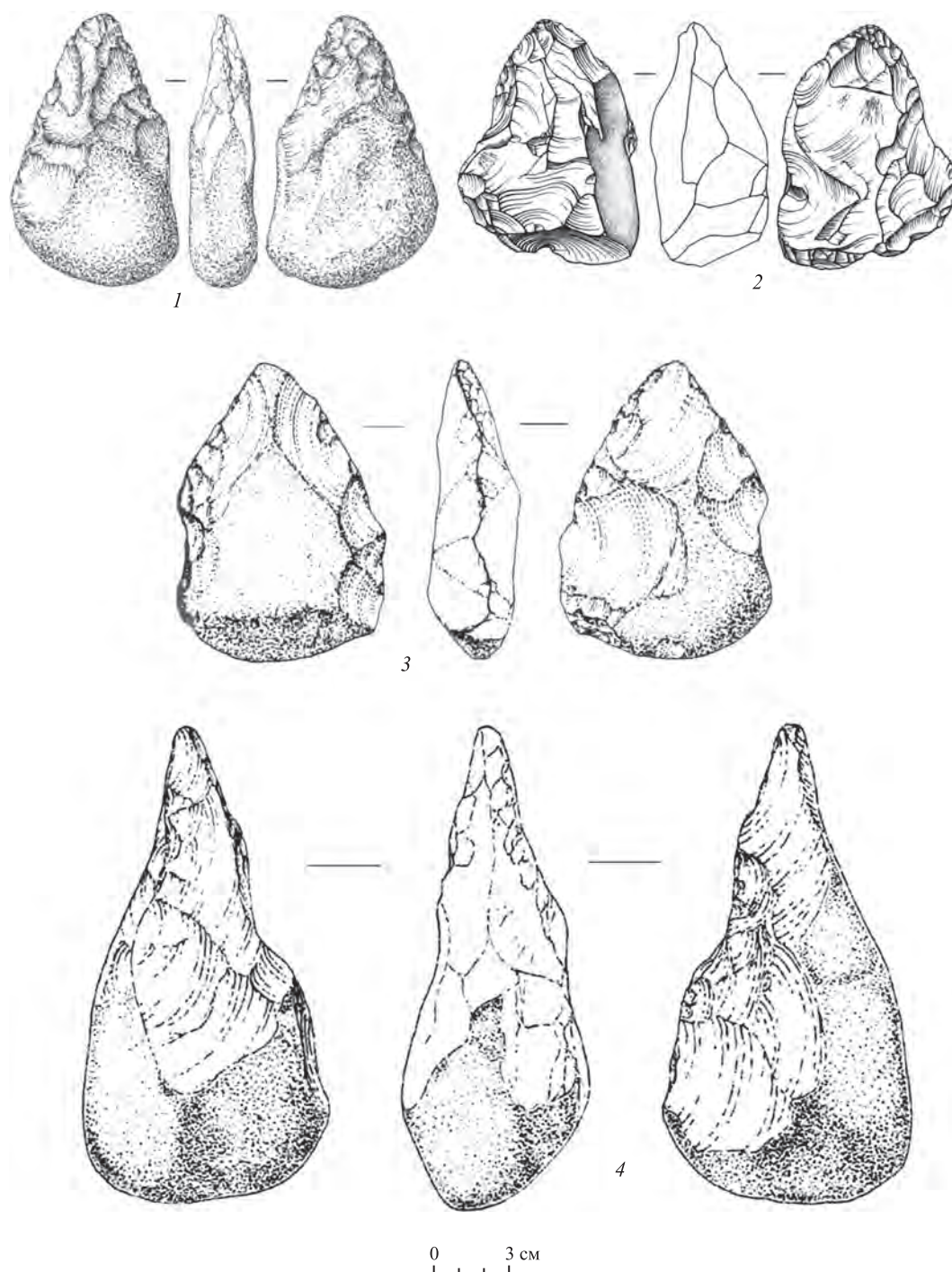

Рис. 3. Рубила 2-й хронологической группы. 1 – Дарвагчай 1 (сл. 8); 2 – Айникаб 6; 3 – Дарвагчай 1; 4 – Дарвагчай-залив 4 (сл. 5). 1 – по: Деревянко и др., 2005; 3, 4 – по: Деревянко, 2014.

кой остроконечного лезвия. Это дополнительный штрих, указывающий на то, что данное орудие не только по морфологии, но и в технологическом отношении довольно заметно отошло в сторону от своего прототипа – пика.

Группа 2 – раннеашельские рубила. Состав материалов дарвагчайских памятников, а также на-

ходки в аллювии 145-м террасы р. Усиша в Центральном Дагестане позволяют установить возраст изделий данной группы в рамках раннего неоплейстоцена: от начала бакинского горизонта до границы с сингильским горизонтом (0.787–0.427 млн л.н.) местной стратиграфической схемы.

Основной тип изделий рассматриваемой группы представлен типично раннеашельской формой — рубилом миндалевидным с распространенным, утолщенным, необработанным обушком (рис. 3). Кроме того, имеются бифасы невыработанных форм и мелкие бифасы.

Хронологическая позиция данной группы орудий основывается на том, что предметы, входящие в нее, происходят, в частности, из памятника Дарвагчай 1, археологические слои которого (сл. 6–8) залегают в отложениях различных береговых и прибрежных фаций бакинской террасы Каспия. Названные отложения надежно датированы остатками малакофауны (Голубятников, 1937) и в современных стратиграфических схемах отнесены к раннему неоплейстоцену (округленно 800–400 тыс. л.н.).

Два других рубила происходят из аллювия 145-м террасы р. Усиша в Центральном Дагестане. Этот геоморфологический уровень соответствует бакинской трансгрессии Каспийского моря. Соответственно найденные здесь орудия сопоставимы по времени с изделиями аналогичной категории на стоянке Дарвагчай 1.

Сырьем для рубил из усишинской долины послужил меловой кремь в виде бесформенных обломков. Достижение желаемой формы бифаса требовало здесь довольно интенсивной двусторонней обработки. В результате были получены изделия со сходящимися краями, оформленными преимущественно крупными сколами и с не обработанной массивной пяткой. На одном из описываемых рубил отмечается не только несовершенство формы, но и глубокий архаизм техники бифасальной обработки. Это проявляется, в частности, в том, что уплощающие сколы, которые придают изделию форму, идут не только от краев заготовки к ее центру, но и в обратном направлении. Такая своеобразная манера обработки фиксируется регулярно при формировании центрального ребра изделий в виде пиков трехгранного сечения в олдованских слоях мухайских памятников Центрального Дагестана. Края описываемых рубил зигзагообразные; поперечное сечение плоско-выпуклое; конец орудий не акцентирован и не заострен дополнительно. Пятка у одного экземпляра не обработана, а у другого оформлена поперечным сколом-обрубом. Этот прием также был одним из наиболее частых в техническом арсенале изготовителей каменных орудий (чопперов) олдованских стоянок рассматриваемого региона.

Относительно дарвагчайских бифасов отметим, что они делятся на две разновидности — мелкие и крупные. Рубилами в строгом смысле слова могут быть названы только вторые. Заготовками для

них послужили небольшие удлиненные валуны кремневого известняка. По этому показателю рубила данной группы существенно отличаются от описанных выше изделий. Используемая здесь естественная форма заготовки позволяла при изготовлении рубила ограничиться оббивкой лишь заостренной концевой части орудия. Единообразный подход к отбору заготовки, определявшийся ограничением в выборе сырья, в значительной степени объясняет максимальное сходство между собой рубил дарвагчайских ашельских стоянок и их внешнее отличие от описанных выше орудий горного Дагестана.

Конечно не меньшую, если не большую роль в сходстве в ведущей категории орудий ашельских памятников долины р. Дарвагчай играла принадлежность мастеров рассматриваемых стоянок к единой культурной традиции. Интересно, что если отвлечься от различий в исходном сырье, то значимые отличия между рубилами памятников приморской (Дарвагчай) и горной (терраса р. Усиша) зон Дагестана не обнаруживаются. Морфология изделий и технологические подходы к изготовлению орудий в сравниваемых группах едины.

Особого внимания в связи с рассматриваемым сюжетом заслуживает то, что в группе самых ранних для данного региона бифасов отсутствуют предметы, для изготовления которых использованы крупные отщепы. Данный факт можно было бы объяснить тем, что в определенный момент произошла инфильтрация культуры с рубилами откуда-нибудь с юга в изучаемый регион и произошло это тогда, когда традиция изготовления рубил на отщепах, свойственная для раннего ашеля, была уже давно изжита. Такое объяснение могло бы быть принято, если бы на данной территории не была известна культура, предшествовавшая местному ашелю. Не вдаваясь в подробное рассмотрение вопроса, отметим, что на Северном Кавказе, раннеплейстоценовая культура которого известна относительно неплохо, тенденции становления ашеля не повторяют таковые на территории Восточной Африки. Еще М. Лики было отмечено (Leakey, 1971), что возникновение ашеля там возмещает утверждение крупного отщепа в качестве особой формы заготовки, предназначенной преимущественно для изготовления рубил.

В связи с вопросом об отщеповых заготовках крупных размеров можно отметить примечательный факт, наблюдаемый в материалах олдована Центрального Дагестана. В верхах отложений стоянки Мухай 1 (в промежутке от конца палеомагнитного эпизода Харамильо до начала эоплейстоцена, или примерно от 1 до 0.8 млн л.н.) об-

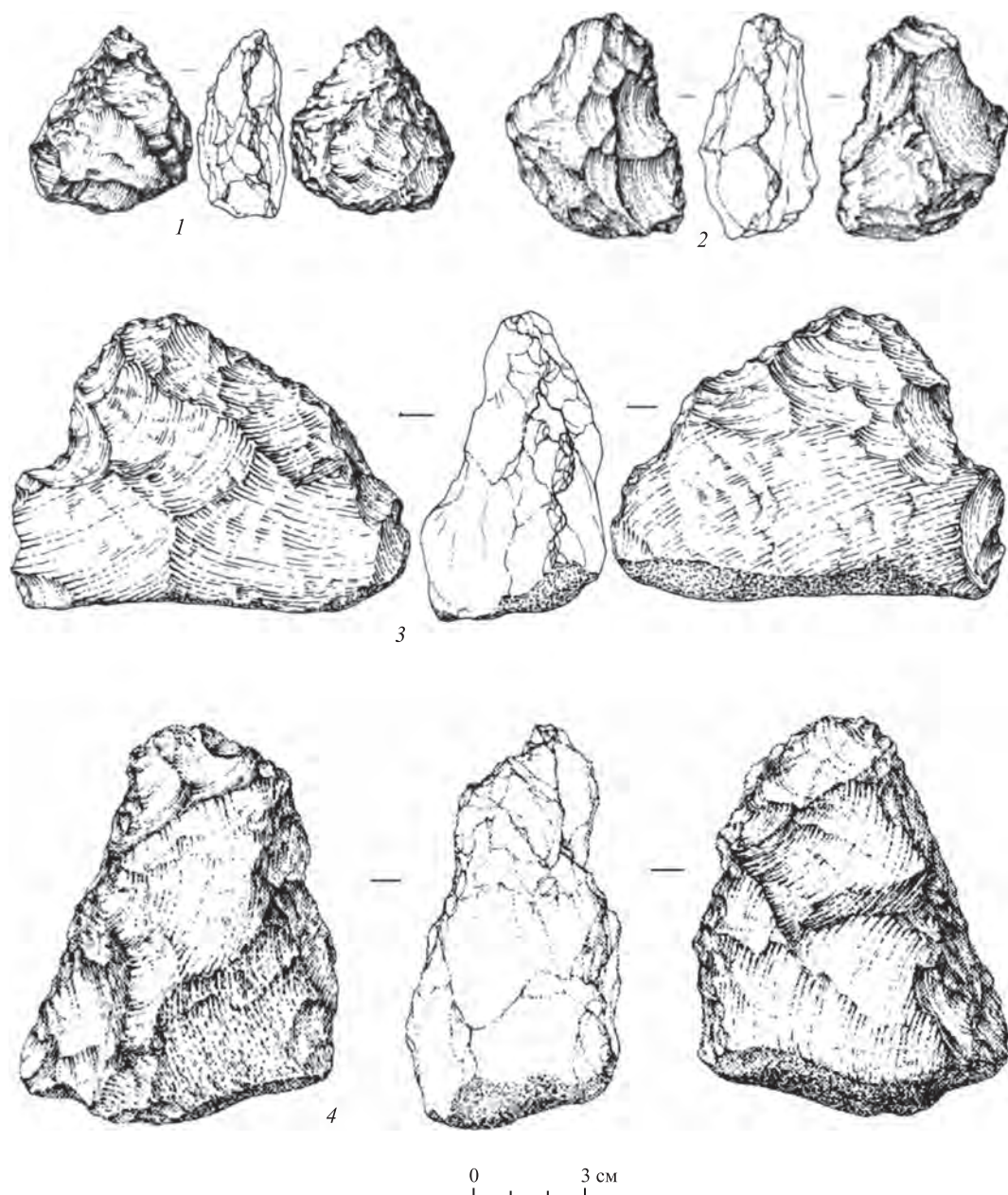

Рис. 4. Бифасиальные изделия из памятников раннего ашеля Дагестана. 1, 4 – Рубас 1 (сл. 5); 2, 3 – Дарвагчай 1 (сл. 8).
1, 2 – по: Деревянко, 2014; 3 – по: Деревянко, Зенин, 2009; 4 – по: Деревянко и др., 2008.

наруживаются по-настоящему крупные отщепы. Они используются эпизодически в качестве заготовок, но, заметим это особо, для изготовления лишь собственно олдованского типологического набора орудий (пик, двулезвийный чоппер), а не специфически ашельской формы (рубило). То, что в материалах раннего ашеля Северо-Восточного Кавказа отсутствуют признаки использования крупных отщепов в качестве заготовок для рубил, наводит на мысль о своеобразии сложения здесь ашельской технологии по сравнению с Африкой.

При этом нельзя не заметить, что для индустрии раннего ашеля Южного Кавказа указанная специфика не характерна. В чем здесь дело — в малочисленности материала, которым мы располагаем, или наблюдаемый факт отражает реальную ситуацию на данном этапе, пока не ясно.

Говоря о бифасах начального этапа ашеля Северо-Восточного Кавказа, можно утверждать, что они практически ничем не отличаются от ведущей формы наиболее ранних ашельских рубил с территорий Ближнего Востока (Bar-Yosef, Goren-Inbar,

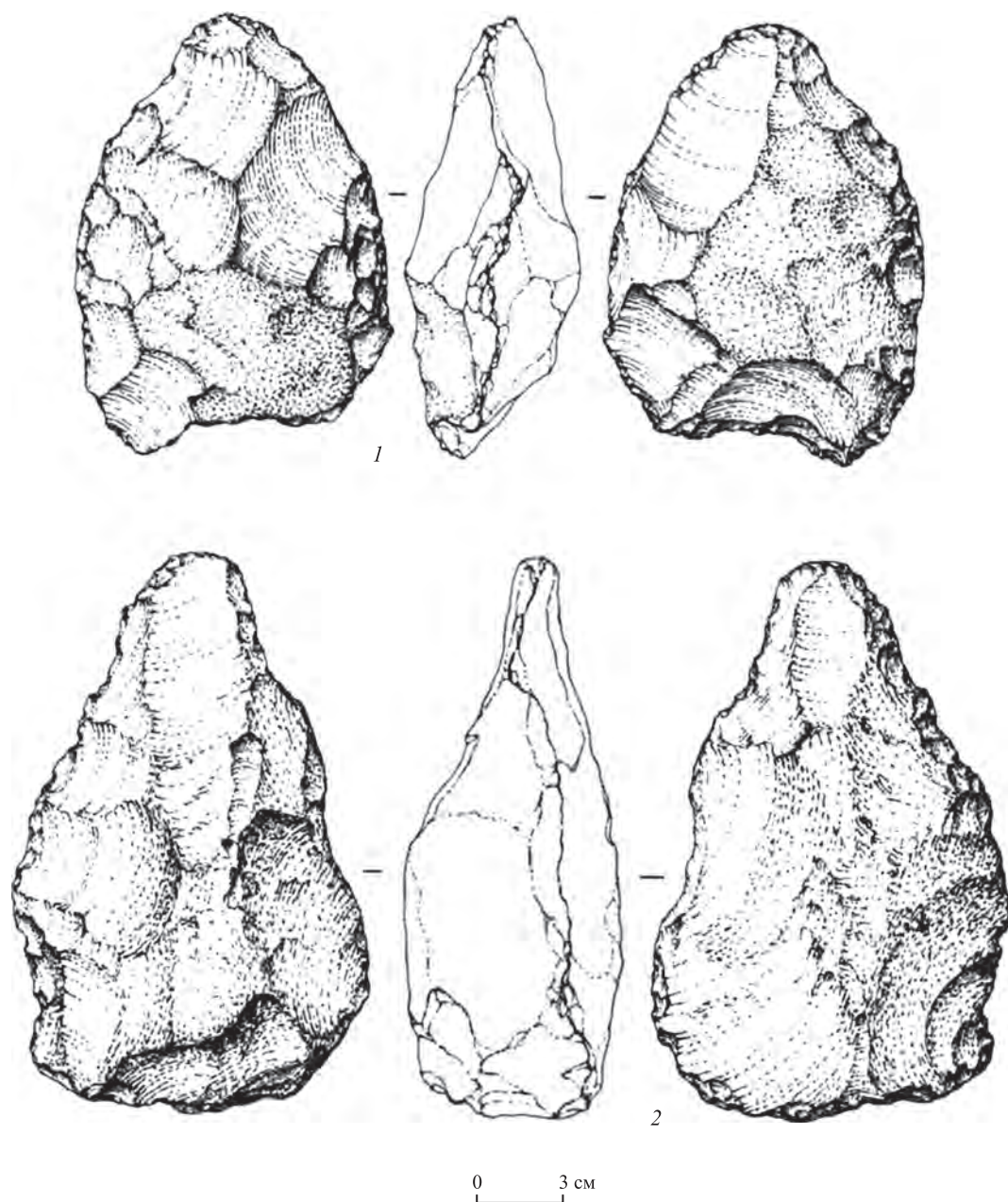

Рис. 5. Рубила 3-й хронологической группы. 1 – Дюбекчай; 2 – Чумус-иниц. 1, 2 – по: Деревянко, 2014.

1993), Северной Африки (Raynal et al., 2009), европейского Средиземноморья (Lumley, 1966; Bosinski, 1996; Nomade et al., 2015). Эти аналогии с полным правом могут быть продолжены за счет включения в данное перечисление таких наиболее представительных памятников соответствующего времени с территории Китая, как Бойсэ и Ланьтян (Деревянко, 2014). Основная разновидность ранних бифасов, обнаруживаемая в исследуемом нами регионе, является ни чем иным, как универсальным для раннеашельской ойкумены Евразии типом рубила. При этом именно данная форма и с технологической, и с типологической точек зре-

ния принципиально отличается от бифасов раннего ашеля Восточной Африки, изготавливавшихся преимущественно на крупных отщепах.

К уже хорошо известным африканским раннеашельским стоянкам из пачки 2 разреза Олдувая в последнее время прибавилась группа стоянок из формации Начукуи на западе оз. Туркана в Кении. Здесь лучше других изучена стоянка Кокиселей 4 (Lepre et al., 2011). На территории Южной Эфиопии синхронные им стоянки Консо-Гардула 19 и 21 выявлены в формации Консо (Beuene et al., 2013). Слои с указанными памятниками датиру-

ются временем примерно 1.6–1.75 млн л.н. Черты, специфические для соответствующих памятников раннего ашеля Восточной Африки, в частности, широкое использование для изготовления рубил и пиков массивных отщепов, сочетание рубил с пиками на отщеповой заготовке, сохраняются примерно до 1.2 млн л.н. (Beyene et al., 2013).

Таким образом, можно заключить, что в северокавказских материалах, также как и в целом евразийских (может быть, исключая Ближний Восток), ни технико-типологическое тождество, ни совпадение общих тенденций развития местной ашельской индустрии в сравнении с Восточной Африкой не наблюдаются. Это, разумеется, не означает отсутствия оснований для выделения ашельского технокомплекса и соответствующей ему единицы периодизационной схемы с обобщенными культурными и хронологическими характеристиками. Речь здесь идет только о специфике проявлений данного культурно-хронологического феномена в пространстве и времени. Понятно, что это имеет отношение не только к ашельской эпохе.

Подробное рассмотрение контекста каменного инвентаря рассматриваемых стоянок не входит в задачу данной работы. Материалы, о которых ведется речь, детально опубликованы (Деревянко и др., 2012). Уместным представляется только отметить здесь, что в памятниках второй хронологической группы рубила существуют в едином контексте с пиками и чопперами разных форм. Унаследованный из эпохи олдована типологический багаж в виде чопперов и пиков выглядит в раннеашельских памятниках Северо-Восточного Кавказа вполне органично. Это можно утверждать, основываясь на материалах стоянки Дарвагчай 1 с ее на редкость многочисленной коллекцией каменных изделий. Сосуществование бифаса, по крайней мере, с чоппером устанавливается и для коллекции синхронного с Дарвагчай 1 пункта Рубас 1 (слой 5).

Инвентарь рассматриваемых памятников содержит помимо крупных также и мелкие бифасиальные изделия со значительным индексом массивности (рис. 4). Указанные предметы имеют морфологию рубила, но не демонстрируют собой выработанные формы. Поэтому они не очень показательны с точки зрения проблемы эволюции формы рубил, хотя и весьма значимы для определения технокомплекса соответствующих памятников именно как ашельского.

Если судить по стоянке Дарвагчай 1 с самой многочисленной коллекцией изделий, то рубила второй культурно-хронологической группы органично сосуществуют с пиками и чопперами.

Контекстуальное единство бифаса и чоппера устанавливается, как уже отмечено, и для коллекции синхронного с Дарвагчай 1 пункта Рубас 1 (слой 5).

Группа 3 — среднеашельские рубила. В рассматриваемом регионе имеется всего два памятника — Чумус-иниц и Дюбекчай, которые можно по геоморфологическим основаниям отнести к среднеашельскому времени. В обоих имеется всего по одному рубилу. Но их формы настолько выразительны, что не могут не рассматриваться как типичные.

Местонахождение Чумус-иниц было открыто в конце 50-х годов XX в. В.Г. Котовичем. Оно расположено примерно в 1.5 км к востоку от стоянки Дарвагчай 1. Первоначально на местонахождении собрана коллекция каменных изделий численностью менее 100 предметов. Находки залегали на распахиваемой поверхности и были приурочены к делювию, как считал В.Г. Котович, третьей древнекаспийской (бакинской) террасы. Реальности больше соответствует связь находок с отложениями второй древнекаспийской террасы, уступ которой четко не выражен. Велика вероятность того, что здесь повторяется такая же ситуация, как в среднем течении р. Рубас (район Шор-дере, Сугют), где из-за геоморфологических особенностей не сразу становится возможным разграничить уровни второй и третьей древнекаспийских террас (Голубятников, 1937).

На стоянке Чумус-иниц требуется провести специальные геолого-геоморфологические и археологические исследования. Пока же можно утверждать, что, судя по геоморфологической ситуации, обнаруживаемые здесь археологические находки связаны со слоями, разделяющими бакинские отложения от нижнехазарских. В любом случае они древнее времени формирования хвалынской террасы и бесспорно моложе диагностичных слоев стоянки Дарвагчай, относящихся ко времени бакинской трансгрессии. Эти данные представляются достаточными для того, чтобы очертить приблизительные хронологические рамки описываемой группы изделий в предлагаемой в данной работе культурно-хронологической последовательности.

На основе типологического анализа В.Г. Котович разделял материалы местонахождения Чумус-иниц на две группы: ашельскую и мустьерскую (Котович, 1964). Сейчас это разделение кажется несколько произвольным. Для обоснованных суждений необходимы специальные работы. Новый осмотр памятника участниками совместной экспедиции Института археологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН в 2005 г. показал, что он обладает большим потенциалом. Во время этого посещения с поверхности пахоты была со-

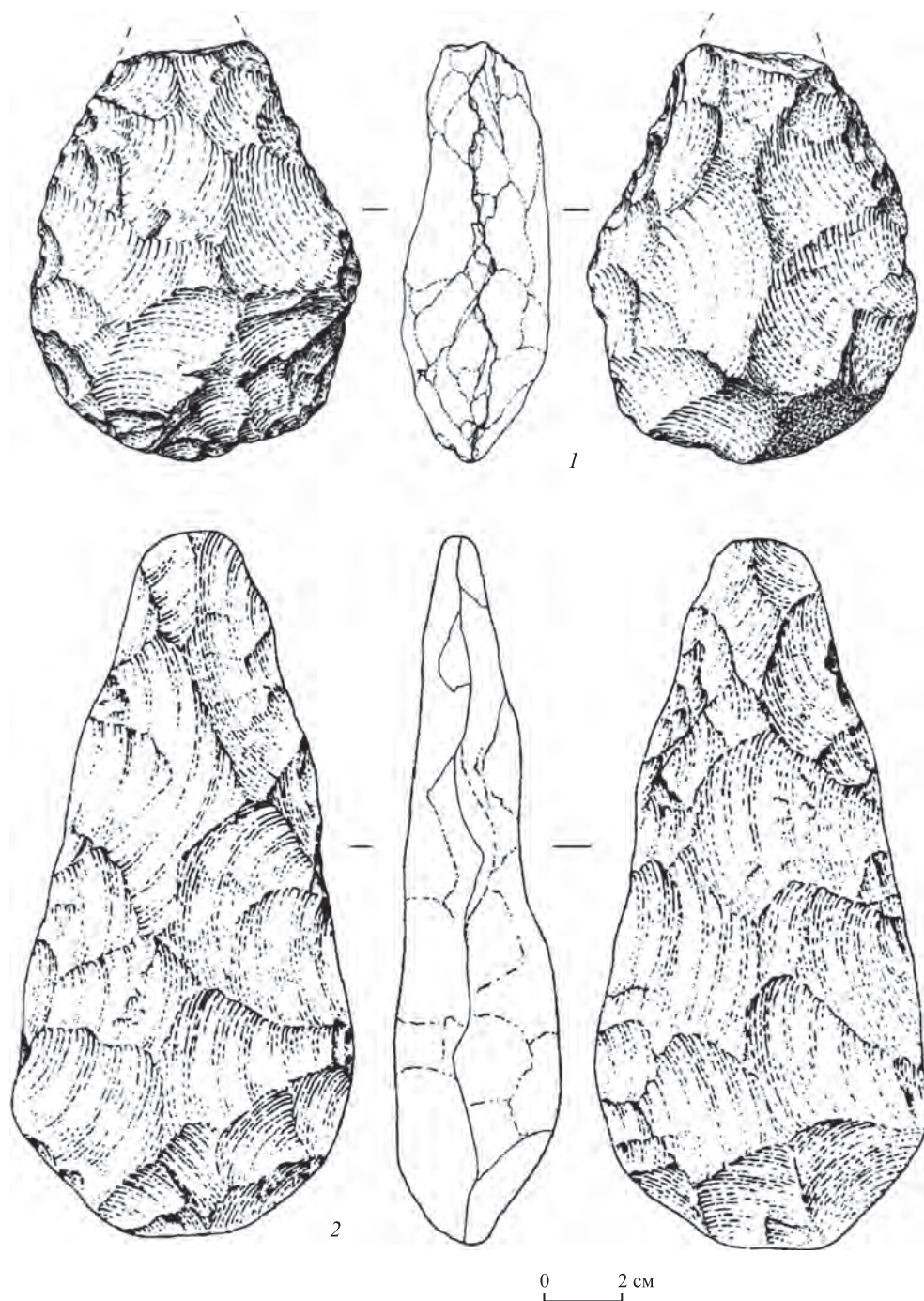

Рис. 6. Рубила 4-й хронологической группы. 1 — Дарвагчай-карьер; 2 — Дарвагчай-залив 4, сл. 3 (по: Деревянко, 2014).

брана группа изделий, состав которой не оставляет сомнений в том, что данный пункт представляет собой остатки ашельской стоянки. По обнаруженным предметам можно говорить, что контекст инвентаря памятника включает в себя рубило довольно архаичной формы и чопперы.

Рубило из пункта Чумус-иниц (рис. 5, 2) относится к хорошо известному в среднем ашеле Южного Средиземноморья и Леванта (Коробков, 1978)

типу, определяемому, как фикрон. Такие предметы имеют утолщенный на две трети длины от основания корпус, массивное основание, зауженный, вытянутый и утонченный специальными продольными снятиями или дополнительной тонкой бифасиальной оббивкой конец. Хорошо известна большая серия таких изделий из коллекции каменных находок со стоянки Латамна на севере Сирии (Clark, 1969).

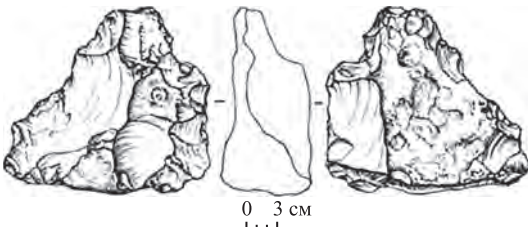
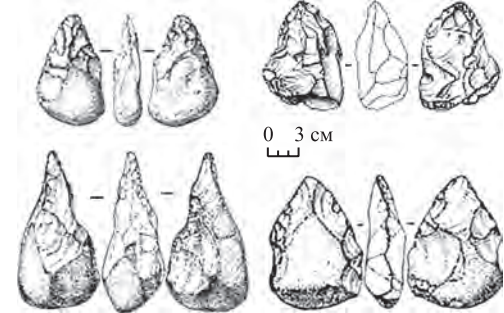
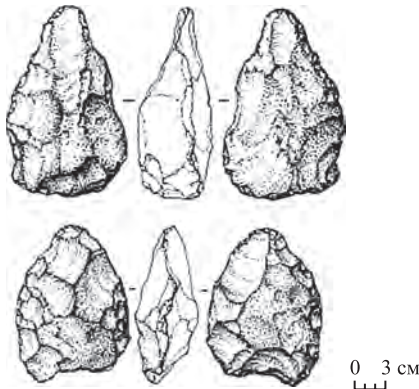
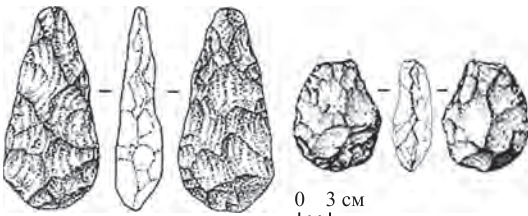
№	Типы рубил	Археологический период	Стратиграфический горизонт	Хронология
1		Прото-ашель	Верхне-апшеронский	1–0,8 млн л.н.
2		Ранний ашель	Бакинский	0,8–0,45 млн л.н.
4		Средний ашель	Сингльский	0,45–0,3 млн л.н.
5		Поздний ашель	Хазарский	0,3–0,1 млн л.н.

Рис. 7. Морфология рубил ашельских памятников Дагестана (с включением протоашеля) в геохронологическом рассмотрении.

Второе рубило (рис. 5, 1) описываемой группы происходит из местонахождения Дюбекчай (Деревянко и др., 2005). Оно относится к типу миндалевидных. Изделие обнаруживает удивительное сходство и по форме, и по характеру оббивки, и по размерам с опубликованным С.Н. Замятниным рубилом раннего («шелльского») облика из русла р. Псекупс на Северо-Западном Кавказе (Замятнин, 1961). Орудие оформлено на массивном

желваке кремневого известняка. Зигзагообразные края получены крупными сколами. Мелкая подправка отсутствует. Конеч изделия не акцентирован. Основание заострено в профиле. Сечение двояковыпуклое симметричное. Максимальное утолщение приходится близко к середине длины предмета.

На основании высказанных выше представлений изделия рассматриваемой группы могут быть

отнесены к сингильскому стратиграфическому горизонту, разделяющему бакинскую и хазарскую трансгрессии. В абсолютном исчислении это (округленно) — 0.45–0.3 млн л.н. Рубила, относящиеся к данной группе, и с типологической точки зрения (рубил типа фикрон, рубил миндалевидное), и по характеру отделки существенно отличаются от аналогичных изделий как предшествующего, так и последующего этапов.

Группа 4 — позднеашельские рубила. В хронологическом отношении относятся ко времени хазарской трансгрессии (около 0.3–0.1 млн л.н.). Представлены уплощенными вариантами копьевидной и овальной форм с лезвийным основанием и сплошной оббивкой, которая дополняется тонкой подправкой. Показательна копьевидная форма (рис. 6, 2) в том ее варианте, который, судя и по кавказским материалам (Любин, Беляева, 2004), соответствует верхнеашельской морфологии и технике отделки. Выраженная удлиненность формы, относительно узкое основание, прямолинейность краев (нет извилистости, выпуклости или вогнутости), симметричность в плане и в профиле, наличие тонкой подправки — сочетание всех этих признаков характерно именно для позднеашельских изделий описываемого типа, хотя копьевидные формы рубил встречаются и на более ранних стадиях ашеля. Правомерность отнесения данного предмета к позднему ашелю доказывает обнаружение рубила в верхнем из двух указанных выше уровней залегания речного аллювия над отложениями бакинского горизонта в нижнем течении р. Дарвагчай.

Обобщение рассмотренных данных позволяет обозначить четыре культурно-хронологические группы, которые характеризуют эволюцию формы рубил в ашеле Северо-Восточного Кавказа (рис. 7).

Появление рубила как ведущей формы ашельской индустрии на Северо-Восточном Кавказе отмечается примерно на рубеже 0.8 млн л.н. Это соответствует современным представлениям об относительно более раннем, чем в Европе, возникновении ашельского технокомплекса в Азии (Barsky, 2009).

Рассмотрение имеющихся материалов позволяет определить временной отрезок, в рамках которого (~ 1–0.8 млн л.н.) на Северо-Восточном Кавказе зарождается бифасиальная технология. Его технологическое и типологическое содержание составляет постепенная замена индустрии *Mode 1* на *Mode 2*. К этой фазе эволюции каменного инвентаря применимо понятие “протоашель”. Материалы, отнесенные к данному культурно-хронологическому этапу раннего палеолита, появились

только в последнее десятилетие, и не исключено, что с расширением знаний приводимые обобщения в будущем претерпят изменения.

Относительно типологических особенностей двух последних из выделяемых культурно-хронологических групп рубил, можно отметить, что они обнаруживают полное соответствие общекавказским характеристикам данных разновидностей орудий. В целом же эволюция рубил на рассматриваемой территории повторяет общие для Европы и Азии тенденции, проявляющиеся в соответствующих подразделениях (стадиях) ашельской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: Таус, 2007. 52 с.
- Амирханов Х.А., Деревянко А.П. Разведки памятников каменного века в Дагестане // Древности Кавказа и Ближнего Востока: сб. ст., посвящ. 70-летию со дня рожд. проф. М.Г. Гаджиева / Ред. и сост. М.М. Маммаев. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 18–32.
- Голубятников В. Морские и речные террасы Дагестана // Тр. Советской секции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3. М., 1937. С. 30–51.
- Деревянко А.П. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 372 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XI, ч. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 49–53.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. X, ч. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 65–69.
- Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Рудая Н.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас 1 (по материалам работ 2008 года) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XIV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 42–47.
- Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Результаты разведочных работ 2006 года в среднем течении реки Рубас (Республика Даге-

- стан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XII, ч. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 83–86.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н. Раннепалеолитическая стоянка Дарвагчай 1: геохронология и культура // Древнейшие миграции человека в Евразии: матер. междунар. симп. (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 89–100.
- Доронищев В.Б. Ранний палеолит Кавказа: между Европой и Азией // Невский археолого-исторический сб.: к 75-летию к.и.н. А.А. Формозова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 234–261.
- Доронищев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А., Гаррут Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хофеккер Д.Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Замятин С.Н. Находка орудий шелльского времени близ станицы Саратовской на реке Псекупс // Замятин С.Н. Очерки по палеолиту. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 63–66.
- Зенин В.Н., Аношкин А.А. Микролитические индустрии раннего палеолита Дагестана: проблемы идентификации и анализа каменного инвентаря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XIV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 67–70.
- Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С., Кулик Н.А. Новый ашельский комплекс в долине реки Дарвагчай (Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годичной сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 99–104.
- Коробков И.И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978 (Палеолит мира: исследования по археологии древнего каменного века). С. 8–185.
- Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 226 с.
- Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 159 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Кавказ в ранней преистории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 69–90.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. 35). С. 107–126.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo Erectus* в пещере Кударо 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Саблин М.Н. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе нунусского палеозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. К 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 36–59.
- Рыбалко А.Г., Кандыба Ф.В., Аношкин А.А. Исследования местонахождения Дарвагчай-залив 1 в Республике Дагестан (геохронологический аспект) // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2014. № 4–1 (84). С. 182–187.
- Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010 (Труды ИИМК РАН; Т. 35). С. 11–46.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: матер. междунар. симп. (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 188–206.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А., Бозински Г., Киндлер Р. Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-исторический сб.: к 75-летию к.и.н. А.А. Формозова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 223–233.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The lithic assemblages of Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan valley (with a contribution by I. Gilead). Jerusalem: Institute of archaeology the Hebrew univ. of Jerusalem, 1993. 209 p.
- Barsky D. An Overview of Some African and Eurasian Oldowan Sites: Evaluation of Hominin Cognition Levels, Technological Advancement and Adaptive Skills // Interdisciplinary Approaches to the Oldowan / Eds. E. Hovers, D.R. Braun. Dordrecht: Springer, 2009. P. 39–47.
- Beyene Y., Katoh Sh., WoldeGabriel G., Hart W.K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B. The characteristics and chronology of the earliest Asheulean at Konso, Ethiopia // Proceed. of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. V. 110, no. 5. P. 1584–1591.
- Bosinski G. Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris: Edition Errance, 1996. 176 p.
- Galotti R. The East African origin of the Western European Asheulean technology: Fact or paradigm? [Electronic resource] // Quaternary International. XXX (2015). P. 1–16. (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618215011106>).
- Clark J.D. The Middle Asheulian occupation site al-Latamne, Northern Syria (second paper) // Quaternaria: Storia naturale e culturale del quaternario. V. 10. Roma, 1968. P. 1–70.

- Leakey M. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. 222 p.
- Lepre C.J., Roshe H., Kent D.V., Harmand S., Quinn R.L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C.S. An earlier origin for the Acheulean // *Nature*. 2011. V. 477, 1. P. 82–85.
- Lumley H. de. Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers résultats // *Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco*. 1966. No 13. P. 29–51.
- Nomade S., Voinchet P., Piperno M. The earliest securely dated hominin fossil in Italy and evidence of Acheulian occupation during glacial MIS 16 at Notarchirico (Venosa, Basilicata, Italy) [Electronic resource] // *J. of Quaternary Science*. V. 30, Issue 7. P. 639–650. (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jqs.2809/>).
- Raynal J.P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives regionales // *Bulletin d'Archéologie Marocaine*. T. XXI. Casablanca, 2009. P. 9–53.

ACHEULIAN HANDAXES FROM NORTHEAST CAUCASUS

Hizri A. Amirkhanov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (amirkhanov@rambler.ru)

The paper deals with the temporal evolution of forms of Acheulian bifaces, predominantly handaxes, from the Northeast Caucasus. Four cultural-chronological groups corresponding to certain subdivisions, i.e. Upper Eopleistocene, Baku, Singil, and Khazar, of the local stratigraphic Pleistocene pattern are distinguished. It appears that the evolution of handaxes follows the tendencies common to both Europe and Asia but differing noticeably from those of Africa.

Key words: Northeast Caucasus, Acheulian, handaxes, cultural-chronological groups.

REFERENCES

- Amirkhanov Kh.A., 2007. Issledovanie pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze [A Study of Oldowan Sites in the Northeast Caucasus]. Moscow: Taus. 52 p.
- Amirkhanov Kh.A., Derevyanko A.P., 2005. Razvedki pamyatnikov kamennogo veka v Dagestane [Ground survey of Stone Age sites in Dagestan]. *Drevnosti Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik statey, posvyashchenny 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora M.G. Gadzhieva* [Antiquities of The Caucasus and the Near East: A Collection of Papers Dedicated to the 70th Anniv. of Prof. M.G. Gadzhiev]. M.M. Mammaev, ed. Makhachkala: Epokha, pp. 18–32.
- Barsky D., 2009. An Overview of Some African and Eurasian Oldowan Sites: Evaluation of Hominin Cognition Levels, Technological Advancement and Adaptive Skills. *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan*. E. Hovers, D.R. Braun. Dordrecht: Springer, pp. 39–47.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan valley (with a contribution by I. Gilead). Jerusalem: Institute of archaeology the Hebrew Univ. of Jerusalem. 209 p.
- Beyene Y., Katoh Sh., WoldeGabriel G., Hart W.K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B., 2013. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia. *Proceed. of the National Academy of Sciences of the USA*, vol. 110, no. 5, pp. 1584–1591.
- Bosinski G., 1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris: Edition Errance. 176 p.
- Clark J.D., 1968. The Middle Acheulian occupation site al-Latamne, Northern Syria (second paper). *Quaternaria: Storia naturale e culturale del quaternario*, 10. Roma, pp. 1–70.
- Derevyanko A.P., 2014. Bifasial'naya industriya v Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii [Biface industry in East and Southeast Asia]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 372 p.
- Derevyanko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoykin A.A., 2005. Pervye nakhodki ashel'skikh rubil v Dagestane [First finds of Acheulian handaxes in Dagestan]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN* [The issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS], vol. XI, part 1. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 49–53.
- Derevyanko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoykin A.A., Rybalko A.G., 2012. Problemy paleolita Dagestana [The Issues of the Palaeolithic of Dagestan]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 292 p.
- Derevyanko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoykin A.A., Rybin E.P., 2004. Razvedka ob"ektov kamennogo veka v Respublike Dagestan v 2004 g. [Ground survey of Stone Age sites in the Republic of Dagestan in 2004]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN* [The is-

- sues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS*], vol. X, part 1. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 65–69.
- Derevyanko A.P., Anoykin A.A., Borisov M.A., Rudaya N.A., 2008. Rannepaleoliticheskiy kompleks mestonakhozhdeniya Rubas 1 (po materialam rabot 2008 goda) [The Early Palaeolithic complex of the Rubas 1 site (from the materials of 2008 fieldwork)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN* [The issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS], XIV. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 42–47.
- Derevyanko A.P., Anoykin A.A., Slavinskiy V.S., Borisov M.A., 2006. Rezul'taty razvedochnykh rabot 2006 goda v srednem techenii reki Rubas (Respublika Dagestan) [The results of ground survey in the middle reaches of the Rubas river (the Republic of Dagestan) in 2006]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN* [The issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS], vol. XII, part 1. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 83–86.
- Derevyanko A.P., Zenin V.N., 2009. Rannepaleoliticheskaya stoyanka Darvagchay 1: geokhronologiya i kul'tura [The Early Palaeolithic encampment of Dargwachai 1: Geochronology and culture]. *Drevneyshie migratsii cheloveka v Evrazii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [The Earliest Human Migrations in Eurasia: Proceed. of an Intern. Symp.]. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 89–100.
- Doronichev V.B., 2004. Ranniy paleolit Kavkaza: mezhdru Evropoy i Aziiy [The Early Palaeolithic of the Caucasus: Between Europe and Asia]. *Nevskiy arkheologo-istoricheskiy sbornik: k 75-letiyu k.i.n. A.A. Formozova* [The Neva Archaeological-historical Collection of Papers: To the 75th Anniv. of Dr. A.A. Formozov]. St. Petersburg: SPb.gos.univ., pp. 234–261.
- Doronichev V.B., Golovanova L.V., Baryshnikov G.F., Blekvell B.A., Garrut N.V., Levkovskaya G.M., Molod'kov A.N., Nesmeyanov S.A., Pospelova G.A., Khofekker D.F., 2007. Treugol'naya peshchera. Ranniy paleolit Kavkaza i Vostochnoy Evropy [The Treugol'naya [Triangular] Cave. The Early Palaeolithic of the Caucasus and Eastern Europe]. St. Petersburg: Ostrovityanin. 270 p.
- Galotti R., 2015. The East African origin of the Western European Asheulean technology: Fact or paradigm? [Electronic resource]. *Quaternary International*, XXX, pp. 1–16. (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618215011106>).
- Golubyatnikov V., 1937. Morskie i rechnye terrasy Dagestana [Sea and river terraces of Dagestan]. *Trudy Sovetskoy sekti Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Transactions of the Soviet Section of the International Association for the Study of the Quaternary Period], 3. Moscow, pp. 30–51.
- Korobkov I.I., 1978. Paleolit Vostochnogo Sredizemnomor'ya [The Palaeolithic of the eastern Mediterranean]. *Paleolit Blizhnego i Srednego Vostoka* [The Palaeolithic of the Near and Middle East]. Leningrad: Nauka, pp. 8–185. (Paleolit mira: issledovaniya po arkheologii drevnego kamennogo veka).
- Kotovich V.G., 1964. Kamennyy vek Dagestana [The Stone Age of Dagestan]. Makhachkala. 226 p.
- Leakey M., 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 222 p.
- Lepre C.J., Roshe H., Kent D.V., Harmand S., Quinn R.L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C.S., 2011. An earlier origin for the Asheulean. *Nature*, 477, 1, pp. 82–85.
- Lumley H. de., 1966. Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers résultats. *Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco*, 13, pp. 29–51.
- Lyubin V.P., 1998. Ashel'skaya epokha na Kavkaze [The Acheulian epoch in the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostoovedenie. 159 p.
- Lyubin V.P., Belyaeva E.V., 2004. Stoyanka *Homo Erectus* v peshchere Kudaro 1 [An Encampment of *Homo Erectus* in the Kudaro 1 Cave]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostoovedenie. 272 p.
- Lyubin V.P., Belyaeva E.V., 2006. Kavkaz v ranney preistorii Evrazii [The Caucasus in the early prehistory of Eurasia]. *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural Interaction in Eurasia], 1. Moscow: Nauka, pp. 69–90.
- Lyubin V.P., Belyaeva E.V., 2010. Novye dannye o rannem paleolite Armenii [The new data on the Early Palaeolithic of Armenia]. *Drevneyshie obitateli Kavkaza i rasselenie predkov cheloveka v Evrazii* [The Earliest Inhabitants of the Caucasus and the Spread of the Ancestors of Man over Eurasia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostoovedenie, pp. 107–126. (Trudy IIMK RAN, 35).
- Lyubin V.P., Belyaeva E.V., Sablin M.N., 2010. Otkrytie rannepaleoliticheskoy stoyanki v rayone nurnusskogo paleoozera (Tsentral'naya Armeniya) [The discovery of an Early Palaeolithic encampment in the area of the Nurnus Palaeolake (Central Armenia)]. *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: K 60-letiyu chl.-korr. RAN, prof. Kh.A. Amirkhanova* [Studies on Prehistoric Archaeology of Eurasia: To the 60th Anniv. of the Corresp. Member of the RAS, Prof. H.A. Amirkhanov]. Makhachkala: Nauka DNTs, pp. 36–59.
- Nomade S., Voinchet P., Piperno M. The earliest securely dated hominin fossil in Italy and evidence of Acheulian occupation during glacial MIS 16 at Notarchirico (Venosa, Basilicata, Italy) [Electronic resource]. *J. of Quaternary Science*, vol. 30, iss. 7, pp. 639–650. (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jqs.2809/>).
- Raynal J.P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D., 2009. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et per-

- spectives régionales. *Bulletin d'Archéologie Marocaine*, XXI. Casablanca, pp. 9–53.
- Rybalko A.G., Kandyba F.V., Anoykin A.A., 2014. Issledovaniya mestonakhozhdeniya Darvagchay-zaliv 1 v Respublike Dagestan (geokhronologicheskiy aspekt) [Investigations of the Dargwachay-zaliv site in the Republic of Dagestan (Geochronological aspect)]. *Izvestiya Altayskogo gos. univ. [Proceed. of Altai State Univ.]*, 4–1(84), pp. 182–187.
- Shchelinskiy V.E., Dodonov A.E., Baygusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V., 2010. Rannepaleoliticheskie pamyatniki Tamanskogo poluostrova (Yuzhnoe Priazov'e) [Early Palaeolithic sites of the Taman Peninsula (The southern Azov Sea area)]. *Drevneyshie obitateli Kavkaza i rasselenie predkov cheloveka v Evrazii [The Earliest Inhabitants of the Caucasus and the Spread of the Ancestors of Man over Eurasia]*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp.11–46. (Trudy IIMK RAN, 35).
- Shchelinskiy V.E., Kulakov S.A., 2009. Kamennye industrii eopleystotsenovykh rannepaleoliticheskikh stoyanok Bogatyri (Sinyaya Balka) i Rodniki na Tamanskom poluostrove (Yuzhnoe Priazov'e, Rossiya) [Stone industries of the Eopleistocene Early Palaeolithic encampments of Bogatyri (Sinyaya Balka) and Rodniki on the Taman Peninsula (The southern Azov Sea area, Russia)]. *Drevneyshie migratsii cheloveka v Evrazii: materialy mezhdunar. simp. [The Earliest Human Migrations in Eurasia: Proceed. of an Intern. Symp.]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 188–206.
- Shchelinskiy V.E., Kulakov S.A., Bozinski G., Kindler R., 2004. Otkrytie nizhnepaleoliticheskoy stoyanki na Tamanskom poluostrove [The discovery of a Lower Palaeolithic encampment in the Taman Peninsula]. *Nevskiy arkheologicheskii sbornik: k 75-letiyu k.i.n. A.A. Formozova [The Neva Archaeological-historical Collection of Papers: To the 75th Anniv. of Dr. A.A. Formozov]*. St. Petersburg: SPb. gos. univ., pp. 223–233.
- Zamyatnin S.N., 1961. Nakhodka orudiy shell'skogo vremeni bliz stanitsy Saratovskoy na reke Psekups [A find of tools of the Chelles time near the Cossack village of Saratovskaya on the Psekups river]. *Zamyatnin S.N. Ocherki po paleolitu [Essays on the Palaeolithic]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 63–66.
- Zenin V.N., Anoykin A.A., 2008. Mikroliticheskie industrii rannego paleolita Dagestana: problemy identifikatsii i analiza kamennogo inventarya [Microlithic industries of the Early Palaeolithic of Daghestan: The issues of identification and analysis of stone tools]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN [The issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS]*, XIV. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 67–70.
- Zenin V.N., Rybalko A.G., Koltashov M.S., Kulik N.A., 2010. Novyy ashel'skiy kompleks v doline reki Darvagchay (Dagestan) [A new Acheulian complex in the valley of the Dargwachai river (Daghestan)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy godichnoy sessii IAET SO RAN [The issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceed. of the Annual Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS]*, XVI. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 99–104.

СЕЗОННОСТЬ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

© 2017 г. Е.И. Гак*, А.В. Борисов**

* Государственный Исторический музей, Москва (e.i.gak@mail.ru)

** Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

В статье обосновывается модель сезонного обитания и хозяйствования носителей среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы (XXVII–XXII вв. до н.э.). С учетом факторов экономического уклада (пастушество с доминированием в стаде крупного рогатого скота), природно-географической среды (лесостепная зона) и мирного сосуществования объясняется размещение поселений данной культуры в резко различных ландшафтно-топографических условиях. Приводимые в работе материалы археологических и естественнонаучных исследований иллюстрируют использование катакомбным населением лесостепи пойм и низких террас под зимние стоянки, а высоких останцов, мысов и боровых террас под летние стоянки.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, среднедонская катакомбная культура, лесостепь, пастушество, сезон, поселение, ландшафт.

Общепризнано, что основным занятием населения катакомбной общности эпохи средней бронзы было скотоводство. При этом все больше данных прямо или косвенно свидетельствуют о подвижном образе жизни катакомбных племен и, соответственно, высокой степени мобильности их экономического уклада независимо от локальных экологических условий. В качестве наиболее вероятной формы скотоводства для катакомбных и ряда других восточноевропейских культур бронзового века рассматривается пастушество (Антипина, 2004; Антипина, Моралес, 2005). В изучении этой отрасли древнего хозяйства наибольшим информативным потенциалом, безусловно, обладают поселенческие памятники. Их целенаправленные исследования пока не приобрели масштабов, сопоставимых с исследованиями курганных погребений, что отнюдь не исключает моделирования процессов расселения и системы хозяйствования носителей катакомбных культур с учетом особенностей природной среды.

Ареал катакомбной общности захватывал две природно-климатические зоны: степную, освоенную катакомбным населением от Волги до Прута, и лесостепную, занятую им в пределах Доно-Волжской гидрографической сети. В степной зоне поселения встречаются неравномерно, причем на

большей ее части следы их до сих пор не обнаружены (Гак и др., 2014. С. 19. Рис. 1). В зависимости от этого варьируют подходы к изучению хозяйственной деятельности катакомбных племен. Там, где поселений нет или известно очень мало, исследователи в основном оперируют погребальными источниками.

Наиболее подробно сезонный экономический цикл катакомбного населения степной зоны обсуждается в работах Н.И. Шишлиной, которая реконструирует на территории Северо-Западного Прикаспия последовательное развитие скотоводческого хозяйства, основанного на отгонном овцеводстве, и сложение нового хозяйственно-культурного типа – кочевого пастушества. Предполагается, что на раннекатакомбном этапе практиковались дальние меридиональные перекочевки с зимниками на юге. Впоследствии носители восточноманычской катакомбной культуры освоили все экологические ниши региона, максимально используя все его природные ресурсы. В своих выводах Н.И. Шишлина опирается на результаты междисциплинарного изучения погребальных памятников и этнографические параллели (Шишлина, 2000; Шишлина, 2007. С. 323–342). Уязвимость этих построений связана с отсутствием достоверных следов катакомбных стоянок в регионе, хотя

стоянки более поздних периодов здесь уже открыты (Шишлина и др., 2008; Shishlina et al., 2008). Проведенный недавно комплексный анализ природного контекста и результаты исследования почв одного такого памятника (Большая Элиста) позволяют в целом иначе взглянуть на стратегию поиска и топографию древних поселений в сухостепной зоне (Борисов и др., 2014. С. 89–90). Предполагается, что эти поселения функционировали очень короткое время, которое в зависимости от состояния кормовой базы могло составлять от нескольких дней до нескольких недель. В следующем сезонном пастбищном цикле население, не занятое выпасом, останавливалось на тех же местах, поскольку количество благоприятных участков для стоянки в открытой степи весьма ограничено. Прогнозируется, что остатки таких стоянок залегают у подножия склонов, где происходит естественное перекрывание культурных отложений делювиальными наносами (Шишлина и др., 2015).

Схематичные модели скотоводства эпохи средней бронзы представлены в исследованиях по Северскому Донцу и Нижнему Побужью (Никитин, 1989; 1991; Санжаров, 2004; 2010). Поселенческие материалы используются в этих моделях как основные при традиционном подходе к анализу и интерпретации археологических источников с привлечением отдельных этнографических данных. С.Н. Санжаров определяет скотоводство катакомбных племен Подонцовья как полукочевое, носившее сезонный характер с длительным отгоном стад на летние и зимние пастбища. Перемещение коллективов, по его мнению, могло происходить с частыми остановками для выпасов. Широкие поймы левобережья Северского Донца автор рассматривает исключительно как места регулярных зимовок и зимних пастбищ с вольным выпасом скота, отмечая, что “на протяжении всей первой надпойменной террасы, на расстоянии от 3 до 10 км, на наиболее удобных для проживания мысообразных выступах фиксируются локальные катакомбные поселения с культурным слоем различной мощности. Вдоль русел притоков катакомбные бытовые памятники занимают не только края террас, но и разнообразные всхолмления в поймах... Перед весенними разливами древние коллективы уходили с зимовок и передвигались со стадами по летним пастбищам вдоль крупных притоков, осенью же возвращались на зимовки в пойменную донецкую зону с ее неисчерпаемыми естественными запасами растительности” (Санжаров, 2010. С. 361, 362). Иную организацию быта и скотоводческого хозяйства предполагает В.И. Никитин у носителей ингульской катакомбной культуры. Среди поселений этой культуры в Нижнем

Побужье он выделяет два типа: долговременные (оседлые) со стационарными постройками и стойбища (летовки), под которыми понимается “месторасположение лагеря с весенне-летне-осенним содержанием скота и с переносными временными жилищами”. В топографии памятников того и другого типа исследователь не усматривает ни особенностей, ни какой-либо закономерности (Никитин, 1991. С. 36, 37).

Поселения были и остаются важнейшими источниками по изучению среднедонской катакомбной культуры (далее – СКК). К настоящему времени открыто около 300 поселений СКК, включая те, что находятся на севере современной степной зоны, где ландшафты больше соответствовали лесостепным вплоть до резкой аридизации климата в последней четверти III тыс. до н. э. (Спиридонова, 1993. С. 202, 203. Рис. 37, 40; Кременецкий, 1991. С. 146–148; Борисов и др., 2011. С. 150, 151; и др.). Северная граница СКК теряется в верховьях рек Дон и Воронеж (Ивашов, 2001. Рис. 1; Ивашов, Смольянинов, 2012. С. 70). В этом районе доля лесных пород всегда была существенной (Спиридонова, Екимов, 1993. С. 73, 74), хотя в поймах и на междуречьях господствовала луговая растительность (Гоняный и др., 2007. С. 42). Таким образом, на протяжении раннего и развитого этапов, совокупно укладываемых по калиброванным радиоуглеродным данным и признакам синхронизации с инокультурным окружением в рамки XXVII–XXIII вв. до н. э. (Мимоход, 2009. С. 36–38; Санжаров, 2010. Табл. 3; Гей, 2011. С. 7; Гак, 2013. С. 158. Табл. 4), лесостепной ландшафт был основной экологической нишей СКК. Лишь для позднего этапа (XXIII–XXII вв. до н. э.) можно предполагать близкую к степной ландшафтно-климатическую обстановку. Характерно, что поселений этого времени в первичном ареале СКК практически не известно¹.

Большинство бытовых памятников СКК располагается по Дону и его верхним притокам (Пряхин, 1982; Ивашов, 2002; Ивашов, Смольянинов, 2012; и др.). На развитом этапе культуры ее поселения появляются в бассейне Северского Донца (Берестнев, 2001; Санжаров, 2010) и на правобережье Волги (Малов, Сергеева, 2010) (рис. 1). В геоморфологическом плане выделяются две сопоставимые по количеству группы поселений: одна характеризуется расположением на подчиненных, закрытых элементах рельефа (поймы, низкие террасы высотой 1–5, реже – 6–8 м над уровнем реки) (рис. 2),

¹ В хронологическом членении СКК мы придерживаемся трех-этапной периодизации А.Д. Пряхина, Ю.П. Матвеева и В.И. Беседина (Пряхин и др., 1991).

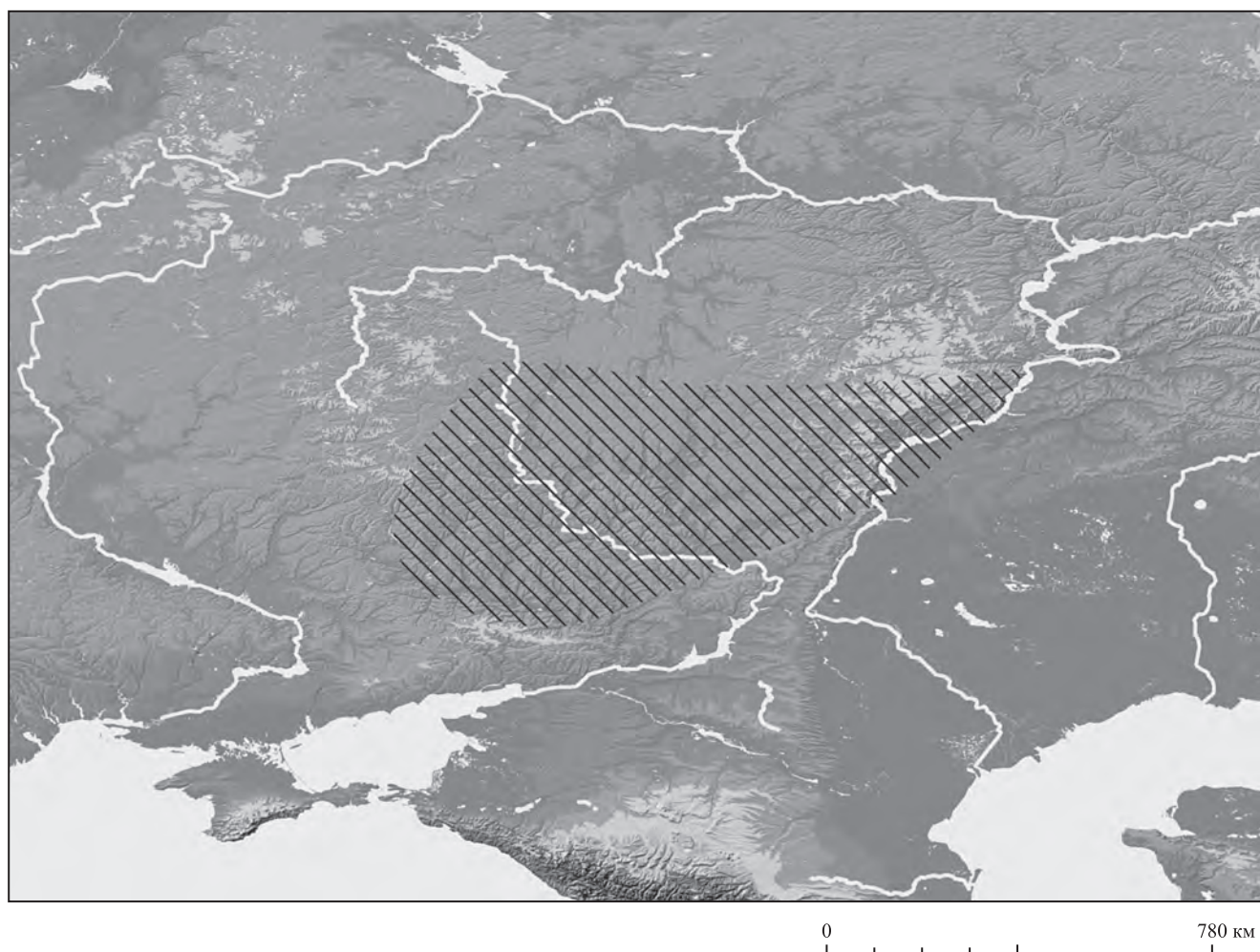

Рис. 1. Ареал среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы.

другая — в автоморфных условиях (останцы, мысы, боровые террасы высотой 30–90 м над уровнем реки) (рис. 3). Столь выраженная крайность в размещении поселков давно подмечена исследователями. А.Д. Пряхин объяснял ее поступательной экспансией катакомбного населения, освоившего сначала низкие, затем высокие участки лесостепного рельефа (Пряхин, 1982. С. 125). Заселение последних, по мнению М.В. Ивашова, могло быть вызвано подъемом уровня рек, переходом к придомному скотоводству, возрастанием роли охоты, рыболовства и земледелия (Ивашов, 2002. С. 45–49). Эти объяснения не выдерживают критики. Усиление засушливости климата, которое фиксируется исследователями для второй половины III тыс. до н.э., не могло способствовать насыщению водотоков и развитию оседлых форм хозяйства. Если же обратиться к археологическому материалу, то окажется, что среди высоко расположенных памятников немало ранних, а среди низко рас-

положенных — относительно поздних. Нередким в рамках одного памятника является и присутствие разновременной катакомбной керамики. Кроме того, этнографические исследования свидетельствуют, что в традиционных подвижно-скотоводческих сообществах с известным консерватизмом действуют универсальные принципы выбора условий для стоянки, одинаково учитывающие способ ведения базовой отрасли хозяйства и требования, предъявляемые к месту коллективного проживания (Цэрэнханд, 1993. С. 28–30; Басаева, 1993. С. 55–59; Бутанаев, 1996. С. 47; 48; Масанов, 1995. С. 88–114; 2000. С. 121; и др.).

Главным условием возникновения скотоводческого поселка являлась близость постоянно-го источника воды. В лесостепной зоне к таким источникам, прежде всего, относятся полноводные реки с разветвленной системой притоков, оврагов, балок, старичных озер, переувлажненных низин. Поселения СКК находятся на берегах как

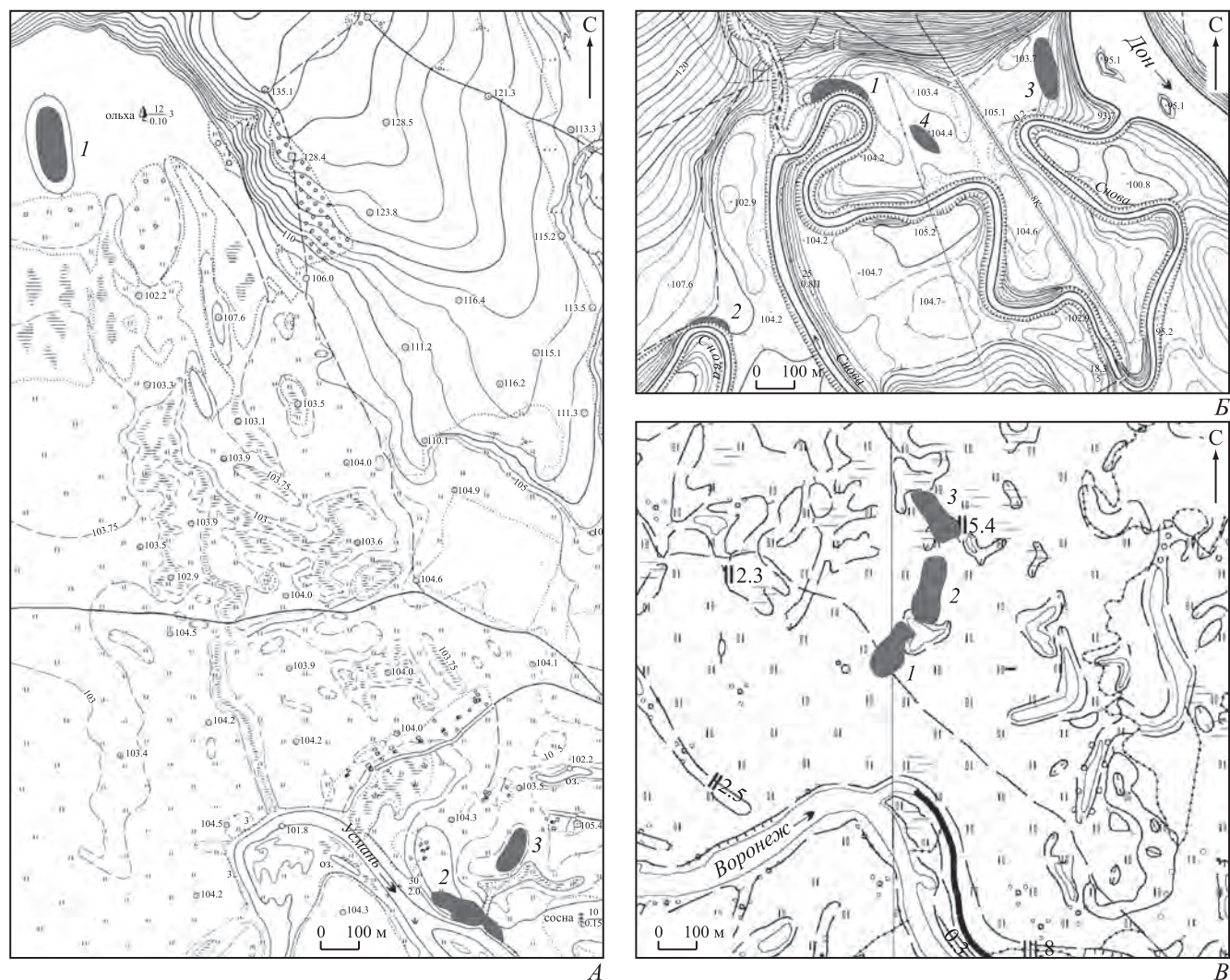

Рис. 2. Поселения в поймах и на низких террасах. Топографические ситуации: *А* — группа поселений в среднем течении р. Усмань (1 — Рыкань-2, 2 — Рыкань-3, 3 — Рыкань-4); *Б* — группа поселений в низовьях р. Снова (1 — Ксизово-1, 2 — Ксизово-2, 3 — Ксизово-6, 4 — Ксизово-7); *В* — группа поселений в верховьях р. Воронеж (1 — Буховое 8, 2 — Буховое 9, 3 — Буховое 10).

крупных, так и мелких водоемов, но, как правило, недалеко от большой реки. Плотнее всего они располагаются в бассейне р. Воронеж, для которой характерна устойчивая асимметричность берегов: правый — высокий коренной, левый — низкий с хорошо разработанной поймой (Ивашов, 2002. С. 45–47). Наиболее удобными для заселения традиционно считаются склоны закрытых от ветров речных долин и балок с расчлененным рельефом, способным обеспечивать отвод осадков. В эту схему хорошо вписывается первая группа поселений СКК, размещающихся в поймах и на невысоких речных террасах. Часто такие поселения располагаются у подножия высокой террасы, которая гасит в низине мощные порывы ветра (Рыкань-2,

Балахнинское-1, Чижовское-4, Ксизово-1, Нижние Сады-1 и др.).

Если смысл размещения в ландшафте поселений первой группы очевиден, то чем могло быть мотивировано их устройство на высоких мысах и останцах, абсолютно незащищенных от ветров и значительно удаленных от воды? Характерно, что в раннем железном веке и средневековье многие из этих площадок были обнесены валами и функционировали как городища (Пряхин, 1982. С. 90; Малов, Филипченко, 1995. С. 52). В катакомбное время задача защиты поселений от внешней агрессии явно не стояла: следы фортификации для них не выявлены, а материальные остатки по своему характеру, на первый взгляд, не отличаются от низовых стоянок. Какие же тогда причины заставляли

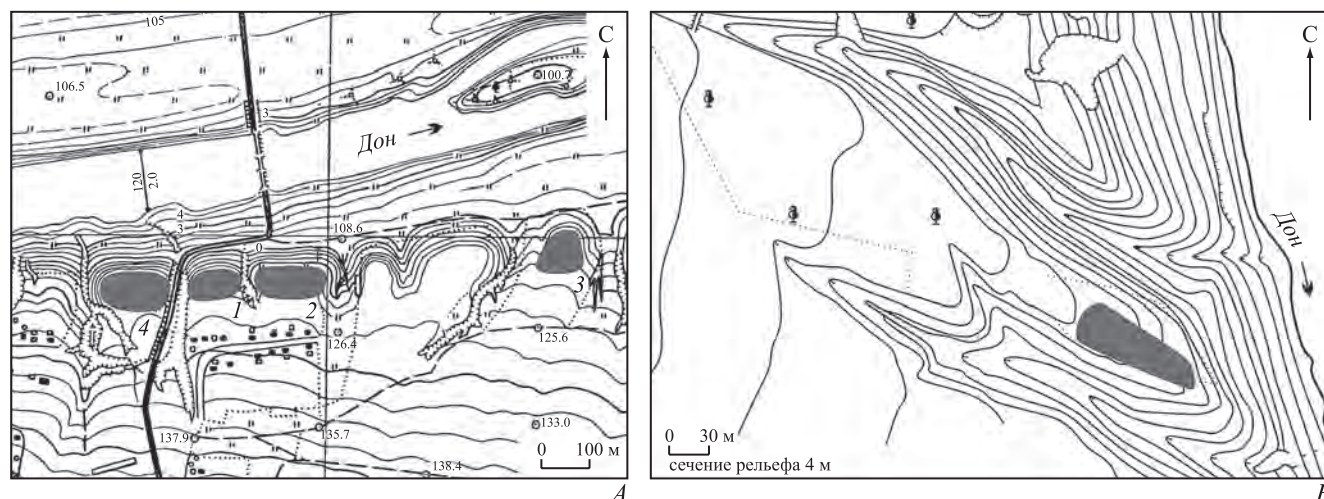

Рис. 3. Поселения на высоких берегах р. Дон. Топографические ситуации: А — группа поселений у с. Замятино (1 — Замятино 1, 2 — Замятино 2, 3 — Замятино 8, 4 — Замятино 10); Б — Семилукское городище.

скотоводов среднего бронзового века устраивать свои поселения на высоких площадках? На наш взгляд, объяснение здесь кроется в особенностях сезонно-экономической модели, сформировавшейся в среде носителей СКК лесостепи. Будучи базовой отраслью хозяйства, скотоводство определяло сам факт выживания людей. Общество было неразрывно связано со стадом и постоянно сопровождало его. Интересы и предпочтения общества и стада во многом совпадали, а, значит, другие стороны организации человеческого быта были ориентированы таким образом, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для содержания скота.

Как показывают данные изучения костных остатков из раскопок поселений, основой животноводства СКК являлось разведение крупного рогатого скота. Заметную долю в стаде имела лошадь. На эти два вида в совокупности приходится от половины до 80% идентифицированных костей домашних животных (Пряхин, 1982. Табл. 3; Санжаров, 2010. Табл. 1; Антипина, 2011. С. 229. Табл. 4). Учитывая известную прихотливость этих видов по сравнению с другими (овцой, козой, свиньей, собакой), можно полагать, что основные усилия скотоводов лесостепи были направлены на содержание именно крупного домашнего скота.

Жизненно важной задачей являлась адаптация к особенностям окружающей среды. В годовом цикле выделяются два контрастных периода — жаркий летний и холодный зимний. Наибольшие опасности, разумеется, таил в себе зимний период. Скорее всего, скот содержался на подножном корме в течение года без заготовки зимних запасов (что

практиковалось в лесостепной зоне еще в XIX в.). Если такие запасы и имелись, то в небольших объемах как крайнее средство при продолжительном невыпасе, обусловленном сильными снегопадами, гололедом и иными неблагоприятными факторами. Все остальное время скот добывал себе корм самостоятельно.

Эпоха средней бронзы в регионе характеризуется постепенным нарастанием аридности климата, но изменения в составе экосистем не выходили за рамки лесостепной ландшафтной зоны (Спиридонова, 1991). Среднегодовые температуры и суммы осадков мало отличались от современных (Серебряная, 1982), т.е. климатическая ситуация в целом была близка нынешней с некоторыми признаками более аридных условий. Следовательно, площади зимних пастбищ были, как и сейчас, невелики. На водораздельных участках растительный покров выгорал за лето и не представлял ценности, поскольку тебеневка требовала от скота больших затрат энергии, чем поступало с добытым из-под снега кормом. Овражно-балочная сеть с более густым травостоем исключалась в силу особенно мощного снегового покрова. Лесные массивы обеспечивали кормовую базу в основном благодаря подлеску и лишь в начале зимы, т.е. до того, как сугробы достигали высоты, при которой проход скота становился невозможным.

Единственной благоприятной экологической нишей для зимнего содержания скота являлись речные долины, и в первую очередь — поймы крупных рек. Здесь благодаря близкому залеганию грунтовых вод травостой всегда значительно выше, чем на автоморфных участках, и не перекрывается

снегом. В условиях крайне неоднородного мезорельефа в поймах и повсеместного распространения стариц, ериков, заболоченных участков и т.п. создаются предпосылки для произрастания кустарников, осоковых и наиболее крупного разнотравья. При этом в силу открытости и отсутствия древесной растительности скорость ветра всегда высока, что обеспечивает снос снега и облегчает тебеневку. Да и перегон стада с одного пастбища на другое в зимнее время зачастую возможен только по замерзшим рекам, так как иные пути оказываются закрытыми из-за мощного снегового покрова. Все это позволяет рассматривать поймы рек как наиболее вероятные места зимнего выпаса скота, а катакомбные поселения в поймах и на примыкающих к ним низких участках террас — как *зимние стоянки (зимники)*.

Совершенно иные условия поймы имеют в летний период. Обилие мелких закрытых прогреваемых водоемов, высокий травостой, защищающий от ветра приземный слой, создают благоприятную среду для размножения кровососущих насекомых, что сильно осложняет пастбу в дневное время. В свою очередь ночные туманы, обильные росы, паводки делают эти ландшафты малоприспособленными и для летнего проживания людей. В данной ситуации вполне оправдывала себя смена условий для стоянки — если в зимний период необходимо было укрыться от ветров, то летом более предпочтительными оказывались высокие открытые площадки, где ветер сдувал насекомых, сопровождающих стадо, а почва быстро высыхала после дождей. При этом сами летние пастбища могли находиться в любых ландшафтных нишах. Таким образом, представляется, что поселения на высоких бортовых террасах, мысах и останцах функционировали как *летние стоянки (летники)*.

Предлагаемая ландшафтно-экологическая модель сезонности скотоводческих поселков эпохи средней бронзы лесостепи, безусловно, требует естественнонаучной и археологической верификации. В естественнонаучном плане перспективным является изучение особенностей пойменных и водораздельных участков в округе поселений, в том числе состава фитоценозов, высоты травостоя, наличия и плотности древесно-кустарниковой растительности, продуктивности использования зимних пастбищ, скорости ветра в зимнее и летнее время, мощности снегового покрова и т.п. Для археологической верификации необходим разносторонний комплексный анализ конкретных археологических источников, что пока редко практикуется даже в отношении поселений, раскопанных широкой площадью. Другая проблема — приурочен-

ность большинства из них к “многослойным” нестратифицированным памятникам, в рамках которых вычленение всего комплекса материалов катакомбного поселка становится неразрешимой задачей. Трудности интерпретаций также связаны с недостаточной площадью раскопок, плохой сохранностью органики, погрешностями полевой методики.

Попытаемся наметить некоторые критерии дифференциации остатков зимних и летних скотоводческих стоянок СКК в лесостепной зоне, опираясь на имеющиеся археологические и естественнонаучные данные.

1. Как известно, продуктивность зимних пастбищ лесостепи в целом нестабильна и сравнительно низка. Можно предполагать, что нехватка кормов вынуждала население и скот перемещаться с одной стоянки на другую. Даже если в отдельные годы и на отдельных территориях этого удавалось избежать, за короткий период стационарного состояния антропогенный прессинг вне отапливаемой зоны поселений почти не сказывался на свойствах промерзавшей почвы. В таком случае культурный слой либо не формируется вообще, либо мало отличается от естественной почвенной среды, поскольку обогащения его фосфатами практически не происходит.

Подавляющее большинство пойменных и низкотеррасных поселений имеют небольшую мощность культурных отложений (15–20 см). Чаще всего эти отложения турбированы антропогенной деятельностью последующего времени, вследствие чего их изучение статистическими и аналитическими методами является малоперспективным. Более или менее корректные данные могут быть получены на “чистых” (однослойных) памятниках. Таковыми являются поселения Рыкань-3 и Ксизово-1, исследовавшиеся под руководством одного из авторов статьи (Гак, 2013; Гак, Давыдов, 2014; Гак, Ивашов, 2015).

Поселения расположены в сходных ландшафтно-геоморфологических условиях. Рыкань-3 находится на правом берегу р. Усмань, впадающей слева в низовья р. Воронеж, Ксизово-1 — на левом берегу р. Сновы вблизи места ее впадения справа в р. Дон. Оба памятника занимают размываемые края первых надпойменных террас с материальными остатками, залегающими на высоте 3–5 м над летним уровнем воды. На поселении Ксизово-1 эти остатки перекрыты мощными (до 2 м) делювиальными наносами.

Согласно данным палеопочвенных исследований, культурный слой обоих поселений по своим

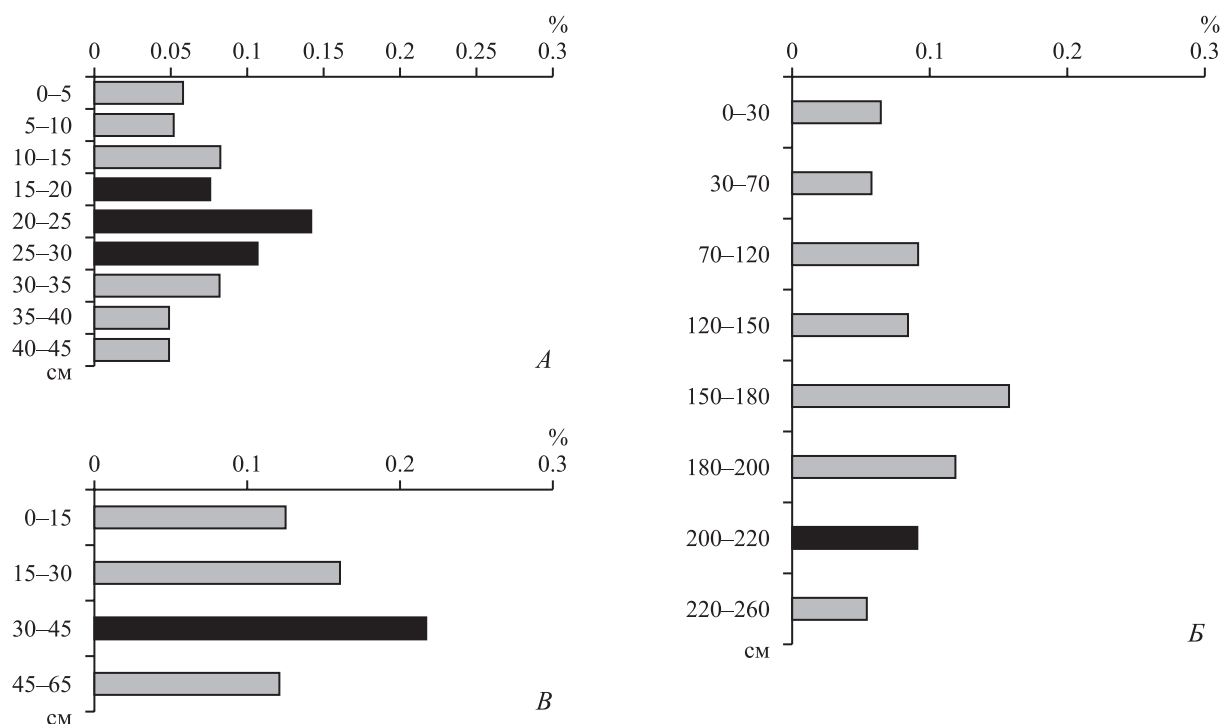

Рис. 4. Содержание фосфатов в почвах ключевых участков поселений Рыкань-3 (А), Ксизово-1 (Б) и Семилукского городища (В). Темным показан культурный слой катакомбного времени.

морфологическим, физико-химическим и биологическим признакам почти не отличается от выше- и нижележащих слоев почвы. По существу, это вмещающий горизонт, слабо обогащенный биогенными, техногенными и микроэлементами. Содержание фосфатов, как интегрального показателя присутствия человека, в нем лишь немного превышает показатели предматерика и существенно меньше, чем в современном гумусовом горизонте. Та же ситуация наблюдается по другим элементам и соединениям. Более заметны различия в профильном распределении геохимических коэффициентов выщелачивания и биологической активности, указывающих на антропогенный фактор изменений почвенной среды (Гак, Борисов, 2011. С. 122).

С отступлением холодов увеличивалась продуктивность фитоценозов, и необходимость перемещений отпадала. Усиление антропогенной нагрузки на почву ускоряло процесс трансформации ее физико-химических и биологических свойств. Постоянное и сравнительно долгое проживание на летних стоянках приводило к угнетению растительности, активизации эрозии и в целом способствовало формированию культурного слоя. Иллюстрацией этих соображений в какой-то мере могут служить результаты палеопочвенных исследований Семилукского городища — многослойного памят-

ника, занимающего мыс третьей террасы правого берега р. Дон высотой 45 м над урезом воды. Площадка городища исследована широкой площадью, включая почти всю территорию катакомбного поселения². Катакомбные отложения на городище залегают в самом низу стратиграфической колонки.

Данные аналитического изучения почв Семилукского городища целесообразно привести в сопоставлении с данными изучения почв поселений Ксизово-1 и Рыкань-3. Образцы для анализов взяты из стратиграфических разрезов, расположенных на ключевых участках памятников в зоне концентрации материальных остатков. Фосфатным анализом по методу Б.П. Мачигина (Аринюшкина, 1970), широко практикуемым для определения уровня антропогенного влияния на почвы, в колонке Семилукского городища на уровне катакомбных отложений выявлен хорошо выраженный фосфатный пик, тогда как культурный слой в колонках поселений Ксизово-1 и Рыкань-3 по содержанию фосфатов соответствует природным объектам (рис. 4). По всей видимости, в катакомбное время почвы Семилукского городища претерпели более заметные изменения, чем почвы поселений Рыкань-3 и Ксизово-1. При этом степень

² Раскопки А.Д. Прякина и М.В. Цыбина 1984—1992 гг. Основные материалы катакомбного поселения не опубликованы.

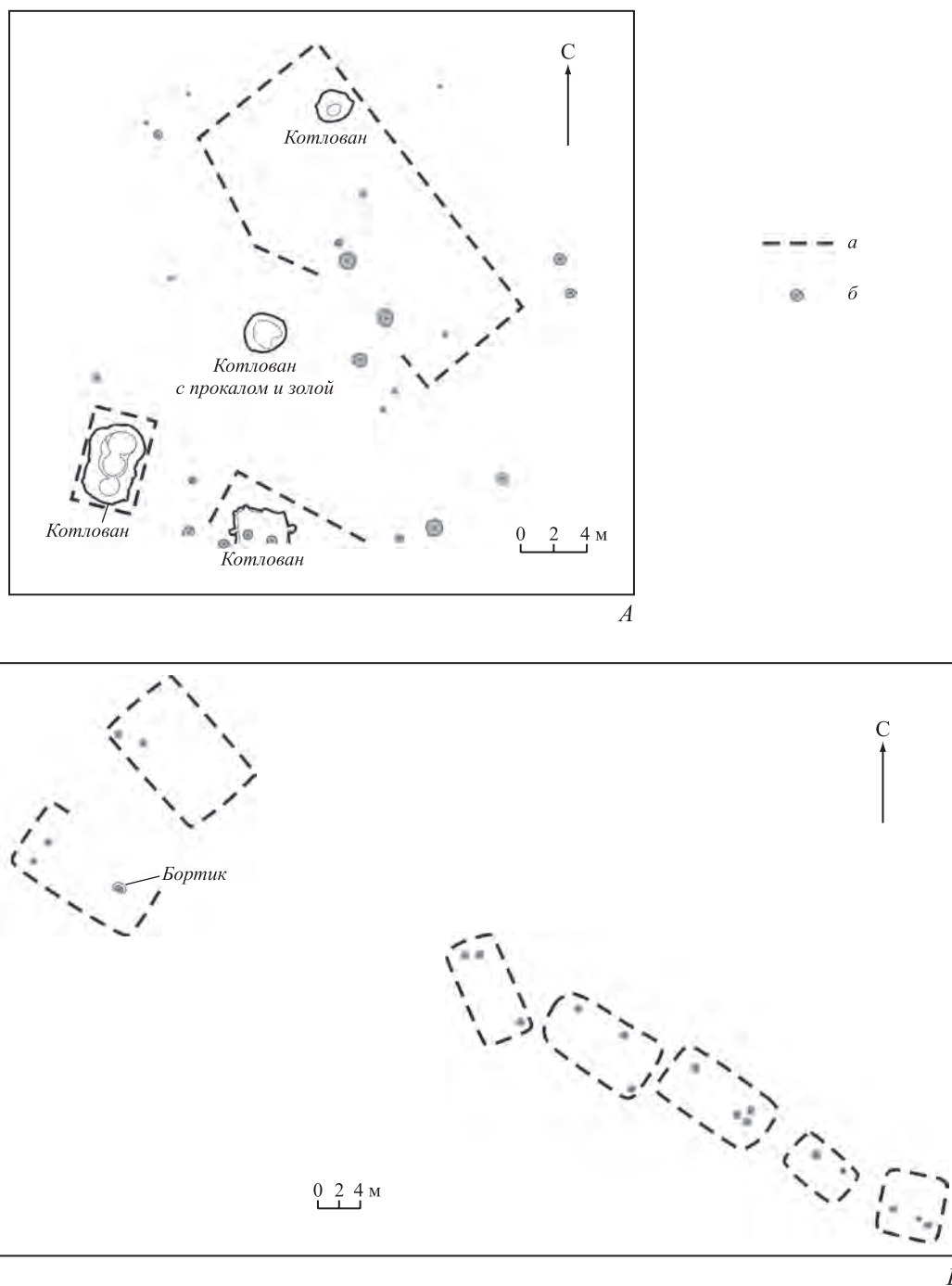

Рис. 5. Особенности организации и использования пространства на зимних и летних стоянках: *А* — поселение Рыкань-3; *Б* — Семилукское городище. Условные обозначения: *а* — контуры основания наземной постройки; *б* — очаг, кострище.

насыщенности археологическим материалом у них сопоставима, что указывает на примерно равную долготу обитаемости. Причины разной трансформации почвенных свойств, на наш взгляд, следует искать в сезонных особенностях существования первого и двух последних поселений.

2. Организация быта и хозяйства на зимних стоянках диктовалась сложными погодными условиями. В связи с этим оправдывало себя возведение небольших построек технического назначения и крупных помещений с отсеком для кормовых запасов на невыпасные периоды. Признаками капитальности строений можно считать ямы от

мощных столбовых опор, углубленность пола, котлованы для хранения продуктов. В различных сочетаниях эти признаки присутствуют у наземных конструкций, остатки которых выявлены на поселениях Рыкань-3 и Студеновка-3 (Гак, Борисов, 2012; Гак и др., 2014. С. 21, 22; Ивашов, 2000).

Наиболее приемлемой формой структурирования пространства в зимних условиях была кольцевая планировка. Примером здесь может служить поселение Рыкань-3, на основной площадке которого три наземные постройки компактно размещались вокруг культовой ямы с пирогенными отходами (рис. 5, А). Кольцевая структура как будто улавливается и в расположении построек поселения Студеновка-3 (Бессуднов, Ивашов, 2002. Рис. 1).

На пике холодов, несомненно, возникала потребность в оборудовании дополнительных теплотехнических устройств открытого типа внутри и за пределами построек. Вероятно, этим объясняется массовость и хаотичность внежилого расположения кострищ на поселениях Рыкань-3, Ксизово-1, Проказинское. Многие из них находились рядом с помещениями и представляли собой тонкие линзы прокала диаметром до 1 м. При наличии снежного покрова такие кострища не несли угрозы случайного возгорания наземных деревянных конструкций. Кострища разных лет могли не совпадать друг с другом, тем более, если с возвращением на зимнюю стоянку ее место было покрыто снегом. Отсутствие кухонных и производственных остатков также свидетельствует об использовании внежилищных кострищ главным образом в качестве источников тепла.

На летних стоянках, по-видимому, действовали иные принципы обустройства территории. С наступлением благоприятных погодных условий исчезала необходимость в специальных помещениях для хранения кормов и подпольных погребках, в строительстве капитальных жилых сооружений, в компактном расположении их по кругу с целью аккумуляции тепла и нагнетании этого тепла посредством внежилищных кострищ. Остатки построек на летних стоянках иногда ограничиваются очагами и скоплениями кухонно-бытового мусора при отсутствии столбовых ям, что характерно для легких наземных конструкций. Из вариантов планировки пока зафиксирована только линейная. Скорее всего, она зависела от конфигурации площадки. Очаги в основном находились внутри построек. Показательно обилие при очагах кухонного мусора, а также наличие у некоторых из них бортика — признака регулярного использования очага для приготовления пищи. Все это с разной

выразительностью демонстрируют материалы исследований Семилюкского городища (рис. 5, Б) и поселения Замятино 10 (Ивашов, 2003).

3. Некоторая разница просматривается в состоянии артефактов из раскопок зимних и летних стоянок. Для первых характерен высокий процент измельченного массового материала, что имеет свое объяснение: зимой хрупкий бытовой мусор (обломки посуды, кости животных), попадая на затвердевшую промерзшую поверхность почвы, не втаптывался в нее, а оставался на поверхности, где подвергался физическому выветриванию и быстро разрушался. Мелкие фрагменты явно преобладают в коллекциях таких широко раскопанных низовых памятников, как Рыкань-3, Чижевское-4, Проказинское.

4. При обращении к прямым свидетельствам скотоводства, полученным в результате анализа остеологических остатков, выясняется, что кости домашних животных преобладают на всех поселениях независимо от их ландшафтно-топографической приуроченности. Вместе с тем логично предположить, что в теплый период в связи с широкой доступностью альтернативных источников питания, а также лактацией коров и овец, забой скота носил крайне ограниченный характер. Следовательно, доля костей домашних животных на летних стоянках должна быть существенно меньше, чем на зимних, имевших минимальные возможности обеспечения питанием извне. Напротив, в местах расположения летников можно ожидать более заметное присутствие костей диких охотничьих видов животных (особенно молодых особей), перелетных птиц, проводящих в данных широтах только теплое время года, чешуи и костей рыб, яичной скорлупы. На зимних стоянках остатки дикой фауны будут представлены очень избирательно (из животных — только взрослые особи, из птиц — только зимующие виды). Исходя из этнографических наблюдений, в качестве индикатора зимней охоты могут рассматриваться кости медведя (Бутанаев, 1996. С. 30). Этим размышлениям не противоречат остеологические данные, хотя они недостаточно детальны и получены только по низовым стоянкам. В представительных сериях костных остатков регистрируется доминирование взрослых домашних животных при отсутствии однозначных признаков их летнего забоя, небольшой удельный вес охотничьих видов, наличие костей медведя, малочисленность костей рыб и птиц (Пряхин, 1982. С. 145–148; Журавлев, 2001. Табл. 1–26; Антипина, 2011).

5. В зимний период количество людей, занятых пастьбой скота, относительно невелико. Большин-

ство населения, по-видимому, оставалось на стоянках и занималось придомным хозяйством, в том числе выделкой шкур, прядением, обработкой различных материалов (камня, кремня, металла), что находит отражение в материалах поселений Рыкань-3, Ксизово-1, Борщево IV, Славяногорское и др. На летних стоянках таких свидетельств на единицу площади гораздо меньше. В качестве показательного примера приведем Семилюкское городище, где на восемь построек катакомбного поселка зафиксирована лишь одна производственная точка (по обработке кремня). В теплый период года, наряду с охотой, происходила активизация собирательства, масштабы которого к зиме по естественным причинам резко сокращались. В этой связи примечателен результат верификации абсолютно-го возраста карбонизированных зерен и плодов из раскопок поселения Рыкань-3 — все семь исследованных методом AMS-датирования образцов оказались слишком молодыми, чтобы связывать их с деятельностью обитателей катакомбного поселка³.

Поселения СКК нередко образуют компактные группы, в которых присутствуют и низко-, и высоко расположенные памятники. Сгустки таких поселений известны в черте г. Воронеж на обоих берегах одноименной реки (Чижовское 2, 4, 5; Шиловское), в окрестностях г. Семилуки на правом берегу Дона (Семилуки 2, 3; Нижние Сады 1, 2; Семилюкское городище; Чернышева гора), на левом берегу р. Сновы вблизи места ее впадения в Дон (Ксизово 1, 2, 5, 6, 7, 17, 19) (Екимов, 1979; Пряхин, 1982; Голотвин, 2014). Сходство керамических комплексов позволяет предполагать принадлежность компактно группирующихся поселений разных геоморфологических типов одним и тем же семейно-родовым коллективам.

В заключение отметим, что остаткам поселений СКК, как низких, так и расположенных в рельефе высоко, зачастую сопутствуют материалы других культур эпохи бронзы (воронежской, абашевской, срубной, бондарихинской), имевших, скорее всего, похожую модель хозяйствования. Там же нередко фиксируются следы поселков раннего железного века, когда пастушество уступило место другим социально-экономическим системам, в которых скотоводство, тем не менее, продолжало играть роль основы жизнеобеспечения. По мнению А.П. Медведева, в скифское время с приближением холодов кочующая военно-аристократическая знать вместе со стадами и окружением возвраща-

лась на зимние стоянки, занимая поймы и низкие террасы в округе городищ, где проживало оседлое земледельческо-скотоводческое население. В случае военной опасности городища могли служить защитой людям и вместе с тем использоваться в качестве укрепленных загонов для скота (Медведев, 1999. С. 184—188). Таким образом, низовые участки лесостепи в следующий за бронзовым веком исторический период сохраняли значение мест расположения зимних скотоводческих стоянок, тогда как заселение верховых участков было связано с нестабильной военно-политической обстановкой, совершенно иной, чем в мирное катакомбное время, когда сезонное местообитание определялось возможностями более или менее успешной адаптации к условиям природной среды.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00249а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7—33.
- Антипина Е.Е.* Острая Лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. и сост.: Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2011. С. 225—242.
- Антипина Е.Е., Моралес А.* “Ковбой” восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 29—49.
- Ариушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во МГУ, 1970. 487 с.
- Басаева К.Д.* Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX — начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов / Ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск: ВО “Наука”, 1993. С. 52—89.
- Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков: ПФ Амет, 2001. 264 с.
- Бессуднов А.Н., Ивашов М.В.* Материалы бронзового века поселения Студёновка 3 на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 34—41.
- Борисов А.В., Мимоход Р.А., Демкин В.А.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в постакакомбное время // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 144—154.
- Борисов А.В., Шишлина Н.И., Клещенко А.А., Идрисов И.А.* Сезонные стоянки эпохи бронзы в пустынных сте-

³ Археоботанические определения выполнялись Е.Ю. Лебедевой (ИА РАН), радиоуглеродные даты получены в лаборатории г. Познань (Польша).

- пях Северо-Западного Прикаспия: проблема поиска и интерпретации материала // Материалы всеросс. науч. конф. по археологическому почвоведению, посвященной памяти проф. В.А. Демкина. Пушино: ИФХиБПП РАН, 2014. С. 86–90.
- Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Гак Е.И. Поселение Рыкань-3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 141–161.
- Гак Е.И., Борисов А.В. Котлованы катакомбного поселения Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Ред. В.В. Отрошенко. Луганск: ЛОКМ, 2012. С. 197–206.
- Гак Е.И., Борисов А.В. Поселение катакомбной культуры Рыкань-3: топография, стратиграфия, планиграфия // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 120–127.
- Гак Е.И., Давыдов Д.Ю. Поселение среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 (некоторые итоги работ 2009–2013 гг.) // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегион. науч. конф. “Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы”. Вып. 6 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 245–251.
- Гак Е.И., Ивашов М.В. Раскопки однослойного поселения эпохи средней бронзы Ксизово-1 в Задонском районе // Археологические открытия 2014 года в Липецкой области / Ред.: А.А. Найденов, А.А. Клюкойть. Липецк: Гос. дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл., 2015. С. 4.
- Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // РА. 2014. № 4. С. 19–28.
- Гей А.Н. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. 2011. № 225. С. 3–10.
- Головин А.Н. Некоторые результаты археологического обследования памятника природы “Чернышева гора” на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегион. науч. конф. “Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы”. Вып. 6 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 546–583.
- Гоняный М.И., Гласко М.П., Александровский А.Л. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М.: ГИМ, 2007. 208 с.
- Екимов Ю.Г. Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Сновы в Липецкой области // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 103–114.
- Журавлев О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: ИА НАНУ, 2001. 200 с.
- Ивашов М.В. К вопросу о северной границе среднедонской катакомбной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. Самара: Изд-во ООО “НТЦ”, 2001. С. 135–138.
- Ивашов М.В. Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1: Археология / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2002. С. 43–51.
- Ивашов М.В. Постройки катакомбного времени поселения Замятино 10 на Верхнем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи / Ред.: Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский гос. объедин. краевед. музей, 2003. С. 223–234.
- Ивашов М.В. Постройки раннего этапа катакомбной культуры поселения Студёновка 3 на Верхнем Дону // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Силицына / Ред. Е.К. Максимов. Саратов: СГУ, 2000. С. 48–50.
- Ивашов М.В., Смольянинов Р.В. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: ТГУ, 2012. С. 70–80.
- Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов русской равнины. М.: ИГ АН СССР, 1991. 188 с.
- Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // АВЕС. Вып. 8 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2010. С. 30–61.
- Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ. 1995. № 4. С. 52–62.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест и М. Горизонт, 1995. 320 с.
- Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевнического общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке / Ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2000 (Тр. ГИМ; вып. 120). С. 116–130.
- Медведев А.П. К изучению системы расселения и социальной организации скифоидного населения на Среднем и Верхнем Дону // Проблемы археологии бассейна Дона: сб. науч. тр. / А.Д. Прякин. Воронеж: ВГПУ, 1999. С. 167–192.
- Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика

- и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009 (МОАИ; т. 10). 292 с.
- Никитин В.И. Катакомбные поселения и стоябища в Нижнем Побужье // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей) / Ред. А.В. Гаврилов. Херсон: Херсонский краеведческий музей, 1991. С. 34–48.
- Никитин В.И. Матвеевка 1 — поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. 1989. № 2. С. 136–150.
- Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 159 с.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 19 с.
- Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней — поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. 488 с.
- Санжаров С.Н. Кайдашинский комплекс поселений рубежа средней — поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2004. 160 с.
- Серебряная Т.А. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене: сб. ст. / Отв. ред. А.А. Величко и др. М.: Наука, 1982. С. 179–186.
- Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.
- Спиридонова Е.А., Екимов Ю.Г. Природная обстановка в Верхнем Подонье в период среднего голоцена (по данным поселения Мельгуново-3) // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: тез. докл. конф. / Ред. и сост. Ю.Г. Екимов. Тула, 1993. С. 72–74.
- Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стоябища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов / Ред. Б.Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.
- Шишлина Н.И. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке / Ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2000 (Тр. ГИМ. Вып. 120). С. 54–71.
- Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007 (Труды ГИМ. Вып. 165). 400 с.
- Шишлина Н.И., Борисов А.В., Клещенко А.А., Идрисов И.А., Чернышева Е.В., Й. ван дер Плихт. Стоянка Большая Элиста 1. Теория и практика поиска и изучения поселений древних скотоводов в пустынно-степной зоне // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 152–161.
- Шишлина Н.И., Гак Е.И., Борисов А.В. Поселенческие памятники Ергеней в Калмыкии и Ростовской области // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): тез. докл. междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2008. С. 33–34.
- Shishlina N.I., Gak E.I., Borisov A.V. Nomadic Sites of the South Yergueni Hills on the Eurasian Steppe // The Archaeology of Mobility. Old World and New World Nomadism / Eds: H. Barnard, W. Wendrich. Los Angeles: University Of California, 2008. P. 230–249.

SEASONAL SETTLEMENTS OF THE MIDDLE DON CATACOMB CULTURE: A LANDSCAPE-ECOLOGICAL PATTERN

Evgeniy I. Gak*, Aleksandr V. Borisov**

* The State Historical Museum, Moscow (e.i.gak@mail.ru)

** The Institute of Physical-chemical and Biological Problems of Pedology RAS, Pushchino

The paper substantiates a pattern of seasonal habitation and economy of the bearers of the Middle Don Catacomb culture in the Middle Bronze Age (ca. 27th–22nd centuries B.C.). The location of settlements of the said culture in drastically different landscape-topographic conditions is explained by economic factors (herding with cattle prevailing among the livestock), the environment (the steppe-forest zone) and peaceful cohabitation. The cited data of the archaeological and scientific studies serve to demonstrate that the catacomb population of the steppe-forest area used flood-lands and low terraces for winter shelters, and high outliers, promontories and higher terraces over flood-lands for summer encampments.

Key words: Middle Bronze Age, Middle Don Catacomb culture, steppe-forest zone, pastoralism, season, settlement, landscape.

REFERENCES

- Antipina E.E., 2004. Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological studies: Challenges, potential possibilities and real results]. *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina [Recent Archaeozoological Studies in Russia: To V.I. Tsalkin's Centenary]*. E.E. Antipina, E.N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 7–33.
- Antipina E.E., 2011. Ostraya Luka Dona v epokhu bronzы: kosti zhivotnykh na poselenii Balakhninskoe-2 [The Don Ostraya Luka in the Bronze Age: Animal bones on the Balakhninskoe-2 habitation site]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytic Studies of the Laboratory of Scientific Methods]*, 2. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 225–242.
- Antipina E.E., Morales A., 2005. "Kovboi" vostochnoevropeyskoy stepi v pozdnem bronzovom veke ['Cowboys' on the eastern European steppes in the Late Bronze Age]. *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkhologii [OPUS: Interdisciplinary Studies in Archaeology]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 29–49.
- Arinushkina E.V., 1970. Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochvv [A Handbook of the Chemical Analysis of Soils]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. 487 p.
- Basaeva K.D., 1993. Poseleniya i zhilishcha alarskikh buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Settlements and dwellings of the Alar Buryat (The second half of the 19th–early 20th)]. *Iz istorii khozyaystva i material'noy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov [From the History of Economy and Material Culture of Turkic-Mongolian Peoples]*. B.R. Zoriktuev, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 52–89.
- Berestnev S.I., 2001. Vostochnoukrainskaya lesostep' v epokhu sredney i pozdney bronzы (II tys. do n.e.) [Eastern Ukrainian Steppe-forest Area in the Middle and Late Bronze Age (2nd millennium BC)]. Khar'kov: PF Amet. 264 p.
- Bessudnov A.N., Ivashov M.V., 2002. Materialy bronzovogo veka poseleniya Studenovka 3 na Verkhnem Donu [The Bronze Age materials from the Studenovka 3 habitation site in the Upper Don area]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological Sites of Eastern Europe]*. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 34–41.
- Borisov A.V., Mimokhod R.A., Demkin V.A., 2011. Paleopochvy i prirodnye usloviya yuzhnorusskikh stepey v postkatakombnoe vremya [Palaeosoils and natural conditions of the southern Russian steppes in the post-Catacomb time]. *KSIA*, 225, pp. 144–154.
- Borisov A.V., Shishlina N.I., Kleshchenko A.A., Idrisov I.A., 2014. Sezonnye stoyanki epokhi bronzы v pustynnykh stepyakh Severo-Zapadnogo Prikaspiya: problema poiska i interpretatsii materiala [Seasonal encampments of the Bronze Age on the desert steppes of northwestern Caspian area: A search for and interpretation of the record]. *Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii po arkheologicheskomu pochvovedeniyu, posvyashchennoy pamyati professora V.A. Demkina [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference on Archaeological Pedology Dedicated to the Memory of Professor V.A. Demkin]*. Pushchino: Institut fiziko-khimicheskikh i biologicheskikh problem pochvovedeniya RAN, pp. 86–90.
- Butanaev V.Ya., 1996. Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov [Traditional Culture and Daily Life of the Khakas]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 224 p.
- Ekimov Yu.G., 1979. Poseleniya epokhi bronzы v bassejne r. Snovy v Lipetskoy oblasti [Settlements of the Bronze Age in the Snova River basin in the Lipetsk oblast]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [The Archaeology of The Eastern European Forest-steppes]*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 103–114.
- Gak E.I., 2013. Poselenie Rykan'-3 v kontekste pamyatnikov katakombnoy obshchnosti vostochnoevropeyskoy lesostepi [The Rykan'-3 settlement in the context of the Catacomb community of the Eastern European steppe-forest]. *KSIA*, 230, pp. 141–161.
- Gak E.I., Borisov A.V., 2011. Poselenie katakombnoy kul'tury Rykan'-3: topografiya, stratigrafiya, planigrafiya [The Rykan'-3 settlement of the Catacomb Culture: topography, stratigraphy and planigraphy]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological Sites of Eastern Europe]*, 14. I.V. Fedyunin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 120–127.
- Gak E.I., Borisov A.V., 2012. Kotlovany katakombnogo poseleniya Rykan'-3 v lesostepnom Podon'e [Foundation ditches of the Rykan'-3 Catacomb settlement in the steppe-forest Don valley]. *Problemi doslidzhennya pam'yatok arkhologii Ckhidnoi Ukraini: Materiali III Lugans'koi mizhnarodnoi istoriko-arkheologichnoi konferentsii, prisvyachenoї pam'yati S.N. Bratchenka [Issues of investigation of archaeological sites of the oriental Ukraine. Proceedings of the 3rd Lugansk International Historical-archaeological Conference dedicated to the Memory of S.N. Bratchenko]*. V.V. Otroshchenko, ed. Lugansk: Luganskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 197–206.
- Gak E.I., Chernysheva E.V., Khodzhaeva A.K., Borisov A.V., 2014. Opyt vyyavleniya i sistematizatsii infrastrukturykh priznakov poseleniya katakombnoy kul'tury Rykan'-3 v lesostepnom Podon'e [An attempt of revealing and systematization of infrastructural markers of the Rykan'-3 Catacomb settlement in the steppe-forest Don valley]. *RA*, 4, pp. 19–28.
- Gak E.I., Davydov D.Yu., 2014. Poselenie srednedonskoy katakombnoy kul'tury Rykan'-3 (nekotorye itogi rabot 2009–2013 gg.) [The Catacomb Culture settlement of Rykan'-3 in the middle Don (some results of fieldwork of 2009–2013)]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii "Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nakhodki, problemy" [The Upper Don Collection of Archaeological Papers: proceedings of the Interregional Scholarly Conference 'The Archaeology of the Eastern European Steppe-forest zone: Quest, finds and issues']*, 6. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 245–251.

- Gak E.I., Ivashov M.V., 2015. Raskopki odnosloynogo posele-niya epokhi sredney bronzy Ksizovo-1 v Zadonskom ray-one [The excavations of the single-layer settlement of the Middle Bronze Age Ksizovo-1 in the Zadonsk district]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2014 goda v Lipetskoy oblasti* [Archaeological Discoveries in the Lipetsk Oblast in 2014]. A.A. Naydenov, A.A. Klyukoyt', eds. Lipetsk: Gosudarstvennaya direktsiya po okhrane kul'turnogo naslediya Lipetskoy oblasti, p. 4.
- Gey A.N., 2011. Spornye voprosy i perspektivy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Controversies and prospects of the study of the Catacomb cultural-historical community]. *KSIA*, 225, pp. 3–10.
- Golovin A.N., 2014. Nekotorye rezul'taty arkheologicheskogo obsledovaniya pamyatnika prirody "Chernysheva gora" na Verkhnem Donu [Some results of the archaeological survey of the 'Chernysheva Gora' natural monument on the Upper Don]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik: materialy mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii "Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nakhodki, problemy"* [The Upper Don Collection of Archaeological Papers: proceedings of the Interregional Scholarly Conference 'The Archaeology of the Eastern European Steppe-forest zone: Quest, finds and issues'], 6. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 546–583.
- Gonyanyy M.I., Glasko M.P., Aleksandrovskiy A.L., 2007. Severnaya lesostep' basseyna Verkhnego Dona vremeni Kulikovskoy bitvy [The Northern Steppe-forest of the Upper Don Basin in the time of the Kulikovo Pole Battle]. Moscow: GIM. 208 p.
- Ivashov M.V., 2000. Postroyki rannego etapa katakombnoy kul'tury poseleniya Studenovka 3 na Verkhnem Donu [Buildings of the early phase of the Catacomb Culture at the Studenovka 3 settlement on the Upper Don]. *Vzaimodeystvie i razvitiye drevnykh kul'tur yuzhnogo pograniich'ya Evropy i Azii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.V. Sinitsyna* [Interaction and Evolution of Ancient Cultures of the Southern Boundary of Europe and Asia: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Centenary of I.V. Sinitsyn]. E.K. Maksimov, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 48–50.
- Ivashov M.V., 2001. K voprosu o severnoy granitse srednedonskoy katakombnoy kul'tury [On the northern boundary of the Middle Don Catacomb Culture]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy"* [The Bronze Age of Eastern Europe: Description of Cultures, Chronology and Periodization: Proceedings of the International Scholarly Conference 'To the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov's Periodization of the Bronze Age of the Southern Part of Eastern Europe']. Samara: NTTs, pp. 135–138.
- Ivashov M.V., 2002. Osobennosti topogeograficheskogo razmeshcheniya pamyatnikov katakombnogo vremeni na Verkhnem Donu [Specific traits of topogeographic distribution of the Catacomb time sites on the Upper Don]. N.I. Troitskiy i sovremennye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii [N.I. Troitskiy and Present-day Investigations of the Historical-cultural Heritage of Central Russia], 1. *Arkheologiya* [Archaeology]. A.N. Naumov. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 43–51.
- Ivashov M.V., 2003. Postroyki katakombnogo vremeni posele-niya Zamyatino 10 na Verkhnem Donu [Buildings of the Catacomb time at the Zamyatino 10 settlement on the Upper Don]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [The Archaeology of the Eastern European Steppe-forest Zone]. G.N. Belorybkin, V.V. Stavitskiy, eds. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy ob'edinennyy kraevedcheskiy muzey, pp. 223–234.
- Ivashov M.V., Smol'yaninov R.V., 2012. Srednedonskaya katakombnaya kul'tura epokhi bronzy v verkhov'yakh r. Voronezh [The Middle Don Bronze-Age Catacomb Culture on the upper reaches of the Voronezh River]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny* [Tambor Antiquities. The archaeology of the Oka-Don Plain], 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 70–80.
- Kremenetskiy K.V., 1991. Paleoekologiya drevneyshikh zemledeletsev i skotovodov russkoy ravniny [Palaeoecology of the Earliest Cultivators and Herders of the Russian Plain]. Moscow: Institut geografii AN SSSR. 188 p.
- Malov N.M., Filipchenko V.V., 1995. Pamyatniki katakombnoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [The Catacomb Culture sites of the Lower Volga reaches]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological bulletin], 4, pp. 52–62.
- Malov N.M., Sergeeva O.V., 2010. Poseleniya epokhi sredney bronzy Nizhnego Povolzh'ya, Volgo-Donskogo i Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya [Settlements of the Middle Bronze Age on the Lower Volga and in the Volga-Don and Volga-Ural interflaves]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [The Archaeology of the Eastern European Steppes], 8. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 30–61.
- Masanov N.E., 1995. Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [The Nomadic Civilisation of the Kazakhs: Fundamentals of Life-support System of the Nomadic Society]. Almaty: Sotsinvest i M. Gorizont. 320 p.
- Masanov N.E., 2000. Osobennosti funktsionirovaniya traditsionnogo kochevogo obshchestva kazakhov [Specific traits of functioning of the traditional nomadic society of the Kazakhs]. *Sezonnyy ekonomicheskii tsikl naseleniya Severo-Zapadnogo Prikaspiya v bronzovom veke* [The Seasonal Economic Cycle of the Population of the Northwestern Caspian Area in the Bronze Age]. N.I. Shishlina, ed. Moscow: GIM, pp. 116–130. (Trudy GIM, 120).
- Medvedev A.P., 1999. K izucheniyu sistemy rasseleniya i sotsial'noy organizatsii skifoidnogo naseleniya na Srednem i Verkhnem Donu [The study of the system of settling and social organization of the Scythoid population on the Middle and Upper Don]. *Problemy arkheologii basseyna Dona: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of the Archaeology of the Don Basin: A Collection of Scholarly Papers]. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 167–192.

- Mimokhod R.A., 2009. Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov [Barrows of the Bronze–Early Iron Age in the Saratov Volga Valley: Description and Cultural-chronological Attribution of Complexes]. Moscow: Taus. 292 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 10).
- Nikitin V.I., 1989. Matveevka 1 – poselenie katakombnoy kul'tury na Yuzhnom Buge [Matveevka 1 – a Catacomb Culture settlement on the Southern Bug]. *SA*, 2, pp. 136–150.
- Nikitin V.I., 1991. Katakombnye poseleniya i stoybishcha v Nizhnem Pobuzh'e [Catacomb settlements and encampments in the Lower Bug area]. *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu osnovaniya Khersonskogo muzeya drevnostey)* [Issues of Archaeology of the North Pontic Area (to the 100th Anniversary of the Foundation of the Kherson Museum of Antiquities)]. A.V. Gavrilov, ed. Kherson: Khersonskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 34–48.
- Pryakhin A.D., Matveev Yu.P., Besedin V.I., 1991. Srednedonskaya katakombnaya kul'tura: proiskhozhdenie, etapy razvitiya [The Middle Don Catacomb Culture: The Origins and Phases of Evolution]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 19 p.
- Pryakhin A.D., 1982. Poseleniya katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ya [Settlements of the Catacomb Time in the Steppe-forest Don Area]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 159 p.
- Sanzharov S.N., 2004. Kaydashchinskiy kompleks poseleniy rubezha sredney – pozdney bronzy v sisteme drevnostey Severskogo Dontsa [The Kaydashchinskiy Complex of Settlements of the Bridge between the Middle and Late Bronze Age in the System of Antiquities of the Severskiy Donets River]. Lugansk: Izdatel'stvo Vostochnoukrainskogo natsional'nogo universiteta imeni V. Dalya. 160 p.
- Sanzharov S.N., 2010. Vostochnaya Ukraina na rubezhe epokh sredney – pozdney bronzy [The Eastern Ukraine on the Bridge between the Middle and Late Bronze Age Epochs]. Lugansk: Izdatel'stvo Vostochnoukrainskogo natsional'nogo universiteta imeni V. Dalya. 488 p.
- Serebryanaya T.A., 1982. O dinamike lesostepnoy zony v tsentre Russkoy ravniny v golotsene [On the dynamics of the steppe-forest zone at the centre of Russian Plain in the Holocene]. *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystotsene i golotsene: sbornik statey* [The Evolution of Nature in the territory of USSR in the Late Pleistocene and Holocene: A Collection of Papers]. A.A. Velichko, ed. Moscow: Nauka, pp. 179–186.
- Shishlina N.I., 2000. Potentsial'nyy sezonno-khozyaystvennyy tsikl nositeley katakombnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prikaspiya. Problema rekonstruktsii [A potential Seasonal economic cycle of the bearers of the Catacomb Culture of the northwestern Caspian area. The problem of reconstruction]. *Sezonnyy ekonomicheskii tsikl naseleniya Severo-Zapadnogo Prikaspiya v bronzovom veke* [The Seasonal Economic Cycle of the Population of the Northwestern Caspian Area in the Bronze Age]. N.I. Shishlina, ed. Moscow: GIM, pp. 54–71. (Trudy GIM, 120).
- Shishlina N.I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n.e.) [The Northwestern Caspian Area in the Bronze Age (the 5th – 3rd millennia BC)]. Moscow: GIM. 400 p. (Trudy GIM, 165).
- Shishlina N.I., Borisov A.V., Kleshchenko A.A., Idrisov I.A., Chernysheva E.V., van der Plikht Y., 2015. Stoyanka Bol'shaya Elista 1. Teoriya i praktika poiska i izucheniya poseleniy drevnikh skotovodov v pustynno-stepnoy zone [The Bol'shaya Elista 1 encampment. Theory and practice of the search for and investigation of habitation sites of early herdsman in the desert-steppe zone]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Samara Scientific Centre RAS], vol. 17, no. 3, pp. 152–161.
- Shishlina N.I., Gak E.I., Borisov A.V., 2008a. Nomadic Sites of the South Yergueni Hills on the Eurasian Steppe. *The Archaeology of Mobility. Old World and New World Nomadism*. H. Barnard, W. Wendrich, eds. Los Angeles: University of California, pp. 230–249.
- Shishlina N.I., Gak E.I., Borisov A.V., 2008b. Poselencheskie pamyatniki Ergeney v Kalmykii i Rostovskoy oblasti [Ergeney-type habitation sites in Kalmykia and the Rostov oblast]. *Poselenie kak istoricheskiy istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podkhody k izucheniyu poseleniy v sovremennoy arkheologii): tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Habitation Site as a Historical Source (Theoretical and Methodical Approaches to the Study of Settlements in Contemporary Archaeology: Abstracts of Papers Read at the International Scientific Conference)]. Moscow: IA RAN, pp. 33–34.
- Spiridonova E.A., 1991. Evolyutsiya rastitel'nogo pokrova basseyna Dona v verkhnem pleystotsene – golotsene [The Evolution of the Vegetative Cover of the Don Basin in the Upper Pleistocene–Holocene]. Moscow: Nauka. 221 p.
- Spiridonova E.A., Ekimov Yu.G., 1993. Prirodnaya obstanovka v Verkhnem Podon'e v period srednego golotsena (po dannym poseleniya Mel'gunovo-3) [Natural conditions in the Upper Don area in the Middle Holocene (from the record of the Mel'gunovo-3 habitation site)]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya lesnoy i lesostepnoy zon Vostochno-Evropeyskogo regiona v epokhu bronzy i ranem zheleznom veke: tezisy dokladov konferentsii* [Issues of Interaction of the Population of the Forest and Steppe-forest zones of the Eastern European Region in the Bronze and Early Iron Age: Abstracts of Papers Read at the International Scientific Conference]. Yu.G. Ekimov, ed., comp. Tula.
- Tserenkhand G., 1993. Traditsii kochevogo stoybishcha u mongolov [Traditions of nomadic encampment among the Mongols]. *Iz istorii khozyaystva i material'noy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [From the History of Economy and Material Culture of Turkic-Mongolian Peoples]. B.R. Zoriktuev, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 27–36.
- Zhuravlev O.P., 2001. Osteologicheskie materialy iz pamyatnikov epokhi bronzy lesostepnoy zony Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya [Osteological Materials from the Bronze-Age Sites of the Steppe-forest Zone of the Dnieper-Don Interfluvium]. Kiev: IA NANU. 200 p.

ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2017 г. Ал.Ал. Ткачев*, А.А. Ткачев**

* Тюменский государственный университет (al.al.tkachev@mail.ru)

** Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень

В статье проанализированы конструктивные особенности жилищ, очажных конструкций и дополнительные элементы, участвующие в организации внутреннего пространства в постройках пахомовской археологической культуры. По результатам проведенного исследования дана графическая реконструкция жилища.

Ключевые слова: Тоболо-Иртышье, эпоха поздней бронзы, пахомовская культура, домостроительство, жилище, хозяйственные и производственные сооружения, очажная конструкция, домашние святилища, сакрализация пространства.

Жилище — основа системы жизнеобеспечения, и поэтому с глубокой древности человеческие коллективы создавали жилье по законам пользы, прочности и красоты. Жилые постройки ограждали человека от неблагоприятных условий, являлись местом сохранения минимально необходимого количества ресурсов, служили основой производственной деятельности, были материализованным воплощением общественных отношений, и смысл всех этих функций жилого пространства сохраняется и в настоящее время.

В науке накоплен значительный опыт исследования жилых строений, однако большинство специалистов-археологов обычно ограничиваются описанием остатков исследованных жилищ, иногда дополняя описание возможной реконструкцией. Научную значимость изучения жилищ и поселений одним из первых осознал Л.Г. Морган, показав связь типов жилищ с историей общества (1934. С. 8). Однако лишь относительно недавно стали появляться работы, целенаправленно обращающиеся к изучению жилого пространства как самостоятельного феномена (Байбурин, 1983; Викторова, 1984; Черных, 2008, 2010). Подходить к рассмотрению данного феномена необходимо осторожно и постепенно. Так, В.Т. Ковалева отмечала, что есть две большие проблемы при изучении древних поселений: преимущественное изучение жилищных западин и почти полное игнорирование межжилищного пространства; некорректное привлечение этнографических аналогий, к которым нужно относиться очень аккуратно и настороженно (Ковалева, 1993. С. 5).

Существует огромное разнообразие признаков, используемых при классификации жилищ, поэтому остановимся лишь на основных из них: временной (жилища постоянные и временные); вертикальности организации (наземные, полужемлянки, землянки); особенностях строительной техники и материала (каркасно-столбовые, срубные); площади и планировке. Древнее домостроительство зависело от многих факторов: климата, обеспеченности ресурсами, социальной обстановки на окружающих территориях, нужд коллектива, традиций и мировоззрения. Все условия, определяющие выбор типа постройки и ее воплощение, можно представить в виде схемы (рис. 1).

Домостроительство культур эпохи поздней бронзы соединило в себе две строительные традиции: южную — степную (андроновскую) и северную — лесную (местных подтаежных и южнотаежных племен). В итоге в эпоху поздней бронзы формируются новые принципы как возведения жилищ, так и обустройства жилого пространства поселения.

В основу работы положен анализ домостроительной традиции пахомовской археологической культуры эпохи поздней бронзы, сформировавшейся в процессе непосредственных контактов пришлого андроновского населения и местных коллективов.

Создание и развитие нового поселка происходило в несколько этапов. На первом этапе небольшая группа людей (вероятно, мужчин) отправлялась на поиски подходящего места для создания нового поселения. В ряде случаев могла

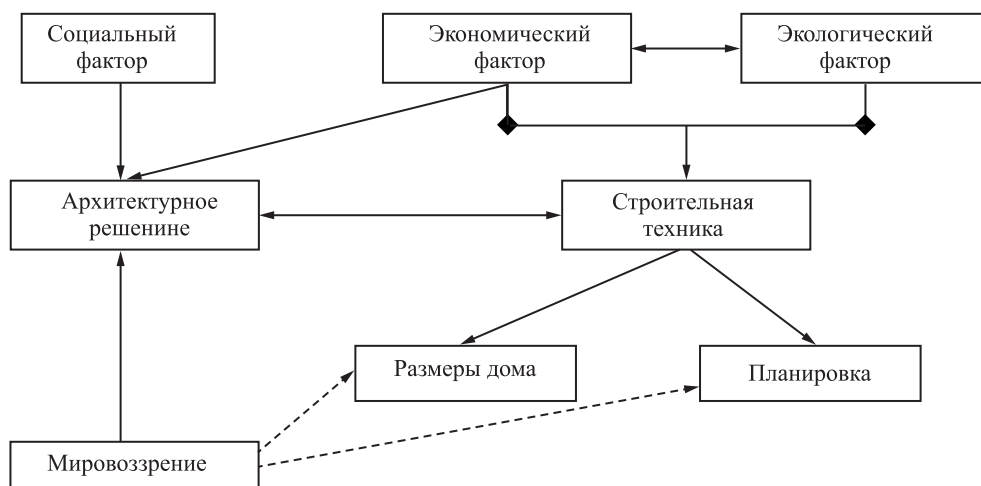

Рис. 1. Взаимосвязь природных и социальных факторов и их влияние на домостроительство.

воздвигаться временная постройка для проживания разведчиков, которая впоследствии уничтожалась (см. Ткачев, 2012. С. 176).

На втором этапе происходит непосредственное планирование территории поселка, строительство жилищ и производственных помещений, закладка строительных жертв, определение местоположения очагов и организация системы жизнедеятельности поселения, связанная с доставкой воды, продуктов питания, топлива и вспомогательных ресурсов.

На заключительном этапе происходит организация внутреннего пространства жилищ: выделяются спальные, кухонные и производственные места, формируется околоочажное пространство, особое внимание уделяется формированию сакрализованных зон внутри жилищного пространства.

При завершении возведения любой конструкции либо комплекса жилых, хозяйственных и производственных построек происходит так называемая доместикация пространства — привнесение определенного порядка в незатронутый человеком мир (Усачева, 2007. С. 234, 235). В дальнейшем в результате эксплуатации экологической ниши территория поселения может перестраиваться, сокращаться или расширяться, забрасываться или осваиваться вновь.

В настоящий момент поселенческие пахомовские памятники, исследованные полностью, отсутствуют. Отдельные элементы внутренней структуры организации поселков можно проследить по материалам поселений Пахомовская Пристань I (Евдокимов, Корочкова, 1991), Оськино Болото (Ткачев, 2001; Ткачев, Ткачева, 2006; Ткачев А.А., Ткачев Ал. Ал., 2009), Ново-Шадрино VII (Корочкова, 2010), Заводоуковское XI (Аношко,

Агапетова, 2010), Жар-Агач I (Сотникова, 1986), Усть-Китерьма IV (Полеводов, 1999, 2003), Роза Ветров II (Ткачев, 2010) (рис. 2–4).

Пахомовские поселки, исследованные на этих памятниках, сближают особенности взаиморасположения жилых сооружений, размещенных вытянуто в одну-две линии вдоль реки или мыса; выходы из жилых конструкций в большинстве случаев направлены в сторону водоема. Иногда ориентация выходов направлена в сторону заката, что может объясняться выгодным использованием светового дня, когда лучи заходящего солнца, параллельные земле, проникают через открытый проем входа в помещение и достаточно ярко освещают его вплоть до полного захода солнца.

Таким образом, можно предполагать, что в пахомовской домостроительной традиции господствовала линейно-уличная планировка поселений, в один или несколько рядов параллельно основной береговой линии. На поселении Оськино Болото две улицы сходятся под прямым углом: на одной из них располагались жилые конструкции, на другой — хозяйственные и производственные сооружения. В точке их соединения была устроена центральная площадь поселка, с большим уличным очагом и конструкцией в виде навеса и мест для сидения. В то же время вне жилых конструкций очаги достаточно редки. Тем не менее за пределами жилищ можно выделить несколько функционально различных зон, связанных с очагами: центральная площадь поселка, летняя кухня, копильня, бронзолитейный комплекс (Нестерова, Ткачев, 2011. С. 70).

Как правило, постройки на площади поселка расположены компактной группой, реже несколько удалены друг от друга (Усть-Китерьма IV)

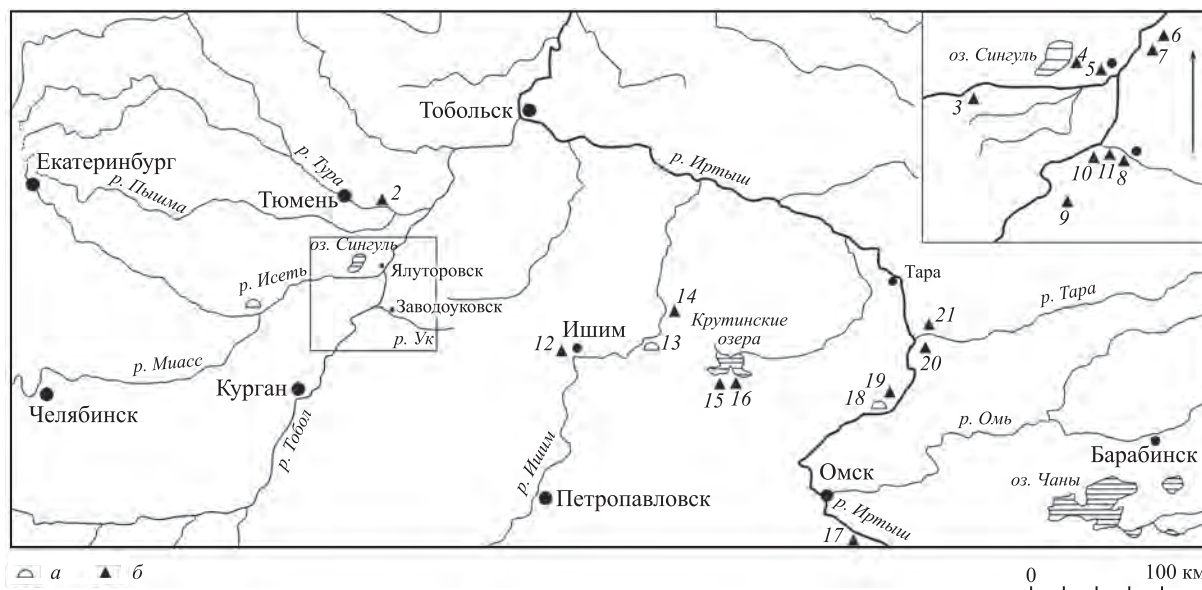

Рис. 2. Карта распространения памятников пахомовской культуры. 1 – Усть-Терсюкский 2; 2 – Борки; 3 – Ботники 1в; 4 – Роза Ветров II; 5 – Оськино Болото; 6 – Большой Имбиряй 10; 7 – Большой Имбиряй 2; 8 – Заводоуковское 11; 9 – Ново-Шадрино VII; 10 – Ук III; 11 – Ук VI; 12 – Пахомовская Пристань I; 13 – Лихачевский; 14 – Ир II; 15 – Усть-Китерья I; 16 – Усть-Китерья IV; 17 – Жар-Агач; 18 – Черноозерье II; 19 – Инберень IV; 20 – Алексеевка XXI; 21 – Прорва. Условные обозначения: а – могильники; б – поселения, исследованные раскопками.

(Полеводов, 1999). Наиболее характерный признак для всех пахомовских памятников – отсутствие каких-либо фортификационных систем¹. В целом имеющиеся данные позволяют предполагать, что подобная планировка поселка характерна для эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири и вполне вписывается в традиционную систему домостроительства.

Жилища представлены почти на всех поселенческих комплексах. На сегодняшний день изучено 25 сооружений пахомовской культуры. Большая часть из них – это одно-, реже двухкамерные постройки со средней площадью 40–80 м², углубленные в материк на 30–60 см. Исключение составляет многокамерная постройка, исследованная на поселении Оськино Болото (Ткачев, Ткачева, 2006. С. 241; Ткачев А.А., Ткачев Ал. Ал., 2009. С. 84. Рис. 2). Три камеры постройки данного памятника соединены между собой коридорообразными переходами, фиксирующимися на материке в виде углублений (рис. 3, 1).

¹О.М. Аношко и Т.А. Агапетова говорят о наличии укреплений на поселении Заводоуковское 11 в виде двух ровов и вала, представлявших собой неглубокие канавы с установленными в них частоколами. Однако авторы никак не объясняют, почему укрепления нарушают целостную систему планировки поселка, пререзают пахомовские конструкции (сооруж. 3) и оставляют часть построек вне пределов фортификации, оговаривая лишь возможное существование неких “крепости” и “посада” (Аношко, Агапетова, 2010. С. 124–127. Рис. 2).

Судя по хорошо читаемым границам котлованов геометрических форм и многочисленным столбовым ямкам, идущим на некотором расстоянии вдоль котлованов построек, а также расположенным по периметру и в центре, жилые постройки представляли собой срубную конструкцию. Внутри нее стены дополнительно фиксировались и укреплялись вертикальными столбами. Крыша, по-видимому, была двух- или четырехскатной и формировалась на горизонтальных лагах, опирающихся краями на стены и дополнительные опорные столбы в центре, образуя дополнительное чердачное помещение (рис. 5).

Вероятно некоторые постройки периодически подвергались ремонту, о чем говорят, например, сдвоенные ямки на поселении Пахомовская Пристань I (Евдокимов, Корочкова, 1991. С. 52. Рис. 1). Чаще всего жилища имели один коридор- или тамбурообразный выход. В некоторых случаях основной выход дополнялся еще одним, располагавшимся обычно в углу постройки (например, поселение Оськино Болото, жил. 1 и 22)².

²Интересно отметить, что конструкция предполагала двойной выход только в тех случаях, когда назначение постройки выходило за рамки только жилого помещения. Жил. 1 – постройка принадлежала, вероятно, вождю поселка/племени, в ней могли проходить общие собрания членов коллектива; жил. 22 – культовая постройка, соотносимая с местом проведения поселковых ритуалов, местом проживания шамана и, возможно, местом проведения инициаций юных представителей племени.

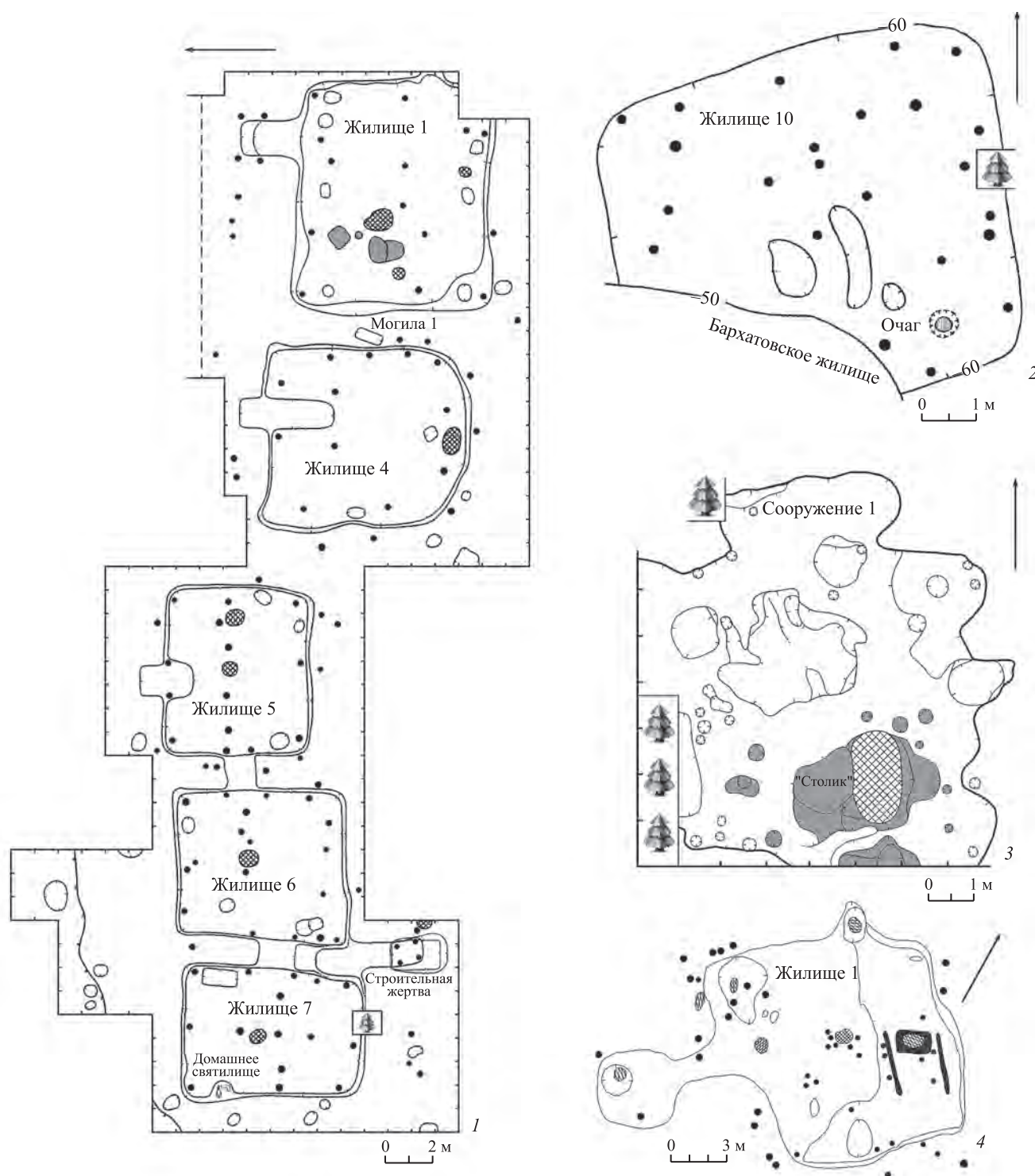

Рис. 3. Планы исследованных конструкций и способы зонального структурирования жилого пространства. 1 – жил. 1, 4–7 (пос. Оськино Болото); 2 – жил. 10 (пос. Ново-Шадрино VII); 3 – соор. 1 (пос. Заводоуковское II); 4 – жил. 1 (пос. Пахомовская Пристань I).

Он был направлен в сторону водоема или же в центр жилой площадки (Евдокимов, Корочкова, 1991. С. 52–54; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 147–152). Единично на поселении Ук III исследователями выявлен выход в виде дверного

проема, который скорее всего располагался в стене сооружения, возведенного в котловане старой неолитической постройки (Корякова и др., 1991. С. 15, 54. Рис. 9). Хотя более вероятным представляется вариант, что коридоро- или тамбурообразный

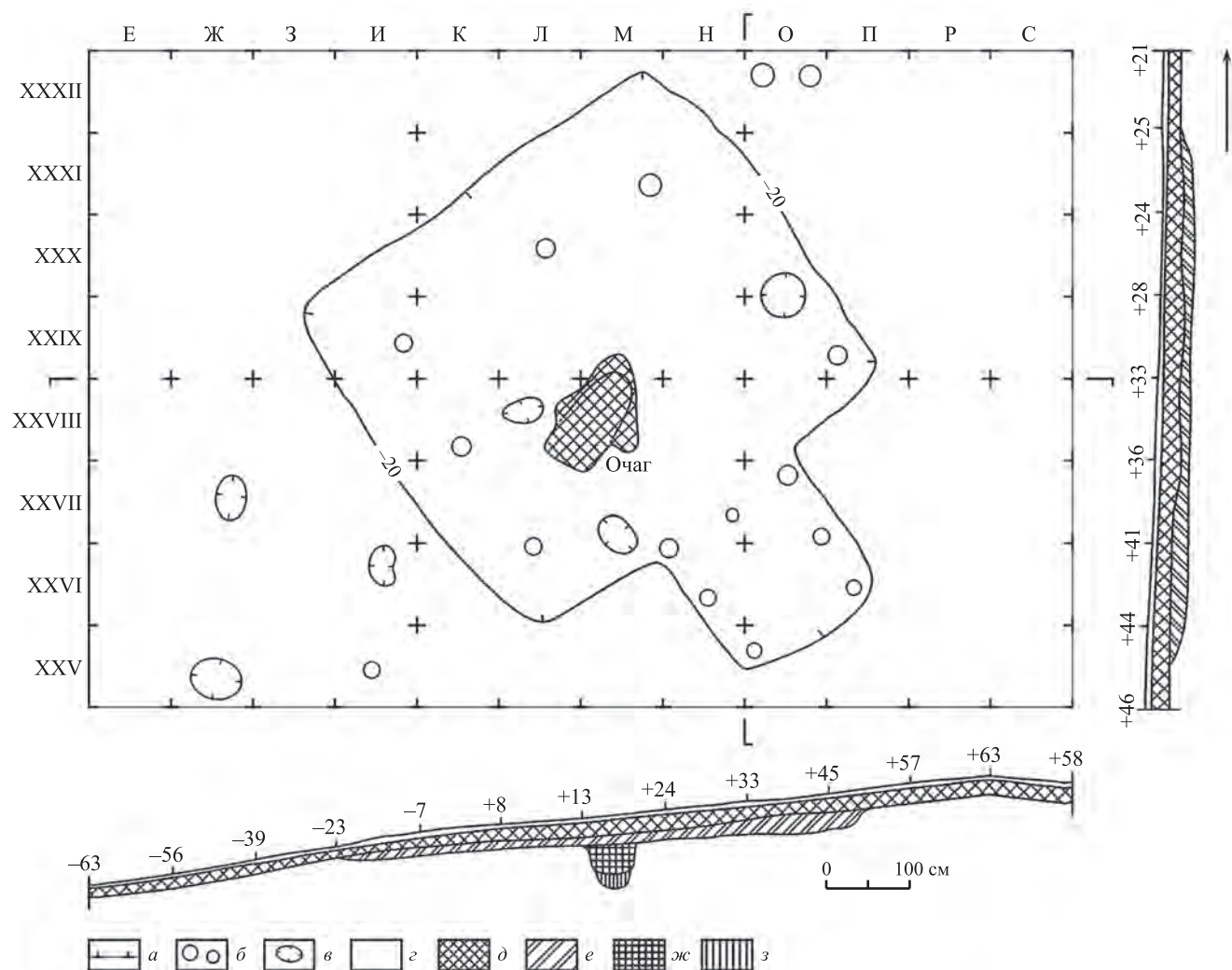

Рис. 4. Поселение Роза Ветров II. План и разрез сезонного жилища 9. Условные обозначения: а — границы исследованного участка; б — столбовые ямы; в — хозяйственная яма; г — дерн; д — серый песок; е — темно-серый песок с включением древесных углей; ж — черный углистый песок; з — черный песок с древесными углями.

выход не был углублен в материковую часть слоя поселения и соответственно не был прослежен исследователями памятника.

Преимущественно светлые оттенки заполнения котлованов свидетельствуют о том, что жилища не использовались для содержания скота, что характерно, например, для ирменских построек Приобья (Матвеев, 1993. С. 17–87). Сооружения характеризуются достаточно ровным полом, без следов чистки и выемки грунта.

Небольшое количество находок на межжилищном пространстве свидетельствует об устоявшейся системе поддержания порядка и чистоты на территории поселков — основная часть находок залегает в заполнении котлованов и на полах вдоль границ котлованов исследованных жилищ. Вероятнее всего скапливающийся бытовой мусор

после периодических уборок помещений и межжилищного пространства высыпался на крыши жилищ, после обрушения которых попадал во внутреннюю часть помещений.

Внутренняя структура пахомовских жилищ весьма интересна, хотя и относительно проста. Обычно жилые сооружения делились рядом столбовых ям на северную и южную части и могли завешиваться шкурами либо закрываться плетевыми экранами. Как правило, в сооружениях находилось несколько хозяйственных углублений, которые, судя по находкам, использовались для хранения или утилизации продуктов. На противоположной стороне от входа обычно располагались возвышавшиеся над полом нары для сна.

Интерьер некоторых жилых сооружений позволяет предполагать наличие домашних святилищ,

Рис. 5. Графическая реконструкция внешнего вида пахомовской жилой конструкции по материалам жилища 22 поселения Оськино Болото (художник Д.А. Белоногов).

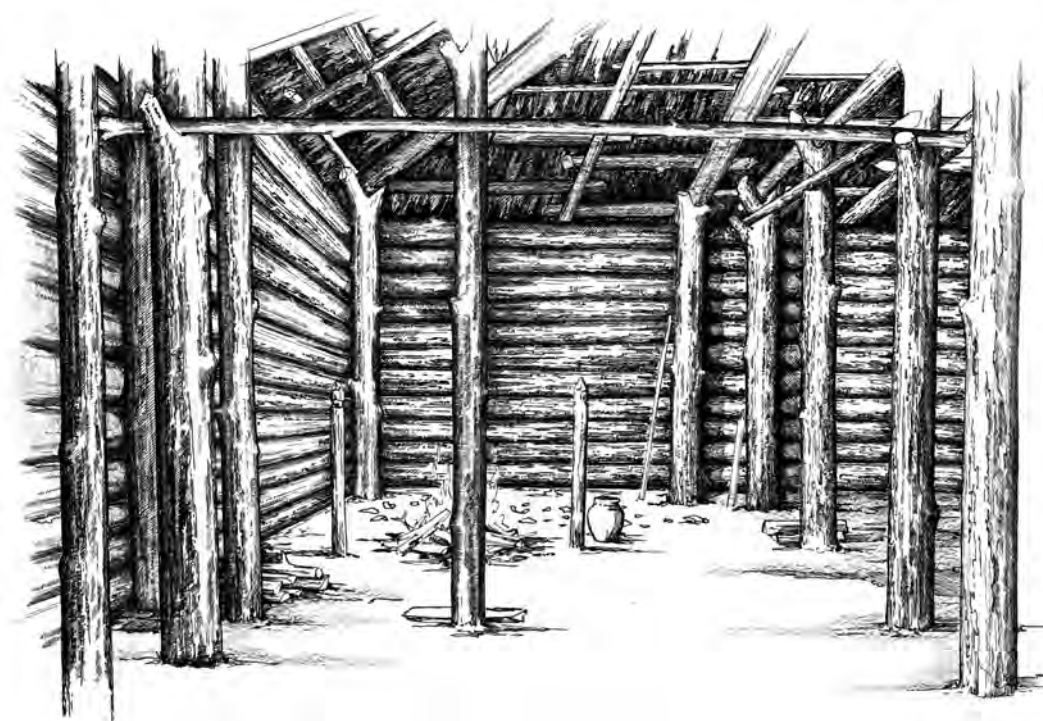

Рис. 6. Графическая реконструкция внутренней конструкции постройки и оформления околоочажного пространства по материалам жилища 22 поселения Оськино Болото (художник Д.А. Белоногов).

включающих характерные наборы костей животных (череп, нижние челюсти) или человека, помещенные в специально обустроенные места (ниши, выступы, ямы) (Корочкова, 2010. С. 62). Встречаются и своеобразные “капища” — группы столбовых ямок, иногда отличающиеся крупными размерами

и незначительной глубиной, в которых, предположительно, размещались деревянные скульптуры божеств (идолы). В некоторых случаях подобные комплексы дополняются разными изделиями, обладающими сакральным значением (светильники, скульптурки, перевернутые сосуды).

Особенности размещения очажных сооружений в постройках пахомовской культуры характеризуются следующими показателями. На полах слабоуглубленных небольших по размеру конструкций, как правило, располагался один обычно углубленный очаг, в центре или у стены напротив входа. При наличии нескольких очагов в жилище чаще всего они выстраиваются линейно по центральной оси сооружения, у стен, в углу, рядами вдоль стен. Как правило, они служили дополнительными устройствами, о чем свидетельствует небольшая мощность прокала и маленькие размеры. Центральные очаги, напротив, обладали мощным заполнением и крупными размерами, что говорит об их длительном и интенсивном использовании. Фиксируется несколько планиграфических зон, связанных с очагом. Первую зону можно условно обозначить как «кухонную»: это большие углубленные очаги с насыщенным мощным заполнением, зольными ямами, многочисленными фрагментами керамики и следами околоочажной (надочажной) деревянной конструкции в виде ям от кольев. Располагались они в центре или в углу сооружения. Также очаг мог служить для объединения или, напротив, разделения секторов жилища.

Использование дополнительных материалов для очажных конструкций (камень, глина) отмечается не часто (20%). Возможно это связано с тем, что технические параметры простых в устройстве очагов удовлетворяли жителей пахомовских поселений. Соответственно сложная производственная деятельность, требовавшая больших температур, могла организовываться на площади поселения, но за границами жилых помещений (Нестерова, Ткачев, 2011. С. 69, 70). Однако не исключена хозяйственная принадлежность очагов к бронзолитейному производству, о чем говорят находки предметов, использовавшихся на разных его этапах в границах жилищ (Заводоуковское XI, Оськино Болото), а также сплески бронзы (Аношко, 2008; Матвеев, Костомаров, 2011. С. 47).

Несмотря на то что каждое из жилищ имело индивидуальные конструктивные черты, особенности интерьера позволяют выделить общие элементы, свидетельствующие об общих устоявшихся традициях:

- жилые помещения представляли собой полуземлянки с коридор- или тамбуриобразными выходами длиной 1.5–3 м и котлованами, углубленными в грунт до 0.6 м (рис. 2, 1, 3, 4);

- помещения имели правильную геометрическую форму с четко фиксируемыми стенками и углами котлованов (рис. 2);

- для техники сооружения характерна срубная конструкция, внутри которой стены дополнительно фиксировались и укреплялись вертикальными столбами (рис. 5, 6);

- постройки венчали двускатные или четырехскатные крыши, центральный конек которых был чаще всего вытянут в широтном направлении;

- устройство кровли, вероятно, формировало чердачное помещение, которое могло использоваться как дополнительное хранилище;

- с внешней стороны крыши и стены жилищ могли утепляться мхом, перекрываться берестой, ветками;

- интерьер обычно делился на две части: северную и южную, которые в свою очередь могли подразделяться на отдельные отсеки.

Объекты хозяйственно-бытового назначения на территории поселений представлены небольшими хозяйственными постройками, зольниками, металлургическим центром, навесами и многочисленными колодцами. Хозяйственные постройки (Оськино Болото, жил. 2, 15; Пахомовская Пристань I, сооруж. 1, 2; Заводоуковское XI, сооруж. 4) представляли собой небольшие слабоуглубленные квадратные или прямоугольные конструкции, площадью 13–20 м², не содержавшие очагов, и с выходами обычно в одном из углов конструкции. Колодцы известны только на поселении Пахомовская Пристань I (Евдокимов, Корочкова, 1991. С. 51–54), что, вероятно, объясняется сложной климатической ситуацией в Приишимье, где особенно ярко проявился дефицит увлажнения. Колодцы располагались как в жилищах, так и за пределами выявленных сооружений. Один из колодцев имел диаметр 2.1 м и такую же глубину. Второй — размерами 1.5 × 1.8 м, глубиной 1.5. Если в первом колодце разрез представлен достаточно простой стратиграфией, то во второй яме зафиксированы прослойки прокалов, перекрытые черными углистыми прослойками почвы (Евдокимов, Корочкова, 1991. С. 54).

На поселении Оськино Болото изучен бронзолитейный комплекс, сохранившийся в виде зольника, с южной стороны которого располагалось семь очагов открытого типа, две хозяйственные ямы и навес, перекрывавший участок межжилищного пространства площадью свыше 50 м². Зольник представлял собой продолговато-овальный холм, перекрывавший котлован неолитического жилища. Размеры зольника — 7 × 4.5 м,

площадь — около 30 м², мощность отложений достигала 0.3 м. В них преобладала пахомовская посуда, в том числе два раздавленных сосуда, и обожженные кости животных. Среди вещевого инвентаря — льячки со следами металла, точильный камень, катушка, грузила (Ткачев, 2014).

Зольники также известны на пахомовских поселениях Ново-Шадрино VII и Большой Имбирей 10. На поселении Большой Имбирей 10 зольник имел исключительно хозяйственное значение и использовался для складирования отходов жизнедеятельности поселка (Матвеев, Костомаров, 2011. С. 53). На поселении Ново-Шадрино VII первый зольник представлен супесью темно-черного цвета. Предположительно зольник перекрывал часть постройки бронзового века и находился в ее котловане. В заполнении же самого зольника обнаружено много костей животных, керамика и несколько фрагментов скелета человека (Корочкова, 1984. Л. 4, 5).

Второй зольник площадью около 30 м² располагался в углублении между двумя пахомовскими жилищами, сложен из золистых пластов разных оттенков. Зольное заполнение вмещало в себя кости животных, черепки, комки обожженной глины, предметы из кости и камня, глиняные шарики и изделия с отверстием в центре. Обнаружены многочисленные человеческие останки. Расчлененные останки как минимум 14 погребенных лежали большей частью в беспорядке вперемешку с костями животных, керамикой и другими находками в самом центре зольной платформы.

Хотя зольники в обыденном представлении имели сугубо хозяйственное назначение, О.Н. Корочковой высказано предположение, что присутствие останков человека в зольниках поселений могло носить культовый характер (1999. С. 60–63; 2010. С. 12, 13. Рис. 4).

Рассмотренные постройки имеют широкий круг аналогий: как в границах рассматриваемой территории, занимаемой пахомовской культурой, так и за ее пределами в широком хронологическом диапазоне. Важной характеристикой поселений и построек можно назвать их долговременность, о чем говорят все имеющиеся данные (мощность культурного слоя, глубина котлованов и насыщенность находками).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аношко О.М. Отчет о раскопках селища Заводоуковское 11 в Заводоуковском р-не Тюменской обл. в 2007 г. // Архив САЭ ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2008. № 1/116.

Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 118–136.

Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях древних славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.

Викторова В.Д. Обоснование программы археологических исследований поселений // Вопросы археологии Урала. Вып. 17: Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 7–14.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 50–63.

Ковалева В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 5–23.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮриздат, 2010. 104 с.

Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. С. 57–63.

Корочкова О.Н. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII в 1983 г. // Архив Кабинета археологии Уральского гос. ун-та. Свердловск, 1984. Ф. II. Д. 456.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск: Изд-во ИИиА УрО РАН, 1991. 72 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // ВИАЭ. 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Морган Л.Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 207 с.

Нестерова М.С., Ткачев Ал. Ал. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // ВИАЭ. 2011. № 1 (14). С. 63–71.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I, кн. I: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 485 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. С. 100–102.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

- Сотникова С.В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1986. С. 43–55.
- Ткачев А.А. Комплексы эпохи бронзы поселения Оськино Болото // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. С. 174–178.
- Ткачев А.А. Поселение поздней бронзы Оськино Болото (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и культурной среды. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 24–28.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // ВААЭ. 2006. № 7. С. 241–248.
- Ткачев А.А., Ткачев Ал. Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // ВААЭ. 2009. № 11. С. 81–89.
- Ткачев Ал. Ал. Комплексы металлообработки пахомовской культуры (Западная Сибирь) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2014. Мисс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2014. С. 139–142.
- Ткачев Ал. Ал. Сезонный промысловый центр эпохи поздней бронзы на озере Сингуль // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 275–277.
- Усачева И.В. Доместикация пространства // Миф, обряд и ритуальный обряд в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 234–239.
- Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2008. 272 с.
- Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2010. 160 с.

SPECIFIC TRAITS OF HOUSE-BUILDING AMONG THE POPULATION OF THE LATE BRONZE AGE PAKHOMOVO CULTURE

Aleksandr Al. Tkachev*, Aleksandr A. Tkachev **

* Tyumen State University (al.al.tkachev@mail.ru)

** The Institute of Reclamation of the North, Siberian Branch of RAS, Tyumen (sever626@mail.ru)

The paper analyses the design of dwellings, hearths and additional elements instrumental in the organization of the interior in the structures of the Pakhomovo archaeological culture. A graphic reconstruction of a standard dwelling is elaborated.

Keywords: Tobol-Irtysh basin, Late Bronze Age, Tobol-Irtysh basin, Late Bronze Age, Pakhomovo culture, house-building, dwelling, household and production structures, hearth pattern, domestic sanctuaries, sacralisation of space.

REFERENCES

- Anoshko O.M., 2008. Otchet o raskopkakh selishcha Zavodoukovskoe 11 v Zavodoukovskom r-ne Tyumenskoy obl. v 2007 g. [A Report on the Excavation of the Zavodoukovskoe 11 Site in the Zavodoukovskiy District of the Tyumen Oblast in 2007]. *Arkhir sektora arkheologii i etnografii pri Institute gumanitarnykh issledovaniy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Archives of the Department of Archaeology and Ethnography of the Institute of the Humanities of Tyumen State University]. Tyumen', № 1/116 (unpublished).
- Anoshko O.M., Agapetova T.A., 2010. Novye dannye po pakhomovskoy kul'ture v Tobolo-Iset'e [New data on the Pakhomovo culture in the Tobol-Iset basin]. *Andronovskiy mir* [The Andronovo World]. Tyumen': Izd. Tyumen. gos. univ., pp. 118–136.
- Bayburin A.K., 1983. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh drevnykh slavyan [The Dwelling in Rituals and Notions of the Old Slavs]. Leningrad: Nauka. 188 p.
- Chernykh E.M., 2008. Zhilishcha Prikam'ya (epokha zheleza) [Dwellings of the Kama Basin: The Iron Age]. Izhevsk: Izd. Udm. univ. 272 p.
- Chernykh E.M., 2010. U istokov ural'skogo domostroitel'stva: drevnie i srednevekovye zhilishcha Prikam'ya [At the Sources of Housebuilding in the Urals: Early and Medieval Dwellings of the Kama Basin]. Izhevsk: Izd. Udm. univ. 160 p.
- Evdokimov V.V., Korochkova O.N., 1991. Poselenie Pakhomovskaya Pristan' I [The Pakhomovskaya Pristan' I settlement]. *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri* [Sources of the Ethnocultural History of Western Siberia]. Tyumen': Izd. Tyumen. gos. univ., pp. 50–63.
- Korochkova O.N., 1984. Otchet o raskopkakh poseleniya Novo-Shadrino VII v 1983 g. [A Report on the Excavations of the Novo-Shadrino VII Settlement in 1983]. *Arkhir Kabineta arkheologii Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [The Archives of the Archaeological Laboratory of the State University of the Urals]. Sverdlovsk, F. II, D. 456 (unpublished).
- Korochkova O.N., 1999. Novoe v izuchenii zol'nikov i pogrebal'nykh kompleksov epokhi pozdney bronzy Zapadnoy Sibiri [New in the study of Western Siberian

- ashpits and funerary complexes of the Late Bronze Age]. *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala [120 Years of Archaeology of the Eastern Slope of the Urals]*. Ekaterinburg: Izd. Ural. gos. univ., pp. 57–63.
- Korochkova O.N., 2010. Vzaimodeystvie kul'tur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ya) [Interaction of Cultures in the Late Bronze Age: The Andronoid Antiquities of the Tobol-Irtysh Basin]. Ekaterinburg: UralYurIzdat. 104 p.
- Koryakova L.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K., 1991. Problemy metodiki issledovaniy drevnikh pamyatnikov i kul'turno-khronologicheskaya stratigrafiya poseleniya Uk III [Methods of the Study of Ancient Sites and the Cultural-chronological Stratigraphy of the Uk III Settlement]. Sverdlovsk: Izd. IIA UrO RAN. 72 p.
- Kovaleva V.T., 1993. O rekonstruktsii obshchinnyykh struktur drevnikh obshchestv Srednego Zaural'ya po raskopkam poseleniy i zhilishch (neolit – nachalo bronzovogo veka) [The reconstruction of communal structures of early societies of the Middle Transurals from excavations of habitation sites and dwellings of the Neolithic and Early Bronze Age]. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of Archaeology of the Urals]*, 21. Ekaterinburg: Ural. gos. univ., pp. 5–23.
- Matveev A.V., 1993. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e [The Irmen Culture in the Steppe-forest Ob Basin]. Novosibirsk: Izd. Novosib. univ. 181 p.
- Matveev A.V., Kostomarov V.M., 2011. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoy Sibiri [The Pakhomovo antiquities of western Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 1 (14), pp. 46–55.
- Morgan L.G., 1934. Doma i domashnyaya zhizn' amerikanskikh tuzemtsev [Houses and Domestic Life of American Natives]. Moscow: Izd. Inst. narodov Severa Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta SSSR. 207 p.
- Nesterova M.S., Tkachev A.I., 2011. Ochazhnye ustroystva v strukture poselennicheskikh kompleksov pakhomovskoy kul'tury [Hearth structures in the pattern of habitation complexes of the Pakhomovo culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 1 (14), pp. 63–71.
- Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Essays on culture genesis of Western Siberian peoples], vol. I, book I. Poseleniya i zhilishcha [Settlements and Dwellings]. Tomsk: Izd. Tomsk. gos. univ., 1994. 485 p.
- Polevodov A.V., 1999. Suzginskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoy Sibiri [The Suzgun culture in the steppe-forest zone of Western Siberia]. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie [The 14th Archaeological Conference of the Urals]*. Chelyabinsk: Izd. Chelyab. gos. univ., pp. 100–102.
- Polevodov A.V., 2003. Suzginskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoy Sibiri: avtoref. diss. ... kand. ist. Nauk [The Suzgun culture in the steppe-forest zone of Western Siberia. PhD Thesis]. Moscow. 22 p.
- Sotnikova S.V., 1986. Poselenie Zhar-Agach [The Zhar-Agach settlement]. *Arkheologicheskie, etnograficheskie i istoricheskie istochniki po istorii Sibiri [Archaeological, Ethnographic and Historical Sources on the History of Siberia]*. Omsk: Izd. Omsk. gos. univ., pp. 43–55.
- Tkachev A.A., 2001. Poselenie pozdney bronzy Os'kino Boloto (predvaritel'noe soobshchenie) [The Late Bronze Age settlement of Oskino Boloto: A preliminary report]. *Problemy vzaimodeystviya cheloveka i kul'turnoy sredy [Issues of Interaction of Man and Cultural Milieu]*, 2. Tyumen': Izd. Inst. problem osvoeniya severa SO RAN, pp. 24–28.
- Tkachev A.A., 2012. Kompleksy epokhi bronzy poseleniya Os'kino Boloto [The Bronze Age complexes of the Oskino Boloto settlement]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya [Man and the North: Anthropology, Archaeology and Ecology]*. Tyumen': Izd. Inst. problem osvoeniya severa SO RAN, pp. 174–178.
- Tkachev A.A., Tkachev A.I., 2009. Pakhomovskiy kompleks poseleniya Os'kino Boloto [A Pakhomovo complex of the Oskino Boloto settlement from the excavations of 2005]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 11, pp. 81–89.
- Tkachev A.A., Tkacheva N.A., 2006. Kul'turnye kompleksy poseleniya Os'kino Boloto (po materialam raskopok 2005 g.) [Cultural complexes of the Oskino Boloto settlement from the excavations of 2005]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 7, pp. 241–248.
- Tkachev A.I., 2010. Sezonnyy promyslovyy tsentr epokhi pozdney bronzy na ozere Singul' [A seasonal hunting centre of the Late Bronze Age on the Singul lake]. *Evraziyskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya [Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology and Anthropology]*. Irkutsk: Ottisk, pp. 275–277.
- Tkachev A.I., 2014. Kompleksy metalloobrabotki pakhomovskoy kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Complexes of metalworking of the Pakhomovo culture in Western Siberia]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya – 2014 [Geoarchaeology and the Archaeological Mineralogy – 2014]*. Miass: Inst. mineralogii UrO RAN, pp. 139–142.
- Usacheva I.V., 2007. Domestikatsiya prostranstva [Domestication of space]. *Mif, obryad i ritual'nyy obryad v drevnosti [Myth, Rite and Ritual in Antiquity]*. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 234–239.
- Viktorova V.D., 1984. Obosnovanie programmy arkheologicheskikh issledovaniy poseleniy [The whys and wherefores of the program of archaeological investigations of habitation sites]. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of Archaeology of the Urals]*, 17. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Early Settlements of the Urals and Western Siberia]*. Sverdlovsk: Ural. gos. univ., pp. 7–14.

ОБ ОРГАНИЧЕСКИХ ПРИМЕСЯХ В ЛЕПНОЙ ПОСУДЕ НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ В БЕЛАРУСИ

© 2017 г. М.И. Лошенко

Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси, Минск (*Loshenkov_mihail@mail.ru*)

Статья посвящена изучению искусственных примесей ботанического содержания в керамике населения культуры штрихованной керамики в Беларуси (посл. четв. I тыс. до н.э. – IV в.н.э.). Данное явление не было ранее предметом специального исследования. Органические добавки зерна культурных видов и семян сорных растений рассматриваются на материалах восьми опорных памятников (6 городищ и 2 селища). Эти поселения локализуются в бассейне среднего течения р. Березины и северной части Припятского Полесья (рисунок).

Автором пересмотрено 19430 фрагментов посуды и глиняных изделий. Из них выбрано 162 фрагмента со включениями зерен и семян различных растений (табл. 1, 2). Лабораторными исследованиями в Институте экспериментальной ботаники НАН Беларуси идентифицировано 206 включений семян и зерен. Установлено, что в качестве органических добавок мастера-керамисты подсыпали в формовочные массы зерно злаковых – просо (*Panicum miliaceum* L.), пшеницу (*Triticum aestivum* L.) и ячмень (*Hordeum vulgare* L.). В редких случаях в таких целях использовали боб (*Vicia Faba* L.). Добавки зерна выращиваемых культур в глиняное тесто составили 95,6%, семена сорных растений – 4,4%. Яровым культурам злаковых и бобовых сопутствовали восемь видов сорняков.

Ключевые слова: культура штрихованной керамики, археоботанические коллекции, органические включения, виды растений, палеоэтноботанический спектр.

В лепной глиняной посуде населения культуры штрихованной керамики исследователи до 90-х годов прошлого века всегда отмечали наличие искусственных добавок минерального происхождения (Митрофанов, 1970. С. 197; 1978. С. 29, 31; Граудонис, 1980. С. 62, 63, 65, 66; Васкс, 1991. С. 19, 20; Медведев, 1996. С. 37, 38; Егорейченко, 1996. С. 34; 2006. С. 25, 73–75; Дубицкая, 2003. С. 108–110).

Во второй половине 70-х годов XX века А.А. Бобринский, специально изучавший глиняные массы древних гончаров, разделил их на несмешанные и смешанные. К первым он отнес приготавливаемые массы, состоящие из двух компонентов – глины и одного вида искусственных добавок неглинистого материала, а ко вторым – глины с двумя и более видами намеренных включений (Бобринский, 1978. С. 90, 91). В фундаментальном исследовании “Гончарство Восточной Европы” он разделил формовочные массы с включениями, уменьшающими усадку глин, на восемь групп (класс I). Нас особенно интересуют вторая и третья группы. Вторая состоит из глины и примесей половы с дробленным зерном, третья – из глины с включением зерен хлебных злаков (Бобринский, 1978. С. 91). Органические

включения зерен злаковых исследователь отметил в материалах только зарубинецкой культуры со ссылкой на С.П. Пачкову (Бобринский, 1978. С. 99, 102. Рис. 32, 3). Обстоятельно рассмотрев керамику с укрепленного поселения “штриховиков” Городище (Мядельский р-н Минской обл.), он не выявил в ней никаких органических добавок (Бобринский, 1978. С. 244, 247, 252–256, 269. Табл. 31. Рис. 2. Прил. 2). А единственным памятником, на котором А.А. Бобринский отметил наличие примесей зерна в единичных обломках глиняной посуды, было городище Аукштадварис в Юго-Восточной Литве (Бобринский, 1978. С. 247. Табл. 28. С. 265, прим. 2).

В начале 90-х годов прошлого века А.В. Васкс изучал по методике А.А. Бобринского формовочные массы керамических сосудов с памятников поздней бронзы и раннего железного века Латвии. Исследователь отметил два состава рецептов при подготовке глин: А – чистый (глина + один минеральный компонент – дресва) и Б – смешанный (глина + минеральная добавка + органическая добавка – навоз) (Васкс, 1991. С. 19–20). Здесь уместно подчеркнуть ту разницу органических примесей в керамике “штриховиков”, которую

Карта распространения образцов керамики со включениями зерна на памятниках культуры штрихованной керамики в Беларуси: 1 – Лысуха, 2 – Чижаха, 3 – Петровицы, 4 – Щатково, 5 – Палицкое, 6 – Прилепы, 7 – Сорочи, 8 – Старые Юрковичи, 9 – Веребки, 10 – Горани, 11 – Жуковка, 12 – Клишино. Условные обозначения: а – коллекция из раскопок городища, б – коллекция из раскопок селища, в – единичные находки.

констатировали два исследователя. По А.А. Бобринскому, органика – зерно злаковых культур и полова, а по А.В. Ваську – навоз животных. Значение содержания органических искусственных добавок в глиняном тесте, как видим, разное. В группах памятников Центральной и Юго-Восточной Латвии на раннем этапе (городище Мадаланы) рецепты с добавками навоза в керамике – явление редкое. А вот на этапе поздней штрихованной керамики (конец I тыс. до н.э. – перв. пол. I тыс. н.э.) такие органические добавки в смешанных формовочных массах становятся доминирующими, как, например, на поселении Керкузы (Васк, 1991. С. 20, 69, 102). О включении зерен злаковых в глиняное тесто свидетельствует материал могильника Кивты I–IV вв. н.э. в Восточной Латвии. По сведениям А.П. Расиньша, в одном обломке керамики с этого могильника есть отпечаток зерновки ячменя, который, по

его мнению, являлся самой ранней находкой этой культуры на территории Латвии (Расиньш, 1959. С. 319, 337; Прил. 1).

В пределах Беларуси до начала 90-х годов XX века никто из археологов не фиксировал в керамических изделиях “штриховиков” искусственные примеси органического содержания. Весьма интересные данные были опубликованы в 1993 г. по городищу Горани. Авторы пишут: “Сустракаюцца ў гліне і арганічныя дамешкі (рэшткі розных сям’яў, у т.л. зерня і водных раслін, кавалкі саломы і дробных галінак* (69 экз.)), якія папалі ў гліну выпадкова, з вадой” (Звяруга, Мядзведзеў, 1993. С. 95). В подстрочном пояснении (*) сказано, что определение выполнил сотрудник Института геохимии и геофизики (АН Беларуси. – М.Л.) “Г.М. Літвінюк”. Касаясь непосредственно юго-восточного ареала проживания населения культуры штрихованной керамики,

Таблица 1. Данные по выборке отпечатков зерна в керамике

Памятники	Вскрытая площадь, м ²	Обработанная керамика, число фрагментов	Выборка		Включения	
			Число	%	Число	%
Лысуха	96	2093	27	1.3	32	1.5
Палицкое	200	3760	18	0.4	18	0.4
Петровичи	372	5489	68	1.2	93	1.7
Прилепы	144	3529	14	0.4	16	0.45
Сорочи	76	1859	13	0.7	13	0.7
Старые Юрковичи	528	450	8	1.7	8	1.7
Чижаха	178	1331	9	0.6	14	1.0
Щатково	36	929	5	0.5	12	1.3
Всего	1630	19430	162	0.8	206	1.0

нами отмечены случаи, когда в посуде фиксировались добавки зерна культурных растений, преимущественно злаковых (Лашанкоў, 1994а. С. 30; 1997. С. 32; Лошенко, 2000. С. 132; 2001. С. 162; Лашанкоў, Трацякоў, 2005. С. 56. Табл. 1). Факты включений выращиваемого зерна в лепной керамике мы рассматривали первоначально как случайность, которую связывали с религиозной обрядностью (Лошенко, 1994. С. 95; Лашанкоў, 1997. С. 32; Лошенко, 2000. С. 132).

Цель настоящей публикации — показать включения органических добавок в керамике “штриховиков” на хорошей документальной основе. Опорными памятниками для рассмотрения этого вопроса являются шесть городищ в бассейне среднего течения реки Березины — Лысуха, Палицкое, Петровичи, Прилепы, Чижаха, Щатково и два неукрепленных поселения в северной части Центрального Полесья Беларуси — Сорочи и Старые Юрковичи. Подчеркнем, что речь идет только о юго-восточном ареале культуры, а не обо всей территории проживания племен штрихованной керамики (рисунок). Указанные памятники раскапывали разные исследователи со второй половины 80-х годов XX века по 2005 год включительно. Автор воспользовался керамическими коллекциями рассматриваемых поселений с любезного согласия А.В. Ильютки, Н.Н. Кривальцевича, а также материалами собственных раскопок. Полагаем, что нет необходимости подробно рассматривать методику обработки керамики с целью поиска в ней органических добавок. Порядок и последовательность этапов этой работы нами изложены и апробированы на керамике населения милоградской культуры (Лошенко, 2010а. С. 62; 2010б. С. 405–407; 2012а. С. 29; 2012б. С. 137–138).

Городище *Лысуха* расположено на правом коренном берегу Березины (рисунок, 1), в центре

современной деревни Прибрежное Березинского р-на Минской обл. (Ильютки, 2011. С. 230). Раньше оно находилось южнее деревни Лысуха, на мысу, в урочище Городок. В 1988 и 1989 гг. А.В. Ильютки разработала на нем, в северной части около вала, два раскопа (Ильютки, 1992. С. 55–58). По выявленным материалам она датировала поселение первой пол. I тыс. н.э. и отметила, что проживало на нем население культуры штрихованной керамики (Ильютки, 1995. С. 158). Из раскопок происходит 4540 фрагментов лепной посуды (Ильютки, 1995. С. 144, 145). Нами обработано менее половины (46,1%) выявленной керамики (табл. 1).

Городище *Палицкое* сооружено на последнем останце Г-образной формы в пойме правого берега Березины (рисунок, 5). Оно находится в 1.5 км восточнее одноименной деревни в Осиповичском р-не Могилевской обл. Раскопки на нем проводила в 1970 г. экспедиция истфака Белгосуниверситета под руководством Э.М. Загоруйского (48 м²), а в 1995–1997 годах — М.И. Лошенко (Жихарева, 1971. С. 45–48; Лошенко, 2000. С. 125, 126. Рис. 3). Всего на этом памятнике изучено 248 м². Материалы раскопок убедительно показывают, что основало данное поселение община культуры штрихованной керамики. Время его функционирования — со II в. до н.э. по I в. н.э. (Лошенко, 2000. С. 135, 138). Все обломки глиняной посуды с трех раскопов М.И. Лошенко пересмотрены на предмет наличия в них органических включений (табл. 1).

Петровичи, укрепленное поселение раннего железа около одноименной деревни в Бобруйском р-не Могилевской обл. (рисунок, 3), автор изучал шесть полевых сезонов, начиная с 1987 г. За это время на городище вскрыто 1200 м² при толщине слоя от 0.4 м в центральной части площадки до

0.9 м около вала (Лашанкоў, 1994б; 1994в. С. 122). На основании выявленных материалов памятник датирован II в. до н.э. — I в.н.э. На нем проживали носители культуры штрихованной керамики. Мы коснемся материалов раскопок двух сезонов — 1987 и 1993 гг. В раскопах указанных лет обнаружено 10317 фрагментов посуды. Нами обработана примерно седьмая часть (737 ед., 13.2%) коллекции 1987 г. и вся коллекция 1993 г. (4752 ед.). Как видим, всего пересмотрено около половины фрагментов лепной посуды из двух раскопов (табл. 1).

Прилепы. Городище находится в деревне Прилепы Смолевичского р-на Минской обл. (рисунок, 6). Оно расположено на холме (высотой 40 м над поймой) правого берега речушки Усяжа — правого притока речки Гайна, правого притока Березины. Три полевых сезона — 1997, 2003 и 2005 гг. — раскопки на нем проводила А.В. Ильютик. На северном краю площадки она вскрыла 144 м² при толщине культурного слоя 0.4–0.9 м. Из раскопов получена коллекция керамики численностью 3649 фрагментов с гладкостенной, штрихованной и подлощенной поверхностями (Ильютик, 2014. С. 17). На основании выявленных вещей, обломков глиняной посуды и объектов установлено, что это поселение функционировало с конца II в. до н.э. по IV в.н.э. (Ильютик, 2004. С. 274; 2014. С. 25). С этого памятника нами обработано 96,7% обломков посуды (табл. 1).

Чижаха. Городище сооружено на правом высоком берегу Березины в урочище Городок (рисунок, 2). Оно находится севернее одноименной деревни в Березинском р-не Минской обл. Раскопки на нем осуществила А.В. Ильютик в 1990 и 1991 гг. (Ильютик, 1992. С. 55–58; Ильютік, 1994. С. 113). На площадке, в северо-западной четверти около вала, она вскрыла двумя раскопами в разных местах 178 м². Толщина слоя варьировала от 0.4 до 1.6 м. Население культуры штрихованной керамики проживало на нем в посл. четв. I тыс. до н.э. (Ильютік, 1994. С. 113). Нами обработано 90% керамики из коллекции (табл. 1).

Городище *Щатково* устроено на правом берегу Березины, северо-западнее одноименной деревни, в Бобруйском р-не Могилевской обл. (рисунок, 4). На этом памятнике раскопки проводили три исследователя: в 1959 г. Е.Г. Красковская (37 м²), в 1963 г. Л.Д. Поболь (372 м²) и в 2005 г. А.В. Ильютик (36 м²) (Поболь, 1967. С. 182–223; 1974. С. 256–261). По коллекциям находок установлено, что проживала на нем община “штриховиков” в посл. четв. I тыс. до н.э. и в I в.н.э., как считают М.И. Лошенко

и А.В. Ильютик (Лашанкоў, 1994а. С. 29–33; Ильютик, 1998. С. 25–39). Рассматриваемый нами материал — лепная керамика из раскопа А.В. Ильютик — обработана в полном объеме (табл. 1).

Поселение *Сорочи* находится севернее эпонимного населенного пункта в Любанском р-не Минской обл. (рисунок, 7). Памятник расположен на выступе левого берега речки Оресса, которая является правым притоком р. Птичь. Береговой выступ в плане прямоугольной формы, с закругленными углами возвышается над поймой Орессы на 3–3.5 м. В 1999 г. М.И. Лошенко вскрыл на нем 76 м². Толщина культурного слоя в раскопе была 0.8–1.5 м. Верхний горизонт его до глубины 0.4–0.6 м был переотложен, ниже сохранился *in situ* (Лошенко, 2001. С. 159, 160). Вся коллекция керамики из раскопа 1999 г. привлечена нами для археоботанического изучения (табл. 1).

Поселение *Старые Юрковичи* — многослойный памятник каменного, бронзового, железного веков и средневековья. Оно находится северо-восточнее деревни Старые Юрковичи Любанского р-на Минской обл. (рисунок, 8). Расположено на северном краю послеледниковой останца, в правобережной пойме речки Оресса, в урочище Грудина. Останец возвышается над поймой на 5–8.6 м. Размеры поселения 50 × 200 м. В 1985–1987 гг. Н.Н. Кривальцевич исследовал на нем 688 м² (Кривальцевіч, 2011. С. 319). Толщина слоя 0.4–0.6 м. В отложениях поселения есть керамика раннего железного века. Коллекция керамики “штриховиков”, которые проживали здесь со II по IV в. н.э., из раскопок 1985 и 1986 гг. обработана нами полностью (табл. 1).

Отметим, что для половины опорных памятников (Палицкое, Сорочи, Старые Юрковичи и Щатково) обработана вся керамика. Для двух поселений — Прилепы и Чижаха — почти вся. Для городища Лысуха остались необработанными 54% керамики, для городища Петровичи — 86% от всей выявленной (40092 ед.) за время раскопок.

Необходимо заметить, что рассматриваемое нами явление — искусственные добавки зерна в глиняной формовочной массе — у населения культуры штрихованной керамики имело более широкое распространение, нежели на восьми указанных выше памятниках. Далее мы приведем примеры случайных фактов. К таковым относим единичные находки отпечатков зерен на поверхностях фрагментов, которые были замечены авторами раскопок, тогда как вся коллекция обломков посуды не обрабатывалась с целью поиска подобных зерновок.

В.И. Шадыро передал на определение три стенки керамики от сосудов раннего железного века из раскопок городища Клишино (рисунок, 12) (Шадыра, 2004. С. 290; 2007. С. 212). Два фрагмента происходят из раскопа 2003 г. Первый (кол. № 1029) на внутренней поверхности содержал два отпечатка щетинника сизого: 1) 3.3×2.4 мм, 2) 3.5×2.5 мм. Второй (кол. № 1152) на внешней поверхности имел включение зерновки пшеницы (4.0×2.0 мм). Третий фрагмент — придонная стенка — был из раскопа 2006 г. (кв. В1, пл. III, кол. № 980). На внутренней поверхности у нее есть отпечаток зерновки ячменя (6.5×3.0 мм). Приведенные факты указывают на то, что керамика с этого памятника нуждается в специальном изучении на наличие в ней органических примесей.

В 2007 г. на городище Жуковка (рисунок, 11), в шурфе № 2 З.А. Хаританович выявила 166 обломков лепной посуды “штриховиков” (Хаританович, 2009. С. 180. Мал. 3). Только два фрагмента стенок содержали включения зерен. Один из них имел в продольном расслоении отпечаток голозерного ячменя (6.5×3.3 мм). На внешней поверхности другого (придонная часть) — отпечаток дикорастущего горошка овальной формы (4.1×3.5 мм). На городище Веребки (рисунок, 9) во время разведок З.А. Хаританович найдены обломки лепных сосудов. На внешней поверхности днища одного из горшков железного века есть отпечаток (8.5×3.0 мм) ячменя пленчатого (Хаританович, 2012. С. 4).

В середине 90-х годов А.М. Медведев отметил органические добавки в керамике городища Горани (рисунок, 10). Сведения по археоботаническим находкам в глиняной посуде Гораньского поселения приводились в публикациях дважды (Звяруга, Мядзведзеў, 1993. С. 95; Медведев, 1996. С. 47). В 1993 г. отмечалось, что среди различных семян в глине были зерна водных растений, солома и мелкие ветки. Однако перечисленные искусственные органические добавки в глиняном тесте остались, по сути, не определенными. В 1996 г. А.М. Медведев уточнил, что “было найдено 16 фрагментов с отпечатками злаков, в т.ч. 3 с зернами пшеницы”, но по остальным 13 обломкам данных нет (Медведев, 1996. С. 47). Автор умолчал о том, в каком учреждении и кто из специалистов-биологов сделал заключение по зерновкам пшеницы, и почему нет сведений по остальным образцам. Полагаем, что коллекция с городища Горани нуждается в квалифицированном заключении специалиста для достоверной ее оценки и последующих интерпретаций.

Как видим, единичные факты с укрепленных поселений Жуковка, Веребки, Клишино и Горани (рисунок, 9–12) лишь маркируют более широкую географию такого явления как добавки зерна в глиняное тесто при изготовлении посуды мастерами населения культуры штрихованной керамики.

Выборки фрагментов с зерновками на опорных памятниках в количественном отношении, естественно, не равнозначные. Так, средний показатель рассматриваемых коллекций по восьми памятникам у “штриховиков” составляет по числу фрагментов 0.8%, а по количеству включений зерна в них 1.0%. Несмотря на малочисленность таких фактов, они ценны тем, что документируют выращиваемые виды культур на каждом конкретном поселении.

Нельзя не сказать и о том, что мастера-керамисты подсыпали зерно в глиняное тесто для изготовления не только посуды, но и глиняных грузиков-пряслиц (Лысуха, Щатково). На поселении Сорочи подобный факт отмечен в глиняной бусине, а Лысуха — в миниатюрном сосудике и куске глиняной обмазки. На последнем памятнике в материалах 1989 г. нами зафиксирован интересный факт. На внешней поверхности стенки сосуда в небольшом отверстии зерновки хорошо видно обугленное зерно проса шаровидной формы. Подобные факты крайне редко встречались в керамике населения милоградской культуры. Все включения зерен и семян идентифицированы Д.И. Третьяковым в лаборатории флоры и систематики растений Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Лабораторными исследованиями установлено, что отпечатки семян принадлежат культурным видам растений и сорным (табл. 2) На первые приходятся 95.6% анализируемых включений, а на вторые — 4.4%. Среди зафиксированных видов, выращиваемых жителями поселений, есть просо (*Panicum miliaceum* L.), пшеница (*Triticum aestivum* L.), ячмень (*Hordeum vulgare* L.) и боб (*Vicia faba* L.). Больше всего зафиксировано включений проса — 79.7%, пшеницы — 14.2%, ячменя — 5.1%. Боб составляет только 1%. Если просо как органическая добавка выявлено на всех поселениях, то пшеница только на четырех, как и ячмень, а боб — на одном. На четырех памятниках отмечены по 2 вида злаков, на трех — по 3 и на одном — 1.

В рассматриваемых коллекциях семян сорных растений мало — всего 9. Они выявлены на семи памятниках. В их числе горец войлочностный

Таблица 2. Зерно и семена сорных растений в керамике “штриховиков”

Названия растений	Памятники								Итого
	Лысуха	Палицкое	Петровици	Прилепы	Сорочи	Старые Юрковичи	Чижаха	Щатково	
Культурные виды – 197									
Просо	26	10	75	8	11	4	11	12	157
Пшеница	4	7	12	4		1			28
Ячмень			3	3	1	2	1		10
Боб			2						2
Сорные растения – 9									
Горец войлочнолистный							1		1
Горошек							1		1
Конопля				1					1
Костер полевой	1								1
Марь белая			1						1
Рожь	1					1			2
Щетинник зеленый					1				1
Щетинник сизый		1							1
Всего	32	18	93	16	13	8	14	12	206

(*Persicaria tomentosa* (Schrank) Bicknell), горошек дикорастущий (*Vicia sp.*), рожь (*Secale cereale* L.), конопля (*Cannabis ruderalis* L.), костер полевой (*Bromus arvensis* L.), марь белая (*Chenopodium album* L.), щетинник зеленый (*Setaria viridis* (L.) Beauv.) и щетинник сизый (*Setaria pumila* (Poir.) Roem. et Schult.). Эти семена следует рассматривать как сорняки, сопутствовавшие культивируемому яровым злаковым. На одном поселении (Щатково) они не выявлены. По два сорняка обнаружены на двух памятниках – Лысуха и Чижаха. На пяти они представлены минимальным количеством семян.

Основываясь на полученных результатах, мы можем с уверенностью говорить о том, что мастера-керамисты населения культуры штрихованной керамики намеренно подсыпали в формовочные глиняные массы зерно злаковых культур в небольшом количестве. Наши данные позволяют установить палеоэтноботанические спектры восьми рассмотренных опорных поселений. Почти на всех памятниках мы наблюдаем устойчивый ассортимент выращиваемых культур – два либо три вида злаковых: просо, пшеницу и ячмень (табл. 2). В данном случае речь идет исключительно о яровых посевах. Косвенно на это указывают

единичные семена сорняков, которые вместе с зерном попали в искусственные примеси.

Палеоэтноботанические спектры рассмотренных памятников “штриховиков” юго-восточного ареала культуры в посл. четв. I тыс. до н.э. – перв. пол. I тыс.н.э. почти тождественны аналогичным спектрам у “милоградцев”, “зарубинцев”, “днепро-двинцев”, “юхновцев” (Лошенко, 2008. С. 283–241; 2012 а. С. 31–34; Горбаненко, Пашкевич, 2010. С. 35–39, 131–134, 169–171; Лошенко, 2013. С. 83, 84; Каравайко, 2012. С. 130; Горбаненко, 2012а. С. 217–226; Каравайко, Горбаненко, 2012. С. 74–78; Горбаненко, 2012б. С. 171–173). Аналогичный спектр выращивавшихся злаковых культур, по карпологиическим данным из нижнего слоя и нижнего горизонта верхнего слоя, исследователями отмечен на эталонном памятнике дьяковских племен – городище Дьяково (Спиридонова и др., 2011. С. 189–191. Табл. 64).

Дальнейшее изучение этого направления позволит установить палеоэтноботанический комплекс свойственный племенам штрихованной керамики на территории Беларуси, и расширить географию рассматриваемого явления в центральной, западной и северо-западной частях республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.
- Горбаненко С.А.* Палеоэтноботанические определения из городищ Киселёвка II, Песочный Ров, Западное Юхновское, Бужанка I // Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012а. С. 171–173 (Прил. II).
- Горбаненко С.А.* Палеоэтноботанічні матеріали // Каравайко Д.В., Горбаненко С.А. Господарство носіїв юхнівської культури. Київ: Наук. думка, 2012б. С. 171–173 (Додаток 2).
- Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О.* Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н.э. – I тис.н.э.). Київ: Академперіодика, 2010. 316 с.
- Граудонис Я.Я.* Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза балтов // Из древнейшей истории балтийских народов (по данным археологии и антропологии) / Ред. Э.С. Мугуревич. Рига: Зинатне, 1980. С. 59–69.
- Дубицкая Н.* К вопросу о технологии изготовления глиняной посуды у племен культуры штрихованной керамики на территории Беларуси (по материалам городища Ивань) // Український керамологічний журнал. Опішне. 2003. № 1. С. 108–110.
- Егорейченко А.А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н.э. – II в.н.э.). Минск, 1996. 149 с.
- Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.
- Жихарева Л.* Городище Городок // Тезисы III региональной студенческой археолого-этнографической конференции вузов Северо-Запада СССР. Рига, 1971. С. 45–48.
- Звяруга Я.Г., Мядзведзеў А.М.* Кераміка гарадзішча Гарані // ГАЗ. 1993. Ч. 1. С. 94–116.
- Ильютник А.В.* Городища Лысуха и Чижиха – памятники раннего железного века в бассейне средней Березины // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: тэзісы дакладаў канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава (10–12 снежня 1992 г.). Мінск: Эпико, 1992. С. 55–58.
- Ильютник А.В.* Лысуха – памятник железного века // ГАЗ. 1995. № 7. С. 141–161.
- Ильютник А.В.* Керамика городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. 1998. № 13. С. 25–39.
- Ильютник А.В.* Городище Прилепы // ГАЗ. 2004. № 19. С. 285–288.
- Ильютник А.В.* Итоги изучения городища железного века в деревне Прилепы // МАБ. Вып. 25. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 17–26.
- Львюцік А.У.* Раскопы помнікаў у басейне Бярэзіны // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 4. С. 112–114.
- Львюцік А.У.* Прыбярэжная, Лысуха, археалагічныя помнікі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Л – Я / Рэд. Т.У. Бялова. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. С. 230.
- Каравайко Д.В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 276 с.
- Каравайко Д.В., Горбаненко С.А.* Господарство носіїв юхнівської культури. Київ: Наукова думка, 2012. 304 с.
- Крывальцэвіч М.М.* Старыя Юрковічы, археалагічны помнік // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Л – Я. / Рэд. Т.У. Бялова. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. С. 319–320.
- Лашанкоў М.І.* Гарадзішчы ранняга жалеза ніжняй Бярэзіны // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): усебеларус. канф. гісторыкаў (Мінск, 3–5 лютага 1993 г.): у 2 ч. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. Мінск: Універсітэцкае, 1994а. С. 29–34.
- Лашанкоў М.І.* Даследаванні гарадзішча Пятровічы // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994б. № 1. С. 122–124.
- Лашанкоў М.І.* Раскопы ў Бабруйскім і Бялыніцкім раёнах // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994в. № 4. С. 122–123.
- Лашанкоў М.І.* Паліцкае гарадзішча і яго месца сярод помнікаў басейна Бярэзіны // Заслаўскія чытанні 1995 года: матэрыялы Міжнароднай канферэнцыі “Гісторыя і культура Заслаўя ў святле агульнанацыянальных праблем” (9–11 лістапада 1995 г.) / Уклад. Т.С. Скрыпчанка. Заслаўе: Гісторыка-культурны запаведнік “Заслаўе”, 1997. С. 30–38.
- Лашанкоў М.І., Трацякоў Дз.І.* Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку Паўднёва-Усходняй Беларусі // ГАЗ. 2005. № 20. С. 56–61.
- Лошенко М.И.* Эсьмоны – городище-убежище первой половины I тысячелетия нашей эры в бассейне реки Друть // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый: матэрыялы канферэнцыі (22 красавіка 1993 г.) / Рэд. А.А. Седзін. Магілёў: Магілёўскі краязнаўчы музей, 1994. С. 90–103.
- Лошенко М.И.* Городище Палицкое // Is baltu kulturos istorijos. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, Kulturos paveldo centras, 2000. P. 125–140.
- Лошенко М.И.* Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2001. T. 21. P. 159–170.
- Лошенко М.И.* Археоботанические материалы с зарубинецкого селища Хотомель // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 35. Минск: Право и экономика, 2008. С. 226–245.

- Лошенко М.И. Археоботанические коллекции с городища милоградской культуры Черное, Отрубь, Красная Горка в Беларуси // РА. 2010а. № 3. С. 61–72.
- Лошенко М.И. Палеоботанические находки на археологических памятниках милоградской культуры Беларуси // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 38. Минск: Право и экономика, 2010б. С. 404–417.
- Лошенко М.И. Новые материалы по земледелию населения милоградской культуры // РА. 2012а. № 3. С. 28–35.
- Лошенко М.И. Палеоэтноботанические находки с городища Проскурни // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 41. Минск: Право и экономика, 2012б. С. 135–146.
- Лошенко М.И. Археоботанические материалы городища Кривель // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 42. Минск: Ин-т радиологии, 2013. С. 75–86.
- Медведев А.М. Беларуское Поместье в раннем железном веке (I тысячелетие до н.э. – V в.н.э.). Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 1996. 200 с.
- Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в.н.э.) / Ред. Г.В. Штыхов. Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Митрофанов А.Г. Культура штрихованной керамики // Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. Ч. 1: Каменный и бронзовый века. Железный век / Ред. В.Ф. Исаенко. Минск: Наука и техника, 1970. С. 184–212.
- Поболь Л.Д. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района // Белорусские древности: доклады к конференции по археологии Белоруссии (январь–февраль, 1968) / Ред. В.Д. Будько. Минск: Ин-т истории АН БССР, 1967. С. 182–242.
- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н.э. по начало II в.н.э. / Ред. Ю.В. Кухаренко. Минск: Наука и техника, 1974. 424 с.
- Расиньш А.П. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР // Труды Прибалтийской объединённой комплексной экспедиции. Т. 1: Вопросы этнической истории народов Прибалтики: По данным археологии, этнографии и антропологии / Ред. Х.А. Моор. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 316–339.
- Спиридонова Е.М., Алешинская А.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Кочанова М.Д. Палеоботанические данные // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 171–193.
- Харытановіч З.А. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Мінскай і Віцебскай абласцей // МАБ. Вып. 17. Мінск: Беларуская навука, 2009. С. 179–185.
- Харытановіч З.А. Папярэднія вынікі даследавання гарадзішча Верабкі // V Лепельскія чытанні: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (21–22 верасня 2012 г., г. Лепель). Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 2012. С. 3–9.
- Шадыра В. Археалагічны комплекс на воз. Сялява Крупскага раёна // ГАЗ. 2007. № 23. С. 212–213.
- Шадыра В. Новыя дадзеныя з раскопак гарадзішча Клішына Крупскага раёна // ГАЗ. 2004. № 19. С. 290.

ORGANIC ADMIXTURES IN HANDMADE POTTERY OF THE BEARERS OF THE HATCHED CERAMIC CULTURE OF BELARUS

Mikhail I. Loshenkov

*Yakub Kolas Central Scientific Library, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk (Loshenkov_mihail@mail.ru)*

The article deals with man-made admixtures of biological substance in handmade tableware of the bearers of the hatched pottery culture unexplored so far. Organic additives of grains and weed seeds were uncovered at eight main sites, i.e. two unfortified and six fortified settlements. These settlements are located in middle course of the Berezina basin and in the north part of Polesye in the Pripyat basin (fig. 1) spanning the period between the last quarter of the 1st millennium BC and the 4th century AD.

From 19430 examined fragments of tableware and pottery items 162 fragments with grains and various seeds were chosen. Laboratory research at the Institute of Experimental Botany identified 206 seed and grain additives. It was determined that pottery makers introduced grains, e.g. millet (*Panicum miliaceum* L.), wheat (*Triticum aestivum* L.) and barley (*Hordeum vulgare* L.) or, more rarely, beans (*Vicia faba* L.), into bodies/pastes. The addition of grain into clay dough was found in 95.6% of cases. Additions of weeds amount to 4.4%. Spring crops and beans were combined with eight types of weeds. On the whole, organic additives are found in one per cent of pottery made by the bearers of the hatched pottery culture in the region under study.

Keywords: hatched pottery culture, archaeobotanic collections, organic inclusions, plant species, palaeoethnobotanic spectrum.

REFERENCES

- Bobrinskiy A.A.*, 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: istochniki i metody izucheniya* [Pottery Making of Eastern Europe: Sources and Methods of the Study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Dubitskaya N.*, 2003. K voprosu o tekhnologii izgotovleniya glinyanoy posudy u plemen kul'tury shtrikhovannoy keramiki na territorii Belarusi (po materialam gorodishcha Ivan') [On the technology of pottery making among the tribes of the hatched ceramic culture in the territory of Belarus from the record of the Ivan settlement]. *Ukrains'kiy keramologichniy zhurnal* [Ukrainian Ceramological Journal]. Opishne, 1, pp. 108–110.
- Egoreychenko A.A.*, 1996. Drevneyshie gorodishcha Belorusskogo Poles'ya (VII–VI vv. do n.e. – II v.n.e.) [The Earliest Habitation Sites of Byelorussian Polesye from the 7th–6th century BC to the 2nd century AD]. Minsk. 149 p.
- Egoreychenko A.A.*, 2006. Kul'tury shtrikhovannoy keramiki [Cultures of Hatched Pottery]. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet. 207 p.
- Gorbanenko S.A.*, 2012a. Paleoehtnobotanicheskie opredeleniya iz gorodishch Kiselevka II, Pesochnyy Rov, Zapadnoe Yukhnovskoe, Buzhanka I [Palaeobotanic identifications from Kiselevka II, Pesochnyy Rov, Zapadnoe Yukhnovskoe and Buzhanka I sites]. *Karavayko D.V. Pamyatniki yukhnovskoy kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ya* [The Yukhnov Culture Sites of the Novgorod-Severskiy Polesye]. Kiev: IA NAN Ukrainy, pp. 171–173. (Supplement II).
- Gorbanenko S.A.*, 2012b. Paleoehtnobotanichni materiali [Palaeobotanic materials]. *Karavayko D.V., Gorbanenko S.A. Gospodarstvo nosiiv yukhnivs'koï kul'turi* [Economy of the Bearers of the Yukhnov Culture]. Kiiv: Naukova dumka, pp. 171–173. (Supplement 2).
- Gorbanenko S.A., Pashkevich G.O.*, 2010. Zemlerobstvo davnikh slov'yan (kinets' I tis. do n.e. – I tis.n.e.) [Agriculture of Early Slavs (the late 1st millennium BC–1st millennium AD)]. Kiiv: Akademperiodika. 316 p.
- Graudonis Ya. Ya.*, 1980. Shtrikhovannaya keramika na territorii Latviyskoy SSR i nekotorye voprosy etnogeneza baltov [Hatched pottery in the territory of the Latvian Republic and certain issues of the ethnogenesis of the Balts]. *Iz drevneyshey istorii baltiyskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii)* [From the Earliest History of Baltic Nations (On Archaeological and Physical Anthropological Evidence)]. E.S. Mugurevich, ed. Riga: Zinatne, pp. 59–69.
- Il'yutik A.V.*, 1992. Gorodishcha Lysukha i Chizhakha – pamyatniki rannego zheleznoogo veka v bassejne sredney Bereziny [Lysukha and Chizhakha settlements – Early Bronze Age sites in the Middle Berezina basin]. *Nasel'nitsva Belarusi i sumezhnykh terytoriy u epokhu zhaleza: tezisy dakladaŭ kanferentsyi, prysvechanay 80-goddzyu z dnya naradzheniya A.R. Mitrofanava* [The Population of Belarus and the Adjacent Territories in the Iron Age: Abstracts of Papers Read at the Conference Dedicated to the 80th Anniversary of A.R. Mitrofanov]. Minsk: Epiko, pp. 55–58.
- Il'yutik A.V.*, 1995. Lysukha – pamyatnik zheleznoogo veka [Lysukha, an Iron Age site]. *Gistarychna-arkhealogichnyy zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 7, pp. 141–161.
- Il'yutik A.V.*, 1998. Keramika gorodishch zheleznoogo veka basseyna Bereziny [Pottery from the Iron Age settlements in the Berezina basin]. *Gistarychna-arkhealogichnyy zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 13, pp. 25–39.
- Il'yutik A.V.*, 2004. Gorodishche Prilepy [Prilepy settlement]. *Gistarychna-arkhealogichnyy zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 19, pp. 285–288.
- Il'yutik A.V.*, 2014. Itogi izucheniya gorodishcha zheleznoogo veka v derevne Prilepy [The results of the study of an Iron Age settlement at the village of Prilepy]. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi* [Materials on the Archaeology of Belarus], 25. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 17–26.
- Il'yutsik A.U.*, 1994. Raskopy pomnikaŭ u baseyne Byareziny [Excavations of sites in the basin of the Berezina]. *Vesti Akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk* [Bulletin of the Academy of Sciences of Belarus. Series of the Humanities], 4, pp. 112–114.
- Il'yutsik A.U.*, 2011. Prybyarezhnaya, Lysukha, arkhealogichnyya pomniki [Pribrezhnaya and Lysukha, archaeological sites]. *Arkhealogiya Belarusi: entsyklopedyya* [Archaeology of Belarus: An Encyclopaedia], 2. T.U. Byalova, ed. Minsk: Belaruskaya Entsyklopedyya imya P. Broŭki, p. 230.
- Karavayko D.V.*, 2012. Pamyatniki yukhnovskoy kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ya [Sites of the Yukhnov Culture in Novgorod-Severskiy Polesye]. Kiev: IA NAN Ukrainy. 276 p.
- Karavayko D.V., Gorbanenko S.A.*, 2012. Gospodarstvo nosiiv yukhnivs'koï kul'turi [Economy of the Bearers of the Yukhnov Culture]. Kiiv: Naukova dumka. 304 p.
- Kharytanovich Z.A.*, 2009. Arkhealogichnyya dasledavanni na terytorii Minskay i Vitsebskay ablastsey [Archaeological investigations in Minsk and Vitebsk oblasts]. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi* [Materials on the Archaeology of Belarus], 17. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 179–185.
- Kharytanovich Z.A.*, 2012. Papyaredniya vyniki dasledavannya garadzishcha Verabki [Preliminary results of the investigation of the Verabki settlement]. *V Lepel'skiya chytanni: materyyaly navukova-praktychnay kanferentsyi* [The 5th Lepel Readings: Materials of a Scientific-Practical Conference]. Vitsebsk: Vitsebskaya ablasnaya drukarnya, pp. 3–9.
- Kryval'tsevich M.M.*, 2011. Staryya Yurkovichy, arkhealogichnyy pomnik [Starye Yurkovichi, an archaeological site]. *Arkhealogiya Belarusi: entsyklopedyya* [Archaeology of Belarus: An Encyclopaedia], 2. T.U. Byalova, ed. Minsk: Belaruskaya Entsyklopedyya imya P. Broŭki, pp. 319–320.

- Lashankoŭ M.I., 1994a. Dasledavanni garadzishcha Pyatrovichy [Investigation of the Pyatrovichy habitation site]. *Vestsi Akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk [Proceedings of the Academy of Sciences of Belarus. Series of the Humanities]*, 1, pp. 122–124.
- Lashankoŭ M.I., 1994b. Garadzishchy rannyya zhalezna nizhnyay Byareziny [The Iron Age settlements of the Lower Berezina]. *Gistarychnaya navuka i gistarychnaya adukatsyya ŭ Respublitsy Belarus' (novyya kantseptsiyi i padykhody): usebelaruskaya kanferentsyya gistorykaŭ (Minsk, 3–5 lyutaga 1993 g.) [Historical Science and Historical Education in the Republic of Belarus (New Concepts and Approaches): All-Bielorussian Conference of Historians, Minsk, 3–5 February 1993]*, 1. Gistoryya Belarusi. Minsk: Universitetskae, pp. 29–34.
- Lashankoŭ M.I., 1994c. Raskopy ŭ Babruyskim i Byalynitskim raenakh [Excavations in the Bobruysk and Byalynitskiy districts]. *Vestsi Akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk [Bulletin of the Academy of Sciences of Belarus. Series of the Humanities]*, 4, pp. 122–123.
- Lashankoŭ M.I., 1997. Palitskae garadzishcha i yago mesta syarod pomnikaŭ baseyna Byareziny [The Palitskoe settlement and its place among the sites of the Berezina basin]. *Zaslavŭskaya chytanni 1995 goda: materyyaly Mizhnarodnay kanferentsyi "Gistoryya i kul'tura Zaslavya ŭ svyatile agul'nanatsyyanal'nykh prablem" (9–11 listapada 1995 g.) [Zaslavye Readings of 1995: Materials of the International Conference "History and Culture of Zaslavye in the Light of All-national Issues" (9–11 November 1995)]*. T.S. Skrypchanka, comp. Zaslav'ye: Gistoryka-kul'turny zapavednik "Zaslav'ye", pp. 30–38.
- Lashankoŭ M.I., Tratsyakoŭ Dz.I., 2005. Paleaetnabatanichnyya dasledavanni materyyalaŭ z pomnikaŭ rannyya zhalaznaga veku Paŭdneva-Uskhodnyay Belarusi [Palaeobotanic investigations of the record from the Early Iron Age sites of Southeast Belarus]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-Archaeological Collection of Papers]*, 20, pp. 56–61.
- Loshenkov M.I., 1994. Es'mony – gorodishche-ubezhishche pervoy poloviny I tysyacheletiya nashey ery v bassejne reki Drut' [Esmony, a refuge settlement of the first half of the 1st millennium AD in the Drut River basin]. *Arkhealogiya i starazhytnaya gistoryya Magileŭshchyny i sumezhnykh terytoryy: materyyaly kanferentsyi (22 krasavika 1993 g.) [Archaeology and Early History of the Mogilev Area and Adjacent territories: Materials of the Conference (22 April 1993)]*. A.A. Sedzin, ed. Magileŭ: Magileŭski krayaznaŭchy muzey, pp. 90–103.
- Loshenkov M.I., 2000. Gorodishche Palitskoe [The Palitskoe settlement]. *Is baltu kulturos istorijos*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, Kulturos paveldo centras, pp. 125–140.
- Loshenkov M.I., 2001. Poselenie kul'tury shtrikhovannoy keramiki na yuge Belarusi [A settlement of the Hatched Pottery Culture in the South of Belarus]. *Lietuvos archeologija*. Vilnius, 21, pp. 159–170.
- Loshenkov M.I., 2008. Arkheobotanicheskie materialy s zarubinskogo selishcha Khotomel' [Archaeobotanic materials from the Zarubinty culture settlement of Khotomel]. *Botanika (issledovaniya): sbornik nauchnykh trudov [Botanics (Investigations): A Collection of Scientific Papers]*, 35. Minsk: Pravo i ekonomika, pp. 226–245.
- Loshenkov M.I., 2010a. Arkheobotanicheskie kollektsii s gorodishch milogradskoy kul'tury Chernoe, Otruby, Krasnaya Gorka v Belarusi [Archaeobotanic collections from the Milogradskaya culture settlements of Chernoe, Otruby and Krasnaya Gorka in Belarus]. *RA [Russian Archaeology]*, 3, pp. 61–72.
- Loshenkov M.I., 2010b. Paleobotanicheskie nakhodki na arkheologicheskikh pamyatnikakh milogradskoy kul'tury Belarusi [Palaeobotanic finds at archaeological sites of the Milogradskaya culture in Belarus]. *Botanika (issledovaniya): sbornik nauchnykh trudov [Botanics (Investigations): A Collection of Scientific Papers]*, 38. Minsk: Pravo i ekonomika, pp. 404–417.
- Loshenkov M.I., 2012a. Novye materialy po zemledeliyu naseleniya milogradskoy kul'tury [New materials on agriculture of the Milogradskaya culture population]. *RA [Russian Archaeology]*, 3, pp. 28–35.
- Loshenkov M.I., 2012b. Paleoehtnobotanicheskie nakhodki s gorodishcha Proskurni [Palaeoethnobotanic finds from the Proskurnya settlement]. *Botanika (issledovaniya): sbornik nauchnykh trudov [Botanics (Investigations): A Collection of Scientific Papers]*, 41. Minsk: Pravo i ekonomika, pp. 135–146.
- Loshenkov M.I., 2013. Arkheobotanicheskie materialy gorodishcha Krivel' [Archaeobotanic materials from the Krivel' settlement]. *Botanika (issledovaniya): sbornik nauchnykh trudov [Botanics (Investigations): A Collection of Scientific Papers]*, 42. Minsk: Institut radiologii, pp. 75–86.
- Medvedev A.M., 1996. Belaruskoe Poneman'e v rannem zheleznom veke (I tysyacheletie do n.e. – V v.n.e.) [The Belarusian Neman Basin in the Early Iron Age (1st millennium BC–5th century AD)]. Minsk: Institut istorii NAN Belarusi. 200 p.
- Mitrofanov A.G., 1970. Kul'tura shtrikhovannoy keramiki [The hatched pottery culture]. *Ocherki po arkheologii Belorussii [Essays on Archaeology of Belarus, 1. Stone and Bronze Ages. Iron Age]*. V.F. Isaenko, ed. Minsk: Nauka i tekhnika, pp. 184–212.
- Mitrofanov A.G., 1978. Zheleznyy vek Sredney Belorussii (VII–VI vv. do n.e. – VIII v.n.e.) [The Iron Age of Middle Belorussia (the 7th–6th centuries BC–8th century AD)]. G.V. Shtykhov, ed. Minsk: Nauka i tekhnika. 160 p.
- Pobol' L.D., 1967. Poseleniya zheleznogo veka okolo d. Shchatkovo Bobruyskogo rayona [Iron Age settlements near the village of Shchatkovo in the Bobruysk district]. *Belorusskie drevnosti: doklady k konferentsii po arkheologii Belorussii (yanvar'–fevral', 1968) [Belorussian Antiquities: Papers for the Conference on Archaeology of Belorussia,*

- January-February 1968*]. V.D. Bud'ko, ed. Minsk: Institut istorii Akademii nauk BSSR, pp. 182–242.
- Pobol' L.D.*, 1974. Slavyanskije drevnosti Belorussii: svod arkeologicheskikh pamyatnikov rannego etapa zarubinskoy kul'tury – s serediny III v. do n.e. po nachalo II v.n.e. [Slav Antiquities of Belorussia: Corpus of Archaeological Sites of the Early Phase of the Zarubintsy Culture – from the mid-3rd Century BC up to the Early 2nd century AD]. Yu.V. Kukhareno, ed. Minsk: Nauka i tekhnika. 424 p.
- Rasin'sh A.P.*, 1959. Kul'turnye i sornye rasteniya v materialakh arkeologicheskikh raskopok na territorii Latviyskoy SSR [Cultural plants and weeds in the archaeological record in the territory of the Latvian Soviet Socialist Republic]. *Trudy Pribaltiyskoy ob'edinennoy kompleksnoy ekspeditsii* [Transactions of the United Complex Baltic Expedition], 1. Voprosy etnicheskoy istorii narodov Pribaltiki: Po dannym arkeologii, etnografii i antropologii. Kh.A. Moor, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 316–339.
- Shadyra V.*, 2004. Novyya dadzenyya z raskopak garadzishcha Klishyna Krupskaga raena [New data from the excavations of the Klishino settlement in the Krupskiy district]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 19, pp. 290.
- Shadyra V.*, 2007. Arkhealagichny kompleks na voz. Syalyava Krupskaga raena [An archaeological complex on the Selyava lake in the Krupskiy district]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 23, pp. 212–213.
- Spiridonova E.M., Aleshinskaya A.S., Kir'yanova N.A., Krenke N.A., Kochanova M.D.*, 2011. Paleobotanicheskie dannye [Palaeobotanic data]. *Krenke N. A. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. – I tys.n.e.* [The Dyakovo Habitation Site: Culture of the Population of the Moskva river Basin in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: IA RAN, pp. 171–193.
- Vasks A.V.*, 1991. Keramika epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza Latvii [Pottery of the Late Bronze and Early Iron Age Latvia]. Riga: Zinatne. 198 p.
- Zhikhareva L.*, 1971. Gorodishche Gorodok [The Gorodok site]. *Tezisy III regional'noy studencheskoy arkeologo-etnograficheskoy konferentsii vuzov Severo-Zapada SSSR* [Abstracts of Papers Read at the 3rd Regional Students' Archaeological-ethnographic Conference of Higher Education Institutions of the Northwest USSR]. Riga, pp. 45–48.
- Zvyaruga Ya.G., Myadzvedzey A.M.*, 1993. Keramika garadzishcha Garani [Pottery of the Garani settlement]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical-Archaeological Collection of Papers], 1, pp. 94–116.

УКРАШЕНИЯ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СТИЛЯ В СТЕПЯХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И В КРЫМУ

© 2017 г. А.М. Обломский

Институт археологии РАН, Москва (oblomsky_a@rambler.ru)

В статье рассмотрены проблемы хронологии и этнокультурной атрибуции восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями в степях Восточной Европы и Крыму. Всего известно 25 вещей, происходящих из 17 пунктов, представленных, преимущественно, украшениями. К предметам снаряжения всадника относятся две шпоры. Изделия с эмалями использовались сарматами, поздними скифами, населением античных городов, разными варварскими группировками Крыма, т.е. практически всеми основными группами населения юга Восточной Европы в равной степени. Во всех случаях вещи с эмалями единичны. В степную зону и Крым они поступали в течение довольно длительного времени, преимущественно, с территории Поднепровья. Посредником при этом выступало мобильное сарматское население.

Ключевые слова: украшения с выемчатыми эмалями, восточноевропейский стиль, степи Восточной Европы, Крым.

Основы современной типологии украшений с эмалями восточноевропейского стиля были заложены Г.Ф. Корзухиной (1978). В последнее десятилетие интерес к ним усилился, но на многие вопросы, касающиеся хронологии и этнокультурной атрибуции этих изделий, исчерпывающих ответов пока нет. Именно в этом ключе и будут рассмотрены находки вещей с эмалями и некоторых входящих с ними в один убор пластинчатых украшений в степях юга Европы и Крыму¹ (рис. 1).

¹ Территориально в этот регион входит еще и Северный Кавказ. Публикацию северокавказских эмалей в настоящее время готовит А.А. Кадиева (ГИМ). Свод находок украшений с эмалями на юге Восточной Европы опубликовала И.В. Зиньковская (2010; 2012). К сожалению, он неполон. Список, который приводится ниже, дополнен данными и из других источников.

Степная зона

1. Сирма-Бешмий, Венгрия (ныне Руски Керестур, Сербия), случайная находка (рис. 2, 1). Треугольная, ажурная с эмалью фибула – типичное изделие средней стадии эволюции стиля (Корзухина, 1978. С. 77. Табл. 23, 9).

2. Гатер, Венгрия (рис. 2, 2). В своде об украшениях круга так называемых древностей антов Г.Ф. Корзухина поместила рисунок обломка лунницы с дуговидным корпусом и двумя гнездами для эмали (1996. Табл. 115, 2). К сожалению, ни описания вещи, ни сведений об обстоятельствах находки в нем не приведено.

3. Бедражи Нои, Молдавия (рис. 2, 3). Из погр. 5 кург. 8 сарматского могильника происходит

Рис. 1. Карта распространения вещей с выемчатыми эмалями на юге Восточной Европы. 1 – Сирма-Бешмий; 2 – Гатер; 3 – Бедражи Нои; 4 – Дивизия; 5 – Сурская Забора; 6 – Сурский остров; 7 – Красный Маяк; 8 – Цимлянское правобережное городище; 9 – Валовый I; 10 – Рогожино-ХII; 11 – Верхнее Погромное; 12 – Кепы; 13 – Нейзац; 14 – Чатыр-Даг; 15 – Херсонес; 16 – Скалистое-3; 17 – Керчь.

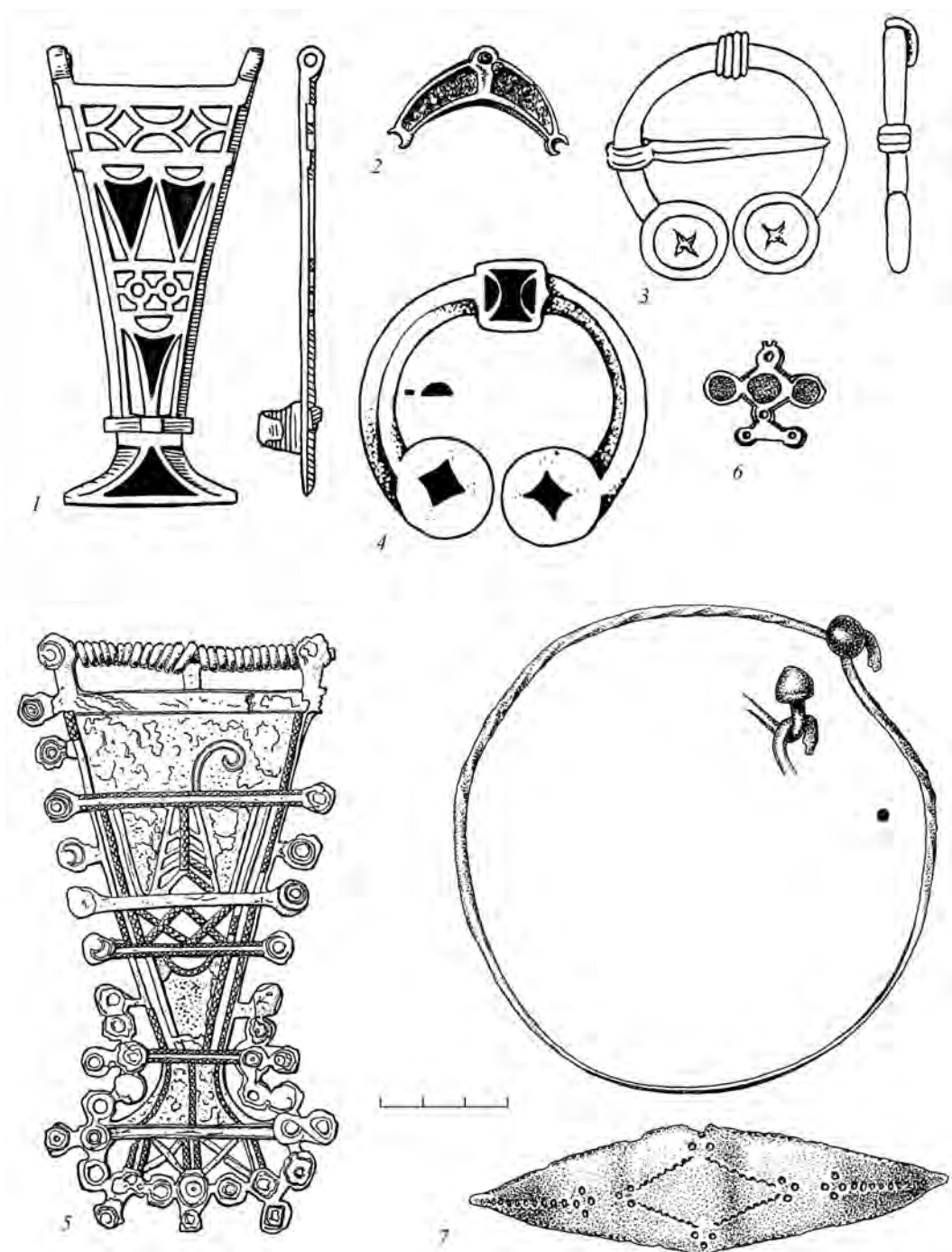

Рис. 2. Вещи с эмалью на территории причерноморской степи. 1 – Сирма-Бешмий; 2 – Гатер; 3 – Бедражи Нои; 4 – Дивизия; 5 – Сурская Забора; 6 – Сурский остров; 7 – Красный Маяк; 8, 9 – Цимлянское правобережное городище; 10–12 – Вальмовый I; 13 – Рогожино-ХII; 14 – Верхнее Погромное; 15 – Кепы (без масштаба).

подковообразная фибула со вставками красной эмали на концах. Погребение разграблено, кости передвинуты. Вместе с фибулой в захоронении найдены бронзовые пряжка и наконечник ремня (Kurciatov, Bubulici, 1997. P. 224. Fig. 3, 1).

Наконечник ремня – фасетированный, одночастный, слегка сужен книзу, относится к типу

Н3а по В.Ю. Малашеву. Изделия этого типа использовались в хронологических группах IIa и IIб (по схеме периодизации ремennых гарнитур позднесарматского времени, разработанной В.Ю. Малашевым).

Пряжка – с овальной рамой, слегка прогнутым язычком без выступов и фасетированным округ-

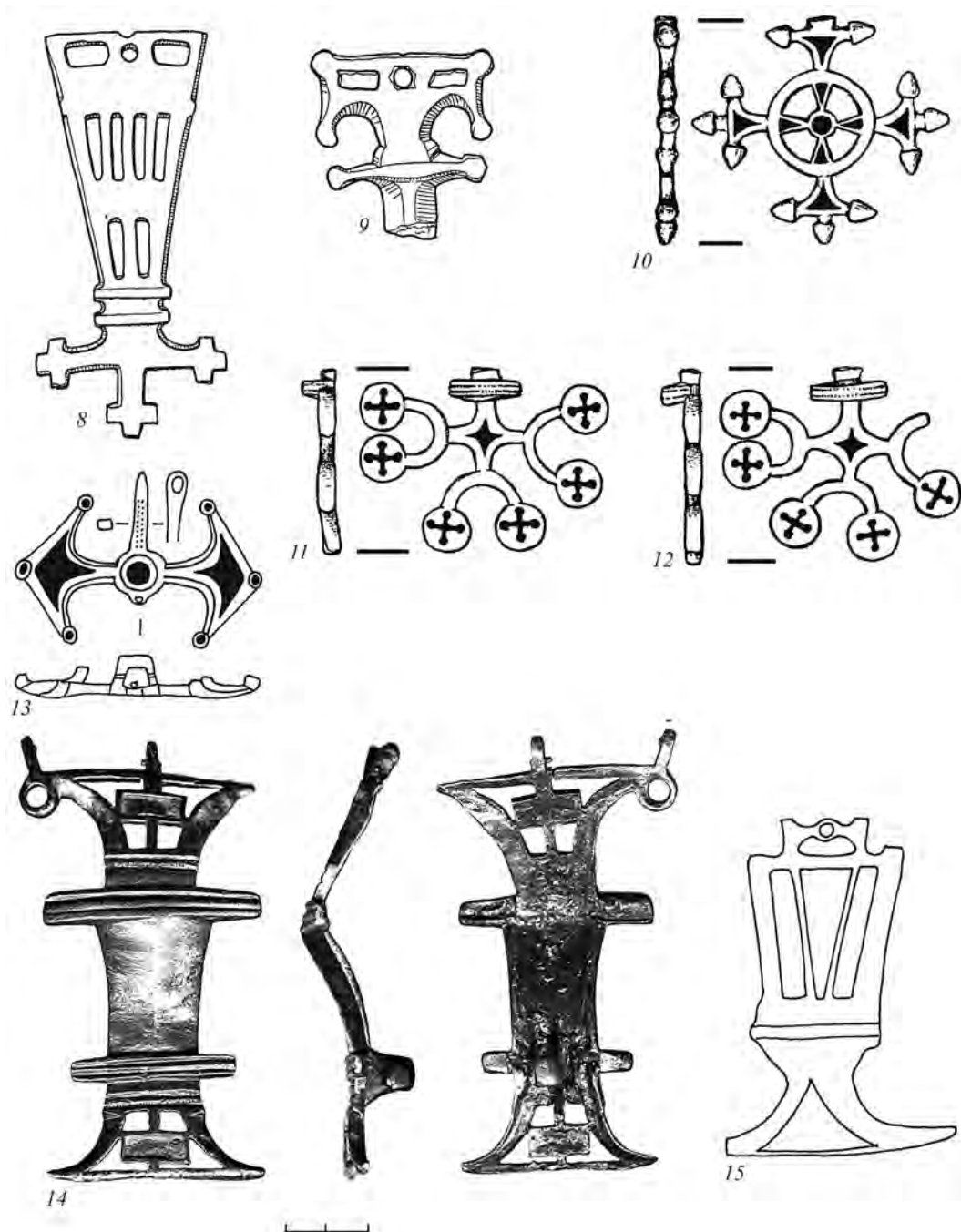

Рис. 2. (Окончание.)

лым щитком — близка к типу П26 по В.Ю. Малашеву. Подобные вещи также характерны для групп Па и Пб. Суммарная дата этих хронологических периодов — III в., не исключая конца II (Малашев, 2000. С. 195–208. Рис. 2).

По В. Гросу погребение относится к середине II — началу III в. (Grosu, 1995. P. 167. Fig. 3, 4). Периодизация В.Ю. Малашева предполагает более широкую датировку — вплоть до конца III в.

Наиболее близкие аналогии сюльгаме из погр. 5 — подковообразные застёжки, происходящие из бывшей Виленской губернии (Корзухина, 1978. Табл. 24, 1; Гороховский, 1982. Рис. 6, 5) и Давид-Городка (Лесное Поднепровье: Бялицкая, 2006. Рис. 1, 3). Отличие заключается в форме гнезд для вставок эмали. У всех фибул они крестообразные, но у изделия из Бедражи Нои — с суживающимися концами, а у прочих экземпляров — с расширенными. По Е.Л. Гороховскому

экземпляр из Бедражи Нои относится к типу 2 серии III фазы А его схемы относительной хронологии подковообразных фибул, т.е. к ранней стадии эволюции украшений с эмалями (Гороховский, 1982. С. 25–28).

4. Дивизия, Украина (рис. 2, 4). Подковообразная фибула без иглы с ромбическими гнездами для эмали на круглых окончаниях и прямоугольным гнездом с двумя сегментами по бокам на корпусе (сама эмаль не сохранилась) лежала в женском погр. 1 кург. 2 сарматского могильника у левого плеча скелета. У правого плеча была найдена лучковая фибула. Из серии вещей (Субботин, Дзиговский, 1990. С. 2–4. Рис. 3), найденных в захоронении, для определения даты комплекса важны зеркало, фибула и наконечник ремня.

Зеркало — с тамгой схемы Ининсимея Боспорского (234–239 гг.) (Васильев, Савельев, 2008. С. 32). Относится к группе изделий с боковой петлей (Хазанов IX). К востоку от Дона, в том числе на Северном Кавказе, подобные зеркала были распространены, преимущественно, во второй половине II — середине III в. (Скрипкин, 1984. С. 49; Абрамова, 1993. С. 167). К западу от Дона, по наблюдениям А.В. Симоненко, они могли использоваться и позже (2001. С. 80–82).

Фибула относится к лучковым подвязным серии III варианта 1 II–III вв. по А.К. Амброзу (1966. С. 52). В.В. Кропотов датирует такие фибулы второй половиной III в. (2010. С. 151–154). Наконечник ремня имеет слабое расширение книзу и фасетировку и относится к типу Н3а конца II — III в. по В.Ю. Малашеву (2000. С. 187–208. Рис. 2). Комплекс, таким образом, должен датироваться временем около середины III в.

Хронология погребения кург. 2 была специально рассмотрена А.А. Васильевым и О.К. Савельевым: по их мнению, оно датируется приблизительно 240–270 гг. (2008. С. 32–36).

Точных аналогий сюльгама, происходящая из курганного могильника Дивизия, не имеет. Широкая подграненная дужка, гнезда эмалей на концах в виде ромбов в сочетании с прямоугольным щитком на корпусе сближают данную застежку с экземплярами, происходящими из Барглува Дворного и Румшишкеса (Прибалтика) (Bitner-Wróblewska, 2011. Fig. 5, c; Гороховский, 1982. Рис. 6, 10). Последнюю Е.Л. Гороховский отнес к типу 2 серии IV. Изделия этой серии существовали на фазах В и С, т.е. на ранней и развитой стадиях эволюции сюльгам с эмалью (Гороховский, 1982. С. 25–29), но поскольку у рассматриваемой нами фибулы рамка относительно

широкая, она является типологически поздней в ряду подобных.

5. Сурская Забора, у с. Волошское, Украина (рис. 2, 5). Случайная находка А.В. Бодянского 1953 г. Бронзовая фибула с красной эмалью и напаянными серебристыми каемками и дисками. Г.Ф. Корзухина, наряду с фибулой из Дроково (верховья Западной Двины), отнесла ее к особому третьему (“процветшему”) варианту треугольных фибул типа III (1978. С. 77. Табл. 31). Серия подобных фибул была недавно опубликована М.Е. Левадой (2010. Рис. 18; 19). Процветшие украшения разных категорий относятся к завершающему этапу средней стадии развития стиля вещей с эмалью (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120).

6. Сурский остров, у с. Волошское, Украина (рис. 2, 6). Крестообразная бляшка с тремя круглыми гнездами эмали — зеленым в центре и красными по бокам. Точных аналогий не имеет, хотя крестообразные бляшки в комплексе украшений с эмалями известны: Кветунь (Подесенье); Среднее Поднепровье, Пятницкое (бассейн Северского Донца); Нижний Карачан (лесостепное Подонье) (Корзухина, 1978. Табл. 6, 8; 10, 7, 8; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 149, 9; 150, 5). Е.Л. Гороховский отмечает, что эта вещь была найдена А.В. Бодянским из пос. Прохвостье в 1954 г. в остатках очага № 2 “вместе с обломками груболепных горшков” (1982. С. 129. Рис. 1, 18). Культурно-хронологическая принадлежность лепной керамики, связанной с очагом № 2, неясна. Не исключено, что она относится не к периоду активного использования украшений с эмалями, а к раннему средневековью. Около с. Волошское локализуется сгусток памятников пеньковской культуры (Приходнюк, 1980. С. 130).

7. Красный Маяк, Украина (рис. 2, 7). Лобный пластинчатый венчик с чеканной орнаментацией, расширением в средней части и грибовидными окончаниями застежек находился в районе верхней челюсти ребенка, захороненного в могиле 48 погр. 1 позднескифского могильника. Около черепа найдены также “бронзовые колечки из тонкой проволоки диаметром 1.6–1.8 см и три бронзовые трубочки-пронизки длиной 0.8–2.5 см”. Авторы публикации считают их вместе с венчиком деталями головного убора (Гей, Бажан, 1993. С. 52). В районе нижней челюсти и у северо-восточной стенки могилы были найдены два бронзовых пирамидальных колокольчика высотой 1.8–2.0 см с небольшими выступами на концах. Кроме того, из погребения происходят

два спиральных браслета, серия бус, донца двух гончарных сосудов, две бронзовые фибулы.

Пластинчатые лобные венчики с окончаниями в виде шишечек — обычная находка вкладах (Жукинский, Межигорский, Мощинский, Брянский) украшений с выемчатыми эмалями Поднепровья и Поочья. Подобные вещи известны и на дьяковских памятниках бассейна Оки, и в Прибалтике (Корзухина, 1978. С. 42, 43; Гей, Бажан, 1993. С. 55, 56; Ахмедов и др., 2015. С. 147; Родинкова, Сапрыкина, 2011. С. 92). Встречаются в комплексах изделий с выемчатыми эмалями и пластинчатые бронзовые пронизи, а также пирамидальные бронзовые колокольчики (Ахмедов и др., 2015. С. 154).

Как указывают авторы публикации, одночленные лучковые подвижные фибулы, аналогичные обнаруженной в погр. 1 могилы 48, по А.К. Амброзу относятся к серии I варианту 4 и датируются преимущественно второй половиной II в.; по А.С. Скрипкину и В.М. Косяненко — второй половиной II — первой половиной — серединой III в. (Амброз, 1966. С. 50; Гей, Бажан, 1993. С. 57).

В.В. Кропотов фибулу из могилы 48 включил в серию 1 варианта 4 формы 1 конца II — первой половины III в. (2010. С. 80, 110).

Одночленная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника по А.К. Амброзу относится к группе 13 варианту 3 “I, отчасти II в.” (1966. С. 45). В.В. Кропотов отнес эту фибулу к форме 3 серии I группы 8; фибулы этой серии датируются второй половиной I — II в., не исключая начало — первую половину III в. (2010. С. 182–186). В первой половине III в. они были широко распространены в центральных и восточных районах Северного Кавказа (Малашев, 2009. С. 228, 229; Габуев, Малашев, 2009. С. 134). Таким образом, дата комплекса по А.К. Амброзу — II в., с уточнениями В.В. Кропотова и В.Ю. Малашева — конец II — первая половина III в.

8. Цимлянское правобережное городище, Россия (рис. 2, 8, 9). Бронзовая треугольная ажурная фибула без эмали отнесена Г.Ф. Корзухиной к типу IV (фибулы с элементами деградации) варианту 2 (1978. С. 26, 77. Табл. 22, 4) (рис. 2, 8). Похожим образом украшены треугольные фибулы, происходящие с пос. Татарская Горка, Ульяновка (Подесенье) (Корзухина, 1978. Табл. 6, 5; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 144).

Верхняя часть бронзовой перекладчатой фибулы без эмали (находка 1959 г. в культурном слое городища: Корзухина, 1978. С. 25, 77. Табл. 22, 7) (рис. 2, 9). Отнесена Г.Ф. Корзухиной к типу IV

(фибулы с элементами деградации) варианту 2. Аналогии происходят из Компанийцев, Хмельны, Воронкива (Среднее Поднепровье), Кветуни, Новоямского-1 (Подесенье) (Махно, 1971. Рис. 4; Корзухина, 1978. Табл. 6, 4, 10; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 140, 4). Обе фибулы, происходящие из Цимлянского правобережного городища, представляют собой дериваты украшений с эмалями.

9. Валовый I, Россия (рис. 2, 10–12). В подбойной неразграбленной женской могиле кург. 33 погр. 1 был обнаружен богатый инвентарь. Авторы публикации детально проанализировали хронологию всех позднесарматских захоронений могильника, в том числе и этого погребения, и пришли к выводу, что погребения были совершены в промежутке от середины II до середины III в. “Наиболее вероятной их датой следует считать конец II — первую треть III в.” (Безуглов и др., 2009. С. 113).

Два крестообразных ажурных украшения со вставками красной эмали лежали в 5 см к западу от берцовых костей правой ноги погребенной (рис. 2, 11, 12), третье, крестообразное, тоже с красной эмалью, было найдено в заполнении камеры (рис. 2, 10). Обломанные стержни вещей специально подпилены.

Первые два украшения, скорее всего, представляют обломки ножек треугольных или перекладчатых фибул с нижним гребнем типа изделий из Борзны (Днепровское лесостепное Левобережье), Глажево (Подесенье), Конончи, Ромашек, Киева, Большой Снитынки (Среднее Поднепровье), Камунты (Северный Кавказ), Нижнего Бишкиня (бассейн Северского Донца) (Корзухина, 1978. Табл. 1, 1, 2; 2, 1, 5, 4, 5; 23, 8; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 141, 1, 2; 142, 4), но сильно усложненных форм.

Третье изделие, вероятно, является круглым в своей основе звеном цепи. Похожая, но отдаленно, вещь происходит из верховьев Псла (Днепровское лесостепное Левобережье) (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 150, 4). Все описанные украшения с эмалью относятся к средней стадии развития их стиля.

10. Рогожкино-ХII, Россия (рис. 2, 13). Изделие в виде треугольных выступов с круглым полем посередине. Эмаль на выступах и в центральном поле — красная. Вверх от круглого поля отходит планка с ушком, лицевая грань которой украшена двумя рядами пуансонных точек. Авторами публикации эта находка (1989 г., территория

поселения III–IV вв.) интерпретирована как подвеска (Безуглов, Гудименко, 1993).

Похожее изделие, но с ромбической центральной частью и выступами в виде слегка закругленных окончаний мальтийского креста было найдено близ с. Стайки в Среднем Поднепровье (Корзухина, 1978. С. 65. Табл. 11, 7). С.В. Воронцов считает, что украшение, происходящее из Рогожкино-ХII, на самом деле было крепившимся на шарнирах центральным щитком браслета; одна из стоек крепления утрачена (2013). В качестве аналогии он приводит браслет из Брянского клада (Ахмедов и др., 2015. Рис. 6, 4).

11. Верхнее Погромное, Россия (рис. 2, 14). Ажурная перекладчатая фибула с двумя прямоугольными гнездами с красной эмалью — случайная находка в окрестностях с. Верхнее Погромное (Археологическое наследие..., 2013. С. 135. Кат. 347). По Г.Ф. Корзухиной относится к типу II подтипу 1 (с треугольным окончанием ножки) (1978. С. 22, 23. Табл. 3, 1; 4, 3, 8; 5, 3; 15, 3; 28, 3, 4), по Е.Л. Гороховскому — к серии 2 типу II (1982. С. 130, 131; см. также Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 140, 3; 141, 3). Такие фибулы были распространены, в основном, на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в виде исключения встречаются в бассейне Оки, в Прибалтике, Польше, на Таманском п-ове. Описываемая фибула имеет специфические вставки с эмалью в верхней и нижней частях корпуса прямоугольной формы и относится к средней стадии развития эмалевого стиля.

12. Кепы, античный город, Россия (рис. 2, 15). Фрагмент треугольной фибулы того же типа и варианта и с теми же стилистическими особенностями, что и найденная в Херсонесе, происходит из раскопок Н.И. Сокольского 1962 г. (Корзухина, 1978. С. 77). Был обнаружен “немного выше левого плеча” покойника, захороненного в центре верхнего плато городища Кепы. Погребение было совершено в культурном слое. Непосредственно на костях скелета лежало зеркало, с севера от погребенного обнаружено звено удила с кольцом для крепления узды (Сокольский, 1964). И.В. Зиньковская относит зеркало к группе изделий с боковой петлей (Хазанов IX) и на основании этой вещи датирует фибулу из Кеп второй половиной II — серединой III в. (2012. С. 188). Тем не менее, судя по описанию Н.И. Сокольского, принадлежность обломка фибулы к погребению не достоверна. Он найден выше захоронения и вполне мог попасть в могильную яму из культурного слоя в процессе ее засыпки.

13. Нейзац, культурная группа Дружное-Нейзац (рис. 3, 1, 2). В погр. V могилы 275 в районе костей таза найдена плакетка (звено цепи) без эмали прямоугольной формы, ажурная, с характерными узкими прямоугольными полями, украшенными зигзаговидными валиками (рис. 3, 1). На кольцо крепления в верхней части помещена головка коня или осла (Kharpunov, 2008. Fig. 2, 3; 2, 2). Звено относится к третьей стадии развития стиля эмалевых украшений (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120).

Звенья цепей прямоугольной формы, разнообразные по орнаментации, достаточно часты среди находок деталей убора с эмалью и их дериватов (Корзухина, 1978. С. 38, 39). В качестве отдаленных аналогий можно назвать изделия из Огульцов и Сухой Гомольши (бассейн Северского Донца) с такой же орнаментацией зигзагами (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 152, 4, 5). Тем не менее данное звено абсолютно уникально из-за зооморфной головки.

Помимо плакетки, из погребения происходит серия вещей, включающая три бронзовые монеты, три пряжки (фрагмент и целая железные и бронзовая), красноглиняную гончарную миску. В целом И.Н. Храпунов датирует могилу 275 в рамках IV в. (Kharpunov, 2008. Р. 189–218). Бронзовая пряжка из погр. V относится к группе так называемых калачевидных с язычком, имеющим уступ сзади и охватывающим, примерно, половину рамы (Kharpunov, 2008. Fig. 3, 1). Е.Л. Гороховский на территории черняховской культуры относит такие пряжки к фазам 3 и 4, т.е., примерно, к 330–400 гг. (1988. С. 44). Монеты (статеры) — более ранние: Савромата IV (275 г.), возможно, Рискупорида V (243 г.) (Kharpunov, 2008. Р. 204). Миска по материалам культурной группы Дружное датируется IV в. (Kharpunov, 2008. Р. 210).

Обломок ажурной перекладчатой фибулы без эмали (рис. 3, 2) происходит из могилы 480: склепа с двумя подбоями, выкопанными в стенах входной ямы. Описываемый обломок был найден в южном подбое. Инвентарь могилы в целом датируется второй половиной IV в. (сообщение И.Н. Храпунова). От фибулы сохранилась лишь верхняя часть ажурного корпуса и гребень, расположенный ниже ее. Данный экземпляр близок фибулам, происходящим из Каневского р-она (Среднее Поднепровье) (Корзухина, 1978. Табл. 6, 11), с Украины (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 163, 2), из Шедиево-Игнатовки (Днепровское лесостепное Левобережье) (Кулатова, 2011).

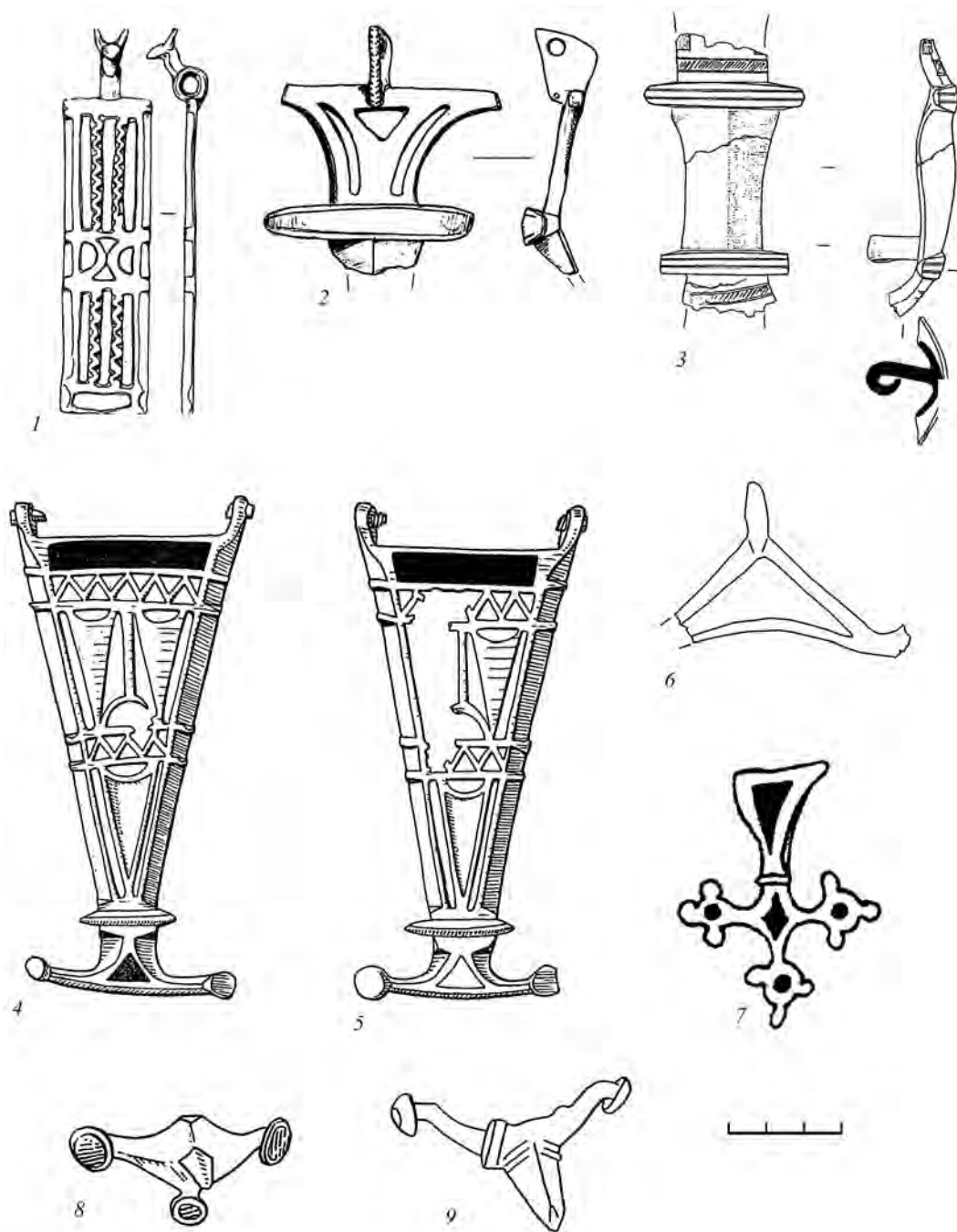

Рис. 3. Вещи с эмалями из памятников Крыма. 1, 2 – Нейзац; 3 – Чатыр-Даг; 4–7 – Херсонес; 8, 9 – Скалистое-3.

Рис. 1), и представляет собой дериват вещей с эмалью; относится к поздней (заключительной) стадии развития их художественного стиля.

14. Чатыр-Даг (рис. 3, 3). Обломок перекладчатой фибулы, происходящей из разрушенного трупосожжения в каменном ящике (могила 15) могильника типа Ай-Тодор с кремациями (Мыц и др., 2006. С. 178). Головка и ножка утрачены. Гнезд эмали нет. Опубликованная в издании реконструкция (Мыц и др., 2006. Табл. 19А, 1)

приблизительна: однозначные данные для определения формы головки как ажурной и ножки как крестовидной отсутствуют. Соответственно, непонятно, к какой стадии развития стиля украшений с эмалями относилась данная фибула, — сохранившийся участок корпуса не позволяет судить об этом.

Кроме фрагмента фибулы, из погребения происходят пряжка с железным язычком, бронзовая круглая бляшка, две подвески, сделанные

из медных боспорских монет (неопределимы). Пряжка, по наблюдениям авторов, ссылающихся на аналогии, имеющиеся на Северном Кавказе, датируется серединой – второй половиной III – возможно, началом IV в. (Мыц и др., 2006. С. 129, 130). По В.Ю. Малашеву она относится к типу П2а; согласно опубликованным в его статье корреляционным таблицам, такие изделия характерны для групп Па и Пб, т.е. суммарно – для конца II – III в. (2000. С. 195, 207, 208)².

15. Херсонес. Античный некрополь (рис. 3, 4, 5). Две треугольные фибулы с эмалью красного и зеленого цвета были найдены в ходе раскопок К.К. Костюшко-Валюжинича 1891 г. в заполнении коллективной гробницы 3, обложенной и перекрытой каменными плитами (Корзухина, 1978. С. 77. Табл. 23, 1, 2).

Гробница была ограблена, заполнена щебнем и землей, стоявшие в ней глиняные урны разбиты. Из заполнения, кроме треугольных фибул, происходит множество вещей. Судя по находкам, погребальное сооружение использовалось долго – вплоть до V в. Здесь, в частности, были обнаружены серебряная монета Карагаллы (212–217 гг.), переделанная в подвеску, две фибулы-цикады (Отчет..., 1893. С. 138, 139. Рис. 144–154).

Треугольные ажурные фибулы являются одной из наиболее распространенных групп украшений с выемчатой эмалью. По типологии Г.Ф. Корзухиной (1978. С. 24) находки из Херсонеса относятся к типу III варианту 1 (с треугольным окончанием ножки). Данные украшения обладают признаками средней стадии развития эмалевого художественного стиля (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120).

Херсонес. Античный город (рис. 3, 6). Обломок треугольной подвески-лунницы с выкрошившейся эмалью (Колесникова, 2006. Рис. 1, 7). Условия находки неизвестны.

Херсонес. Античный город или некрополь (рис. 3, 7). Нижняя часть треугольной фибулы (?) с крестообразным окончанием, находка К.К. Костюшко-Валюжинича (Колесникова, 2006. Рис. 1, 10). Похожие окончания ножки имеют фибулы из

Глажево (Подесенье), Масловки (Прикамье) и Камунты (Северный Кавказ) (Корзухина, 1978. Табл. 2, 1; 12, 4, 8).

16. Скалистое-3, позднескифский могильник (рис. 3, 8, 9). Из погр. 28 1965 г. (раскопки И.И. Лободы) происходят две бронзовые шпоры с эмалью; лежали рядом с погребенным вместе с мечом и набором воинского снаряжения (Богданова и др., 1976. С. 146. Рис. 8, 48, 49). В публикации приводится следующее описание: “одна (рис. 3, 8) бронзовая литая, имеет форму выгнутого дугой ромба, концы которого украшены припаянными дисками (наименьший диаметр – 10 мм, наибольший – 13 мм), заполненными красной эмалью. В центре шпоры – четырехгранный заостренный шип длиной 13 мм. Вторая шпора (рис. 3, 9) украшена двумя припаянными дисками, заполненными красной эмалью. Длина шипа – 23 мм”. Судя по рисунку в публикации, у первой шпоры было четыре упора, один из которых обломан. Помимо меча и шпор, из погребения происходит достаточно богатый инвентарь: удила, кувшин и краснолаковая тарелка, три браслета, пять фибул, бусы, колечко с шишечками по ободу, две поясные пряжки, два наконечника ремней (Богданова и др., 1976. Рис. 8, 27–52). Пряжки типа П2а по В.Ю. Малашеву датируются концом II – второй половиной III в. (2000. Рис. 8, 46, 47). Лучковую подвязную фибулу из погребения В.В. Кропотов отнес к группе 4 серии II варианту 4. Украшения этого таксона датируются первой половиной III в., отдельные находки в округе Херсонеса известны позднее (Кропотов, 2010. С. 132–136, 148). Прочие фибулы из погребения – смычковые. Дата последних по В.В. Кропотову – в основном II – первая половина III в., но известны такие фибулы и раньше; реже они встречаются в погребениях второй половины III – IV в. (2010. С. 168–170, 180). Погр. 28 с наибольшей вероятностью относится к первой половине – середине III в.

Г.Ф. Корзухиной упоминалась лишь одна шпора с эмалью – из Каневского уезда (1978. С. 50. Табл. 11, 9). В последнее время выяснилось, что находки шпор с эмалью достаточно многочисленны. По типологии О.А. Радюша шпоры из Скалистого относятся к таксонам Пае и Шае (Radyush, 2013. Р. 330). Аналогии шпоре с двумя упорами происходят из Коврая (Среднее Поднепровье) (Григорьянц, Дидык, 2008. Рис. 1, 1) и с р. Псел в пределах Курской обл. (Днепровское лесостепное Левобережье) (Радюш, 2010. Рис. 3, 5). Шпоры с четырьмя выступами-дисками, на которых помещены вставки эмали, найдены

² В могиле 14 Чатыр-Дага найдена серия обоем с чеканным орнаментом. Похожие вещи происходят и из могильника Нейзац. Авторы публикации считают возможным сопоставлять эти вещи с деталями головного убора из Мощинского клада (Мыц и др., 2006. С. 158), но поскольку подобные обоемы на территории Восточной Европы распространены чрезвычайно широко, то, как однозначно относящиеся к убору украшений с эмалью, они не рассматриваются.

в Островце Гродненской обл., Брянской обл., на Украине (Радюш, 2012. Рис. 1, 7, 8; 2, 4).

17. Керчь. По-видимому, нижняя часть ножи процветшей фибулы типа Сурской Заборы. М.Е. Левада указывает (2010. С. 575. Рис. 19, 2), что она известна по фотографии начала XX в., которую «отыскала в фондах Керченского историко-культурного заповедника Н. Быковская».

Таким образом, вещи с эмалями в степях Причерноморья и Крыму происходят из 17 пунктов, из которых в Крыму расположены 5. Изделия этого круга найдены в сарматских погребениях (Бедражи Нои, Дивизия, Валовый I), позднескифских захоронениях (Красный Маяк, Скалистое), некрополях античных городов (Херсонес, возможно, Кепы), на территории античных городов (Херсонес и, вероятно, Керчь), в варварских могильниках Крыма позднеримского периода (Нейзац, Чатыр-Даг). Они использовались практически всеми основными группами населения юга Восточной Европы позднеримского времени в равной степени. Повсеместно вещи с эмалями единичны, ни в одном из неразрушенных погребений они не составляли ансамбля.

Всего в своде учтено 25 вещей. Они представлены, преимущественно, украшениями: лобным венчиком, фибулами (и их обломками), подвесками-лунницами, звеньями цепей, бляшкой, деталью шарнирного браслета. К предметам снаряжения всадника относятся две шпоры.

Некоторые изделия круга восточноевропейских эмалей использовались по своему прямому назначению. Так, в погребении, расположенном у с. Красный Маяк, лобный венчик находился на голове, в захоронении у с. Дивизия сюльгама лежала на плече, в могильнике Скалистое шпоры были положены в погребение вместе с другими предметами снаряжения всадника. Находка в склепе в Херсонесе двух парных треугольных фибул позволяет предположить, что они относились к одному костюму, так же как и парные фибулы из кладов Поднепровья и Поочья (например, Мошинского, Борзнянского, Брянского) или некоторых захоронений Прибалтики (Корзухина, 1978. С. 75–85. Кат.; Ахмедов и др., 2015).

Использование других вещей на юге явно не соответствовало их первоначальным функциям. Так, из могильников Валовый I и Нейзац происходят не целые нагрудные цепи, а отдельные их звенья. В первом случае все украшения с эмалями были сломаны в древности и использовались уже в виде обломков, поскольку места сломов были подпилены. Эти вещи могли служить

амулетами (в могильнике Валовый I их найдена целая серия), престижными подарками, военной добычей и т.п. либо показателями связей, важных для их владельцев. Шпоры как категория вещей вообще не характерны для южных всадников позднеримского времени.

Начиная с работы Г.Ф. Корзухиной, утвердилось деление художественного стиля восточноевропейских вещей с выемчатыми эмалями и их дериватов на три стадии. Предметы, найденные на юге, относятся ко всем трем: ранней (сюльгама, Бедражи Нои: рис. 2, 3); средней (треугольные фибулы, Сирма-Бешмий: рис. 2, 1; Кепы: рис. 2, 15; Херсонес: рис. 3, 4, 5; лунницы, Гатер: рис. 2, 2; Херсонес: рис. 3, 6; сюльгама, Дивизия: рис. 2, 4); бляшка, Сурский остров: рис. 2, 6); два обломка фибул и звено цепи, Валовый I: рис. 2, 10–12); деталь браслета, Рогожкино-XII: рис. 2, 13); перекладчатая фибула, Верхнее Погромное: рис. 2, 14). Фибулы, происходящие из Сурской Заборы (рис. 2, 5) и Керчи, представляя собой так называемые барочные изделия финала средней стадии.

Группа вещей поздней стадии состоит из треугольной фибулы (Цимлянское правобережное городище: рис. 2, 8), перекладчатых фибул (Цимлянское правобережное городище (рис. 2, 9), Нейзац: рис. 3, 2); звена цепи (Нейзац: рис. 3, 1).

Для обломка перекладчатой фибулы, найденной в могильнике Чатыр-Даг, в силу его плохой сохранности, принадлежность к стадии развития стиля определить не удалось.

Типология лобных венчиков, позволяющая соотнести изделие из Красного Маяка (рис. 2, 7) с определенной стадией эволюции стиля набора вещей с эмалями, пока не разработана.

Шпоры, найденные в могильнике Скалистое (рис. 3, 8, 9), по признаку наличия вставок эмали не могут относиться к самой поздней стадии (этапу деградации).

В целом, южные вещи очень разнообразны по форме и орнаментации, не составляют какого-либо стилистического единства, собственные направления их развития на юге не прослеживаются.

По хронологическим наблюдениям, сделанным по материалам Поднепровья, эмали ранней стадии датируются второй половиной II — началом III в.; средней — концом II — серединой — второй половиной III в.; поздней — серединой III — IV в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–124). Комплексы юга дают следующие даты: ранняя стадия — Бедражи Нои — конец

II – III в.; средняя – Валовый I – середина II – середина III в., скорее, конец II – первая треть III в.; Кепы – вторая половина II – середина III в., если фибула относится к комплексу погребения; Дивизия – около середины III в.; поздняя – Нейзац, могила 275, погр. V – вторая треть – конец IV в., могила 480 того же некрополя – предположительно, вторая половина IV в.

Комплексы, вещи из которых можно отнести к ансамблю эмалей в целом, датируются в том же диапазоне: погребения в Красном Маяке – концом II – первой половиной III в., Чатыр-Даге – концом II – III в., Скалистом – первой половиной – серединой III в. Таким образом, вещи средней стадии развития эмалевого стиля зафиксированы на юге в конце II – середине III в., поздней – в IV в. Единственный комплекс с ранней сюльгамой из Бедражи Нои датируется сравнительно широко (конец II – III в.), но хронологии эмалей Поднепровья его дата не противоречит, как, впрочем, и все другие.

Таким образом, вещи круга восточноевропейских эмалей поступали на юг в течение достаточно длительного времени, т.е. контакты южного населения с носителями “эмалевого и пост-эмалевого убора”, начавшиеся в диапазоне от конца II до начала III в., не прекращались и в IV.

Каким же путем поступали на юг восточноевропейские вещи с эмалью? По мнению М.Б. Шукина, И.Н. Храпунова и О.В. Шарова, южные изделия этого круга имели преимущественно прибалтийское происхождение и попали в Крым в результате миграции германцев, в которой могли принять участие и отдельные балтские группировки (Шукин, 2002. С. 12, 13; Храпунов, 2008. Р. 196–198; Шаров, 2012. С. 279). Как прибалтийская интерпретируется и фибула из могильника Чатыр-Даг в публикации этого памятника (Мыц и др., 2006. С. 158).

Ничего не имея против идеи проникновения германцев в Крым, хочу отметить, что использование на полуострове, а также на юге Восточной Европы в целом вещей круга эмалей вряд ли связано с ним. Эмали на юге достаточно разнообразны типологически и появились не в результате какого-то импульса, а поступали в Причерноморье в течение длительного времени. Все изделия с эмалью по всему их ареалу индивидуальны, но большинство находок наиболее близкие аналогии имеют в Поднепровье и соседних с ним регионах, а не в Прибалтике (хотя и с прибалтийскими вещами наблюдаются некоторые параллели). Правда, по всей видимости, И.В. Зиньковская, отметившая, что южные вещи с эмалью являются

свидетельствами “эпизодических контактов населения лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы” (2010. С. 110). Проводником этих контактов, по-видимому, было мобильное сарматское население. Не случайно находки вещей с эмалью в степи локализуются именно там, где отмечены области концентрации сарматских памятников: в Венгрии, Поднестровье, низовьях Днестра и Дона, Нижнем Поволжье.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00269 “Историко-археологическое исследование Брянскогоклада круга восточноевропейских выемчатых эмалей (III в. н.э.)”.

Выражаю сердечную благодарность В.Ю. Малашеву за ценную консультацию по сарматской хронологии, а И.Н. Храпунову, О.А. Гей и Л.В. Яворской – за предоставленные рисунки и фотографии вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1-30). 139 с.
- Археологическое наследие Волгоградской области / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 289 с.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалью (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146–166.
- Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1. С. 169–174.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-н/Д.: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в. в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Бяліцкая Г. Археалагічны помнік постзарубінецкага часу каля Давыд-гарадка // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2006. № 21. С. 192–194.
- Васильев А.А., Савельев О.К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград: Янтартный сказ, 2008 (Germania – Sarmatia). С. 29–43.

- Воронятов С.В.* Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона: альтернативная атрибуция // Шестая Междунар. Кубанская археолог. конф.: матер. конф. / Ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 73–76.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Гей О.А., Бажан И.А.* Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. 1993. № 3. С. 52–59.
- Гороховский Е.Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наук. думка, 1982. С. 125–140.
- Гороховский Е.Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов / Ред. В.Д. Баран. Т. 4. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.
- Гороховський Є.Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виємчастою емаллю // Археологія. 1982. № 10. С. 16–36.
- Григорьянц М.Н., Дидык В.В.* Два уникальных предмета круга варварских эмалей из Днепровского Левобережья // Харьковский археологический сборник. Вып. 3. Харьков: Мачулин, 2008 (Харьковская старина). С. 59–67.
- Зиньковская И.В.* Варварские выемчатые эмали на памятниках юга Восточной Европы // Верхнедонской археологический сборник. № 5. Липецк: ЛГПИ, 2010. С. 105–111.
- Зиньковская И.В.* К вопросу о варварских эмалях на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Т. IV: Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья: к 80-летию А.И. Пузиковой. Курск: Курский гос. обл. музей археологии, 2012. С. 187–194.
- Колесникова Л.Г.* Связи Херсонеса-Корсуна с племенами Восточной Европы в домонгольский период // Херсонесский сборник. Вып. XV. Севастополь: Максим, 2006. С. 129–150.
- Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Е1-43). 123 с.
- Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье // МИАЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 383 с.
- Кулатова І.* Нова знахідка кола виємчастих емалей із Нижнього Поорілля // Полтавський краєзнавчий музей: зб. наук. ст. VI. Полтава: Дивосвіт, 2011. С. 100–104.
- Левада М.Е.* Сухоносівка // Terra barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica / Eds. A. Urbaniak, R. Prochowicz. Łódź; Warszawa: Wyd. uniwersytetu Łódzkiego, 2010 (Series Gemina; II). S. 558–594.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-н/Д.: Терра, 2000 (Матер. и исследов. по археологии Дона; Вып. 1). С. 194–232.
- Малашев В.Ю.* Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: ВГУ, 2009. С. 225–236.
- Махно Є.В.* Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні / Ред. Ф.П. Шевченко. Вип.1. Київ: Наук. думка, 1971. С. 87–95.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 207 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–V вв. н.э.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 113–141.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год (1893). СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1893. 188 с.
- Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наук. думка, 1980. 150 с.
- Радюш О.А.* Украшения и снаряжение всадника круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конф. 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник “Куликово поле”, 2010. С. 9–19.
- Радюш О.А.* Всадническое снаряжение лесных и лесостепных культур Поднепровья во II–III вв. // Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: тез. докл. Междунар. конф. “Inter Ambo Maria” (3–7 October 2012 г.), Гаспра, Крым. Симферополь, 2012. С. 239–251.
- Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А.* Пластинчатые головные украшения римского и раннесредневекового времени в Восточной Европе: типологический и технологический анализ // Тр. III (XIX) ВАС / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов (Великий

- Новгород – Старая Русса). Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 91, 92.
- Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаи-ты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов: СГУ, 1984. 150 с.
- Сокольский Н.И. Погребение V в. в Кепях // СА. 1964. № 4 С. 207–209.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. II: Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев: ИА АН УССР, 1990. 40 с.
- Шаров О.В. В поисках страны “Ойум” или о времени появления германцев в Северном Причерноморье // Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: тез. докл. Междунар. конф. “Inter Ambo Maria” (3–7 October 2012 г.), Гаспра, Крым. Симферополь, 2012. С. 270–281.
- Шукин М.Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский р-он с древнейших времен до наших дней / Ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2002. С. 7–15.
- Bitner-Wróblewska A. East European enameled ornaments and the character of contacts between the Baltic sea and the Black sea // *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period* / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristinsand; Simferopol: Dolya, 2011. P. 11–24.
- Grosu V. Sarmații în spațiul geto-dacic răsăritean // *Arheologia Moldovei*. 1995. T. XVIII. P. 133–186.
- Khrapunov I.N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // *The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I* / Ed. B. Niezabitowska-Wiśniewska. Lublin: UMCS, 2008. P. 189–218.
- Kurciatov S., Bubulici V. Necropola de la Badrgii Vechi și problema fazei finale a culturii sarmatice // *Vestigii arheologice din Moldova* / Ed. V. Dergaciov. Chișinău: Tipografia Academiei de Științe RM, 1997. P. 220–234.
- Radyush O. The Second and Third Century Knob Spurs (Knopfsporen) // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 317–334.

ORNAMENTS WITH CHAMPLEVÉ ENAMELS OF THE EASTERN EUROPEAN STYLE ON THE PONTIC STEPPES AND IN THE CRIMEA

Andrey M. Oblomskiy

Institute of Archaeology RAS, Moscow (oblomsky_a@rambler.ru)

The paper deals with chronology and ethnocultural attribution of ornaments in Eastern European style with champlevé enamels on the steppes of Eastern Europe and in the Crimea. The relevant 25 items recovered from 17 sites are mostly ornaments, save two spurs. Articles with enamels were used by the Sarmatians, the late Scyths, the population of classical cities, various barbarian communities of the Crimea, i.e. almost all main groups of the population of the south of Eastern Europe. However, artefacts with enamels are always scarce. They had been for a long time imported to the steppes and the Crimea mainly from the Dnieper area with the nomadic Sarmatians acting as intermediaries.

Keywords: ornaments with champlevé enamels, Eastern European Style, steppes of Eastern Europe, the Crimea.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time: The 3rd Century BC – the 4th Century AD]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [The Bryansk hoard of articles with champlevé enamels (a preliminary publication)]. *RA [Russian Archaeology]*, 2, pp. 146–166.
- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. [Fibulae of the South of the European Part of the USSR of the 2nd Century BC–4th Century AD]. Moscow: Nauka (SAI, D1-30). 139 p.
- Arkhologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti [The Archaeological Heritage of the Volgograd Oblast]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel', 2013. 289 p.
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N., 2009. Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I) [Late Sarmatian Burials in the Don Estuary

- (the Valovyy I Barrow Cemetery)]. Rostov-na-Donu: Media-Polis. 128 p.
- Bezuglov S.I., Gudimenko I.V., 1993. Podveska s vyemchatoy emal'yu iz del'ty Dona [A pendant with a champlevé enamel from the Don delta]. *RA [Russian Archaeology]*, 1, pp. 169–174.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European enameled ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Black Sea. *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*, I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristinsand; Simferopol: Dolya, pp. 11–24.
- Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I., 1976. Mogil'nik Skalistoe III v Yugo-Zapadnom Krymu (I–III vv.) [The Skalistoe III cemetery in the southwestern Crimea (the 1st–3rd century AD)]. *SA [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 121–152.
- Byalitskaya G., 2006. Arkhealagichnyy pomnik postzarubinskaya chasu kalya Davyd-garadka [An archaeological site of the post-Zarubintsy time near Davyd-gorodok]. *Gistarychna-arkhealagichnyy zbornik [Historical-archaeological Collection of Papers]*, 21, pp. 192–194.
- Gabuev T.A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Sites of the Early Alans of Central Areas of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Gey O.A., Bazhan I.A., 1993. Zakhoroneniye s kompleksom veshchey kruga emaley na Nizhnem Dnepre [A burial with a complex of artefacts of the circle of enamels on the Lower Dnieper]. *Peterburgskiy arkheologicheskyy vestnik [St. Petersburg Archaeological Bulletin]*, 3, pp. 52–59.
- Gorokhovskiy E.L., 1982. Khronologiya ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu Srednego Podneprov'ya [Chronology of ornaments with champlevé enamels from the Middle Dnieper area]. *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy [Materials on the Chronology of Archaeological Sites of the Ukraine]*. D. Ya. Telegin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 125–140.
- Gorokhovskiy E.L., 1988. Khronologiya chernyakhovskikh mogil'nikov lesostepnoy Ukrainy [Chronology of Chernyakhov cemeteries of the steppe-forest Ukraine]. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov [Proceedings of the 5th International Congress of Archaeologists-Slavicists]*, 4. V.D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 34–46.
- Gorokhovskiy E.L., 1982. Podniprovs'kiy seredn'ogo podniprovs'kiy z viimchastoyu emallyu [Horseshoe-shaped fibulae of the Middle Dnieper area with champlevé enamels]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 10, pp. 16–36.
- Grigor'yants M.N., Didyk V.V., 2008. Dva unikal'nykh predmeta kruga varvarskikh emaley iz Dneprovskogo Levoberezh'ya [Two unique articles of the circle of barbarian enamels from the left-bank Dnieper area]. *Khar'kovskiy arkheologicheskyy zbornik [Kharkov Collection of Archaeological Papers]*, 3. Khar'kov: Machulin, pp. 59–67 (Khar'kovskaya starina).
- Grosu V., 1995. Sarmatii în spațiul geto-dacic răsaritean. *Arheologia Moldovei*, XVIII, pp. 133–186.
- Khrapunov I.N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. *The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*, I.B. Niezabitowska-Wisniewska, ed. Lublin: UMCS, pp. 189–218.
- Kolesnikova L.G., 2006. Svyazi Khersonesa-Korsunya s plemenami Vostochnoy Evropy v domongol'skiy period [Relations of Chersonesos Taurica with the tribes of Eastern Europe in the pre-Mongol period]. *Khersonesskiy zbornik [Chersonesos Collection of Papers]*, XV. Sevastopol': Maksim, pp. 129–150.
- Korzukhina G.F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n.e. v Srednem Podneprov'e [Dress Ornaments with champlevé enamels of the 5th–first half of the 6th century AD in the Middle Dnieper area]. Leningrad: Nauka (SAI, E1–43). 123 p.
- Korzukhina G.F., 1996. Klady i sluchaynye nakhodki veshchey kruga “drevnostey antov” v Srednem Podneprov'e [Hoards and stray finds of artefacts of the ‘Ants’s antiquities’ circle in the Middle Dnieper area]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii [Materials on History, Archaeology and Ethnography of Tauris]*, V. Simferopol': Tavriya, pp. 352–435.
- Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev: ADEF-Ukraina. 383 p.
- Kulatova I., 2011. Nova znakhidka kola viimchastikh emaley iz Nizhn'ogo Poorillya [A new find of champlevé enamels from the Lower Orel area]. *Poltavs'kiy kraeznavchiy muzey: zbirnik naukovikh statey [The Poltava Museum of Local Lore: A Collection of Scholarly Papers]*, VI. Poltava: Divosvit, pp. 100–104.
- Kurciatov S., Bubulici V., 1997. Necropola de la Badrigii Vechi și problema fazei finale a culturii sarmatice. *Vestigii arheologice din Moldova*. V. Dergaciov, ed. Chișinău: Tipografia Academiei de Științe RM, pp. 220–234.
- Levada M.E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica*. A. Urbanik, R. Prochowicz, eds. Łódź; Warszawa: Wyd. uniwersytetu Łódzkiego, pp. 558–594 (Series Gemina, II).
- Makhno E.V., 1971. Tipi pokhovan' ta planuvannya kompaniiv'skogo mogil'nika [Types of burials and layout of the Kompaneevka cemetery]. *Seredni viki na Ukraini [Middle Ages in the Ukraine]*, 1. F.P. Shevchenko, ed. Kiïv: Naukova dumka, pp. 87–95.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt fitting sets of the Late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [The Sarmatians and their Neighbours on the Don]*. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232 (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 1).

- Malashev V. Yu., 2009. Khronologiya nekotorykh raznovidnostey tsentral'nokavkazskikh fibul rimskogo vremeni [Chronology of certain varieties of Central Caucasian fibulae of the Roman time]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 10. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta, pp. 225–236.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. Chatyr-Dag – nekropol' rimskoy epokhi v Krymu [Chatyr-Dag – a Roman-time Necropolis in the Crimea]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 207 p.
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G.F. Korzukhinoy, I.K. Frolova i E.L. Gorokhovskogo) [Dress ornaments with champlévé enamels in the steppe-forest zone of Eastern Europe (An appendix to the collections by G.F. Korzukhina, I.K. Frolova and E.L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III–V vv. n.e.) [Monuments of Kievan Culture in the Steppe-forest Zone of Russia (the 3rd–5th centuries AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141 (Ranneslavianskiy mir, 10).
- Prikhodnyuk O.M., 1980. Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprova VI–IX st. n.e. [Archaeological Sites of the 6th–9th centuries AD in the Middle Dnieper Area]. Kiiv: Naukova dumka. 150 p.
- Radyush O., 2013. The Second and Third Century Knob Spurs (Knopfsporen). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 317–334.
- Radyush O.A., 2010. Ukrasheniya i snaryazhenie vsadnika kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley v bassejne verkhnego techeniya Psla i Seyma [Ornaments and the horseman's equipment of the circle of Eastern European champlévé enamels in the basin of the upper reaches of the Psel and Seim]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov: Konferentsiya 2 [The forest and Steppe-forest Zones of Eastern Europe in the Time of Roman Influences and the Migration Period: Conference 2]*, part 2. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy voenno-istoricheskii i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 9–19.
- Radyush O.A., 2012. Vsadnicheskoe snaryazhenie lesnykh i lesostepnykh kul'tur Podneprov'ya vo II–III vv. [The horseman's equipment of the forest and steppe-forest cultures of the Dnieper area in the 2nd–3rd centuries AD]. *Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii "Inter Ambo Maria" [Northern Barbarians on the Route from Scandinavia to the Black Sea: Abstracts of Papers of the International Conference "Inter Ambo Maria"]*. Simferopol', pp. 239–251.
- Rodinkova V.E., Saprykina I.A., 2011. Plastinchatye golovnye ukrasheniya rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni v Vostochnoy Evrope: tipologicheskii i tekhnologicheskii analiz [Lamellar head ornaments of the Roman and early medieval time in Eastern Europe: A typological and technological analysis]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Proceedings of the 3rd (19th) All Russian Archaeological Congress]*, II. N.A. Makarov, E.N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: IIMK RAN, pp. 91, 92.
- Sharov O.V., 2012. V poiskakh strany "Oyum" ili o vremeni povavleniya germantsev v Severnom Prichernomor'e [In search of the Oium land or about the time of the emergence of Germanic tribes in the North Pontic area]. *Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii "Inter Ambo Maria" [Northern Barbarians on the Route from Scandinavia to the Black Sea: Abstracts of Papers of the International Conference "Inter Ambo Maria"]*. Simferopol', pp. 270–281.
- Shchukin M.B., 2002. Ob odnoy interesnoy nakhodke iz mogil'nika na sklone Chatyr-Daga [On an interesting find from a cemetery on a slope of Chatyr-Dag]. *Alushta i Alushtinskiy rayon s drevneyshikh vremen do nashikh dney [Alushta and the Alushta District from the Earliest Times up to the Present]*. V.L. Myts, ed. Kiev: Stilos, pp. 7–15.
- Simonenko A.V., 2001. Evropeyskie alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomor'e [The European Alans and Alans of Tanais in the North Pontic area]. *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 77–91.
- Skipkin A.S., 1984. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka n.e. [The Lower Volga Area in the Early Centuries AD]. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 150 p.
- Sokol'skiy N.I., 1964. Pogrebenie V v. v Kepakh [A fifth-century burial in Cepae]. *SA [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 207–209.
- Subbotin L.V., Dzigovskiy A.N., 1990. Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya [Sarmatian Antiquities of the Dnestr-Danube Interfluvium], II. Kurgannye mogil'niki Diviziyskiy i Belolesskiy [Barrow Cemeteries of Diviziya and Belyy Les]. Kiev: IA AN USSR. 40 p.
- Vasil'ev A.A., Savel'ev O.K., 2008. Perekhod ot nachal'nogo k final'nomu etapu pozdnesarmatskoy kul'tury v mezhdurech'e Dnestra i Dunaya [The transition from the initial to the final phase of the Late Sarmatian culture in the interfluvium of the Dnestr and Danube]. *Drevnosti Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov [Antiquities of Central and Eastern Europe in the Time of Roman Influences and the Migration Period]*. O.A. Radyush, K.N. Skvortsov, eds. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, pp. 29–43 (Germania – Sarmatia).
- Voronyatov S.V., 2013. Podveska s vyemchatoy emal'yu iz del'ty Dona: al'ternativnaya atributsiya [A pendant with a champlévé enamel from the Don delta: An alternative attribution]. *Shestaya Mezhdunarodnaya*

- Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [The Sixth International Kuban Archaeological Conference: Proceedings of the Conference]*. I.I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 73–76.
- Zin'kovskaya I.V., 2010. Varvarskie vyemchatye emali na pamyatnikakh yuga Vostochnoy Evropy [Barbarian champlevé enamels at the sites of the south of Eastern Europe]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 5. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 105–111.
- Zin'kovskaya I.V., 2012. K voprosu o varvarskikh emalyakh na yuge Vostochnoy Evropy [On barbarian enamels in the south of Eastern Europe]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya [Materials and Studies on the archaeology of the Left-bank Dnieper Area]*, IV. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya: k 80-letiyu A.I. Puzikovoy [Antiquities of the Left-bank Dnieper Area from the Stone Age up to the Late Middle Ages: To the 80th Anniversary of A.I. Puzikova]*. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arkheologii, pp. 187–194.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО АРХЕОЛОГИИ СМОЛЕНСКА VIII–XIII вв.

© 2017 г. И.Н. Ершов, Н.А. Кренке, Т.Ю. Муренцева, О.М. Олейников, В.А. Раева

Институт археологии РАН, Москва (ershovin@yandex.ru)

В статье анализируются материалы составленного авторами каталога раскопок в Смоленске, включающего и данные раскопок последних двух лет (2014, 2015 гг.). Составлены карты на несколько хронологических срезов. Наиболее ранние материалы по Смоленску датируются в интервале VIII – первая половина X в. Находки этого времени сконцентрированы на Соборной горе, но встречены и на соседних с ней участках. Это открытие – существенный аргумент для возвращения к спорному вопросу о локализации древнейшего Смоленска. Карты, составленные для XI и XII–XIII вв., демонстрируют то, как росла городская территория.

Ключевые слова: древнерусский Смоленск, Соборная гора, культурный слой, лепная керамика культуры смоленских длинных курганов, планиграфия, каталог археологических исследований.

Цель настоящей статьи – описать накопленную с 1900 г. (Неклюдов, Писарев, 1901) источниковую базу по археологии Смоленска и оценить ее репрезентативность. Без выполнения этой работы невозможно продвигаться далее в решении основной задачи смоленской городской археологии, которая заключается в том, чтобы выявить и картировать компоненты поселенческой структуры в динамике их развития, начиная с возникновения поселения, а также определить специфику материальной культуры именно этого города.

Важным итогом в изучении древнерусского Смоленска стали три кандидатские диссертации: Е.В. Каменецкой (1977), Н.В. Сапожникова (1983) и Н.И. Асташовой (1986), написанные в рамках работы Смоленской археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством проф. Д.А. Авдусина и дочерних

экспедиций Государственного исторического музея, Централных научно-реставрационных проектных мастерских. Большое научное значение имел труд Н.В. Сапожникова по определению границ и мощности культурного слоя Смоленска. Исследование велось по новаторской для тех лет методике с привлечением большого количества данных геологического бурения и с учетом всех сведений, полученных при археологических работах. Итогом стал план масштаба 1:2000, на котором нанесены все археологические раскопы и шурфы, а в экспликации даны их важнейшие характеристики (Сапожников, 1993а, б).

За последние 20 лет накопилось значительное количество новых материалов, так как новостроечная археология в Смоленске получила развитие именно с 1990-х годов. Раскопанные площади за эти годы увеличились более чем в 2 раза (табл. 1).

Таблица 1. Площади раскопок в Смоленске и некоторых других городах (данные Е.А. Яковлевой, С.И. Милованова, О.М. Олейникова, И.Ю. Стрикалова, А.Н. Хохлова)

Виды раскопов	Смоленск (1951–2015 гг.)	Тверь	Псков	Новгород	Владимир	Старая Рязань
Наблюдения	6000 м ²	100 000 м ²	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Раскопы на памятниках архитектуры	7000 м ²			Нет данных	Нет данных	
Раскопы, изучившие культурный слой города	13 000 м ²	300 000 м ²	135 000 м ²	45 000 м ²	30 000 м ²	20 000 м ²
Всего	26 000 м ²	400 000 м ²	135 000 м ²	45 000 м ²	30 000 м ²	20 000 м ²

Если взглянуть на эту таблицу, то видно, что Смоленск отстает с большим отрывом от таких абсолютных лидеров, как Тверь, Псков, Новгород, но приближается к Владимиру и Старой Рязани. Составленный нами каталог археологических исследований в Смоленске, начиная с 1951 г. (год начала планомерных раскопок Смоленской экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Д.А. Авдусина), насчитывает 177 позиций (“объектов”), которые отражены на карте (рис. 1). Понятие “объекта” в городской археологии имеет некоторую условность. Городские раскопы фигурируют в каталоге, как правило, под отдельными номерами, а шурфы и незначительные раскопы, сконцентрированные на одном дворовладении или возле одного памятника архитектуры, учитывались как “подпункты” с буквенным обозначением на одном “объекте”. Нужно отметить, что в 1951–1990 гг. раскопы в Смоленске имели сплошную последовательную нумерацию с сокращенным буквенным обозначением, отсылающим к улице или месту раскопок (например, Согор – Соборная гора, Соб – ул. Соболева, СтМ – ул. Старо-Московская и т.д.), но эта традиция прервалась на номере 19. После этого сплошная нумерация прекратилась, раскопы стали получать обозначение по адресам (иногда существовал порядковый номер, но лишь в пределах определенного адреса) и по годам раскопок.

Более 30 исследователей получали открытые листы на археологические работы в Смоленске начиная с 1951 г. Результаты их труда отображены более чем в 200 томах архивной документации (архив ИА РАН).

При первом взгляде на карту раскопов в Смоленске (рис. 1) создается впечатление, что его территория изучена очень полно, однако оно отчасти обманчиво. Нужно учитывать два аспекта. Во-первых, площадь раскопов с наиболее информативным “мокрым” культурным слоем в городе едва ли превышает 6000 м². Второй аспект заключается в том, что большое количество раскопок велось в рамках охранных мероприятий (наблюдения и незначительные шурфовки) на малозначимых участках. “Молодость” смоленской археологии подтверждают высокие темпы приращения новой существенной информации за последние два года (2014 и 2015) работы Смоленской экспедиции ИА РАН, которую представляют авторы статьи. В эти сезоны закладывались разведочные шурфы как охранных, так и научного характера. В результате, в частности, подвергнут сомнению тезис, бывший много лет одним из “устоев” смоленской археологии, о том, что в городе нет слоев

древнее конца XI в. В черте города давно были известны памятники эпохи неолита, находки бронзового века, городища раннего железного века и эпохи переселения народов, но в данном случае речь идет именно о средневековом поселении.

К сожалению, работы последних 20 лет в Смоленске почти не сопровождались дендрохронологическими исследованиями. В архиве лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН имеется информация о 323 дендродатах (Карпухин и др., 2015). Из них лишь 17 получены из шурфа 2004 г. на ул. Соболева (раскопки О.М. Олейникова), все остальные – из раскопов Д.А. Авдусина 1960-х годов¹. В итоге на сегодняшний день все дендродаты происходят с одного компактного участка города – раскопов на ул. Соболева – и отражают историю освоения именно этого участка (древнейшая дендродата относится к 1121 г.)².

Если говорить об узко датированных археологических находках, то в первую очередь следует остановиться на печатях и монетах.

Число печатей из Смоленска, датировка и место находки которых достоверно определены, – невелико. Пунктов находок – пять. Первый – на ул. Ленина (Пушкинская), 15. Здесь найдены печать Давида Святославича (до 1094 г.) и византийская печать XI в. (Гайдуков, Янин, 2007. С. 145; Олейников, 2014. Рис. 8). Второй пункт – Пятницкий конец Смоленска. В раскопах на ул. Студенческая были найдены печати кн. Феодосии (определение П.Г. Гайдукова), жены кн. Давида Святославича (в 1073 и 1095 гг. княжил в Новгороде, в 1095 и 1096 гг. – в Смоленске, в 1097–1123 гг. – в Чернигове), Игнатия (1205 г.), епископа Смоленского (Пронин, Соболев, 2015. Рис. 44), Владимира Мономаха, конца XI – начала XII в. (Янин, 1970. С. 188). Третий пункт – Борисоглебский монастырь на Смядыни, где были найдены печать кн. Вячеслава Ярославича, княжившего в Смоленске в 1054–1057 гг. (Янин, 1954), Ратибора – конец XI – начало XII в. (Янин, Гайдуков, 1998. Рис. 68). Четвертый пункт – район Троицкого монастыря на Кловке, где были найдены две печати середины XIII в. кн. Ростислава Мстиславича (Янин, Гайдуков, 1998.

¹Всю информацию о дендрохронологических исследованиях в Смоленске авторы получили от А.А. Карпухина, за что выражают ему искреннюю признательность.

²Н.В. Жилина (Мясникова) приводит иную наиболее раннюю датировку – 60-е годы XI в. по раскопу 11 на ул. Соболева (Мясникова, 1980. С. 248). В сводку А.А. Карпухина эти данные не вошли. С учетом данных Н.В. Жилиной для Смоленска имеется более 500 дендродат.

Рис. 1. Карта археологических раскопов 1951–2015 гг. в Смоленске. 1 – наблюдение, ул. Войкова/Студенческая; 2 – наблюдения, ул. Кашена; 3 – наблюдение, ул. Б. Краснофлотская; 4 – раскоп Соб-1, Соборная гора; 5 – раскоп Соб-2 у Успенского собора; 6 – раскоп УС-3, ул. Соболева; 7 – раскоп Студ-4, ул. Студенческая; 8 – раскоп УС-5, у раскопа УС-3; 9 – раскопки церкви в Перекопном пер.; 10 – раскопки ротонды; 11 – Смядины, шурф 1; 11б – Смядины, шурф 3; 12 – Кловка, шурфы; 13 – шурф 20, угол М. Краснофлотской и 2-го Краснофлотского пер.; 13а, д – шурфы 21, 25, у Свирской церкви; 14 – шурфы у ц. Иоанна Богослова; 15 – раскопки собора на Протоке; 16 – раскоп УС-8, на южной стороне ул. Соболева; 17 – раскопки церкви на Соборной горе; 18 – раскопки Воскресенской церкви; 19 – Спасский храм на Чернушках; 20 – раскоп УС-9, у раскопа УС-8; 21 – траншея 1, у Успенского собора; 22 – раскоп, на Соборной горе; 23 – шурфы у ц. Петра и Павла; 24 – траншеи на Окопном кладбище; 25 – траншеи на М. Рачевке; 26 – раскоп СОГОР-10, на Соборной горе; 27 – шурф на Соборной горе; 28 – шурфы у Покровской церкви; 29 – ямы кирпичеобжигательных печей у Окопной церкви; 30 – раскоп УС-11, прирезка к УС-9; 31 – разведки кирпичеобжигательной печи, ул. Пушкина, 47; 32 – шурф, ул. Б. Краснофлотская, 41–43; 33 – раскопки церкви на Чуриловке; 34 – шурф 1 в Авраамьевом монастыре; 35 – траншея у Спасской церкви; 36 – траншея у Нижне-Никольской церкви; 37 – шурф у Нижне-Никольской церкви; 38 – шурф у Духова монастыря; 38а – раскопки собора Духова монастыря; 39 – обследование у Борисоглебской церкви на Смядыни; 40 – шурфы, ул. Соболева, Красный ручей, ул. Тимирязева; 41 – раскоп СОГОР-12; 42 – раскоп СОГОР-13; 43 – раскоп СОГОР-14; 44 – раскоп вала у Копытецких ворот; 45 – шурф 1, Блонье; 46 – шурф 1, ул. Ногина; 47 – шурф, ул. Войкова, 9; 48 – шурф, ул. Ленина, 23/8, 25; 49 – шурф БКФ-14, ул. Б. Краснофлотская, 3–5; 50 – шурф БКФ-15, ул. Б. Краснофлотская, у д.11; 51 – шурф БКФ-16, ул. Б. Краснофлотская, у д.4; 52 – раскоп СОГОР-17; 53 – шурф в южной части Соборной горы; 54 – раскоп СтМ-18, у Нижне-Никольской церкви; 55 – шурф 1, у ц. Иоанна Предтечи; 56 – шурф 1, у здания бывш. Дворянского собрания; 57 – шурф, ул. Коненкова, 9; 58 – обследование церкви на ул. Школьная, 2; 59 – раскоп СтМ-19, примыкает к СтМ-18; 60 – шурф 1, у Заднепровского рынка; 61 – шурф 15, к юго-западу от башни Орел; 62 – раскоп, ул. Ленина, 4; 63 – раскоп УМ-1, ул. Металлистов, 8; 64 – наблюдения, ул. Кашена, около д.10; 65 – наблюдения близ д.27 по ул. Дохтурова; 66 – раскоп, к западу от д.12 по 3-му Краснофлотскому пер.; 67 – наблюдение, наб. Горького, 1а; 68 – раскоп, к югу от д.2 по ул. Б. Советская; 69 – наблюдения на ул. Маршала Жукова; 70 – наблюдения на ул. Кашена, у ц. Петра и Павла; 71 – раскопки на ул. 2-й Красноармейской слободы; 72 – шурф В-Г-Д-Е, ул. Б. Краснофлотская, 1а; 73 – шурф на ул. Герцена; 74 – разведочные работы на ул. Урицкого; 75 – шурф по ул. Металлистов, 16; 76 – шурф, 2-й Краснофлотский пер., 27; 77 – раскоп, ул. Металлистов, 8; 78 – раскоп, ул. Красный Ручей, 6а; 79 – шурф 1 по ул. Кашена; 80 – раскоп по ул. Б. Советская/Б. Коммунистическая; 81, 82 – надзор, ул. Бакунина, 12; 83 – шурф, ул. Коненкова, 16; 84 – шурф 1, ул. Пржевальского-Октябрьской революции; 85 – шурф 1, ул. Дохтурова, 15а; 86 – шурф 1, ул. Красина, 26а; 87 – шурф 1, ул. М. Краснофлотская, 1; 88 – шурф 1, ул. Парковая, 3; 89 – шурф, ул. Пушкина, 51; 90 – раскоп, ул. Соболева/Металлистов; 91 – раскоп 1, ул. Ногина (Октябрьской революции)/Пржевальского; 92 – раскоп, ул. Кашена; 93 – шурф 1, ул. Ленина, 15; 94 – шурф 1, ул. 2-й линии Красноармейской слободы; 95 – раскоп, ул. Пржевальского, 6а; 96 – раскоп, ул. Желябова-Кашена, 11а; 97 – шурф 1, ул. Пржевальского, 1; 98 – траншея у Надвратной Одигитриевской церкви; 98а – шурф у Надвратной Одигитриевской церкви; 99 – шурф 1, ул. Ленина, 15; 99а – шурф 2, ул. Ленина, 15; 99в – раскоп 1, у д.13 по ул. Ленина; 100 – раскоп 1, ул. Гагарина, 1; 101 – раскоп 1, ул. Желябова-Кашена, 11а; 102 – шурф, ул. Новоленинградская, 11; 103 – раскоп, ул. Дохтурова, 20; 104 – шурф, у д.10 по ул. Беляева; 105 – раскоп, ул. Воровского, 12а; 106 – раскоп, ул. Пушкина, 53; 107 – шурф 1, ул. 2-я Вяземская, 16; 108 – шурф, на 1-м Краснофлотском пер.; 109 – раскоп 1, ул. Бакунина, 5; 110 – раскоп, ул. Ленина, 8а; 111 – траншея 1, ул. Кашена, 14; 111б – раскоп 1, ул. Кашена, 14; 112а – траншея 2, у д.2/19 по ул. Б. Советская; 113 – раскоп, ул. Металлистов, 14; 114 – раскоп, ул. Коненкова, 11а; 115 – наблюдения, ул. Ленина, 13а, 15; 116 – наблюдения, ул. Ленина, 15; 117 – наблюдение, ул. Докучаева, 11а; 118 – наблюдение, по ул. Парижской Коммуны; 119 – раскоп 1, ул. Парковая, 29; 120 – раскоп, ул. Тимирязева, 34; 121 – шурфы, ул. Кашена, 15б; 122 – раскопы, ул. Вяземская, 3, 7, 27; 123 – наблюдение, ул. Коненкова, 14; 124 – раскоп, ул. Тимирязева, 16; 125 – раскоп, ул. Коммунистическая, 5а; 126 – раскоп, ул. Пржевальского, 2; 127 – наблюдение, ул. Войкова, 4; 128 – раскоп, ул. Войкова, 4; 129 – раскоп, ул. Студенческая, 7; 130 – шурфы, пр-т Гагарина, 1; 131б – траншея 3, ул. Соболева, 5; 132 – раскоп 1, ул. Парижской Коммуны, 4; 133 – раскоп, ул. Беляева, 10; 134 – раскоп, ул. Бакунина, 12; 135 – наблюдение, ул. Кашена, 13; 136 – шурф у Костеревской башни; 137 – шурф 1 у Ворониной башни; 138 – шурф в бастиионе; 139 – раскоп, ул. Ногина, 29; 140 – раскоп 3, набережная р. Днепр; 141 – наблюдения по ул. Б. Советская; 141д – траншея 1, у моста, по ул. Дзержинского; 142 – наблюдение, пл. Победы; 143 – раскоп, ул. М. Школьная, 6; 144 – наблюдение, ул. Пржевальского, 3; 145 – раскоп, ул. Беляева, 3; 146 – раскоп, ул. Б. Краснофлотская, 1, 3; 147 – раскоп, ул. Дзержинского, 15а; 148 – раскоп, ул. Дохтурова, 7, 7а, 9, 11; 149 – шурф, ул. 8 Марта; 150 – шурф, Больничный пер., 5; 151 – наблюдение, Больничный пер., 15; 152 – раскоп, б-р Гагарина, 8; 153 – шурф, ул. Красный ручей, 2; 154 – раскоп, ул. 3-я линия Красноармейской свободы, 19; 155 – шурф, пр. Гагарина, 10/2; 156 – шурф, ул. Фурманова, 9; 157 – шурф, ул. Пионерская, 36; 158 – наблюдения, ул. Нарвский тупик, 9–11; 159 – раскоп и шурф, ул. Бакунина, 2; 160 – шурф и траншея, ул. Школьная, 7а; 161 – раскоп, ул. М. Школьная, 2; 162 – ул. М. Школьная, 5; 163 – шурф, наб. Горького, 26; 164 – шурф, ул. Фурманова, 33; 165 – шурф, ул. Фурманова, 19; 166 – шурф, ул. Реввоенсовета, 2; 167 – шурф, ул. Октябрьской революции, 8а; 168 – наблюдения, ул. Б. Советская, 30/11; 169а – шурф 2, наб. Горького, 24, 170 – шурфы, ул. Школьная, 20; 171 – раскоп, ул. Ногина, 3; 172 – шурф, ул. Ногина, 18а; 173 – траншея, ул. Николаева, 12а, 14а; 174 – раскоп, ул. Твардовского, 1а; 175 – шурф, ул. Б. Краснофлотская, 69; 176 – наблюдения, пл. Победы; 177 – траншея, ул. Шеина, 1–20; 178 – наблюдение, ул. Ново-Московская, 2/8; 179 – раскоп, Новосельцы. *Список церквей XII–XIII вв.* Сохранившиеся храмы: 1 – ц. Св. апостолов Петра и Павла; 2 – ц. Св. Иоанна Богослова; 3 – ц. Св. Архангела Михаила; церкви, сохранившиеся в руинах в толще культурного слоя: 4 – собор Троицкого монастыря на Кловке; 5 – ц. Бориса и Глеба на Смядыни; 6 – ц. Василия на Смядыни; 7 – ц. на ул. Б. Краснофлотская (ц. Св. Козьмы и Демьяна?); 8 – церковь в устье р. Чуриловка (ц. Св. Кирилла?); 9 – церковь на западном берегу Пятницкого ручья (Пятницкая?); 10 – церковь на восточном берегу Пятницкого ручья (Пятницкая?); 11 – церковь на Воскресенской горе; 12 – бесстолпный храм в детинце; 13 – церковь на углу ул. Школьная и Соболева (Лазаревская?); 14 – церковь на месте позднейшей ц. Св. Духа; 15 – церковь в Перекопном переулке; 16 – церковь на Малой Рачевке; 17 – Успенский собор на Соборной горе (полностью утрачен); 18 – храм на Окопном кладбище; 19 – храм на Протоке; 20 – Авраамиевский (Богородицкий) монастырь; 21 – Духов монастырь; 22 – Печерский монастырь; 23 – монастырь в Чернушках. Условные обозначения (как и масштаб – здесь и далее на рис. 2–4): а – лепная керамика VIII – первой половины X в.; б – керамика середины X – XI в.; в – керамика XII–XIII вв.; г – керамика XIV–XVII вв.; д – керамика XVIII–XX вв.; е – нет материала или нет сведений; жс – монастырь; з – храм; и – предполагаемое место расположения храма.

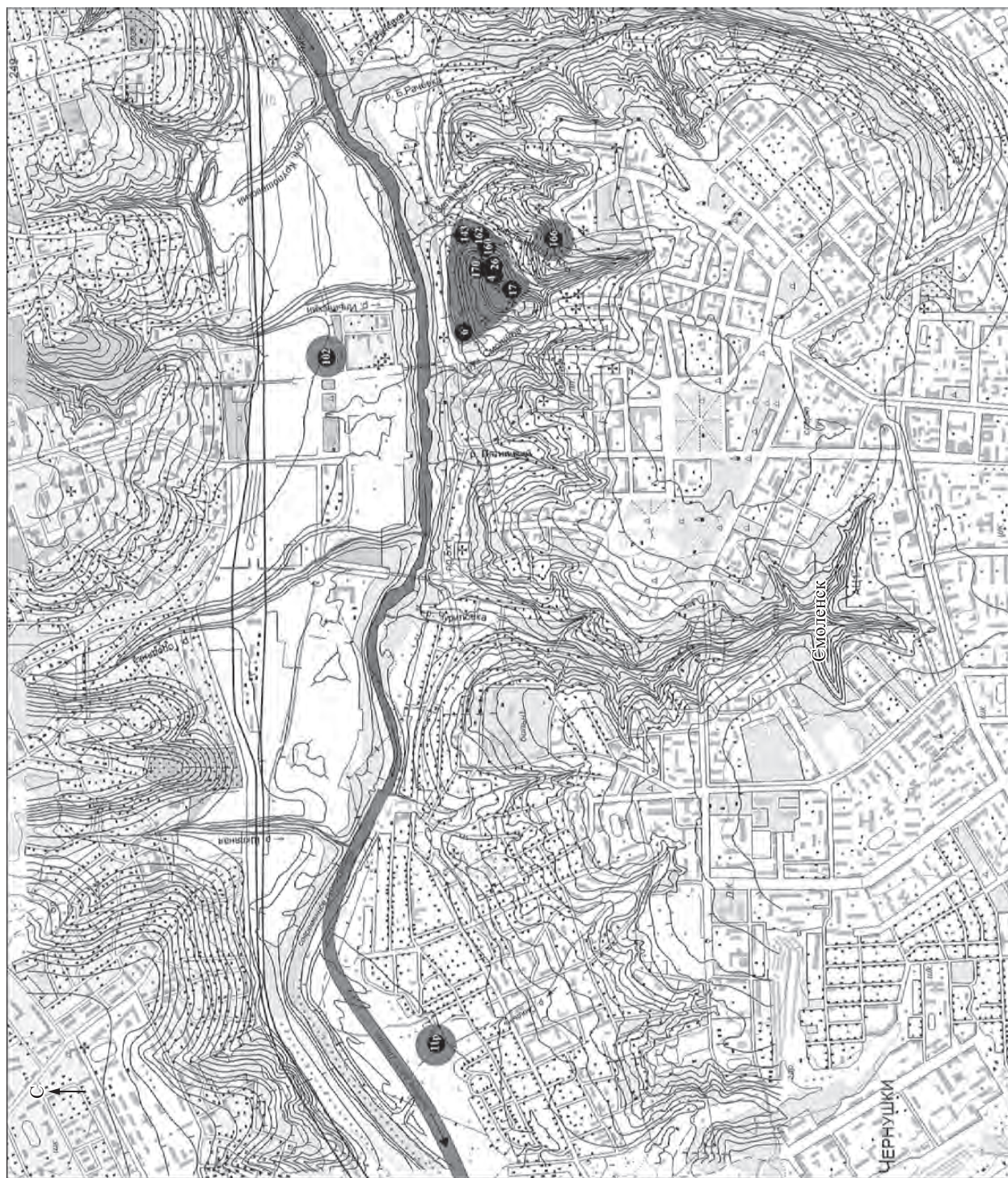

Рис. 2. Карта археологических раскопов в Смоленске, где была найдена лепная керамика VIII–X вв. Ареалы серого цвета отмечают вероятные зоны поселений/концентрации хозяйственной активности.

Рис. 219а). Пятый пункт — участок правого берега Днепра напротив Рачевки. Здесь найдена вторая печать княгини Феодосии (1095–1096 гг.) без точной привязки к местности (Янин, Гайдуков, 2002. Рис. 5). Печать кн. Игоря Ярославича (1057–1060 гг.) найдена в конце 1920-х годов на правом берегу Днепра при строительстве моста (не вполне ясно какого), вероятно, напротив ц. Иоанна Богослова (Янин, 1970. С. 172).

Приведенные данные о находках печатей, безусловно, не полные. Существовал ряд старых находок печатей (точной атрибуции нет) на Свирской ул., о которых известно из публикации И.И. Орловского (2011. С. 82). Имеются сведения о некоторых новых случайных находках, они требуют дополнительной проверки.

Ранние монеты — дирхемы VIII–X вв. и денарии XI в., найдены в центральной и восточной частях исторического центра города. Один дирхем VIII в. — на Резницкой ул. (Авдусин, 1991. С. 8; Марков, 1910. С. 45, № 254). Фрагмент дирхема середины X в. — на северном склоне Соборной горы в 2005 г. (Ершов и др., 2015. Рис. 1). Наконец, во дворе д. 53 на ул. Соболева на Рачевке обнаружен крупный денежно-вещевой клад, наиболее поздние монеты которого — европейские денарии середины–второй половины XI в. (Галанов, 2016. С. 19).

Нельзя обойти молчанием уникальную находку из переотложенного слоя у подножия Соборной горы — стеклянную гемму, так называемую *Alsengemmen*, которая датируется IX–X вв., иногда встречается в более поздних комплексах XI в. (Даркевич, 1965).

Важнейший инструмент хронологических определений, который использовался в настоящей работе, — керамика, обнаруженная во всех раскопах. Основы хронологического определения древнерусской керамики Смоленска имеются в упомянутой выше работе Е.В. Каменецкой (1977). Позднесредневековая керамика Смоленска была изучена Т.В. Сергиной (2004). Однако работы последних лет внесли существенные дополнения, опирающиеся и на узко датированные комплексы, которые служат “эталоном”, например комплекс керамики из ювелирной мастерской конца XI в. на р. Малая Рачевка (раскопки 2015 г.). В результате, учитывая главным образом находки керамики (датирующие индивидуальные находки также брались в расчет), при обработке отчетов материал делился на хронологические группы, что нашло отражение на картах (рис. 2–4). На сводной карте раскопов обозначение значка,

определяющее датировку объекта, ставилось с учетом данных о наиболее ранних находках.

Выделены шесть хронологических групп: 1) VIII — начала X в. (лепная керамика типа культуры смоленских длинных курганов); 2) раннекруговая керамика середины X — середины XI в.; 3) керамика второй половины XI в., преимущественно белоглиняная с изящным сложным вогнуто-выгнутым профилем венчика; 4) керамика XII–XIII вв., в том числе “типично смоленская” — S-видного профиля, орнаментированная “ожерельем” из насечек по плечу; 5) керамика XIV–XVII вв. (наряду с кухонной и столовой посудой учитывали и изразцы); 6) керамика XVIII–XX вв. Некоторые образцы “эталонов”, использовавшихся при хронологической атрибуции вскрытых раскопками слоев, представлены на рис. 5–7.

Поселения VIII — первой половины X в. на месте Смоленска. Максимальная концентрация находок этого времени приходится на Соборную гору, а точнее на ее северо-восточный склон. Кроме того, достоверные находки лепной керамики, сходной с керамикой культуры смоленских длинных курганов, зафиксированы на левом берегу Днепра в основании мыса, на котором стоит Георгиевская церковь, — с востока от Соборной горы (пер. Реввоенсовета), и на правом берегу Днепра в районе восточнее Колхозной площади близ берега Ильинского ручья (Ершов и др., 2015). Фрагменты стенок лепных сосудов, вероятно, относящихся к культуре длинных курганов, найдены также на Смядыни при раскопках Васильевского храма в 2015 г. и на берегу Днепра между устьями Рачевки и Малой Рачевки. На Соборной горе шлейф находок лепной керамики тянется вниз до подошвы склона, но достоверно определить происхождение этих находок пока невозможно.

На верхнем уступе северо-восточного склона горы, на трассе Малой Школьной ул. возле д. 20 в шурфах был зафиксирован в двух местах культурный слой и пахотный горизонт с находками лепной керамики в бороздах, 14-гранных стеклянных бусин голубого цвета, темно-синего бисера (Кренке и др., 2015). Особенно примечательна находка трапециевидной бронзовой привески с тремя рядами штампованных точек в нижней части (рис. 5, 17). Аналогичные подвески найдены в курганах VIII–IX вв. у д. Акатово (Шмидт, 1962. Рис. 6), Цурковка (Шмидт, 1958. Рис. 3). Как находки, так и керамика из горизонта нижнего культурного слоя на Соборной горе типичны для культуры смоленских длинных курганов

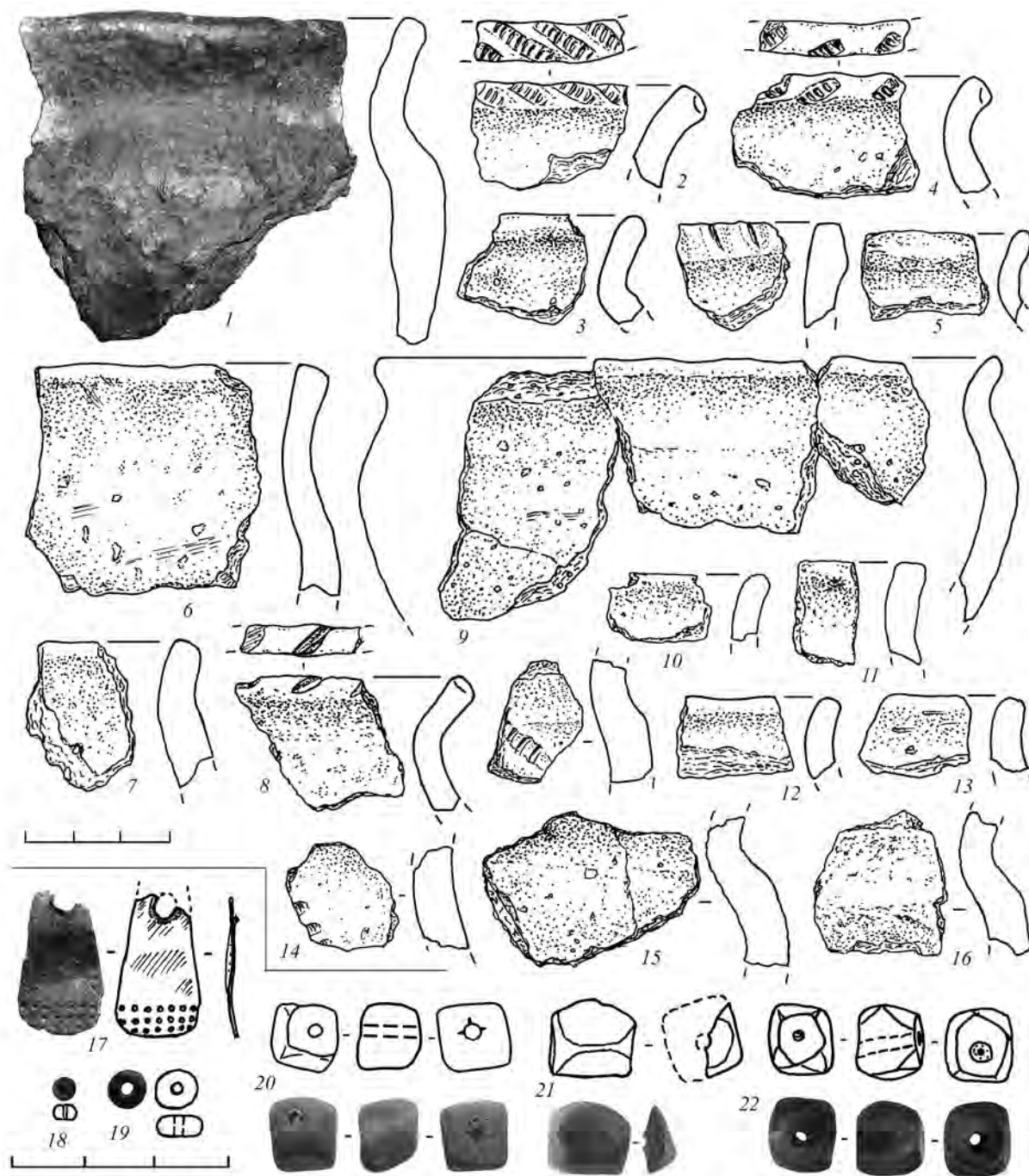

Рис. 5. Находки VIII–X вв. с Соборной горы Смоленска. 1 – из раскопа Д.А. Авдусина 1951 г. (Согор-2); 2–21 – из шурфов на Школьной ул., 7а и 20 (2014 и 2015 гг.); 22 – из раскопа Н.В. Сапожникова на ул. Металлистов, 8 (1993 г.). 1–16 – керамика; 17 – бронза; 18–22 – стекло.

(Енуков, 1990; Шмидт, 2012, 2013). Датировка этих находок может быть принята лишь в широких рамках хронологии культуры в целом: VIII – первая половина X в. Необходимо подчеркнуть, что этот временной интервал отражает именно “разрешающие возможности археологического датирования”. Авторы не настаивают, что поселение на Соборной горе возникло в VIII в.

Сохранность древнейшего культурного слоя была обеспечена его положением под телом насыпи из материкового грунта (о ней см. далее). Зафиксированная площадь древнейшего поселения на уступе склона Соборной горы равняется приблизительно 2 га. Нахождение селитебного участка и полевых борозд рядом с ним – типичная ситуация не только для VIII–X вв. Наличие на

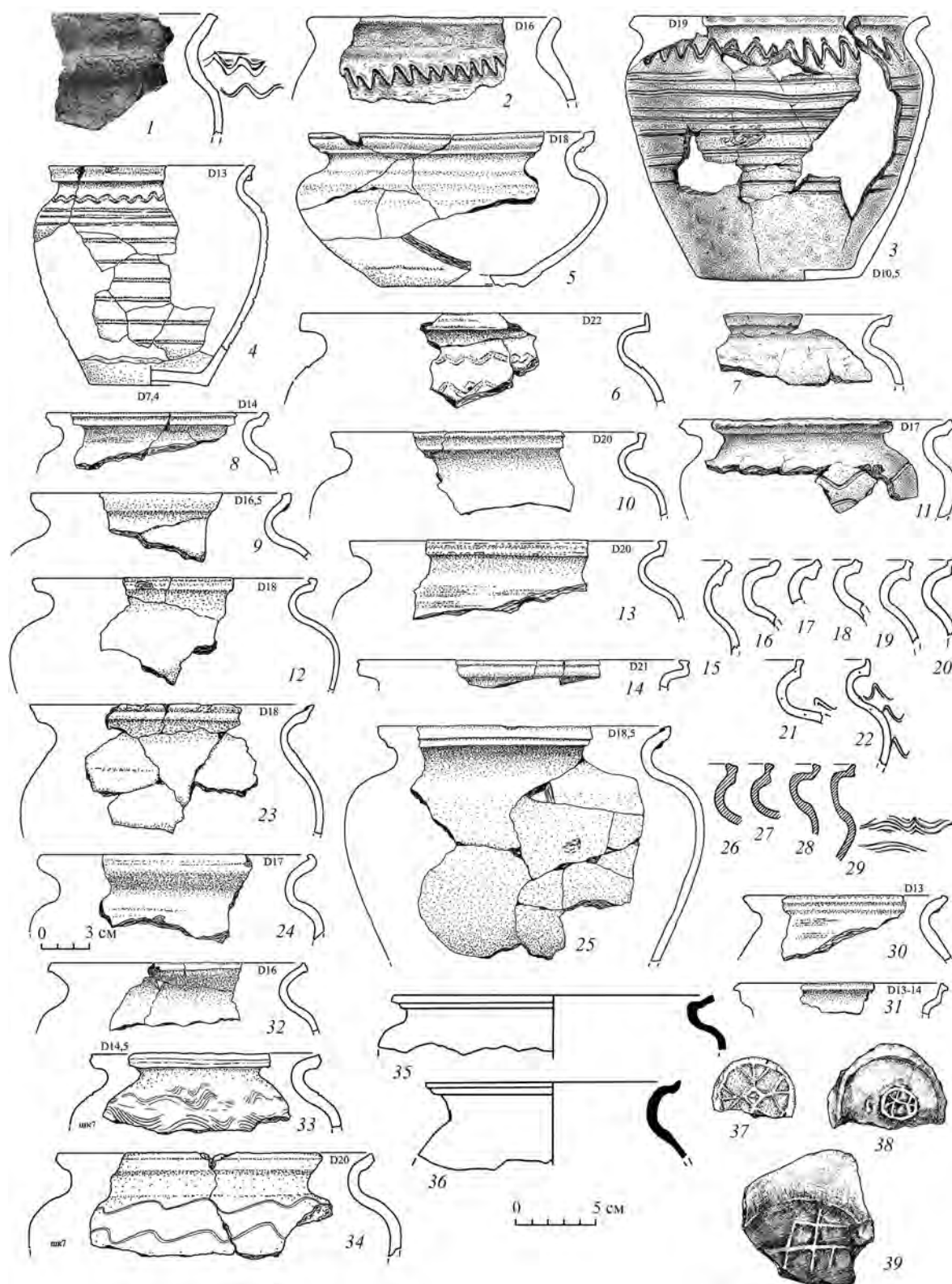

Рис. 6. Керамика второй половины X–XI в. из раскопок в Смоленске. Ранние находки – в верхнем ряду рисунка. 1 – ул. Кашена, 14 (раскопки О.М. Олейникова, 2005); 2 – ул. Металлистов, 14 (раскопки О.М. Олейникова, 2005); 3, 7, 11 – Смядынь (раскопки И.Н. Ершова, 2014); 4–6, 8–10, 12–14, 23–25, 30–32, 37 – наб. Горького, 24 (раскопки Н.А. Кренке, 2015); 15–20 – ул. Коненкова, 11а (раскопки О.М. Олейникова, 2006); 33, 34 – Школьная ул., 7а (раскопки И.Н. Ершова, 2014); 21, 22 – ул. Ленина, 15 (раскопки О.М. Олейникова, 2004); 26–29, 38, 39 – ул. Металлистов, 8 (раскопки Н.В. Сапожникова, 1992); 35, 36 – ул. Студенческая (по: Пронин, Соболев, 2015).

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования колеьев частокола из шурфа 2014 г. (ул. Малая Школьная, 7а)

Дата	Индекс	Материал	Калиброванное значение
1050±30	(SPb-1513)	Дерево	977–1012 гг. (вероятность 68.2%)
1065±35	(SPb-1512)	Дерево	966–1019 гг. (вероятность 58.3%)

Примечание. Анализы выполнены в лаборатории (под руководством М.А. Кульковой) Педагогического ин-та им. Герцена в Санкт-Петербурге.

Соборной горе огородов отмечается уже в уставной грамоте Ростислава Смоленского в 1136 г. (“и на горе огород с капустником и с женою и с детьми”), есть они на склонах горы и сейчас.

Предположение о том, что на вершине Соборной горы находилось укрепленное поселение — городище, было детально рассмотрено еще А.Н. Лявданским (1926. С. 205–209). К сожалению, конкретные археологические доказательства наличия на вершине холма укреплений тогда отсутствовали, не появились они и теперь. Сейчас можно лишь предполагать, что верхняя площадка горы была занята поселением. На это указывают находки из шурфа 1926 г. возле колокольни собора. Крупный фрагмент горшка, найденный там, судя по фотографии, относится к культуре смоленских длинных курганов (Лявданский, 1926. Табл. XII, 3).

Резюмируя данные по древнейшему периоду, можно отметить, что информация о поселении (поселениях) VIII–X вв. в центре Смоленска существенно увеличилась сравнительно со временем написания обобщающей работы Д.А. Авдусина (1991). Главное, что доказан сам факт наличия этих поселений. Вопросы об их размерах и хронологии, наличии или отсутствии укреплений будут уточняться в дальнейшем.

Период второй половины X — первой половины XI в. — наиболее темный в археологии Смоленска. Раннекруговой керамики гнездовского типа найдено крайне мало. Наиболее показательные находки происходят из шурфа 2014 г. в пойме под Васильевским храмом на Смядыни, но это, видимо, не совсем Смоленск. Единичные фрагменты есть на склоне Соборной горы из раскопок О.М. Олейникова на ул. Металлистов, 14 (рис. 6, 2). Интересен тип горшков с высоким горлом, часто орнаментированным волной. Они выглядят архаично (“полулепные”), волна, как правило, неровная (рис. 6, 1). Два целых таких горшка найдены Г.Н. Прониным на набережной Днепра в 70 м

выше по течению от западного городского моста, напротив ц. Иоанна Богослова. На Соборной горе (ул. Школьная, 5) также найдены сходные высокорослые горшки. По аналогиям с находками из курганов Туринщины они могут датироваться серединой XI в. (Шмидт, 2001). Нельзя не учитывать и результаты радиоуглеродного датирования углубленного в материк частокола на участке ул. Школьная, 7а. Две даты, полученные по кольям из этого шурфа, указывают на рубеж X–XI вв. (табл. 2).

Сам факт наличия усадебного частокола весьма многозначен. Такие ограды типичны для плотной городской застройки.

На сегодняшний день находок раннекруговой керамики в Смоленске заметно меньше, чем лепной, тем не менее, их разброс также довольно значительный. Остается открытым вопрос о том, что происходило с поселением на месте Смоленска в это время — стагнация, сокращение, увеличение?

Смоленск второй половины XI в. представлен весьма значительным материалом. Это уже, несомненно, именно город Смоленск, на что указывают и письменные, и археологические источники. Пятна культурного слоя, содержащие находки XI в., образуют обширное скопление протяженностью более 2 км вдоль русла Днепра и около 1.5 км в меридиональном направлении по обоим берегам (рис. 3). Вероятно некоторые из изолированных пятен, отмеченные на карте, сомкнутся со временем в единые ареалы, так как пока остаются слабоизученные участки на правобережье и участок между устьями Зеленого ручья и речкой Рачевка. Главным археологическим указателем на XI в. является массовый материал — керамика. К сожалению, пока нет ясных критериев для ее дробной хронологии. Смоленская керамика этого времени имеет явные параллели в керамических комплексах более южных областей Киевской Руси. Для нее типичны сложноизогнутые

Рис. 7. Керамика XII в. из раскопок в Смоленске (в верхней части таблицы — более ранняя керамика). 1, 3, 4, 8–10, 15, 17, 18, 20, 21, 23–25, 29, 30 — ул. Бакунина (2014 г.); 2, 5–7, 11–14, 16, 19, 22, 26–28 — ул. М. Школьная, 7а (2014 г.).

венчики с остаточными манжетами, белоглиняное тесто с примесью дресвы (рис. 6). Эта керамика существенно отличается от посуды раннегнездовского типа X в. и от более поздней местной XII в. При первом знакомстве с материалом создается впечатление, что в Смоленский регион переместились пришлые высококвалифицированные мастера-керамисты.

Судя по имеющимся данным, в XI в. происходил стремительный рост поселения, площадь которого увеличилась многократно. В шурфах 2015 г. на северном склоне Соборной горы (ул. Школьная, 20) зафиксированы остатки насыпи второй половины XI в., сделанной из материкового грунта (максимальная зафиксированная мощность насыпи — 1,2 м). Достоверная характеристика этого сооружения будет возможна лишь после дальнейших работ. Вполне вероятно, что это остатки древнейшего земляного вала, опоясывавшего Соборную гору с севера. В теле насыпи не найден ни один фрагмент плинфы, а только единично лепная керамика VIII–X вв. и круговая XI в. описанного выше типа. Можно заключить, что насыпь была создана до летописной даты начала каменного строительства на горе (1101 г.).

При обозрении обширных площадей, занятых культурным слоем с находками XI в., с неизбежностью возникают вопросы, на которые пока нет ответов. Первый — где могильники этого населения? Примеры Пскова и Чернигова, где удалось выявить древнейшие городские некрополи, показывают, что их следует искать в ближайшей периферии поселения. Для Смоленска наиболее перспективными представляются участки между внешними контурами культурного слоя XI в. и естественной границей, образованной протекающими по глубоким оврагам речками Чуриловка и Рачевка, почти смыкающимися в своих истоках.

Второй вопрос, связанный с первым, — где располагались церкви XI в.? То, что население города XI в. (в особенности второй половины столетия) было христианским, не подлежит сомнению. Весьма показательна в этом отношении продукция ювелирной мастерской, открытой на берегу Малой Рачевки. В ней производились нательные кресты, являющиеся дериватами форм византийских крестов X — начала XI в. Наложение карты церквей XII в. на археологическую карту города XI в. (рис. 1) показывает, что ранние церкви XII в. точно попадают в пятна культурного слоя XI в. Вероятно, это совпадение не случайно. Остатки древнейших деревянных церквей Смоленска XI — первой половины XII в. еще предстоит открыть.

Смоленск XII — начала XIII в. (рис. 4). Площадь городской застройки увеличивается примерно в 2 раза по сравнению с предшествующим столетием. Этот период маркируется такими массовыми находками, как стеклянные браслеты, обломки плинф и амфор, местной бытовой керамикой характерного S-видного профиля. Материалы этого времени зафиксированы более чем в 90 раскопах и шурфах на территории города. Ареалы культурного слоя XII–XIII вв. образуют два больших сплошных пятна на обоих берегах Днепра.

Как уже отмечалось выше, для керамики XII–XIII вв. (рис. 7) характерна орнаментация в виде ожерелья из насечек по плечу. Тип сырья иной, нежели у керамики XI в. В XII в. используются ожелезненные глины, имеющие после обжига темно-серый цвет. Характерны больше примеси песка в тесте. Для керамики этого времени не типично наличие клейма на днище, что было характерно для XI в. По-видимому, формируется свое смоленское керамическое производство, хотя гончарная слобода древнерусского Смоленска пока не найдена (перспективный район поисков возле ц. Богородицы гончарской в Пятницком конце). Смоленская керамика найдена в курганах ближней округи города, например в поздних курганах могильника Туринщина (Шмидт, 2001. Табл. IX), датированных автором раскопок первой половиной XII в.

Таким образом, в результате анализа материала, представленного в каталоге археологических исследований Смоленска³, впервые обосновывается выделение древнейшего (протогородского) периода развития; ставится вопрос и о выделении в отдельный период конца X — начала — первой половины XI в. (раннегородской). Тем самым восполняется лакуна в развитии материальной культуры города длиной почти в два столетия, так как вплоть до настоящего времени исследователи начинали историю развития материальной культуры Смоленска лишь со второй половины — конца XI в. (Авдусин, 1991. С. 9; Пушкина и др., 2012).

В проблематике возникновения и развития древнерусских городов необходимо акцентировать внимание на общих и особенных чертах в эволюции наиболее крупных и значимых городских центров. “Общее” позволяет экстраполировать некоторые малоизученные моменты развития, о которых нет данных в исследуемом единичном объекте (городе). “Особенное” дает возможность выделять единичный объект

³Ввиду большого объема сам каталог не пригоден для журнальной публикации.

и создавать не схему, а реальную историю конкретного объекта.

Отдельные пункты нахождения лепной и раннегончарной керамики на территории города вне Соборной горы являются, вероятно, следами отдельных и не до конца еще выявленных поселенческих локусов, синхронных основному поселению, напоминая схему расселения “микро-регионального скопления памятников”, иначе, по В.В. Енукову, “минимальные зоны концентрации памятников” (2005. С. 91–93). Известны такие скопления и на Смоленщине во многом благодаря исследованиям В.В. Седова (1960. С. 31 и сл.).

В течение XI в. Смоленск, очевидно, достаточно быстро превращается из небольшого укрепленного поселения с небольшим посадом в прибрежной части Днепра в довольно большое поселение раннегородского типа с усадебной застройкой и возможным началом специализации отдельных районов. Очевидно, что этот процесс находился в тесной взаимосвязи с общерусским процессом укрепления и расширения влияния административного аппарата центральной власти Древней Руси, начиная с деятельности Ольги, Святослава и Владимира (пославшего одного из сыновей князем в Смоленск) и заканчивая деятельностью Владимира Мономаха.

В свое время В.Л. Янин и М.Х. Алешковский (1971. С. 36, 37) убедительно показали, что древнейшие отложения культурного слоя Великого Новгорода (середины X в.) также отнюдь не монолитное полотно на теле города, а существуют в виде отдельных пятен-локусов, отражая тем самым изначальную реальную прерывистость и мозаичность заселения территории города.

Почему такая же картина не была свойственна и начальной поре истории Смоленска, если аналогичная картина предполагается и для древнего Киева времен Олега и княгини Ольги⁴, и для многих других городов? В.Л. Янин и М.Х. Алешковский делают логичный вывод: у этой группы первоначальных небольших поселений должно было тем или иным образом (эволюционно или в процессе усиления княжеско-епископской власти) сформироваться некое центральное ядро (или 2–3 ядра). Н.И. Астахова в диссертационной работе,

полемизируя с оппонентами в вопросе о первоначальном Смоленске, также высказывала близкие идеи (1986. С. 17).

Следовательно и на территории Смоленска рассмотренная схема расселения гипотетически могла иметь место в VIII – середине X в. Ядром – укрепленным городищем (или городищами), могли выступать как Соборная гора, так и окружающие ее соседние мысы коренного берега: с востока в первую очередь это мыс, на котором ныне стоит Георгиевский храм, а также мыс с Покровской церковью; с запада таковым ядром могла выступать Вознесенская гора. В низменной части в приустьевых участках ручьев могли существовать локусы неукрепленных поселений. Первоначальный импульс расширения территории городского ядра и в Смоленске мог быть направлен к напольной стороне на юг от Соборной горы в район верховьев Смолигова оврага, где уже исследованы мощные отложения культурного слоя XI в. с представительными сериями находок (Олейников, 2014).

Данная отнюдь не новая в науке концепция предполагает “органичное” и постепенное перерастание скопления сельских поселений с ядром-городищем в принципиально новое явление – город, тем самым подразумевая эволюционный характер общественного развития, которое неизбежным образом по мере усложнения социально-политических процессов приводит к формированию городского центра округи.

Необходимо заключить, тем не менее, что в результате анализа данных каталога археологических исследований Смоленск предстает типичным древнерусским городом, развивавшимся синхронно и в одном направлении с такими ведущими центрами Руси, как Киев, Великий Новгород, Полоцк, Рязань и др. Имеющиеся лакуны в истории его материальной культуры постепенно будут стираться, так как перспективные векторы исследований уже намечены.

Авторы выражают благодарность за консультации П.Г. Гайдукову, Т.А. Пушкиной, а также Е.А. Яковлевой, С.И. Милованову, И.Ю. Стрикалову, А.Н. Хохлову, поделившимся информацией, в том числе не опубликованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города. М.: МГУ, 1991. С. 3–20.

⁴ «Топография распространения славянского культурного слоя во второй половине IX в. в Киеве меняется в сторону максимального охвата края площадок возвышенностей вокруг Замковой горы... Потенциально самое большое поселение этого времени располагалось на самой Замковой горе... Топографическая структура Киева второй половины IX в. напоминает славянское “гнездо поселений” в миниатюре» (Комар, 2012. С. 168–178).

- Асташова Н.И.* Древний Смоленск до начала XV в. (по археологическим данным) [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1986.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 21. Вел. Новгород: Новгород. объедин. музей-заповедник, 2007. С. 138–164.
- Галанов В.И.* Дорогой подарок Рачевки // Край Смоленский. 2016. № 1. С. 14–19.
- Даркевич В.П.* Гемма из Смоленска // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 38–40.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский гос. пед. ин-т, 1990. 262 с.
- Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
- Ершов И.Н., Кренке Н.А., Кулькова М.А., Олейников О.М., Сыроватко Н.А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 78–85.
- Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории смоленского Поднепровья [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1977.
- Карпунин А.А., Тарабардина О.А., Кулакова М.И., Мацковский В.В., Соловьева Л.И.* Дендрохронология средневековых городов центра европейской части России: анализ количественного и хронологического распределения дендродат // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 33–36.
- Комар А.В.* Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 128–191.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Аникин И.С., Войцик А.А., Муренцева Т.Ю., Раева В.А., Лавриков М.В., Столярова Т.В.* Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141–149.
- Лявданский А.Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. ун-та. 1926. Т. 3, вып. 3. С. 179–296.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет саманидских и куфических. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 149 с.
- Мясникова Н.В.* К дендрохронологии Смоленска // РА. 1980. № 2. С. 245–251.
- Неклюдов М.Н., Писарев С.П.* О раскопках в Смоленске. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1901. 33 с.
- Олейников О.М.* Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на ул. Ленина, 15 в Смоленске в 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: ТНИИР центр, 2014. С. 6–17.
- Орловский И.И.* Избранное. Смоленск: Свиток, 2011. 240 с.
- Пронин Г.Н., Соболев В.Е.* Спасательная археология Смоленска: открытия и проблемы // Край Смоленский. 2015. № 2. С. 3–13.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисосова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.
- Сапожников Н.В.* Историческая топография древнего Смоленска [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1983.
- Сапожников Н.В.* Историко-археологический опорный план г. Смоленска // Архив Центра охраны памятников истории и культуры г. Смоленска. 1993а.
- Сапожников Н.В.* План геобурения и расположения раскопов в г. Смоленске // Архив центра охраны памятников истории и культуры г. Смоленска. 1993б.
- Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (V–XV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 92). 157 с.
- Сергина Т.В.* Керамика Смоленска середины XIII – XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск: СГУ, 2004. С. 5–190.
- Шмидт Е.А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 162–169.
- Шмидт Е.А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск: Свиток, 2012. 167 с.
- Шмидт Е.А.* Курганы у д. Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск: СГУ, 2001. С. 5–112.
- Шмидт Е.А.* Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // СА. 1962. № 4. С. 189–196.
- Шмидт Е.А.* Шугайлово. Смоленск: Свиток, 2013. 135 с.
- Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970. 326 с.
- Янин В.Л.* Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054–1057) // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 150–152.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 501 с.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Вел. Новгород: Новгород. ун-т, 2002. С. 154–173.

DATABASE OF SOURCES ON THE ARCHAEOLOGY OF THE VIIIth–XIIIth-CENTURY SMOLENSK

Ivan N. Ershov, Nikolay A. Krenke, Tatyana Yu. Murentseva, Oleg M. Oleynikov, Vera A. Raeva

Institute of Archaeology RAS, Moscow

(*ershov@yandex.ru, nkrenke@mail.ru, murenceva86@mail.ru,
olejnikov1960@yandex.ru, veraraeva@mail.ru*)

The paper analyzes the materials of the catalogue of excavations areas in Smolensk compiled by the present authors and including, inter alia, the record of the last two fieldwork seasons of 2014 and 2015. Maps for several chronological sections are drawn. The earliest materials on Smolensk date to the time span between the 8th first half of the 10th century. The finds of this time are concentrated at Sobornaya Gora yet have been encountered in adjacent areas as well. This discovery calls for revisiting a controversial issue of localization of Old Smolensk. Maps drawn for the 11th and 12th–13th demonstrate the growth of the city's territory.

Keywords: old Smolensk, Sobornaya Gora, occupation deposit, handmade pottery of the culture of Smolensk long barrows, planigraphy, catalogue of the archaeological record.

REFERENCES

- Astashova N.I.*, 1986. Drevniy Smolensk do nachala XV v. (po arkheologicheskim dannym) (Rukopis'): diss. ... kand. ist. nauk [Old Smolensk up to the Early 15th Century from the Archaeological Record. PhD Thesis]. Moscow: MGU.
- Avdusin D.A.*, 1991. Aktual'nye voprosy izucheniya drevnostey Smolenska i ego blizhayshey okrug [Topical issues of the study of antiquities of Smolensk and its nearest vicinity]. *Smolensk i Gnezdovo: K istorii drevnerusskogo goroda [Smolensk and Gnezdovo: Contribution to the Study of the Old Russian City]*. Moscow: MGU. S. 3–20.
- Darkevich V.P.*, 1965. Gemma iz Smolenska [A gem from Smolensk]. *KSIA [BSIA]*, 104, pp. 38–40.
- Enukov V.V.*, 1990. Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichey (po arkheologicheskim materialam) [Early Phases of Formation of the Smolensk-Polotsk Krivichs from the Archaeological Record]. Moscow: Kurskiy gos. ped. inst. 262 p.
- Enukov V.V.*, 2005. Slavyane do Ryurikovichy [The Slavs Before the Rurikids]. Kursk: Uchitel'. 352 p.
- Ershov I.N., Krenke N.A., Kul'kova M.A., Oleynikov O.M., Syrovatko N.A.*, 2015. K voprosu o lokalizatsii drevneyshogo Smolenska: arkheologicheskie i toponimicheskie dannye [The localization of Old Smolensk: The archaeological and toponymic data]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi [Cities and Villages of Medieval Russia]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 78–85.
- Galanov V.I.*, 2016. Dorogoy podarok Rachevki [A precious gift of Rachevka]. *Kray Smolenskiy [Smolensk Land]*, 1, pp. 14–19.
- Gaydukov P.G., Yanin V.L.*, 2007. Drevnerusskie vislye pechati, zaregistrirrovannye v 2006 g. [Old Russian pendant seals recorded in 2006]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya [Novgorod and Novgorod Land]*, 21. Vel. Novgorod: Novgor. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 138–164.
- Kamenetskaya E.V.*, 1977. Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii smolenskogo Podneprov'ya (Rukopis'): diss. ... kand. ist. nauk [Pottery of the 9th–13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Dnieper Valley. PhD Thesis]. Moscow: MGU.
- Karpukhin A.A., Tarabardina O.A., Kulakova M.I., Matskovskiy V.V., Solov'eva L.I.*, 2015. Dendrokronologiya srednevekovykh gorodov tsentra evropeyskoy chasti Rossii: analiz kolichestvennogo i khronologicheskogo raspredeleniya dendrodat [Dendrochronology of medieval cities of the centre of the European part of Russia: An analysis of the quantitative and chronological distribution of dendrodates]. *Estestvenno-nauchnye metody issledovaniy i paradigma sovremennoy arkheologii [Natural-science Methods of Investigations and the Paradigm of the Modern Discipline of Archaeology]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 33–36.
- Komar A.V.*, 2012. Polyane i severyane [The Polyans and Severians]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: Materialy i issledovaniya. 2010: Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The Earliest States of Eastern Europe: Prerequisites and Ways of Formation of Old Russian State]*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 128–191.
- Krenke N.A., Ershov I.N., Anikin I.S., Voytsik A.A., Murentseva T. Yu., Raeva V.A., Lavrikov M.V., Stolyarova T.V.*, 2015. Novye dannye ob arkheologii Sobornoy gory v Smolenske [New data on the archaeology of Sobornaya Gora at Smolensk]. *KSIA [BCIA]*, 240, pp. 141–149.
- Lyavdanskiy A.N.*, 1926. Nekotorye dannye o gorodishchakh Smolenskoy gubernii [Certain data on habitation sites of the Smolensk province]. *Nauchnye izvestiya*

- Smolenskogo gos. univ. [Scientific Proceedings of Smolensk State University]*, vol. 3, iss. 3, pp. 179–296.
- Markov A.K., 1910. Topografiya kladov vostochnykh monet samanidskikh i kuficheskikh [Topography of Hoards of Oriental Coins, Samanid and Kufic]. St. Petersburg: Tip. Imp. AN. 149 p.
- Myasnikova N.V., 1980. K dendrokronologii Smolenska [On the dendrochronology of Smolensk]. *RA [RA]*, 2, pp. 245–251.
- Neklyudov M.N., Pisarev S.P., 1901. *O raskopkakh v Smolenske [On Excavations at Smolensk]*. Smolensk: Tip. P.A. Silina. 33 p.
- Oleynikov O.M., 2014. Dvor pervykh smolenskikh knyazey (po rezul'tatam okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy na ul. Lenina, 15 v Smolenske v 2004 g.) [The court of the earliest Smolensk princes from the results of rescue archaeological investigations at 15, Lenin Str., at Smolensk in 2004]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages]*, 7. Tver': TNIIR tsentr, pp. 6–17.
- Orlovskiy I.I., 2011. *Izbrannoe [Selected Studies]*. Smolensk: Svitok. 240 p.
- Pronin G.N., Sobol' V.E., 2015. Spasatel'naya arkheologiya Smolenska: otkrytiya i problem [Rescue archaeology of Smolensk: Discoveries and Problems]. *Kray Smolenskiy [Smolensk Land]*, 2, pp. 3–13.
- Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. Gnezdovskiy arkheologicheskii kompleks [The Gnezdovo archaeological complex]. *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th Centuries: An Archaeological Panorama]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 243–273.
- Sapozhnikov N.V., 1983. Istoricheskaya topografiya drevnego Smolenska (Rukopis'): diss. ... kand. ist. nauk [Historical Topography of Old Smolensk. PhD Thesis]. Moscow: MGU.
- Sapozhnikov N.V., 1993a. Istoriko-arkheologicheskii opornyy plan g. Smolenska [Basic Historical-Archaeological Plan of the City of Smolensk]. *Arkhiv Tsentra okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury g. Smolenska [The Archives of the Centre of Protection of Cultural Resources of the city of Smolensk]* (unpublished).
- Sapozhnikov N.V., 1993b. Plan geobureniya i raspolozheniya raskopov v g. Smolenske [A Plan of Geodrilling and Location of Excavation Areas at the City of Smolensk]. *Arkhiv tsentra okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury g. Smolenska [The Archives of the Centre of Protection of Cultural Resources of the City of Smolensk]* (unpublished).
- Sedov V.V., 1960. Sel'skie poseleniya tsentral'nykh rayonov Smolenskoj zemli (V–XV vv.) [Rural Settlements of Central Areas of Smolensk Land in the 5th–15th centuries AD]. Moscow: Izd. AN SSSR. 157 p. (MIA, 92).
- Sergina T.V., 2004. Keramika Smolenska serediny XIII–XVII vekov [Pottery of Smolensk of the mid-13th–17th centuries]. *Smolenskie drevnosti [Smolensk Antiquities]*, 3. Smolensk: Smol. gos. univ., pp. 5–190.
- Shmidt E.A., 1958. Dlinnye kurgany u der. Tsurkovki v Smolenskom rayone [Long barrows near the village of Tsurkovka in the Smolensk district]. *SA [SA]*, 3, pp. 162–169.
- Shmidt E.A., 1962. Pole pogrebeniy i kurgany u der. Akatovo Smolenskoj oblasti [A burial ground and barrows near the village of Akatovo of the Smolensk oblast]. *SA [SA]*, 4, pp. 189–196.
- Shmidt E.A., 2001. Kurgany u d. Turinshchina v Smolenskom rayone [Barrows near the village of Turinshchina in the Smolensk district]. *Smolenskie drevnosti [Smolensk Antiquities]*, 1. Smolensk: Smol. gos. univ., pp. 5–112.
- Shmidt E.A., 2012. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [The Krivichs of the Smolensk Dnieper and Dvina Basins]. Smolensk: Svitok. 167 p.
- Shmidt E.A., 2013. Shugaylovo [Shugaylovo]. Smolensk: Svitok. 135 p.
- Yanin V.L., 1954. Pechat' smolenskogo knyazya Vyacheslava Yaroslavicha (1054–1057) [A seal of the Smolensk prince Vyacheslav Yaroslavich (1054–1057)]. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute of Material Culture History]*, 55, pp. 150–152.
- Yanin V.L., 1970. Aktovy pechati drevney Rusi X–XV vv. [Chart Seals of Old Rus of the 10th–15th Centuries], 1. Pechati X – nachala XIII v. [Seals of the 10th–early 13th Centuries]. Moscow: Nauka. 326 p.
- Yanin V.L., Aleshkovskiy M.X., 1971. Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy) [The origin of Novgorod: Setting up the issue]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 2, pp. 32–61.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G., 1998. Aktovy pechati Drevney Rusi X–XV vv. [Chart Seals of Old Rus of the 10th–15th Centuries], 3. Pechati, zaregistrirrovannye v 1970–1996 gg. [Seals recorded in 1970–1996]. Moscow: Intrada. 501 p.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G., 2002. Drevnerusskie vislye pechati, zaregistrirrovannye v 2001 g. [Old Russian pendant seals recorded in 2001]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology]*, 6. Vel. Novgorod: Novgorod. univ., pp. 154–173.

АРХЕОЛОГО-ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОБОРНОЙ ГОРЕ В СМОЛЕНСКЕ

© 2017 г. Е.Г. Ершова*, Н.А. Кренке**

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

** Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

Раскопки на Соборной горе г. Смоленска выявили серию естественных и антропогенных отложений средневекового возраста, содержащих достаточное для анализа количество пыльцы и спор. Пыльцевой анализ позволил в общих чертах реконструировать несколько этапов освоения территории древнего Смоленска. Показано, что уже к VIII в. коренные елово-широколиственные леса были сведены и сменились вторичными березняками. В VIII–X вв. часть ранее сведенных еловых лесов успела восстановиться, другая часть была вырублена под поля; растительность склонов Соборной горы представляла собой мозаику растительных сообществ, отражавших разные стадии зарастания полей и вырубок. В X–XI вв. шло дальнейшее сокращение лесных элементов в ландшафтах, и к XIII в. леса в окрестностях Соборной горы полностью сменились полями, пастбищами и рудеральными сообществами (сорняками).

Ключевые слова: древний Смоленск, Соборная гора, палинология, освоение территории.

Вопрос о том, каковы возможности палинологического метода при изучении образцов из культурных слоев древнерусских городов, безусловно, актуален, но пока количество исследованных объектов невелико. Детальные работы были проведены в Москве (Бойцов и др., 1993; Спиридонова, Алешинская, 2009). Тем не менее методика интерпретации палинологических данных из подобных разрезов находится еще в стадии становления (Спиридонова и др., 2008). Археолого-палинологические исследования в Смоленске в первую очередь имели задачу понять, каковы информационные возможности палинологического метода на этом типе объектов. Задача также заключалась в том, чтобы попытаться увидеть ландшафт “города” Смоленска глазами палинолога. В кавычки слово “город” заключено в связи с тем, что интерпретация характера древнейшего поселения на Соборной горе в Смоленске остается пока предметом дискуссии.

В результате работ 2014–2015 гг. на Соборной горе Смоленска на верхнем участке склона северо-западной экспозиции были обнаружены стратифицированные напластования культурного слоя, сформировавшиеся на начальном этапе существования поселения – в VIII (IX)–XI вв. В шурфах выявлены участок с распахкой, а также жилые дворы, в том числе огороженные частоколами (Кренке и др., 2015). В наиболее

информативных, с археологической точки зрения, шурфах – Школьная, 20а и Школьная, 7а – отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа (рис. 1).

Лабораторная обработка и анализ были проведены по стандартной для почвенных образцов методике (Brown, 2008) в лаборатории кафедры геоботаники МГУ им. М.В. Ломоносова.

В задачу исследования входило изучение динамики изменения растительного покрова, в особенности трансформаций, обусловленных деятельностью людей. Важно также сопоставление наблюдений над стратиграфией разрезов, базирующихся на литолого-археологических и палинологических данных.

Школьная, 20а, шурфы 1, 2

На участке по ул. Школьная, 20а было заложено два шурфа размерами 3 × 2 и 2.5 × 2 м на расстоянии 3.5 м друг от друга. Дневная поверхность практически горизонтальная. Верхний метр напластований составляли слои строительного мусора XVIII–XX вв. Ниже прослеживалась мощная (до 1 м толщиной) подсыпка материкового суглинка, содержащая материал не позднее XI в. Исходная поверхность (погребенная почва) вскрыта на глубине 1.1–2.2 м. Уклон древней поверхности составлял 8° на север в сторону р. Днепр. В шурфе 1,

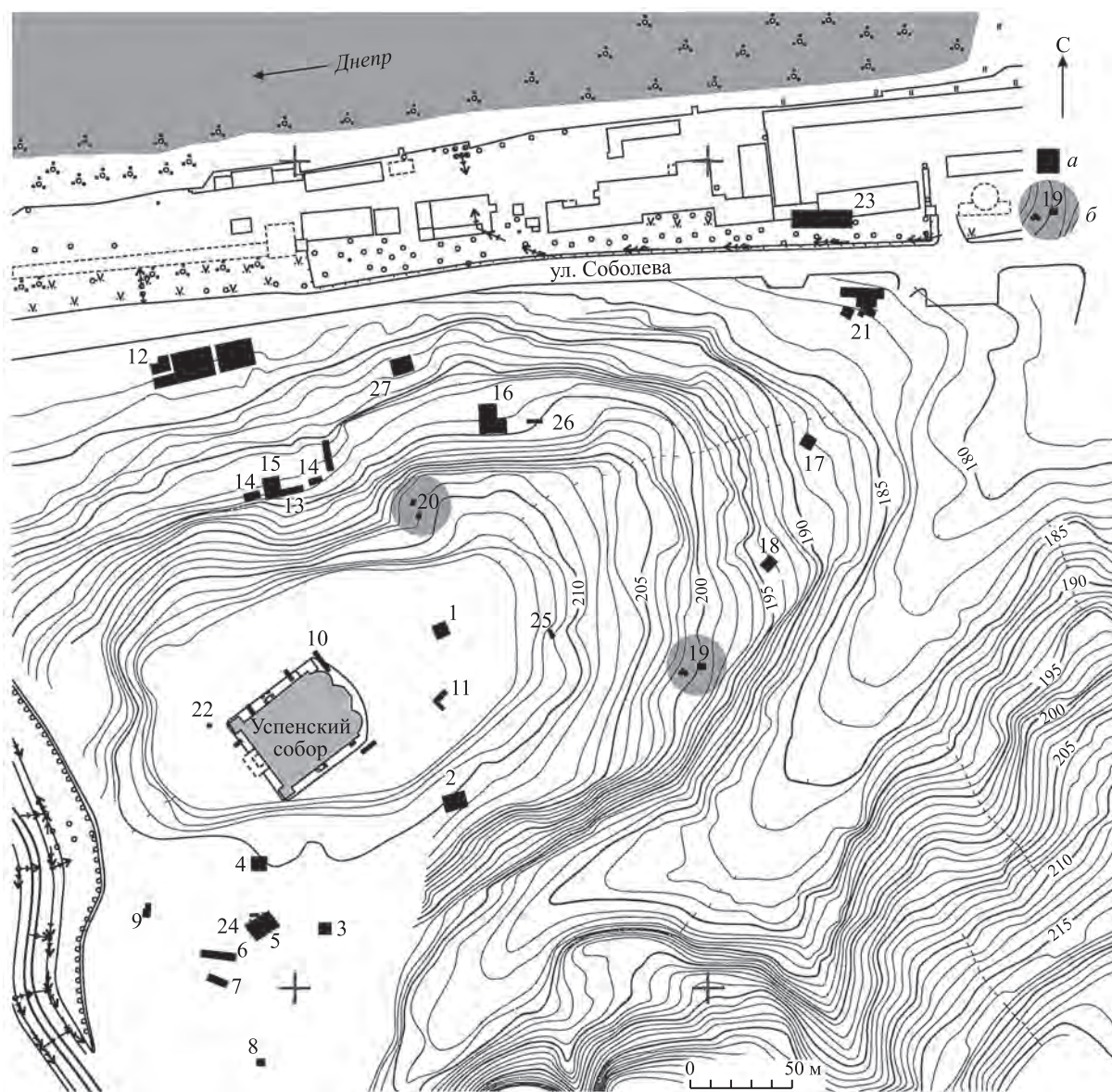

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с нанесенными археологическими раскопами. 19 — шурфы 2014 г. на ул. Школьная, 7а; 20 — шурфы 2015 г. на ул. Школьная, 20а. Условные обозначения: а — археологические раскопы; б — места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ.

расположенном выше по рельефу относительно шурфа 2, под подсыпкой XI в. прослеживался пахотный горизонт толщиной 10–15 см (темно-серая супесь с угольками и печиной), в основании которого хорошо видны следы перекрещивавшихся борозд (рис. 2, 1). Под пахотным слоем прослеживался низ гумусового горизонта погребенной почвы (светло-серая супесь), а еще ниже — линзы подзола. В шурфе 2 под материковой подсыпкой XI в. залегал интенсивно углистый культурный слой толщиной 10–20 см. В его основании прослеживался тонкий слой, насыщенный комочками обожженной глины (горизонт строительства

или разрушения?). Ниже залегала погребенная почва, отличающаяся по цвету и составу от вышележащего культурного слоя. Верхняя часть почвы (светло-бурая супесь) включала также единичные угольки и печинки. В верхней части культурного слоя под подсыпкой XI в. встречалась круговая керамика X–XI вв., в нижнем горизонте этого слоя найдена исключительно лепная керамика VIII–X вв., относящаяся к культуре смоленских длинных курганов. Образцы отбирались из основания разреза ниже подсыпки XI в.

Большинство образцов, за исключением самых нижних, содержали достаточное для

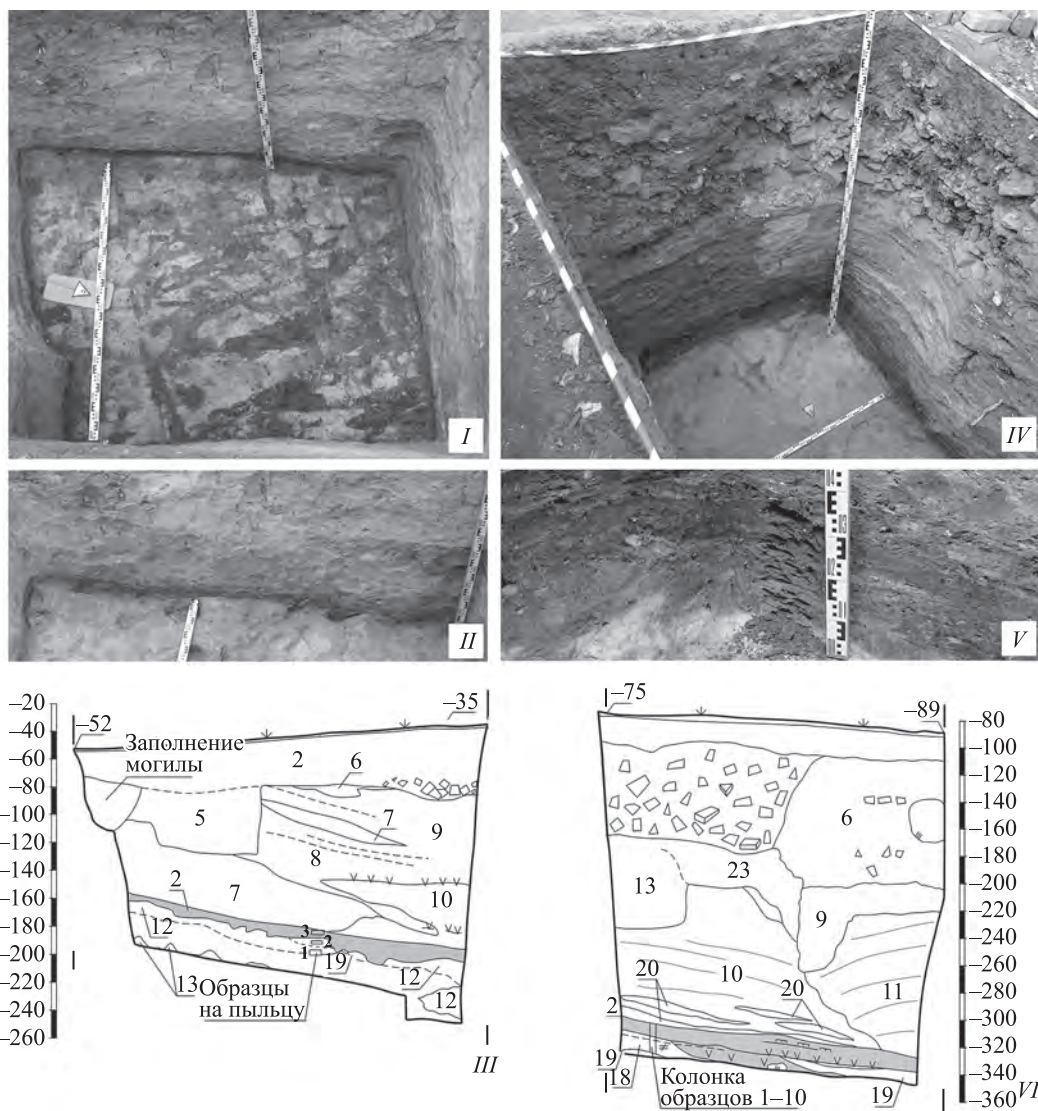

Рис. 2. Фотографии и чертежи шурфов 1 и 2 на участке по ул. Школьная, 20а. I–III – общий вид западного борта, детализация и чертеж шурфа 1; IV–VI – общий вид западного борта, детализация и чертеж шурфа 2. Цифрами на профилях обозначены: 2 – темно-серая супесь; 18 – мешаная светлая буро-серая супесь с включениями угольков и печинков; 19 – белесая материковая супесь (подзол).

статистического анализа количество пылицы, а также микроскопический уголь, золу, обугленные остатки растительных тканей. Всего определено 44 таксона, что достаточно много для минеральных почв и свидетельствует о хорошей сохранности пылицы и, следовательно, о репрезентативности данных. Полученные спорово-пыльцевые диаграммы четко разделились на зоны (три в шурфе 2 и две в шурфе 1), границы между которыми совпали с границами слоев, выделенных также по литологическим и археологическим признакам. Это позволило предположить, что вертикального перемешивания пылицы между слоями не происходило

и каждый из разновозрастных слоев несет обобщенную информацию о состоянии растительного покрова прилегающей к шурфу территории за период формирования этого слоя. Результаты спорово-пыльцевого анализа шурфов 1 и 2 представлены на диаграмме (рис. 3, а, б).

Погребенная почва (рис. 3, а, б, зона 1). В общем спектре преобладают споровые (до 60%), среди которых плауны (*Lycopodium*), сфагновые мхи (*Sphagnum*), папоротники из сем. Polypodiaceae, орляк (*Pteridium*). В пыльцевых спектрах примерно поровну деревьев и трав (по 45–55% от общего пыльцевого спектра). Среди древесных мало хвойных (не более 10%), доминирует береза (35%)

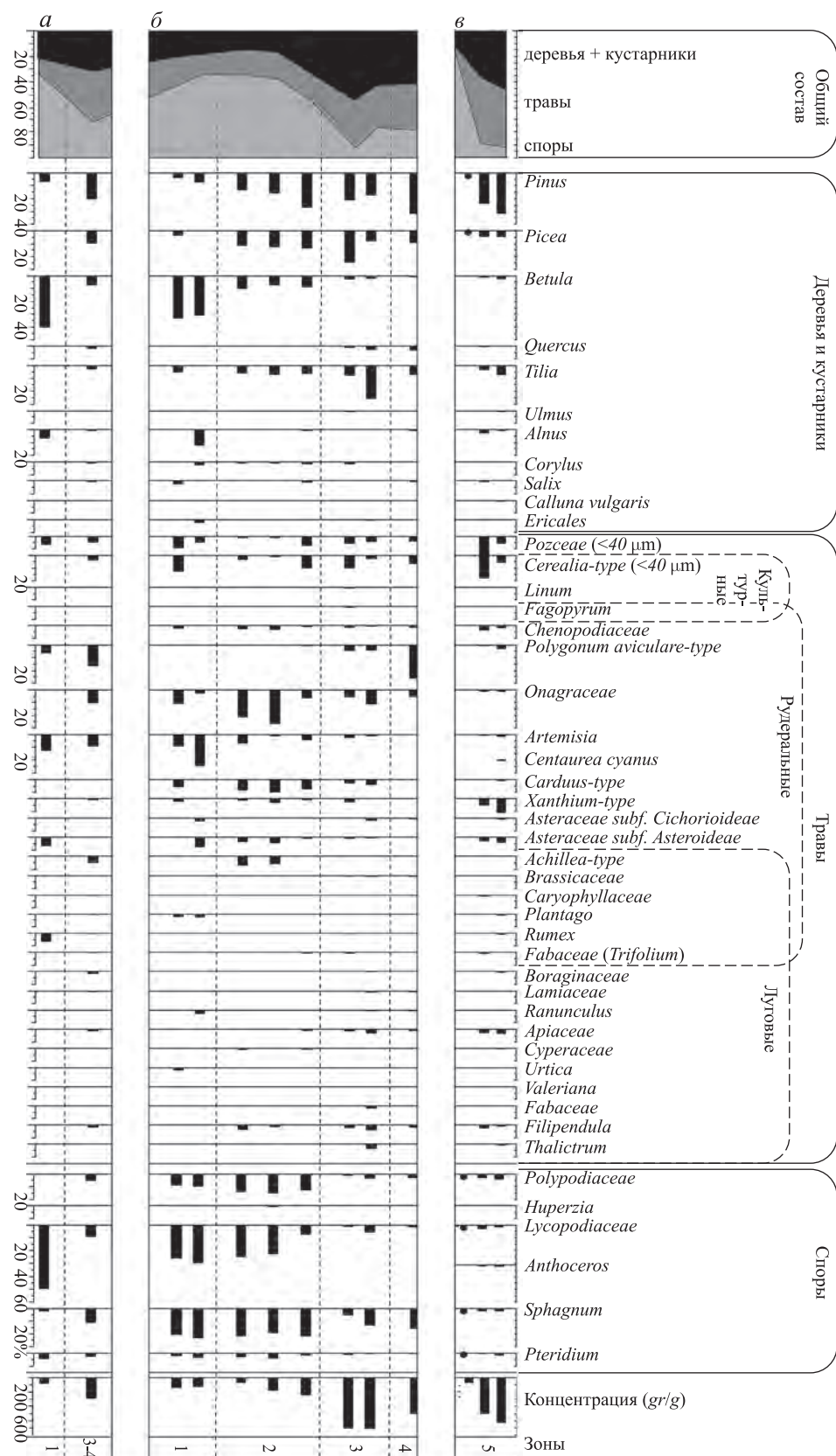

Рис. 3. Комбинированная спорово-пыльцевая диаграмма шурфов Школьная, 20а (а – шурф 1; б – шурф 2) и Школьная, 7а (в). Участие пыльцевых таксонов представлено в % от общей суммы пыльцы; участие споровых – в % от общей суммы пыльцы и спор.

с примесью ольхи и липы (по 5–10%). Среди трав подавляющее большинство — рудеральные, особенно много полыни (до 28%), иван-чая (до 10%), сложноцветных¹ (до 8%), встречаются также маревые (*Chenopodiaceae*), подорожник (*Plantago*), крапива (*Urtica*), щавель (*Rumex*). В шурфе 2 более 10% пыльцевого спектра составила пыльца культурных злаков.

Преобладание крупных спор папоротников и плаунов в спорово-пыльцевых спектрах нижних горизонтов минеральных почв часто бывает результатом накопления наиболее устойчивых форм за счет избирательного разложения пыльцы в аэрируемых условиях (Dimbleby, 1985). Однако в данном случае равномерное распределение по глубине, высокая концентрация и разнообразие идентифицированных типов свидетельствуют об относительно хорошей сохранности пыльцы и спор в погребенной почве, и, следовательно, об адекватности спорово-пыльцевых спектров окружающей локальной растительности. Плауны, в особенности плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*)², орляк (*Pteridium*), сфагновые мхи (*Sphagnum*), наряду с рудеральными травами (иван-чай, полынь) и кустарниками (ива, малина, бузина) могут доминировать на разных стадиях зарастания брошенных полей, пожарищ и вырубков в лесной зоне, в особенности на песчаных кислых почвах. Таким образом, спорово-пыльцевые спектры погребенной почвы, лежащей под слоем с находками VIII–X вв., отражают широкое распространение уже к этому времени вторичной растительности — березняков, ольшаников и разнообразных рудеральных сообществ, являющихся разными стадиями зарастания вырубленных под поля коренных елово-широколиственных лесов.

Слой с находками VIII–X вв. (рис. 3, а, зона 2) представлен только в шурфе 2. В общем составе также преобладают споровые (60%), среди которых плауны (*Lycopodium clavatum*, *L. annotinum*, *Huperzia selago*), папоротники (*Pteridium*, сем. Polypodiaceae), сфагновые мхи. Деревья и кустарники по-прежнему составляют примерно

половину пыльцевого спектра, однако их состав существенно отличается от нижележащего слоя погребенной почвы. Доминируют хвойные (сосна — до 25%, ель — 15%) и липа (до 7%); березы очень мало (5–7%). Среди трав абсолютно преобладают рудеральные, в особенности иван-чай (до 25%), чертополох (до 10%), полынь (*Artemisia*), маревые (*Chenopodiaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*); появляются некоторые луговые виды (бобовые, таволга, зонтичные). Постоянно присутствуют культурные злаки (до 10%).

Своеобразие спорово-пыльцевых спектров слоя VIII–X вв. — в исключительном изобилии и разнообразии пыльцы и спор травянистых растений, преимущественно рудеральных, но также культурных и луговых. При этом основное отличие данного слоя от лежащей ниже погребенной почвы заключается в том, что наряду с обилием культурных злаков и сорняков появляется значительное количество пыльцы деревьев, типичных для зональных елово-широколиственных лесов (сосна, ель, липа). Такое разнообразие растений с самой разной экологией может отражать мозаичность растительного покрова: сочетание большого количества небольших по площади растительных сообществ, представляющих собой весь спектр сукцессионных стадий восстановления елово-широколиственных лесов после их выжигания или рубок. Можно предположить, что в период формирования этого слоя поблизости располагались как пашни, так и небольшие лесные участки, а также участки бывших полей, зарастающие мхами и иван-чаем. При этом часть ельников, вырубленных ранее (до VIII в.), к этому времени уже успела восстановиться, на что должно было потребоваться не менее нескольких десятков лет³.

Слой с находками X–XI вв., перекрытый насыпью XI в. (рис. 3, а, б, зоны 3, 4). От нижележащих слоев отличается очень высокой концентрацией пыльцы (в 2–3 раза больше) и ее хорошей сохранностью, что, по-видимому, связано с плохой аэрацией (переувлажненностью) слоя и/или его искусственным обогащением содержащими пыльцу материалами. Состав спектров также своеобразен: в них почти нет спор, среди деревьев преобладают сосна (*Pinus*) и липа (*Tilia*), ель также

¹Типичными рудеральными (мусорными) растениями, пыльца которых часто встречается в почвенных образцах, являются следующие представители семейства Сложноцветные (*Asteraceae*): чертополох (*Carduus*), бодяк (*Cirsium*), дурнишник (*Xanthium*), подсемейство цикориевые (*Cichorioideae*), в том числе одуванчик (*Taraxacum*) и цикорий (*Cichorium*).

²Обилие спор плаунов в минеральных почвах в лесной зоне часто ассоциировано с восстановительными сукцессиями после пожаров, подсеки и связанной с ними эрозии почв (Ершова, Чернов, 2010; Chernov, Ershova, 2013).

³При восстановлении елового леса через стадию березняка ель сначала поселяется под пологом березы, затем образует второй древесный ярус. Через 60–70 лет после начала зарастания вырубки или брошенного поля ель выходит в верхний ярус, затеняя березу и препятствуя ее возобновлению. В условиях густого леса ель начинает пылить в возрасте до 25–60 лет, сосна — 15–25 лет (Шиманюк, 1974).

присутствует, но ее участие в верхней части слоя сильно сокращается. Большую часть спектра составляет пыльца травянистых растений: культурных растений, сорняков и луговых трав. Из культурных растений помимо хлебных злаков (ржи, ячменя и пшеницы) встречена пыльца гречихи (*Fagopyrum*) и льна (*Linum*). Луговые травы разнообразны; это не только типично пастбищные виды (клевер и другие бобовые, дикие злаки, шавель, подорожник), но и представители пойменных влажных лугов — василистник (*Thalictrum*), таволга (*Filipendula*), зонтичные (*Apiaceae*), валериана (*Valeriana*), губоцветные (*Lamiaceae*), лютики (*Rhanunculus*), бурачниковые (*Boraginaceae*). Среди рудеральных растений большинство — пашенные сорняки (горец птичий, дурнишник) и травы, растущие рядом с жильем (чертополох, бодяк, цикориевые), гораздо меньше растений опушек и вырубков (споровых, иван-чая). Очевидно, что во время формирования культурного слоя X—XI вв. место шурфа находилось уже довольно далеко от границы леса. Обилие пыльцы луговых трав и культурных злаков можно объяснить общим увеличением площади полей, пастбищ и сенокосов. Однако, возможно, в данном случае имело место и ее искусственное привнесение в культурный слой вместе с навозом и соломой⁴.

Школьная, д. 7

Шурф размерами 2 × 3 м вскрыл всю толщу культурных напластований мощностью 2.9 м (рис. 4). В основании зафиксирована поверхность материка, сильно нарушенная хозяйственной деятельностью людей. В материк была врезана частокольная канавка, верх погребенной почвы утрачен. Верхние 1.8 м культурного слоя сложены темно-серым суглинком с прослойками глины и обожженной глины и насыщены находками XVI—XX вв. Ниже, на глубине 2.1 м залегал слой щепы, по которой получена радиоуглеродная дата 866 ± 30 (SPb-1511). С вероятностью в 68.2% (одна сигма) она указывает на календарный интервал 1155—1220 гг. В этом горизонте отобраны образцы на пыльцу. Начиная с этого уровня в культурном

слое находился лишь древнерусский материал XI—XIII вв.

Пыльцу в количестве, достаточном для статистического анализа, содержали только несколько образцов (№ 4—6) из влажного серо-бурого суглинка, залегавшего ниже слоя щепы конца XII в. и выше слоя пожара, перекрывшего частокольную канавку (для колец из этой канавки получены радиоуглеродные даты 1050 ± 30 (SPb-1513) и 1065 ± 35 (SPb-1512), указывающие на рубеж X—XI вв.).

Состав спорово-пыльцевых спектров представлен на рис. 3, в. В общем составе абсолютно преобладает пыльца (до 85%), спор мало (15%). Пыльца древесных составляет до 45% пыльцевого спектра, однако это преимущественно далеко летящая пыльца сосны (до 30% от общей суммы пыльцы). Заметно также участие липы (до 7%). Остальные древесные (ель, береза, дуб, ольха, ивы) присутствуют в очень небольшом количестве (менее 5%). Состав трав разнообразен — всего определено 23 таксона. Это прежде всего культурные растения (рожь, ячмень, пшеница, лен, гречиха) и пашенные сорняки: дурнишник (*Xanthium*), горец птичий (*Polygonum aviculare*), василек синий (*Centaurea cyanus*), антоцеровые мхи⁵ (*Anthoceros*). Много также других рудеральных и луговых видов: маревые (*Chenopodiaceae*), полынь (*Artemisia*), цикориевые (*Asteraceae* subf. *Cichorioideae*), подорожник (*Plantago*), шавель (*Rumex*), клевер (*Trifolium*), зонтичные (*Apiaceae*), гвоздичные (*Caragophyllaceae*), бурачниковые (*Boraginaceae*), валериана (*Valeriana*), таволга (*Filipendula*), василистник (*Thalictrum*) и др.

По составу спорово-пыльцевых спектров отложения XII — начала XIII в. из шурфа Школьная, 7а имеют сходство с культурным слоем X—XI вв. из шурфов Школьная, 20. Это сходство заключается прежде всего в обилии пыльцы культурных злаков и сорняков, а также разнообразии луговых трав, что, как уже говорилось выше, может быть связано с обогащением культурного слоя пыльцой из соломы и навоза. Однако есть и отличия. В слое XII в. еще меньше пыльцы лесных растений (ели, березы, дуба, споровых, иван-чая), из деревьев значительно участие только сосны, пыльца которой может приноситься ветром издалека. Это может свидетельствовать об уже практически

⁴В ряде работ показано, что навоз домашних животных содержит повышенное содержание пыльцы, в особенности насекомоопыляемых луговых видов, которые обычно слабо представлены в пыльцевом дожде (Carrión, 2002). Большинство культурных злаков (кроме ржи) клейстогамны (самоопыляемые), поэтому большая часть пыльцы не попадает в воздух, а остается на соломе после обмолачивания (Robinson, Habbard, 1977; Greig, 1978). Таким образом, навоз и солома могут значительно обогащать культурные слои пыльцой культурных злаков, сопутствующих им пашенных сорняков и кормовых трав (Dimbleby, 1985).

⁵Такие виды антоцеровых мхов, как *Anthoceros laevis*, *A. punctatus*, *A. agrestis* считаются индикаторами земледелия. По палинологическим данным их широкое распространение в Европе около 500 лет назад четко ассоциировано с развитием новых сельскохозяйственных методов, появившихся в позднем средневековье (Dickson, 1973. P. 66; Jankovska, Pokorny, 2002. P. 264).

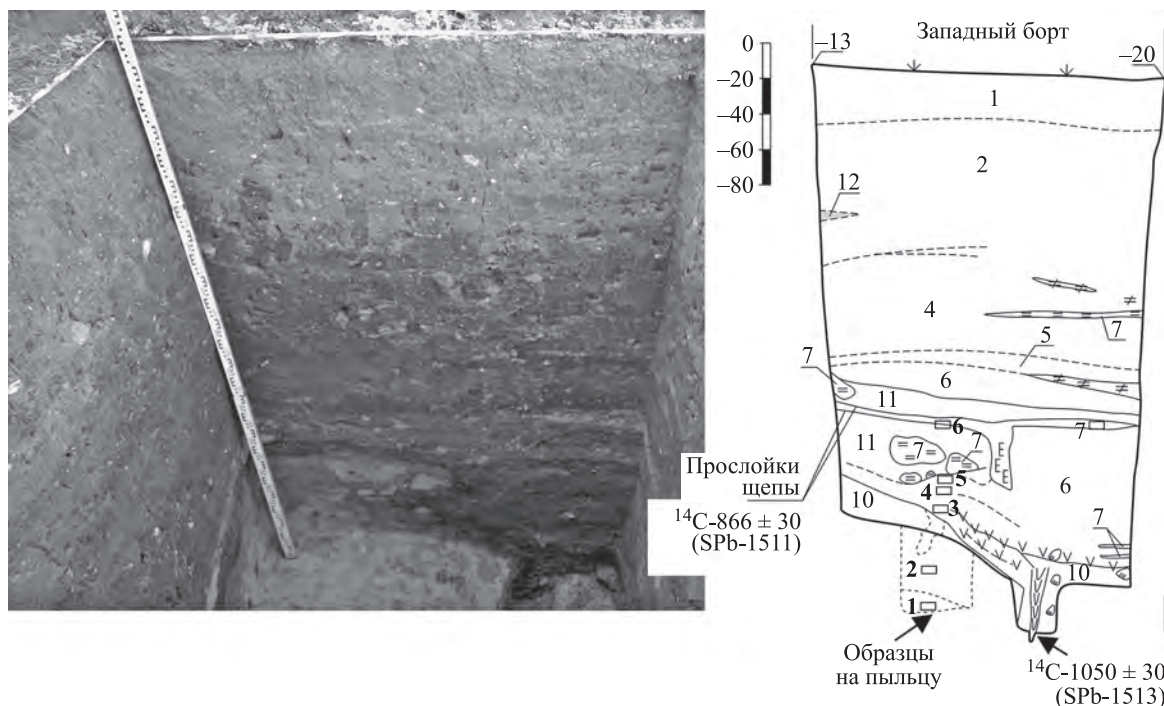

Рис. 4. Фото и чертеж западного борта шурфа на участке ул. Школьная, 7а.

полном отсутствии лесов вокруг раскопа в этот период. Кроме этого только в данном слое найдены споры антоцеровых мхов, появление которых, как уже отмечалось выше, связывается исключительно с позднесредневековым земледелием.

Подводя итоги первых спорово-пыльцевых исследований на Соборной горе г. Смоленска, можно констатировать, что выявленные в ходе археологических работ отложения, содержавшие органику, оказались весьма информативными в палеогеографическом отношении. Благодаря хорошей сохранности и выраженной стратиграфии в отложении пыльцы, по палинологическим данным можно реконструировать несколько этапов в освоении ландшафтов с VII–VIII до XIII в.

1. До поселения культуры смоленских длинных курганов в VIII–X вв. коренные елово-широколиственные леса уже были сведены, возможно, под поля; к VIII в. растительность склонов Соборной горы представляла собой вторичные березняки, ольшаники и рудеральные сообщества. Этот вывод вполне согласуется с данными о древних находках на Соборной горе, относящихся как к бронзовому, так и к раннему железному векам (Лявданский, 1926. С. 207).

2. В VIII–X вв. часть ранее сведенных еловых лесов успела восстановиться, другая часть была вырублена под поля. Растительность склонов Соборной горы представляла собой мозаику

растительных сообществ, свидетельствующих о разных стадиях зарастания полей и вырубок.

3. В X–XI вв. окружающие поселение ландшафты становятся преимущественно безлесными, в них преобладают поля и пастбища. Среди возделываемых культур наряду с хлебными злаками появляются лен и гречиха.

4. Пыльцевые спектры культурного слоя второй половины XII – начала XIII в. отражают практически полностью безлесный ландшафт, господство полей и пастбищ вокруг поселения; возможно также обогащение культурного слоя пыльцой за счет навоза и соломы.

Таким образом, результаты спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о возрастании доли индикаторов хозяйственной деятельности и о значительном сокращении лесных элементов в ландшафтах Соборной горы к XIII в. Однако данных, полученных из одного шурфа, пока недостаточно для того, чтобы судить о масштабах хозяйственных преобразований в этот период, в частности, о площади сведения лесов вокруг поселения (“города”). Необходимы исследования других археологических памятников, равно как и естественных объектов, содержащих отложения средневекового времени. Важна также разработка методических вопросов, связанных с интерпретацией пыльцевых данных городских культурных слоев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Известия АН СССР. Серия географическая. 1993. № 4. С. 60–75.
- Ершова Е.Г., Чернов С.З. Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII–XVI вв.: методика корреляции спорово-пыльцевых данных (новые исследования Морозовского болота) // РА. 2010. № 3. С. 101–108.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Аникин И.С., Войчик А.А., Муренцева Т.Ю., Раева В.А., Лавриков М.В., Столярова Т.В. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141–148.
- Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. ун-та. 1926. Т. 3, вып. 3. С. 179–296.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Палинологические исследования разрезов культурного слоя Романова двора // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. С. 196–214.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Новые методические направления при исследовании археологических памятников средневековья // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 38–55.
- Шиманюк А.П. Дендрология. Изд. 2-е, доп. М.: Лес. пром., 1974. 264 с.
- Brown C.A. Palynological Techniques. Second ed. Dallas: AASPF, 2008. 146 p.
- Carrión J.S. A taphonomic study of modern pollen assemblages from dung and surface sediments in arid environments of Spain // Review of Palaeobotany and Palynology. 2002. V. 120, iss. 3–4. P. 217–232.
- Chernov S., Ershova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // Hierarchies in rural settlements. Turnhout: Brepols Publishers, 2013 (Ruralia; V. 9). P. 387–406.
- Dickson J.H. Bryophytes of the Pleistocene: The British Record and its Chorological and Ecological Implications. Cambridge: Univ. Press, 1973. 256 p.
- Dimbleby G.W. The Palynology of Archaeological Sites. L.: Academic Press, 1985. 176 c.
- Greig J. The interpretation of pollen spectra from urban archaeological deposits // Environmental archaeology in the urban context. L.: Council for British Archaeology, 1982 (Council for British Archaeology Research Report; № 48). P. 47–65.
- Jankovska V., Pokorny J. Palaeoecology of a Medieval fishpond system (Vajgar, Czech Republic) // Folia Geobotanica. 2002. V. 37, iss. 3. P. 253–273.
- Robinson M., Hubbard R. The transport of pollen in the bracts of hulled cereals // J. of Archaeological Science. 1977. No. 4. P. 197–199.

ARCHAEOLOGICAL-PALINOLOGICAL STUDIES AT SOBORNAYA GORA IN THE CITY OF SMOLENSK

Ekaterina G. Ershova*, Nikolay A. Krenke**

* Lomonosov Moscow State University (eershova@rambler.ru)

** Institute of Archaeology RAS, Moscow (nkrenke@mail.ru)

Excavation at Sobornaya Gora (Cathedral Mound) in the city of Smolensk revealed a series of medieval natural and anthropogenous deposits containing an amount of pollen and spores sufficient for analysis. Pollen analysis enabled us to reconstruct several phases of reclamation of the territory of old Smolensk in general outline. The study made it apparent that as early as by the 8th century AD the primeval coniferous-large-leaved forests had been brushed and substituted by secondary birch groves. Parts of the brushed coniferous forests were restored in the 8th–10th centuries while the rest were cut down to produce cultivated surfaces. The vegetation of the Sobornaya Gora slopes was a mosaic of plant associations reflecting different phases of overgrowing of fields and clearings. The amount of forest elements in landscapes had been gradually reducing in the 10th–11th centuries and by the 13th century forests in the vicinity of Sobornaya Gora were completely substituted by fields, pastures and ruderal associations, i.e. weeds.

Keywords: old Smolensk, Sobornaya Gora, palinology, reclamation of territory.

REFERENCES

- Boytsov I.A., Gunova V.S., Krenke N.A., 1993. Landshafty srednevekovoy Moskvy: arkheologo-palinologicheskie issledovaniya [Landscapes of medieval Moscow: Archaeological-palynological investigations]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Geographical Series], 4, pp. 60–75.
- Brown C.A., 2008. Palynological Techniques. Second ed. Dallas: Amer. Ass. of Stratigraphic Palynologists Foundation. 146 p.

- Carrión J.S., 2002. A taphonomic study of modern pollen assemblages from dung and surface sediments in arid environments of Spain. *Review of Palaeobotany and Palynology*, vol. 120, iss. 3–4, pp. 217–232.
- Chernov S., Ershova E., 2013. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period. *Hierarchies in rural settlements*. Turnhout: Brepols Publishers, pp. 387–406. (Ruralia, 9).
- Dickson J.H., 1973. Bryophytes of the Pleistocene: The British Record and its Chorological and Ecological Implications. Cambridge: Univ. Press. 256 p.
- Dimbleby G.W., 1985. The Palynology of Archaeological Sites. London: Academic Press. 176 p.
- Ershova E.G., Chernov S.Z., 2010. Priroda i chelovek na vodorazdelakh Radonezha v XIII–XVI vv.: metodika korrelyatsii sporovo-pyl'tsevykh dannykh (novye issledovaniya Morozovskogo bolota) [Nature and man on the watersheds of Radonezh in the 13th–16th centuries: Techniques of correlation of the spore-pollen data (new investigation of the Morozovskoe marsh)]. *RA [RA]*, 3, pp. 101–108.
- Greig J., 1982. The interpretation of pollen spectra from urban archaeological deposits. *Environmental archaeology in the urban context*. London: Council for British Archaeology, pp. 47–65. (Council for British Archaeology Research Report, 48).
- Jankovska V., Pokorny J., 2002. Palaeoecology of a Medieval fishpond system (Vajgar, Czech Republic). *Folia Geobotanica*, vol. 37, iss. 3, pp. 253–273.
- Krenke N.A., Ershov I.N., Anikin I.S., Voytsik A.A., Murentseva T. Yu., Raeva V.A., Lavrikov M.V., Stolyarova T.V., 2015. Novye dannye ob arkheologii Sobornoy gory v Smolenske [New data on archaeology of Sobornaya Gora at Smolensk]. *KSIA [BCIA]*, 240, pp. 141–148.
- Lyavdanskiy A.N., 1926. Nekotorye dannye o gorodishchakh Smolenskoy gubernii [Certain data on habitation sites of the Smolensk province]. *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gos. univ. [Scientific Proceedings of Smolensk State University]*, vol. 3, iss. 3, pp. 179–296.
- Robinson M., Hubbard R., 1977. The transport of pollen in the bracts of hulled cereals. *J. of Archaeological Science*, 4, pp. 197–199.
- Shimanyuk A.P., 1974. Dendrologiya [Dendrology]. 2nd ed., suppl. Moscow: Les. prom. 264 p.
- Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., 2009. Palinologicheskie issledovaniya razrezov kul'turnogo sloya Romanova dvora [Palynological investigations of Romanov Dvor's occupation deposit sections]. *Arkheologiya Romanova dvora. Predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology of Romanov Dvor. Prehistory and History of the Centre of Moscow in the 12th–19th centuries]*. N.A. Krenke, ed. Moscow: IA RAN, pp. 196–214.
- Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D., 2008. Novye metodicheskie napravleniya pri issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov srednevekov'ya [New methodical lines of investigation of medieval archaeological sites]. *KSIA [BCIA]*, 222, pp. 38–55.

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КРУТИК И НИКОЛЬСКОЕ V В БЕЛОЗЕРЬЕ

© 2017 г. И.Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва (izaitseva@yandex.ru)

В статье рассматриваются результаты анализа состава металла находок из сплавов на основе меди (107 экз.), остатков металла на стенках глиняных тиглей (32 экз.) и литейных форм (2 экз.) из находок на поселениях конца IX – начала XI в. Крутик и Никольское V в Белозерье. Детальный анализ образцов выборки показывает, что Крутик входил в зону господства латуни, существовавшую в это время в Северной Европе и включавшую Северную Русь. Бронзы и медь представлены меньшим числом экземпляров. Не так много изделий из полностью перемешанного металла, полученного в результате многократных переплавок. При наличии медного и латунного сырья в мастерских Крутика украшения местного костюма делаются из многокомпонентных или бронзовых сплавов. На одном памятнике существуют две параллельные традиции: одна, вписывающаяся в круг североευропейской металлообработки, связана с работой с латунями; другая, местная, нацелена на обработку бронз и перемешанных сплавов.

Ключевые слова: средневековая археология, Древняя Русь, сплавы цветных металлов.

В 2006 г. Онежско-Сухонская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством канд. ист. наук С.Д. Захарова возобновила раскопки поселений Крутик и Никольское V в Белозерье (Кирилловский р-он Вологодской обл.), ранее исследовавшихся Л.А. Голубевой (Голубева, Кочкуркина, 1991) и Н.А. Макаровым (1990). Обнаружены и изучаются могильники Крутика Кладовка 1 и 2. В настоящее время (2015 г.) на поселении Никольское V исследованы 35 м², на поселении Крутик – 128 м, на могильниках Кладовка 1 и 2 – 267 м² (Захаров, 2010; 2012а; б; Захаров, Меснянкина, 2012)². Работы ведутся по методике, разработанной С.Д. Захаровым и предусматривающей полную промывку всего культурного слоя для максимального сбора археологических остатков (2001; 2007. С. 76–96). Применение подобной технологии позволило получить значительные по объему коллекции предметов из цветных металлов (с поселения Крутик – более 11600, с поселения Никольское V – 850).

Раскопками Л.А. Голубевой в 1970–1980-х годах на поселении Крутик, непосредственно в жилой зоне, были выявлены участки с остатками

обработки цветных металлов. В специальных работах исследовательница детально рассмотрела предметы, связанные с цветной металлообработкой, и охарактеризовала этот вид ремесла на памятнике (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 63–80; Голубева, 1991. С. 148–164). За рамками анализа осталось изучение химического состава металла как готовых изделий, так и находок, связанных с обработкой цветных металлов. Очередной комплексный исследовательский цикл работ на Крутике, в ходе которого был зафиксирован новый бронзолитейный производственный комплекс за пределами жилой зоны на склоне холма (Захаров, 2012. С. 229), позволил вернуться к теме работы с цветными металлами на поселении и охарактеризовать состав металлов и сплавов, использовавшихся местными мастерами. Поскольку Древняя Русь не имела собственных источников сырья цветных металлов, и все оно ввозилось из разных мест, представляется важным установить динамику и пути, по которым шли потоки металлического сырья к ювелирам конкретных регионов, а также определить наличие или отсутствие местной специфики использования сплавов мастерами определенных территорий. К работе были привлечены как новые находки, полученные экспедицией С.Д. Захарова, так и материалы из раскопок Л.А. Голубевой, хранящиеся в фондах Музея археологии Череповецкого музейного объединения.

¹ Статья в основном была написана в 2011 г. и должна была войти в сборник, посвященный поселению Крутик, подготовку которого осуществлял коллектив авторов под руководством С.Д. Захарова.

² Информация предоставлена С.В. Меснянкиной.

Исследование выполнялось по двум направлениям: оптико-эмиссионным спектральным анализом металла по методу трех эталонов А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (описание метода см.: Егорьков, Щетенко, 1999. С. 40) были исследованы 107 проб, отобранных с предметов, изготовленных из сплавов на основе меди: 83 — из материалов с поселения Крутик, относящихся к концу IX — X в., 24 — из материалов с поселения Никольское V, датирующихся X — началом XI в.³ (см. Приложение); в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова канд. ист. наук Н.В. Ениосовой методом качественного рентгенофлюоресцентного анализа был изучен элементный состав остатков металла на стенках глиняных тиглей и в полостях глиняных литейных форм, происходящих из раскопок поселения Крутик⁴.

Был проанализирован состав металла следующих категорий находок: *поселение Крутик*: фрагменты проволоки (13), слитки (3), фрагмент дрота (1), капля металла из тигля (1), пластины (4⁵), полоса металла (1), прутки (6), бляхи (2), браслеты (8), гривны (3), височные кольца проволочные (7), перстни (6), поясные накладки (2), подвески трапециевидные (3), шумящие подвески (9), спиральные пронизки (7), поясная пряжка (1), фибулы (2), неопределенное украшение (1), пуговица литая (1), рукоять кресала (1), петельчатое ушко (1); *поселение Никольское V*: проволока (3), пластины (6; см. сноску 7), поясные накладки (6), игла (1), шумящие украшения (4), бусины (2), перстень (1), грушевидный бубенчик (1).

Усилиями ряда исследователей, в первую очередь Н.В. Ениосовой к настоящему времени накоплен значительный фонд результатов анализов химического состава металла предметов из цветных металлов с памятников конца IX — начала XI в., расположенных в разных частях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, что составляет хорошую сравнительную базу для образцов из Белозерья. Это находки из погребений, выполненных по обряду кремаций, Мининского археологического комплекса, территориально наиболее близко расположенного к Крутику (Зайцева, 2003. С. 53–70; 2009а. С. 155–166); с поселения Городок на Ловати (Горюнова, 1988); из Приладожских курганов, Сарского городища, Старой Ладogi и Рюрикова городища; Гнёздова (Ениосова и др., 2008. С. 164, 165, 167–169);

с сельских поселений и могильников Суздальского Ополя (Зайцева, 2008. С. 36–55; 2015. С. 252–262).

Распределение объектов на группы осуществлено способом классификации по заранее определенным параметрам. В применении к археологическим материалам методические основы такой классификации разработаны Й. Ридерером, Э.В. Королевой, Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой (Ениосова и др., 2008. С. 125–132). Ключевым моментом исследования является обработка данных с разных памятников по единой методике, что позволяет корректно сравнивать полученные результаты и на детальном уровне выявлять общее и особенное в применении сплавов в конкретных регионах и их хронологическую динамику. Наиболее важно это для цветной металлообработки эпохи средневековья, отличающейся использованием значительного количества лома, что сильно затрудняет сравнение данных из разных памятников.

Графики одномерного распределения элементов в исследуемых массивах показывают, что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк, т.е. их доля в сплаве больше или равна 1%. По наличию легирующих компонентов массивы разбиты на группы. Названия сплавов даются по составляющим их компонентам (Гутов, Никитин, 1994. С. 55, 57): однокомпонентные — “чистая” медь (Cu); двухкомпонентные — свинцовые бронзы (Cu+Pb), оловянные бронзы (Cu+Sn), двойные латуни (Cu+Zn); трехкомпонентные — оловянно-свинцовые бронзы (Cu+Sn+Pb), оловянно-цинковые бронзы (Cu+Sn+Zn), свинцовые латуни (Cu+Zn+Pb), оловянные латуни (Cu+Zn+Sn); многокомпонентные сплавы (Cu+Sn+Zn+Pb).

В некоторых образцах концентрация сурьмы и мышьяка превышает 1% рубеж. Эти случаи будут рассмотрены особо. Детально рассмотрим выделенные группы (рис. 1, А).

Чистая медь (Cu). Условно “чисто” медными считаются изделия, в металле которых концентрация меди равна или превышает 97% (Ениосова и др., 2008. С. 127–129). Среди проанализированных материалов поселения Крутик такие находки составляют 6% (пять образцов). К ним относятся три обрывка проволоки (рис. 2, 26, 36, 41⁶), прутки и капля металла из тигля (рис. 2, 66). Медь очень чистая, только в капле металла содержание свинца составляет 0.8%, в остальных образцах оно минимально. На селище Никольское V предметов из чистой меди — 20.8% (пять образцов). Все пробы взяты с пластин (рис. 2, 3, 10, 12, 17, 22).

³ Датировка материалов произведена С.Д. Захаровым.

⁴ Выражаю благодарность Н.В. Ениосовой за проведенное исследование.

⁵ Одна из пластин достоверно является обломком сосуда, сохранность остальных не позволяет сделать однозначного заключения.

⁶ Фото находок из раскопок С.Д. Захарова выполнены С.Д. Захаровым, фото находок из раскопок Л.А. Голубевой — автором статьи. Номера предметов соответствуют номерам Приложения.

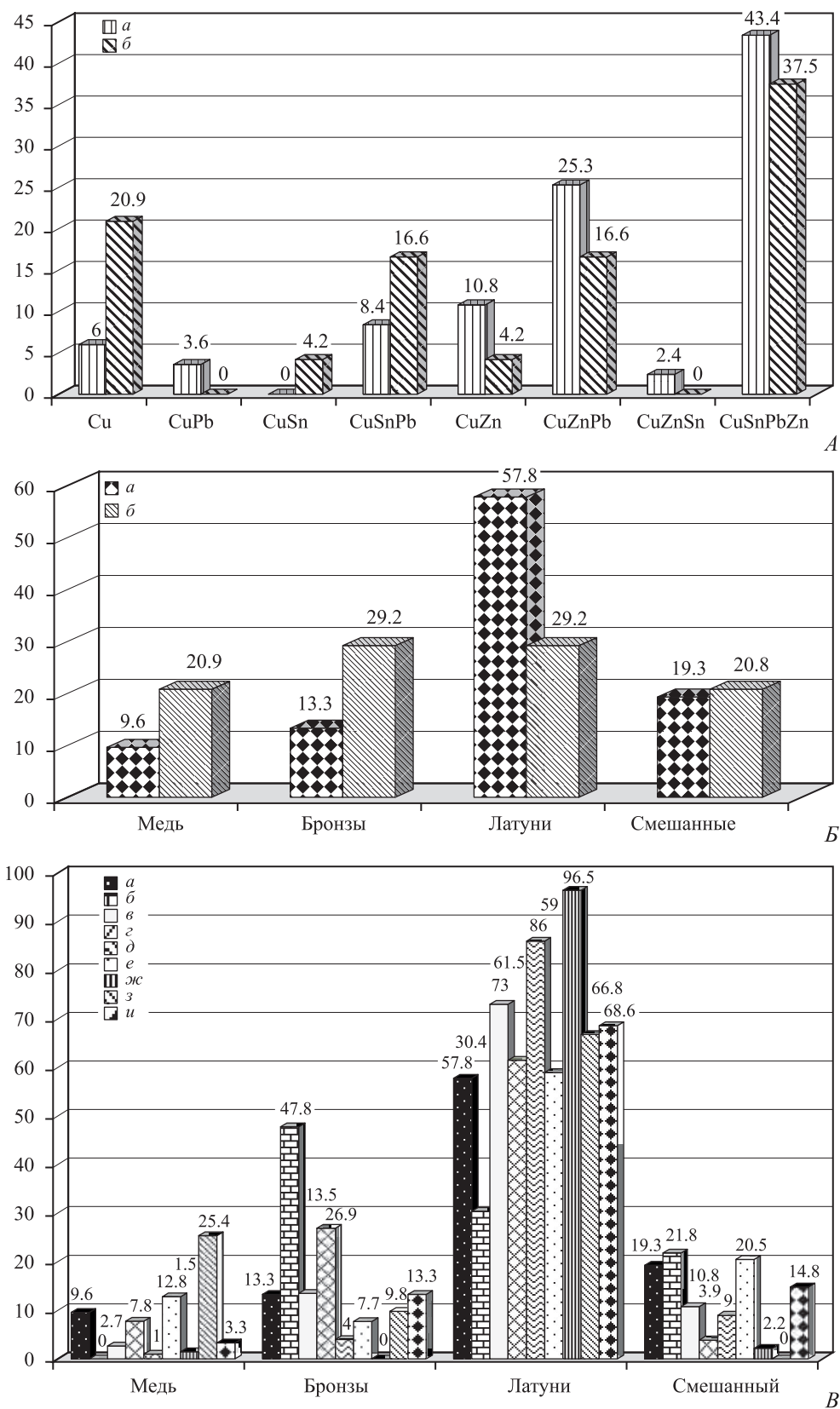

Рис. 1. Основные группы сплавов предметов (в %): А, Б – с поселений Крутик и Никольское V; В – из разных памятников Восточной Европы. Условные обозначения: А, Б: а – поселение Крутик; б – поселение Никольское V; В: а – поселение Крутик; б – Минино; в – Ладога; г – Рюриково городище; д – Приладожье; е – Прибалтика; ж – поселение Городок; з – Сарское городище; и – Суздальское Ополье.

Рис. 2. Предметы из чистой меди: 3, 10, 12, 17, 22, 26, 36, 41, 66; меди, загрязненной свинцом: 68, 94, 103; оловянной бронзы: 13; свинцово-оловянной бронзы: 8, 11, 16, 21, 58, 70, 75, 86, 93, 99, 105; многокомпонентной бронзы: 4, 20, 96, 65, 72, 96, 97. Предметы, происходящие с поселения Никольское V: 3, 4, 10, 17, 20, 22, 13, 8, 11, 16, 21; остальные — с поселения Крутик.

Свинцовая бронза (Cu+Pb). Из меди с примесью свинца сделано всего три предмета, происходящих с поселения Крутик (3.6% всех проб). Концентрация свинца составляет от 2.7 до 3.6% (среднее значение — 3.2%), т.е., вероятно, это медь, загрязненная свинцом. Из такого сплава изготовлена пластина, полоса металла и трапециевидная подвеска (рис. 2, 68, 103, 94). В выборке с поселения Никольское V предметы из загрязненной меди отсутствуют.

Оловянная бронза (Cu+Sn). На поселении Крутик предметы из меди, легированной оловом, не представлены в исследованной выборке. На поселении Никольское V имеется одна поясная накладка, в металле которой содержится 7.3% олова и 0.9% свинца (рис. 2, 13).

Оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb). Группа предметов из оловянно-свинцовой бронзы более многочисленна. В выборке с поселения Крутик таких предметов 7 (8.4%). Концентрация олова составляет от 3.2 до 19% (среднее значение — 11.4%), содержание свинца варьирует от 2.6 до 7.2% (среднее значение — 4%). Содержание легирующих элементов свидетельствует о том, что мастера не просто использовали медь, в которую добавляли олово, а, скорее всего, преднамеренно легировали “чистую” или загрязненную свинцом медь и свинцом, и оловом. Из оловянно-свинцовой бронзы сделаны три пластинчатых браслета, круглая бляха, ленточная спиральная пронизка, “усатый” перстень и перстень с валиками (рис. 2, 70, 75, 93, 105, 86, 99, 58). Шумящих украшений нет. В группе представлены предметы, изготовленные и литьем, и ковкой. Методомковки сделаны два пластинчатых браслета, усатый перстень и ленточная спиральная пронизка. Высокооловянные бронзы являются преимущественно литейными сплавами и плохо обрабатываются пластической деформацией, поэтому не удивительно, что некоторые предметы имеют брак.

На поселении Никольское V из оловянно-свинцовой бронзы изготовлены три поясные накладки и грушевидный крестопорезной бубенчик (16.6% выборки; рис. 2, 11, 16, 21, 8). Содержание олова — от 5.7 до 32% (среднее значение — 15%), свинца — от 2.3 до 7.2% (среднее значение — 4%). Таким образом, на обоих поселениях применялись высокооловянные бронзы, свойственные финно-угорской ремесленной традиции.

Предметов из цинковой бронзы в выборке нет.

Двойная латунь (Cu+Zn). Из сплава меди и цинка изготовлены девять предметов в выборке, происходящей с поселения Крутик (10.8%), и один — с поселения Никольское V (рис. 3). Он представляет собой фрагмент высокоцинковой проволоки с концентрацией цинка 30% (рис. 4, 1). На поселении Крутик содержание цинка в предметах из двойной латуни варьирует от 7.3 до 20% (среднее

значение — 13%). Свинец практически отсутствует: его среднее значение в пробе — 0.36%. Наивысшей концентрация цинка оказалась в слитке — 20% (рис. 4, 30), в остальных предметах она колеблется от 7.3 до 16%. В двух образцах, взятых с проволоки и прутка, цинк не превышает 10% (рис. 4, 32, 54), в поясной накладке, браслетообразном височном кольце, заготовке фибулы, крученой гривне, обрывке проволоки и обломке неопределенного украшения колеблется от 12 до 16% (рис. 4, 28, 33, 48, 34, 55, 90).

Оловянная латунь (Cu+Zn+Sn). Из оловянной латуни в выборке присутствуют два предмета, найденные на поселении Крутик, — сырьевой прутки и спиральная пронизка (рис. 4, 25, 35), концентрация цинка в которых довольно высокая — 17 и 13%, а олова — низкая — 1 и 1.4%, т.е. по сути это двойная латунь. В выборке, происходящей с поселения Никольское V, предметы из оловянной латуни отсутствуют.

Свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb). Группа свинцовых латуней многочисленна и составляет 21 предмет на поселении Крутика (25.3%) и 4 предмета — в Никольском V (16.6%). В первом случае концентрация цинка варьирует в предметах от 1.2 до 26% (среднее значение равно 12.6%). Преобладают образцы со средним содержанием цинка (6–14%). Концентрация свинца колеблется от 1.4 до 22% (среднее значение составляет 6.9%). Несмотря на то что две трети группы составляют предметы с низкой концентрацией свинца (менее 5%), можно полагать, что в остальных случаях медь преднамеренно легировалась и цинком и свинцом (рис. 3, 4).

Большинство предметов из свинцовой латуни получены способом пластической деформации: восемь находок из проволоки, в том числе четыре височных кольца; трапециевидная подвеска, усатый перстень, три пластинчатых браслета, заготовка браслета, ленточная спиральная пронизка, два сырьевых прутка (рис. 5, 27, 42, 49, 64, 77–79, 88, 101, 61, 106, 50, 57, 98; 6, 80, 82, 83). Есть в этой группе и литые изделия: рукоять кресала, пуговица, наколочник гривны, подковообразная фибула (рис. 5, 45, 46, 100, 84).

Предметы из свинцовой латуни с поселения Никольское V отличаются повышенной концентрацией свинца (среднее значение — 9.8%). Цинка в них несколько меньше, чем в предметах с поселения Крутик, — среднее значение равно 8.8%. Из этого сплава изготовлены две бусины, составленные из двух половинок, пластинчатый перстень и пластина (рис. 5, 7, 19, 9).

Многокомпонентные сплавы (Cu+Zn+Pb+Sn). Группа многокомпонентных сплавов наиболее многочисленна в обеих выборках: 36 предметов (43.4%) на Крутике и 9 (37.5%) на Никольском V. В многокомпонентных латунях Крутика (16

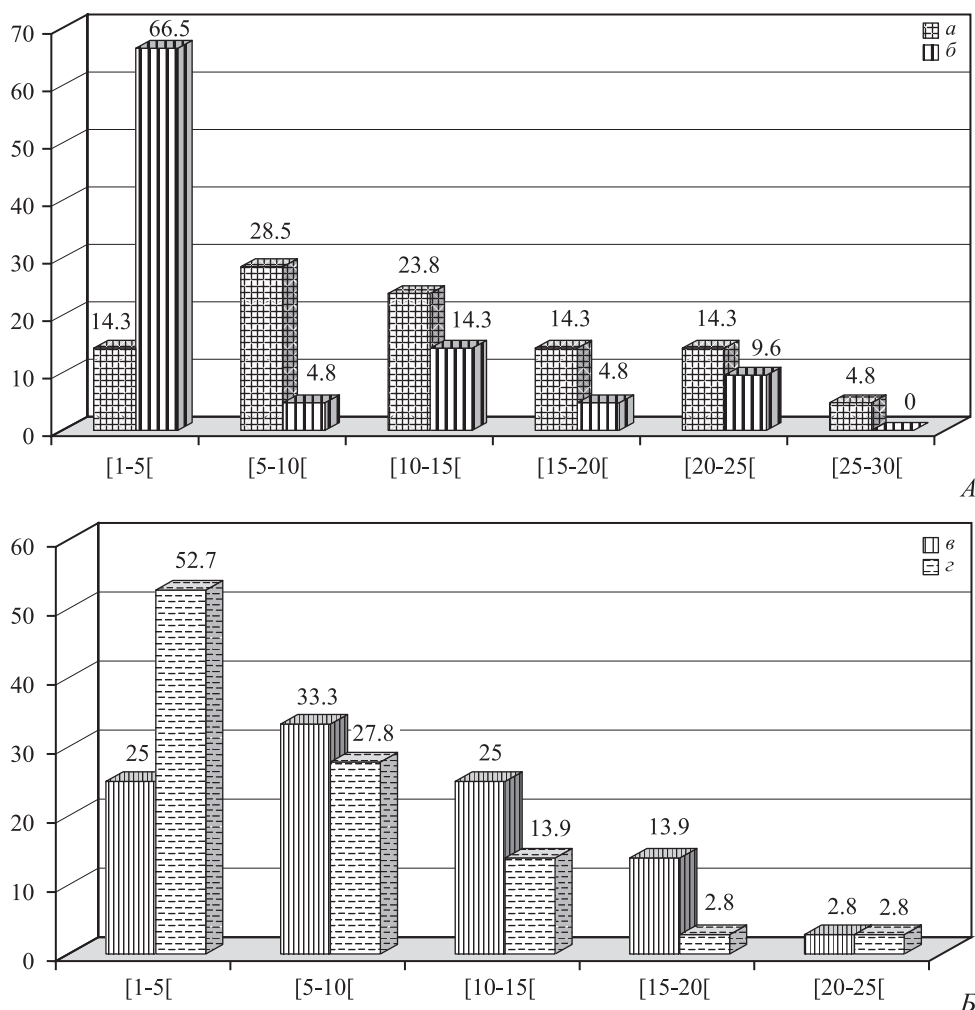

Рис. 3. А — содержание цинка (а) и свинца (б) в свинцовых латунях поселения Крутик (в %). Б — содержание цинка (в) и олова (г) в многокомпонентных сплавах Крутика (в %).

образцов) концентрация цинка значительно превышает концентрацию олова. Значения содержания цинка и свинца в них близки концентрации этих элементов в свинцовых латунях (рис. 3, Б). Содержание олова небольшое и не превышает во многих пробах 5%. В восьми образцах этой подгруппы отмечается повышенная (1.1–3.2%) концентрация мышьяка и из них в четырех — повышенное содержание сурьмы (1–3%). Из многокомпонентной латуни изготовлены два сырьевых прутка, два предмета из проволоки, две пластины и петельчатое ушко, три спиральные ленточные пронизки, уса-тый перстень и крученая гривна, а также литые изделия — поясная наклад-ка, привески лапка, треугольная привеска и бубенчик.

В многокомпонентных бронзах содержание олова значительно превосходит концентрацию цинка. Они немногочисленны и представлены на Крутике следующими предметами: 4 шумящим украшением, поясной пряжкой, круглой бляхой и пластинча-тым браслетом (рис. 2, 72, 65, 96, 97).

Из полностью перемешанного сплава, подверг-шегося многократным переплавкам, в материалах Крутика собраны изготовленные из проволоки три обрывка и втульчатое височное кольцо; лен-точная спиральная пронизка; две пластины, одна из которых превращена в трапецевидную подве-ску; кусок кованого дрота и литые изделия — шу-мящие украшения и привески к ним (шесть проб); два перстня с валиками (рис. 6, 43, 58, 94, 89, 38, 52, 69, 67, 59, 71, 73, 85, 92, 107, 62, 74). В этой груп-пе преобладают готовые изделия, к сырьевым материалам можно отнести только небольшой обрывок тонкой проволоки и кусок дрота прямо-угольного сечения.

Из поселения Никольское V многокомпонент-ные латуни и бронзы представлены латунными трубчатыми подвесками и витым из проволоки завязанным браслетом (рис. 7, 6, 18), бронзовой бутылковидной привеской и половинной пуго-вицей (рис. 2, 4, 20). Остальные пять предметов сделаны из перемешанного сплава: две поясные

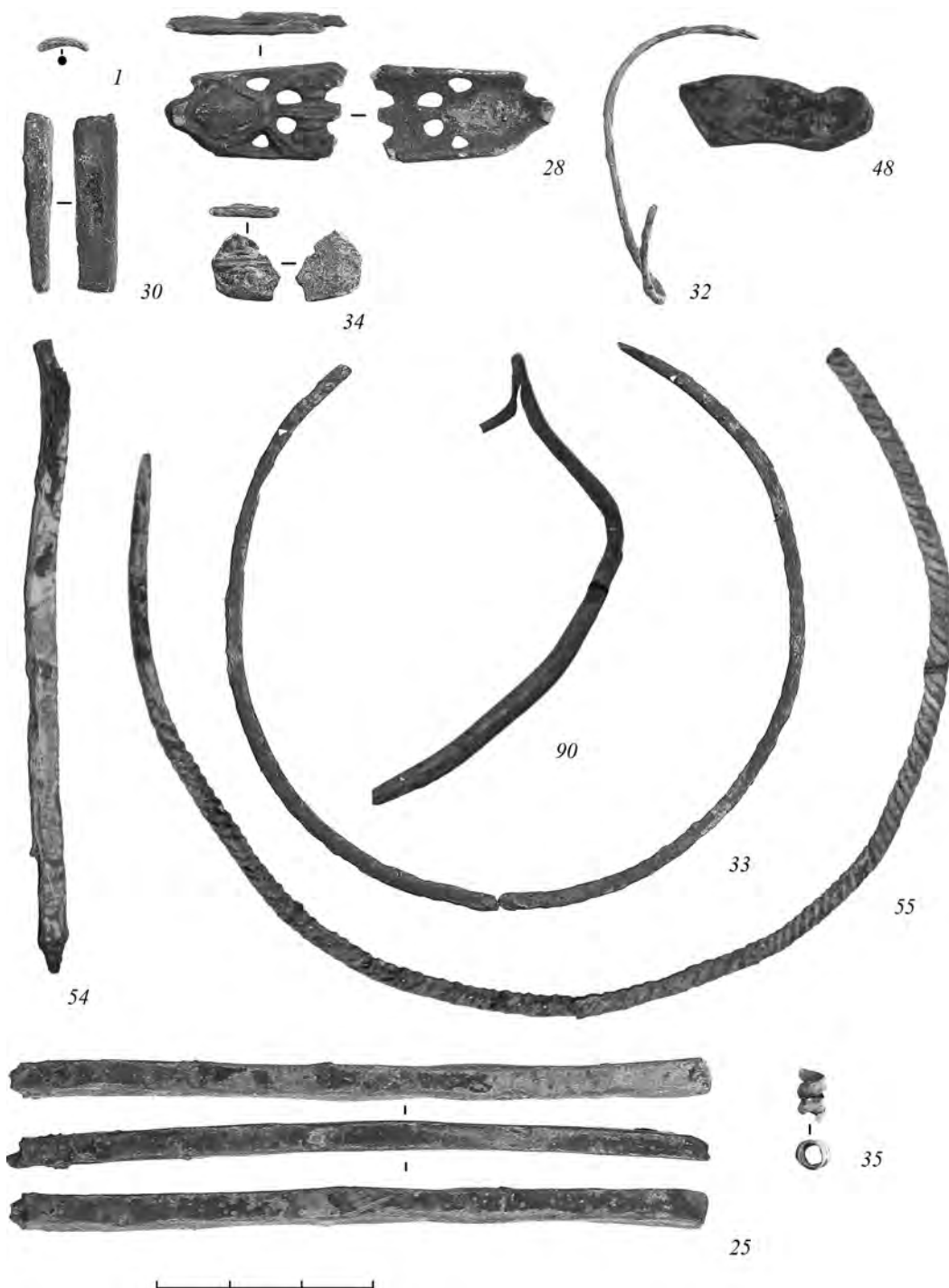

Рис. 4. Предметы из двойной латуни: 1, 28, 30, 32, 33, 34, 48, 54, 55, 90; из оловянной латуни: 25, 35. Предметы, происходящие с поселения Никольское V: 1; остальные: с поселения Крутик.

накладки, фрагмент проволоки, игла и привеска-бубенчик (рис. 6, 14, 23, 2, 24, 5).

Детальный анализ состава сплавов находок из цветных металлов, собранных на поселениях Крутик и Никольское-V в Белозерье, показывает, что медь, как чистая, так и загрязненная свинцом, представлена преимущественно сырьевыми

материалами: проволокой, прутками, а также пластинами (9.6% образцов на Крутике). К готовым изделиям относится только вырезанная из пластины трапециевидная подвеска. Преобладает чистая незагрязненная свинцом медь. Использование меди в местной цветной металлообработке доказывается ее фиксацией на стенке глиняного тигля.

Рис. 5. Предметы из свинцовой латуни с поселений Никольское V (7, 9, 15, 19) и Крутик (27, 42, 45, 46, 49, 50, 57, 61, 64, 77–79, 84, 88, 98, 100, 101, 106).

Бронзы представлены большим числом образцов. Их доля в материалах поселения Крутик составляет 13.3%. Находок сырья нет, все пробы взяты с изделий. Оловянные и цинковые бронзы практически отсутствуют в исследованной выборке. Преобладают предметы из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 10% и выше. Из бронзы сделаны литые украшения, относимые к веским, — круглые бляхи и перстень с валиками (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 74, 75), а также шумящие подвески и привески к ним. Интересен обломок

бракованного литого по восковой модели браслета с циркульным орнаментом. Вероятно, при его изготовлении был неправильно подобран температурный режим, так что металл не успел заполнить полость литейной формы, сильно исказив сам контур предмета (рис. 2, 93). Половинную пуговицу и три поясные накладки с поселения Никольское V, отлитые из оловянно-свинцовой бронзы и морфологически сходные с накладками из Волжской Болгарии, вероятно, можно отнести к импортным предметам, тем более что большинство поясных

Рис. 6. Предметы из свинцовой латуни (80, 82, 83) и перемешанного сплава (2, 5, 14, 23, 24, 38, 43, 52, 58, 59, 62, 67, 69, 71, 73, 74, 85, 89, 92, 94, 107). Предметы, происходящие с поселения Никольское V: 2, 5, 14, 23, 24; остальные: с поселения Крутик.

накладок этого времени из Волжской Болгарии изготовлены именно из этого сплава (Зайцева, 2010. С. 122). Интересно, что все проанализированные шумящие украшения сделаны из многокомпонентных сплавов, — бронзы, латуни и перемешанного, среди двойных и тройных сплавов таких изделий нет.

Самую представительную группу на обоих памятниках составляют латуни (около 58% на поселении Крутик). Несмотря на то что оловянные латуни немногочисленны, именно из этого сплава

изготовлен сырьевой прутки в виде обломанной палочки прямоугольного сечения, происходящий с Крутика (рис. 4, 25). Больше всего предметов из свинцовой латуни. Концентрация цинка довольно высокая: в $\frac{1}{2}$ образцов она составляет 10% и более, что свидетельствует о непосредственном поступлении сырьевых материалов к мастерам Крутика. По наблюдениям Н.В. Ениосовой, на древнерусской территории в это время преобладают латуни с низким и средним содержанием цинка, например в Новгороде, в слоях X — начала XII в. его

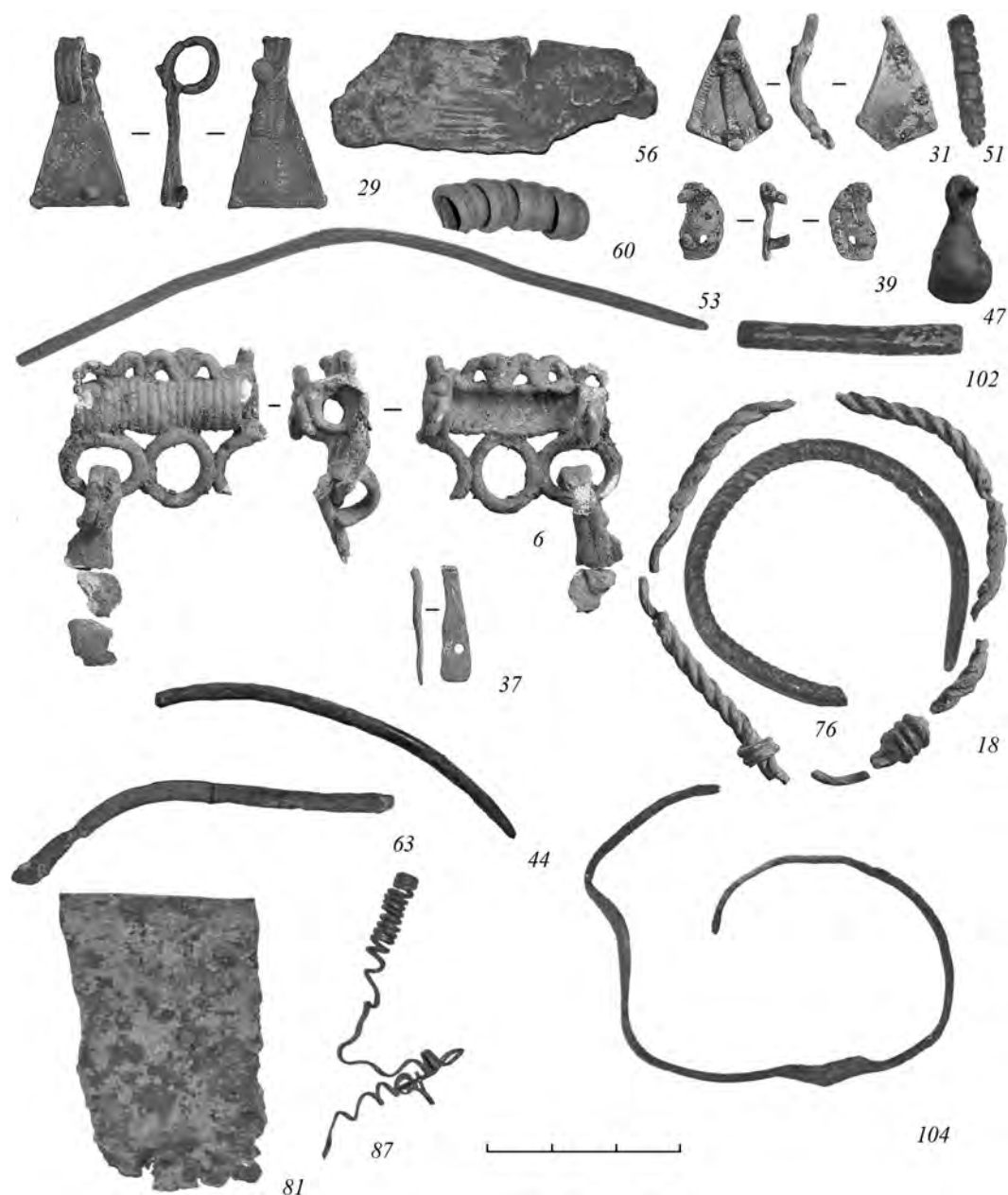

Рис. 7. Предметы из многокомпонентной латуни с поселения Никольское V: 6, 18; с поселения Крутик: 29, 31, 37, 39, 44, 47, 51, 53, 60, 63, 76, 81, 87, 102, 104.

концентрация в изделиях колеблется в пределах 1–7% (Ениосова и др., 2008. С. 134). Более высокая концентрация цинка, сопоставимая с данными по Крутику, фиксируется в латунях, обнаруженных в материалах Северо-Восточной Руси этого времени (Зайцева, 2008; 2015). Возможно, основным направлением получения сырьевого материала для мастеров Крутика были восточное и юго-восточное.

Среди находок из двойной, свинцовой и многокомпонентной латуни много обрывков проволоки, дрота обрезанных сырьевых прутков в виде палочек прямоугольного сечения, что сближает Крутик

с Городком на Ловати и выделяет оба поселения на фоне других синхронных памятников, на которых латунное сырье представлено, как правило, малым числом находок (Ениосова и др., 2008. С. 134). Привлекает внимание откованная из свинцовой латуни обломанная с обеих сторон прямая несколько сужающаяся полоса металла трапециевидного сечения длиной 90, шириной 10.5 и толщиной 2.4 мм (рис. 6, 83). Ее лицевая сторона на треть длины размечена резцом, по разметке нанесен орнамент “волчий зуб”. Значительная толщина предмета не позволяет считать его украшением, скорее всего, это обломок штампа для изготовления восковых моделей

пластинчатых браслетов. Пластинчатые браслеты с подобным орнаментом хорошо известны в материалах древнерусских памятников (Левашева, 1967. С. 230). Обрубленноконечные и завязанноконечные экземпляры таких браслетов были обнаружены в курганах X — начала XI в. в Южном Приладожье (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 66. Рис. 28, 2, 3). Их технологическое изучение показало, что многие образцы были отлиты в двустворчатых разъемных формах: в одной створке располагалась полость для браслета, другая служила крышкой (Левашева, 1967. С. 231). Подобные формы и могли быть получены при использовании такой модели. Металлические модели для оттиска в пластичном материале периодически встречаются в материалах комплексов ювелирных мастерских (Ениосова и др., 2009. С. 379. Рис. 9; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 99–101).

Активное использование латуней в цветной металлообработке Крутика подтверждается и качественным анализом состава металла, сохранившегося на стенках глиняных тиглей, и в полостях глиняных литейных форм. Н.В. Ениосовой в лаборатории кафедры археологии МГУ было исследовано 20 обломков тиглей, происходящих из раскопок Л.А. Голубевой (Ениосова, Сарачева, 2005. С. 38; 2008. С. 269, 274), и 12 тиглей и 2 литейные формы — из раскопок С.Д. Захарова. На большинстве обломков стенок тиглей и на обеих формах зафиксирован цинк, на стенках четырех тиглей имеются олово в высокой концентрации и свинец в меньшей, но достаточно ощутимой концентрации, в одном тигле плавил низкопробное серебро. С.Д. Захаров отмечал, что коллекция глиняных тиглей и льячек, происходящая с поселения Крутик и составляющая более 550 целых и фрагментированных экземпляров, является одной из самых представительных на древнерусской территории для периода конца IX — начала XI в. (2012а. С. 227).

К импортным латунным предметам относятся подковообразная фибула с дугой шестигранного сечения и многогранными головками (рис. 5, 84), а также поясной наконечник скандинавского типа (рис. 4, 28), в металле которого содержится 13% цинка.

Если сравнить наборы сплавов, использовавшихся мастерами Крутика, со сплавами находок с других памятников этого времени, расположенных на территории Древней Руси и Прибалтики (рис. 1, В), то становится очевидным, что Крутик входил в зону господства латуней, существовавшую в это время на обширных пространствах Северной Европы, включавших и Северную Русь. На большинстве памятников этой зоны количество латунных предметов близко или превышает 60%. Бронзы представлены малым числом проб: везде, за исключением Рюрикова городища, Минино и Шекшова,

их количество не превышает 14%⁷. Не так много и изделий из полностью перемешанного металла, полученного в результате многократных переплавок. Возможно, однажды изготовленные украшения служили своим хозяевам и не подвергались частой переработке.

Известные отличия можно увидеть, сравнивая бинарные и тройные латуни с многокомпонентными. По этому показателю выделяются пункты с широкомасштабным ремесленным производством — так называемые ремесленные центры (Горюнова, 1985. С. 56), в первую очередь — Городок на Ловати, в материалах которого имеется большое количество глиняных тиглей, литников, выплесков металла, обрывков проволоки, слитков, незавершенных изделий. Подавляющее большинство проб из этого памятника показало работу с высокоцинковой свинцовой латунью (Горюнова, 1988. С. 191–209). Вероятно, местные мастера имели налаженные каналы получения сырья и рынки сбыта готовой продукции. Своеобразные характеристики у металла Сарского городища, в котором преобладают образцы из двойной латуни с небольшим содержанием цинка (1–5%): возможно, этот факт указывает на наличие особого иного источника поступления металла на городище, в мастерских которого недостаточно выдержанно соблюдался технологический цикл получения латуней, из-за чего содержание цинка в сплаве получалось низким (Егорьков, 2008. С. 160). В небольшой выборке проб из Старой Ладogi преобладают многокомпонентные латуни с высоким содержанием цинка. Из этого же сплава изготовлены 75% проанализированных металлических сосудов (36 экз.), происходящих из погребений Готланда (Trotzig, 1991. P. 183–272), и 59% — с территории Латвии (Daiga, 1962. P. 64, 65).

На Крутике, где “литейное дело — одно из ведущих отраслей производства на поселении” (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 63), наряду с горнами, огромным количеством тиглей, литейными формами и железными инструментами, было собрано много сырьевых материалов ювелиров: полосы металла, слитки-брусочки прямоугольного сечения, пруты прямоугольного сечения, проволока и дрот. Получаемое местными мастерами сырье было преимущественно медным и латунным (свинцовые и двойные латуни). Концентрация цинка также достаточно стабильна — у большинства предметов она составляет 6–14%. Из латуни с высокой концентрацией цинка сделана проволока, что наблюдается и на других памятниках Восточной Европы этого времени (Зайцева, 2009а. С. 165). Рассмотренные

⁷ Возможно, более высокий процент бронз в могильниках Шекшова и Минино получился из-за обилия в выборке поясных накладок.

факты свидетельствуют о стабильности связей “поставщик—мастер—сбытчик”. Примечательно, что среди бронзовых находок в исследуемой выборке не оказалось ни одного предмета, относимого к категории сырья, тем не менее в этой группе наряду с явно импортными болгарскими поясными накладками и половинной пуговицей имеются украшения, изготовленные литьем, скорее всего, на месте.

Несколько обособленно на общем фоне выглядят грунтовые могильники Минино-II и Владышнево-II, территориально расположенные ближе всего к Крутику. В украшениях из погребений по обряду кремации этих могильников, синхронных материалам Крутика, почти половину всех проб представляют бронзы, в том числе и многокомпонентные (Зайцева, 2009а. С. 165). Латуней, также преимущественно многокомпонентных, меньше — всего 30%. Однако, если принять во внимание, что и на Крутике шумящие украшения, круглые бляхи и перстни с валиками, составляющие большинство среди металлического погребального инвентаря могильников Минино-II и Владышнево-II, тоже были бронзовыми, то кажущееся противоречие устраняется. Таким образом, наблюдаемая нами ситуация использования цветных металлов на Крутике выглядит двояко: при наличии медного и латунного сырья в мастерских Крутика украшения местного костюма делаются из многокомпонентных или бронзовых сплавов. На одном памятнике существуют как бы две параллельные традиции — одна, вписывающаяся в круг североευропейской металлообработки, связана с работой с латунями, другая местная, нацелена на обработку бронз и перемешанных сплавов.

Интересны еще две находки, связанные с ювелирным производством на Крутике: обломок заполнения литникового канала, имеющий вид штырька длиной 28 мм с круглым уменьшающимся сечением и одним боковым отводом (рис. 8, 1)⁸. Литник, отсеченный от готового изделия, отлитого в неразъемной глиняной форме, надежно документирует использование этой технологии на поселении, несмотря на отсутствие находок обломков подобных форм.

Другой редко встречаемой на поселениях находкой является фрагмент глиняной литейной формы для изготовления слитков. До нас дошел обломок края формы, имевшей вид прямоугольной плитки шириной 60–68 и толщиной 27 мм. На сохранившемся фрагменте видны полости для отливки двух слитков в виде палочек с округлыми концами

Рис. 8. Поселение Крутик. Заполнение литникового канала и литейная форма для слитков: 1 — цветной металл, 2 — глина.

шириной около 10–12 мм и для изготовления маленького круглого слитка в виде таблетки диаметром 12 мм (рис. 8, 2). Шесть каменных и глиняных литейных форм для слитков в виде палочек обнаружены в синхронных Крутику горизонтах Старой Ладogi (Кирпичников, Ениосова, 2004. С. 290, 291). Н.В. Ениосова, детально изучившая эти находки, отмечает, что, кроме Ладogi, на территории Древней Руси обнаружен только один обломок каменной формы для слитков (случайная находка на Рюриковом городище: Кирпичников, Ениосова, 2004. С. 293). Каменные и глиняные формы для слитков в форме палочек и таблеток известны из раскопок многих памятников Прибалтики и Северной Европы эпохи викингов. Их наиболее многочисленная коллекция (более 200 экз.) собрана в Хедебю (Resi, 1979. Р. 59. Abb. 53, 1с; Р. 66. Abb. 22, 3; Р. 60. Abb. 54, 2). В длинные палочковидные полости современные мастера-ювелиры сливают излишки металла. На поселении Минино-I в комплексе ювелирной мастерской XI в. находился слиток высокопробного серебра в виде таблетки, правда, несколько большего размера, чем полость формы из Крутика (Зайцева, 2009б. С. 81. Рис. 40, 12).

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект 15-01-18074.

Сердечно благодарю директора Музея археологии Череповецкого музейного объединения канд. ист. наук А.В. Кудряшова за предоставленную возможность работать с материалами поселения Крутик, хранящимися в фондах музея.

⁸ Этот предмет был опубликован Л.А. Голубевой как неопределенный (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 102).

Приложение
А.Н. Егорьков, И.Е. Зайцева

Результаты анализа предметов из цветных металлов с поселений Никольское V и Крутик в Белозерье

№ п/о	№ кол.	Лабо- ра- торный шифр	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
1	1	81-51	0	0.5	30	0	7.8	0.2	0.1	0	0.2	0.02	0.01	Никольское V-06,1-2-ВЭ-29-А, № 93(23)	Проволока
2	2	81-52	12	3.3	5.9	0	0.2	0.8	0	0	2	0.02	0.01	Никольское-06,1-2-ГА-25-А, № 76 (6)	Проволока (кольцо височное?)
3	3	81-53	0.03	0	0.03	0.01	0	0	0	0.02	0.04	0	0	Никольское V-06,1-2-В1-27-Г, № 143 (73)	Пластина
4	4	81-54	12	9	3.2	0.01	0.7	0.5	0.06	0.03	1.1	0.03	0.1	Никольское V-06,1-2-ВЯ-28-Г, № 140 (70)	Привеска бутылковидная
5	5	81-55	1.6	8.7	1.8	0.02	0	0.05	0	0	0.6	0.01	0	Никольское V-06, отвал 1982, № 292 (7)	Привеска-бубенчик
6	6	81-56	2.1	2.2	7.2	0.01	0.7	0.05	0	0.02	0.8	0.02	0.06	Никольское V-06,1-2-ВЯ-29-В, № 97 (27)	Подвеска трубчатая
7	7	81-57	0.02	19	6.8	0.01	0	0.01	0	0	1.2	0.02	0	Никольское V-06,1-2-ВЯ-28-В, № 81 (11)	Бусина
8	8	81-58	32	4.1	0.04	0.1	0.5	0.2	0	0	1.1	0.02	0.01	Никольское V-07,1-2-ГБ-25-В, № 442 (269)	Бубенчик грушевидный крестопрорезной
9	9	811-12	0.07	5.5	10	0.02	0	0	0	0	0.2	0.01	0	Никольское V-07,1-2-ВЯ-24-А, № 383 (210)	Пластина
10	10	811-13	0	0	0.05	0.03	0	0	0	0	0	0.01	0	Никольское V-07,?-3-ВЮ-27-А, № 661 (80)	Пластина
11	11	811-14	15	2.5	0	0.03	0.2	0.4	0.03	0	1.9	0.01	0	Никольское V-07, 3-2-ГБ-24-Б, № 581 (408)	Накладка поясная
12	12	811-15	0.06	0.6	0	0.03	0.2	0.07	0	0	0	0.01	0.04	Никольское V-07,?-3Б-ВЭ-28А, № 734 (152)	Пластина от сосуда
13	13	811-16	7.3	0.9	0.02	0.02	0.2	0.1	0	0.03	0.03	0.01	0.06	Никольское V-07,?-3-ВЮ-28-А, № 620 (39)	Накладка поясная
14	14	811-17	2.4	8.7	2.8	0.04	0	0.01	0	0	0.04	0.01	0	Никольское V-07,?-3-ВЮ-29-Г, № 707 (125)	Накладка поясная
15	15	811-18	0	8.7	11	0.06	0	0.01	0	0	0.1	0.01	0	Никольское V-07,1-2-ВЯ-24-Г, № 364 (115)	Бусина
16	16	811-19	7.3	2.3	0.03	0.04	0.2	0.2	0	0.03	0.02	0.02	0.06	Никольское V-07,3-2-ГБ-24-Б, № 580 (407)	Накладка поясная
17	17	811-20	0	0	0	0.02	0	0	0	0.01	0	0.02	0	Никольское V-07,?-3-ВЮ-27-А, № 671 (89)	Пластина
18	18	811-21	2.3	5	13	0.02	0.1	0.3	0.06	0	0.5	0.01	0.02	Никольское V-07,2-2-ГБ-24-Б, № 488 (315)	Браслет витой завязанный
19	19	811-22	0.5	5.9	7.4	0.06	0	0.01	0	0	0.4	0.01	0	Никольское V-07,?-3-ВЮ-25-Г, № 698 (116)	Перстень пластинчатый
20	20	811-23	25	11	1.3	0.1	0.7	1.9	0.02	0	1.9	0.03	0.01	Никольское V-07,2-1-ГБ-25-Г, № 347 (98)	Пуговица половинная
21	21	811-24	5.7	7.2	0.2	0.04	0.6	0.8	0.04	0.02	0.6	0.01	0.2	Никольское V-07, ?-3Б1-ВЮ-28-Б, № 728 (146)	Накладка поясная
22	22	811-25	0	0	0	0.03	0	0	0	0	0	0.01	0	Никольское V-07, я 4, сл. 2, ГА-27-Г, № 834 (1)	Пластина
23	23	811-26	3.2	9.5	5.3	0.03	0.1	0.06	0.02	0.01	2	0.02	0	Никольское V-07,?-3-ВЮ-27-А, № 834 (1)	Накладка поясная

24	24	811-27	2	11	2.3	0.06	0	0.02	0	0	0.6	0.01	0	Никольское V-07,?-3-ГБ-27-Б, № 593 (12)		Игла
25	1	838-38	1.4	0.7	17	0	0.2	0.1	0.02	0	0.1	0.01	0.02	Крутик-08, р. IX, сл. 1, пл. 2, ЖП-206-Б, № 330 (330)		Пруток
26	2	838-39	0.03	0.5	0	0.03	0.4	0.2	0.03	0	0.01	0.02	0.07	Крутик-08, р. IX, сл. 1а, пл. 2, ЖМ-208-В, № 539 (539)		Проволока
27	3	838-40	0	23	15	0	0.1	0	0	0	0.08	0.01	0	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл.1, ЖП-207-Б, № 22 (22)		Браслет пластинчатый
28	4	838-41	0.01	0.4	13	0	2.4	0.1	0.07	0	1	0.01	0.02	Крутик-08, р. IX, сл. 2Б1, пл.1, ЖП-208-Б, № 1623 (700)		Накладка поясная
29	5	838-42	13	1.5	14	0	0.3	0.05	0	0.02	0.4	0.01	0.03	Крутик-08, р. IX, сл. 2Б, пл.1, ЖЛ-205-Б, № 938 (15)		Привеска шумящая треугольная
30	6	838-43	0	0.5	20	0	2.1	0.08	0.08	0	0.08	0.02	0.02	Крутик-08, р. IX, сл. 2Б, пл.1, ЖЛ-2-4-В, № 933 (10)		Слиток (пруток)
31	7	838-44	3.3	1.5	12	0.01	0.8	0.1	0.04	0	0.2	0.02	0.05	Крутик-08, р. IX, сл.1, я. 3, ЖЛ-205-А, № 1840 (917)		Привеска-лапка
32	8	838-45	0.4	0.3	8.6	0	1	0.08	0.07	0.02	0.1	0.02	0.04	Крутик-08, р. IX, сл. я. 3, сл.1, ЖЛ-206-А, № 1718 (795)		Проволока
33	9	838-46	0.02	0.3	15	0	1.3	0	0.05	0.03	0.06	0.01	0.08	Крутик-08, р. IX, сл.1А, пл. 2, ЖМ2-4-Б, № 458 (458)		Кольцо височное браслетообразное
34	10	838-47	0.03	0.3	12	0.01	1.6	0.2	0.05	0	0.07	0.01	0.01	Крутик-08, р. IX, сл.1А, пл. 2, ЖМ2-4-Б, № 458 (458)		Украшение
35	11	838-48	1	0.7	13	0	0.1	0.03	0	0.02	0.1	0.02	0.04	Крутик-08, р. IX, сл. 1, пл.1, ЖП-206-Г, № 150 (150)		Пронизка спиральная ленточная
36	12	838-49	0	0	0	0	0	0	0	0	0.05	0.02	0	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл.1, ЖО-207-Г, № 271 (271)		Проволока
37	13	838-50	1.1	2.1	7.9	0.01	0.2	0.04	0	0.09	0.1	0.02	0.2	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл.1, ЖМ-2-4А, № 423 (423)		Ушко петельчатое
38	14	838-51	4.8	1	9.7	0.01	0.2	0.07	0.06	0.02	0.7	0.02	0.1	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл.1, ЖП-208-В, № 796 (796)		Пронизка спиральная
39	15	838-52	5	14	15	0	0.3	0.1	0.2	0	0.6	0.01	0.02	Крутик-08, р. IX, сл. 2Б, пл.1, ЖМ-206-А, № 1367 (444)		Накладка поясная
40	16	838-53	1.9	2.4	6.3	0	0.2	0.05	0	0.01	0.06	0.02	0.05	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл.1, ЖМ-207-В, № 58 (58)		Проволока
41	17	838-54	0	0	0	0	0	0	0	0	0.01	0.02	0	Крутик-08, р. IX, сл.1, пл. 2, ЖН-208-Г, № 472 (472)		
42	1	843-29	0.1	2.9	23	0.03	0.07	0.03	0.03	0	0.04	0.01	0.05	Крутик-1980, р. VI, № 18		
43	2	843-30	4.3	6.7	6.6	0.03	2	1.7	0.5	0	0.1	0.02	0.2	Крутик-1980, р. VI, № 128		
44	3	843-31	5.5	2.8	20	0.02	1.1	0.2	0	0	0.06	0.01	0.02	Крутик-1980, р. VI, № 26		Кольцо височное браслетообразное

Приложение (окончание)																Категория	
№ п/о	№ кол.	Лабораторный шифр	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт		Категория	
45	4	843-32	0.02	22	7.3	0.04	0	0.03	0	0	0.6	0.01	0	Крутик-1980, р. VI, пл. 4, кв. 5, № 122		Рукоять кресала	
46	5	843-33	0.04	19	12	0.03	0	0.03	0	0	0.09	0.01	0	Крутик-1980, р. VI, пл. 1, кв.15, № 13		Пуговица цельнолитая	
47	6	843-34	2.4	4.2	10	0.02	0.2	0.06	0.03	0.02	0.1	0.01	0.03	Крутик-1980, р. VI, кв. 5, дерн, № 2		Привеска-бубенчик	
48	7	844-12	0.09	0.9	16	0.01	0	0	0	0.04	0.07	0.01	0.1	Крутик-1980, р. VI, пл.1, кв.13, № 22		Заготовка фибулы	
49	8	843-36	0.02	4.5	22	0.02	0.4	0.07	0.03	0.03	0.3	0.01	0.02	Крутик-1980, р. VI, пл. 3, кв.12, № 97		Проволока	
50	9	844-13	0	1.9	19	0.01	1.4	0.07	0	0	0.5	0.01	0.07	Крутик-1980, р. VI, № 29		Пронизка спиральная ленточная	
51	10	843-38	2.8	2.8	15	0.02	0.07	0.02	0.4	0.02	0.3	0.01	0.01	Крутик-1980, р. VI, пл. 4, кв. 24, № 161		Пронизка спиральная ленточная	
52	11	843-39	3.4	8.3	4	0.03	0.4	0.2	0.1	0.02	0.3	0.02	0.06	Крутик-1980, р. VI, пл. 2, кв. 22, № 60		Пластина	
53	12	843-40	5	7.2	11	0.2	0.2	0.07	0.04	0.05	0.7	0.02	0.08	Крутик-1976, р. I, уч. III, пл. 2, кв. 87, № 18		Пруток	
54	13	843-41	0	0.07	7.3	0.04	0	0	0	0.04	0.2	0.01	0.01	Крутик-1976, р. I, уч. III, пл. 2, кв. 87, № 14		Пруток	
55	14	845-12	0	0.2	12	0.03	0	0	0.04	0.02	0.02	0.01	0.04	Крутик-1976, р. I, уч. III, пл. 3, кв. 86, № 30		Гривна крученая	
56	15	843-43	5	9.4	15	0.03	1.1	2.8	0.1	0.02	0.5	0.01	0.02	Крутик-1976, шурф, № 65		Пластина от сосуда	
57	16	843-44	0.2	1.9	9.4	0.03	1.6	0.1	0.06	0.02	0.09	0.01	0.06	Крутик-1976, р. I, уч. V, пл.1, кв. 23, № 44		Пруток	
58	18	843-46	26	4.7	0.3	0.04	0.3	0.5	0.03	0.01	0.1	0.01	0.2	Крутик-1976, р. I, уч. V, пл. 2, кв.11, № 49		Перстень с валиками	
59	19	843-47	9.5	4.9	6.1	0.04	1.4	1	0.02	0.03	1.6	0.1	0.03	Крутик-1976, р. I, уч. V, пл.1, кв. 25, № 47		Пронизка бутылковидная	
60	20	843-48	2.8	2.4	14	0.03	0.1	0.02	0.06	0.1	0.2	0.01	0.07	Крутик-1976, р. I, пл. 2, кв.195, № 50		Пронизка спиральная ленточная	
61	21	843-49	0.9	32	26	0.03	0.1	0.02	0.04	0.1	0.09	0.01	0.1	Крутик-, р. IV, пл. 3, кв. 6, № 32		Подвеска трапециевидная	
62	22	843-50	17	14	8.8	0.03	0.4	0.1	0.06	0.03	0.3	0.01	0.07	Крутик-1976, р. I, уч. III, пл. 1, кв. 80, № 5		Перстень с валиками	
63	23	843-51	1.3	6	11	0.02	0.3	0.1	0.1	0.1	0.3	0.02	0.07	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв. 26, № 232а		Проволока	
64	24	843-52	0.05	11	13	0.03	0.09	0.03	0	0	0.3	0.02	0	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв. 5, № 245		Проволока	
65	25	843-53	21	25	1.4	0.06	1.6	3	0.6	0.04	0.3	0.01	0.2	Крутик-1981, р. VIII, пл. 2, кв. 14, № 49		Пряжка поясная	
66	26	843-54	0	0	0.09	0.03	0	0	0	0.8	0.02	0.02	0.08	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв. 13, № 244		Пруток	
67	27	843-55	3.1	7.8	6.2	0.03	0.4	0.1	0.1	0.1	0.3	0.02	0.3	Крутик-1981, р. VIII, пл. 2, № 67		Дрот	
68	28	843-56	0.1	3.6	0	0.03	0.5	0.3	0.2	0	0.01	0.02	0.1	Крутик-1981, р. VIII, пл.1, кв. 2, № 30		Пластина	
69	29	843-57	7.4	3.3	7.8	0.03	0.9	0.6	0.2	0	0.1	0.02	0.03	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв. 21, № 252		Подвеска трапециевидная	
70	30	843-58	19	2.6	0.6	0.05	0.3	0.1	0.04	0.01	0.5	0.01	0.2	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв. 11, № 265		Браслет пластинчатый	
71	31	844-15	1.2	4.1	1.7	0.05	0.2	0.03	0.03	0.6	0.3	0.02	0.2	Крутик-1981, р. VIII, пл.4, кв. 31, № 335		Подвеска шумящая	
72	32	844-16	9.7	10	1.7	0.2	0.4	0.3	0.2	0	0.9	0.01	0.1	Крутик-1981, р. VIII, пл. 4, кв.13, № 283		Подвеска шумящая	
73	33	844-17	4.6	8.3	3.3	0.2	0.7	0.1	0.1	0.04	0.6	0.02	0.5	Крутик-1981, р. VIII, пл. 3, кв. 11, № 192		Привеска-бубенчик	
74	34	844-18	13	8.5	5.5	0.2	0.3	0.1	0.07	0.03	0.8	0.02	0.08	Крутик-1978, р. V, пл.1, кв. 20, № 130		Перстень с валиками	
75	35	844-19	5.8	4.5	0.6	0.1	0.3	0.1	0.1	0.02	1.3	0.02	0.5	Крутик-1978, р. V, пл. 3, кв. 8, № 188		Браслет (?) пластинчатый	
76	36	844-20	1.1	3.1	12	0	0.8	0.05	0.05	0.02	0.3	0.02	0.3	Крутик-1978, № 230		Гривна крученая	
77	37	845-13	0.4	2.5	12	0.01	0.1	0.01	0.1	0.06	0.08	0.01	0.05	Крутик-1978, № 100		Проволока	

78	38	844-22	0	1.9	4.2	0.01	0	0	0	0.04	0.02	0.02	0.02	0.2	Крутик-1978, р. II, пл. 1, кв. 19а, № 306	Кольцо височное втульчатое
79	39	844-23	0.1	9.1	12	0.01	0	0.02	0	0	0.7	0.03	0.02	0.02	Крутик-1978, № 191	Кольцо височное браслетообразное
80	40	844-24	0.8	3.9	22	0.01	1.5	0.2	0.5	0	0.04	0.02	0.02	0.07	Крутик-1978, № 148	Браслет пластинчатый
81	41	844-25	1.8	2.4	9.2	0.01	0	0.02	0.1	0.08	0.3	0.02	0.02	0.2	Крутик-1978, № 160	Пластина
82	42	844-26	0.8	4.3	6.1	0.02	0.9	0.2	0.2	0.02	1.4	0.02	0.02	0.2	Крутик-1978, № 312	Браслет пластинчатый
83	43	844-27	0.01	10	9.7	0.02	0	0.1	0	0	0.5	0.02	0.02	0.02	Крутик-	Заготовка браслета (?)
84	44	844-28	0.1	11	7.3	0.02	0.3	0.02	0.4	0.08	0.9	0.02	0.02	0.2	Крутик-1981, р. IV, пл. 3, кв. 9, № 195	Фибула подковообразная
85	45	844-29	7.8	9.7	12	0.01	1.5	0.3	0.4	0.02	2.2	0.03	0.03	0.8	Крутик-1981, р. IV, пл. 3, кв. 19, № 341	Привеска бутылковидная
86	46	844-30	3.2	3.3	0.1	0.01	0.5	0.04	0.01	0.5	1.9	0.03	0.03	0.4	Крутик-1981, р. IV	Пронизка спиральная ленточная
87	47	844-31	3.7	15	16	0.01	0	0	0	0	1.7	0.02	0.02	0.02	Крутик-1981, р. IV, пл.1, кв. 9, № 53	Пронизка спиральная ленточная
88	48	844-32	0	1.4	4	0	1.3	0	0	0.03	1.3	0.03	0.03	0.1	Крутик-1981, р. IV, пл. 3, кв. 23, № 295	Кольцо височное втульчатое
89	49	844-33	4.1	6.5	1.7	0.07	0.3	0.4	0.04	0	1.3	0.02	0.02	0.3	Крутик-1981, р. IV, пл. 2, кв. 22, № 155	Кольцо височное втульчатое
90	50	845-14	0.02	0.3	13	0	0.4	0.01	0	0	0.09	0.01	0.01	0.01	Крутик-1981, р. IV, пл. 7, кв. 11, № 45	Проволока
91	51	844-35	0.06	0.8	0.07	0.03	0.1	0.02	0	0	0.01	0.03	0.03	0.6	Крутик-1980, р. VI, пл. 2, кв. 22, № 48	Капля металла из тигля
92	52	844-36	5.4	8.5	9.4	0.01	0.9	0.2	0.1	0.03	0.6	0.03	0.03	0.4	Крутик-1981, р. IV, пл. 2, кв. 13, № 110	Подвеска шумящая
93	53	844-37	4	2.9	0.2	0.01	0.3	0.03	0.03	0.9	0.3	0.04	0.04	0.6	Крутик-1981, р. IV, пл. 3, кв. 5, № 11	Браслет пластинчатый
94	54	844-38	5.4	3.9	3.3	0.01	0.5	0.07	0.05	0.4	2.5	0.03	0.03	0.6	Крутик-1981, р. IV, пл. 3, кв. 20, № 240	Проволока
94	55	844-39	0.5	2.7	0	0.01	1.4	0.6	0.08	0.01	0.01	0.03	0.03	0.8	Крутик- ЧКМ 6200/156	Подвеска трапезиевидная
96	56	844-40	12	4.5	3.8	0.01	0.5	0.03	0	0.04	0.8	0.03	0.03	0.6	Крутик-1974, р. I, пл. 3, кв. 12, № 38	Бляха
97	57	844-41	10	6.2	3.3	0.1	2	0.2	0.2	0.03	1.1	0.02	0.02	0.5	Крутик-1974, р. I, пл.1, кв.15, № 6	Браслет пластинчатый
98	58	844-42	0.03	4.4	13	0.04	0.6	0.05	0.06	0.02	0.7	0.03	0.03	0.2	Крутик-1974, р. I, пл. 2, кв.14, № 32	Пруток
99	60	844-43	13	2.7	0.06	0.08	0.5	0.03	0.03	0.1	0.2	0.04	1	0.04	Крутик-1975, р. I, уч. 2, пл.1, кв. 21, № 15	Перстень “усатый”
100	61	844-44	0	1.4	1.2	0.01	0.3	0.06	0.03	0	0.1	0.01	0.01	0.04	Крутик-1975, р. I, уч.1, пл. 5, кв. 18, № 143	Наконечник гривны
101	62	844-45	0	2.2	6.6	0.01	0.3	0.1	0.06	0.03	0.9	0.02	0.02	0.07	Крутик-1975, р. I, уч.1, пл. 4, кв.19, № 135	Кольцо височное втульчатое
102	63	844-46	3.8	6.3	12	0.2	3.2	0.3	0.04	0	1.4	0.02	0.02	0.03	Крутик-1975, р. I, уч.1, пл. 2, кв. 33, № 85	Пруток
103	64	844-47	0.04	3.3	0	0.1	0.4	0.1	0.05	0	0	0.02	0.02	0.7	Крутик-1975, р. I, уч.1, пл. 3, кв. 29, № 100	Полоса металла
104	65	844-48	2.8	2.8	19	0.02	0.2	0.02	0.1	0.07	0.4	0.02	0.02	0.5	Крутик-1977, р. III, пл. 2, кв.10, № 34	Перстень усатый
105	66	844-49	8.9	7.2	0.6	0.2	1.1	0.4	0.2	0.06	2.6	0.02	0.02	0.5	Крутик-1977, р. III, пл. 6, кв. 19, № 104	Бляха
106	67	844-50	0.01	3.2	16	0	0	0	0.03	0.04	0.1	0.02	0.02	0.08	Крутик-1975, р. I, уч. 2, пл. 2, кв. 55, № ?	Перстень “усатый”
107	68	844-51	11	7.6	6.2	0.1	0.8	0.2	0.5	0.03	1.5	0.02	0.02	0.4	Крутик-1975, р. I, уч. 2, пл. 2, кв. 50, № 259	Украшение шумящее

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: сб. науч. тр. М.: Наука, 1991. С. 148–164.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1991. 197 с.
- Горюнова В.М. Цветной металл Городка на Ловати (X–XIII вв.): спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 56–61.
- Горюнова В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси) // Архив ИИМК РАН. 1988. Ф. 35. 2-Д. Арх. № 409.
- Гутов Л.А., Никитин М.К. Справочник по художественной обработке металлов. СПб.: Политехника, 1994. 435 с.
- Егорьков А.Н. О цементационном получении бронзы и латуни в древности // Археологические вести. 2008. № 15. С. 157–163.
- Егорьков А.Н., Щетенко А.Я. Состав металла населения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. Т. 3. Київ, 1999. С. 39–43.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV вв. // Сельская Русь в IX–XIV вв.: От новых методов изучения к новому пониманию: матер. Междунар. науч. конф. Кириллов: ИА РАН, 2005. С. 34–42.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XVI веках // Сельская Русь в IX–XIV веках: сб. ст. / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 265–274.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 107–162.
- Ениосова Н.В., Мурашева В.В., Пушкина Т.А. Исследования Гнездовского комплекса археологических памятников // Археологические открытия: 1991–2004 г. Европейская Россия / Под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 371–386.
- Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. 2003. № 4. С. 53–70.
- Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополя // Археология Владимиро-Суздальской земли: матер. науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 36–55.
- Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. И.Е. Зайцева. М.: Наука, 2009а. С. 155–166.
- Зайцева И.Е. Обработка цветных металлов на селищах Мининского археологического комплекса и других сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. И.Е. Зайцева. М.: Наука, 2009б. С. 79–91.
- Зайцева И.Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / Ред. и авт. введ. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116–138.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. 402 с.
- Зайцева И.Е. Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 X–XI вв. в Суздальском Ополе (химический состав) // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 252–262.
- Захаров С.Д. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. 2001. Вып. 211. С. 84–92.
- Захаров С.Д. Средневековый культурный слой поселений: методы и приемы исследования // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 1: Средневековые поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 76–95.
- Захаров С.Д. Новые полевые исследования средневековых памятников Белозерья // Институт археологии: новые полевые исследования // Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2010. С. 94, 95.
- Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012а. С. 213–239.
- Захаров С.Д. Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. матер. Междунар. науч. конф. (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012б. С. 32–47.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: матер. науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 14–29.
- Кирпичников А.Н., Ениосова Н.В. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги //

- Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 290–297.
- Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
- Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 207–252.
- Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Daiga J. Krāsaino metalu ķīmiskas sastāvs Latvijā 6.–13. gs. // *Arheologija un etnografija*. 1962. IV.
- Resi H.G. Die Specksteinfunde aus Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1979 (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu; 14). 184 s.
- Trotzig G. Craftsmanship and function. Stockholm: Statens historiska museum, 1991 (The museum of national antiquities. Stockholm; Monographs 1). 278 p.

NON-FERROUS METALS FROM THE MEDIEVAL SETTLEMENTS OF KRUTIK AND NIKOLSKOE V IN THE BELOE LAKE AREA

Irina E. Zaytseva

Institute of Archaeology RAS, Moscow (izaitseva@yandex.ru)

The paper examines the composition of metal artefacts from copper alloys (107 items), metal remains on the walls of clay crucibles (32 items) and moulds (2 items) recovered from the settlements of Krutik and Nikolskoe V of the late 9th – early 11th century in the Beloe Lake area. A detailed analysis of samples shows that Krutik belonged to the brass zone. The latter existed at that time in Northern Europe including Northern Russia. Bronzes and copper are fewer. There is a small number of articles from totally mixed metals obtained as a result of repeated smelting. In spite of the availability of the local sources of copper and brass costume ornaments manufactured in Krutik workshops were made from either binary (binary, ternary, etc.) or bronze alloys. Two parallel traditions coexisted on the same site. One of them fitted in northern European metalworking and implied work with brasses while the local tradition was focused on the treatment of bronzes and mixed alloys.

Keywords: medieval archaeology, Old Rus, alloys of non-ferrous metals.

REFERENCES

- Daiga J., 1962. Krāsaino metalu ķīmiskas sastāvs Latvijā 6.–13. gs. *Arheologija un etnografija*, IV.
- Egor'kov A.N., 2008. O tsementatsionnom poluchenii bronzy i latuni v drevnosti [Cementational production of bronze and brass in antiquity]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 15, pp. 157–163.
- Egor'kov A.N., Shchetenko A. Ya., 1999. Sostav metalla poseleniya epokhi pozdney bronzy Tekkem-depe (Yuzhnyy Turkmenistan) [Composition of the metal from the Late Bronze Age settlement of Tekkem-depe in Southern Turkmenistan]. *Arkheometriya ta okhorona istoriko-kul'turnoi spadshchini [Archeometry and Protection of Historical-cultural Heritage]*, 3. Kiiv, pp. 39–43.
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Khimicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya epokhi srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [Chemical composition of medieval jewellers' raw materials and ways of their influx to Old Rus]. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous and Precious Metals and their Alloys in Eastern Europe in the Middle Ages]*. N.V. Ryndina, ed. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, pp. 107–162.
- Eniosova N.V., Murasheva V.V., Pushkina T.A., 2009. Issledovaniya Gnezdovskogo kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov [Studies of the Gnezdovo complex of archaeological sites]. *Arkheologicheskie otkrytiya: 1991–2004 g. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological Discoveries: 1991–2004. European Russia]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 371–386.
- Eniosova N.V., Saracheva T.G., 2005. Tsvetnoy metall Severo-Vostochnoy Rusi v IX–XIV vv. [Non-ferrous metals of Northeast Rus in the 9th–14th centuries]. *Sel'skaya Rus' v IX–XIV vv.: Ot novykh metodov izucheniya k novomu ponimaniyu: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Rural Rus in the 9th–14th centuries: From the New Research Methods to a New Understanding: Materials of the International Scholarly Conference]*. Kirillov: IA RAN, pp. 34–42.

- Eniosova N.V., Saracheva T.G., 2008. Tsvetnoy metall Severo-Vostochnoy Rusi v IX–XIV vekakh [Non-ferrous metals of Northeast Rus in the 9th–14th centuries]. *Sel'skaya Rus' v IX–XVI vekakh: sbornik statey [Rural Rus in the 9th–16th centuries: A Collection of Papers]*. N.A. Makarov, S.Z. Chernov, eds., I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 265–274.
- Golubeva L.A., 1991. Liteynoe delo na poselenii Krutik v Beloz'er'e [Casting at the settlement of Krutik in the Beloe Ozero area]. *Materialy po srednevekovoy arkheologii Severo-Vostochnoy Rusi: sbornik nauchnykh trudov [Materials on the Medieval Archaeology of Northeast Rus: A Collection of Scholarly Papers]*. Moscow: Nauka, pp. 148–164.
- Golubeva L.A., Kochkurkina S.I., 1991. Belozerskaya ves' (po materialam poseleniya Krutik IX–X vv.) [The Ves of Beloozero from the Record of the Settlement of Krutik of the 9th–10th Century]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr AN SSSR. 197 p.
- Goryunova V.M., 1985. Tsvetnoy metall Gorodka na Lovati (X–XIII vv.): spektral'nyy analiz i tekhnologiya [Non-ferrous metals of the Gorodok-on-Lovat (the 10th–13th centuries): Spectral analysis and technology]. *Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR [The New in the Archaeology of the Northwest of the USSR]*. Leningrad: Nauka, pp. 56–61.
- Goryunova V.M., 1988. Gorodok na Lovati X–XII vv. (K probleme stanovleniya goroda Severnoy Rusi) [Gorodok-on-Lovat in the 10th–13th Centuries: The Issue of City Formation in Northern Rus]. *Arkhiv IIMK RAN [The Archives of the Institute of the History of Material Culture RAS]*, F. 35, 2-D, Arkh. № 409. Leningrad.
- Gutov L.A., Nikitin M.K., 1994. Spravochnik po khudozhestvennoy obrabotke metallov [Handbook of Artistic Treatment of Metals]. St. Petersburg: Politehnika. 435 p.
- Kirpichnikov A.N., Eniosova N.V., 2004. Liteynye formy dlya proizvodstva slitkov iz Staroy Ladogi [Moulds for casting ingots from Old Ladoga]. *Vostochnaya Evropa v Srednevekov'e: k 80-letiyu V.V. Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages: to the 80th Anniversary of V.V. Sedov]*. Moscow: Nauka, pp. 290–297.
- Kochkurkina S.I., Linevskiy A.M., 1985. Kurgany letopisnoy vesi X – nachala XII veka [Barrows of the Chroniclers' Ves of the 10th – early 12th Centuries]. Petrozavodsk: Kareliya. 223 p.
- Levasheva V.P., 1967. Braslety [Armings]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on the History of the Russian Village in the 10th–13th Centuries]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. S. 207–252 (Trudy GIM, 43).
- Makarov N.A., 1990. Naselenie Russkogo Severa v XI–XIII vv.: Po materialam mogil'nikov vostochnogo Prionezh'ya [The Population of the Russian north in the 11th–13th Centuries: from the Record of Cemeteries of the eastern Onega Area]. V.V. Sedov, ed. Moscow: Nauka. 216 p.
- Resi H.G., 1979. Die Specksteinfunde aus Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 184 p. (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu, 14).
- Trotzig G., 1991. Craftsmanship and function. Stockholm: Statens historiska musuem. 278 p. (The museum of national antiquities. Stockholm, Monographs 1).
- Zakharov S.D., 2001. K voprosu o metodike raskopok srednevekovykh poseleniy [On the methods of excavations of medieval settlements]. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 211, pp. 84–92.
- Zakharov S.D., 2007. Srednevekovyy kul'turnyy sloyp poseleniy: metody i priemy issledovaniya [Medieval cultural deposit at settlements: Methods and Techniques of Investigation]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the Northern Russian Village of the 10th–13th centuries: Medieval Settlements and Cemeteries on the Kubenskoe Lake]*, 1. [Srednevekovye poseleniya i mogil'niki]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 76–95.
- Zakharov S.D., 2010. Novye polevye issledovaniya srednevekovykh pamyatnikov Beloz'er'ya [Recent fieldwork at the medieval sites of the Beloozero area]. *Institut arkheologii: novye polevye issledovaniya [Institute of Archaeology: Recent Fieldwork]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 94, 95.
- Zakharov S.D., 2012a. Beloozero [Beloozero]. *Rus' v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th Century: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 213–239.
- Zakharov S.D., 2012b. Beloozero na nachal'nykh etapakh stanovleniya Drevnerusskogo gosudarstva [Beloozero at the early stages of formation of the Old Russian State]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Northern Rus and Issues of the Formation of the Old Russian State: A Collection of Materials of the International Scholarly Conference]*. S.D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 32–47.
- Zakharov S.D., Mesnyankina S.V., 2012. Mogil'niki poseleniya Krutik: pervye rezul'taty issledovaniy [Cemeteries of the Krutik settlement: The first results of investigations]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of Vladimir-Suzdal Land: The Materials of the Scholarly Seminar]*, 4. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 14–29.
- Zaytseva I.E. Tsvetnoy metall ukrasheniya mogil'nika Shekshovo 9 X–XI vv. v Suzdal'skom Opol'e (khimicheskii sostav) [Non-ferrous Metals of Ornaments of the Shekshovo 9 cemetery of the 10th–11th century in the Suzdal Opolye: The Chemical Composition] (In print).
- Zaytseva I.E., 2003. Splavy tsvetnykh metallov sel'skikh pamyatnikov severo-vostochnykh okrain Drevney

- Rusi [Alloys of non-ferrous metals from rural sites of northeast borders of Old Rus]. *RA [Russian Archaeology]*, 4, pp. 53–70.
- Zaytseva I.E., 2008. Splavy tsvetnykh metalloov selishch Suzdal'skogo Opol'ya [Alloys of non-ferrous metals from rural settlements of the Suzdal Opolye]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [The archaeology of Vladimir-Suzdal Land: The Materials of the Scholarly Seminar]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 36–55.
- Zaytseva I.E., 2009a. Obrabotka tsvetnykh metalloov na selishchakh Mininskogo arkheologicheskogo kompleksa i drugikh sel'skikh poseleniyakh severo-vostochnykh okrain Drevney Rusi [The treatment of non-ferrous metals at the settlements of the Minino archaeological complex and other rural settlements of northeast borders of Old Rus]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the Northern Russian Village of the 10th–13th Centuries on the Kubenskoe Lake]*, 3. *Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Paleoecological Conditions, Society and Culture]*. N.A. Makarov, ed., I.E. Zaytseva, comp. Moscow: Nauka, pp. 79–91.
- Zaytseva I.E., 2009b. Splavy tsvetnykh metalloov sel'skikh pamyatnikov severo-vostochnykh okrain Drevney Rusi [Alloys of non-ferrous metals from rural settlements of the northeast borders of Old Rus]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [The Archaeology of the Northern Russian Village of the 10th–13th Centuries on the Kubenskoe Lake]*, 3. *Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Paleoecological Conditions, Society and Culture]*. N.A. Makarov, ed., I.E. Zaytseva, comp. Moscow: Nauka, pp. 155–166.
- Zaytseva I.E., 2010. Tsvetnoy metall Volzhskoy Bolgarii (predvaritel'nyy analiz) [Non-ferrous metals of the Volga Bulgaria: A preliminary analysis]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh. Novye arkheologicheskie issledovaniya [Rus and East in the 9th–16th Centuries. Recent Archaeological Investigations]*. N.A. Makarov, V. Yu. Koval', eds., V. Yu. Koval', comp. Moscow: Nauka, pp. 116–138.
- Zaytseva I.E., Saracheva T.G., 2011. Yuvelirnoe delo “Zemli vyatichey” vo vtoroy polovine XI – XIII v. [Jewellery of ‘the Vyatichs’ Land’ in the second half of the 11th – 13th Century]. Moscow: Indrik. 402 p.

КЛАД ОРУДИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ У С. АЛЬФА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. Ф.А. Поляков

Институт археологии РАН, Москва (fedor.polyakov.91@mail.ru)

Публикация посвящена описанию и анализуклада орудий позднего бронзового века, найденного в 2013 году у с. Альфа Петровского р-на Тамбовской обл. Клад состоит из семи предметов: массивновислообушного топора, тесла и пяти серпов крюкастого типа. Приведенные в публикации результаты спектрального анализа позволяют отнести металл орудий к Волго-Уральской химической группе, а аналогии их формам, происходящие с территории междуречья Дона и Волги, дают основание связывать клад с ранним этапом срубной культуры и определять время его сокрытия в пределах XIV–XII вв. до н.э.

Ключевые слова: клад, бронзовый век, срубная культура, Окско-Донская равнина, металлические изделия.

Каждый факт обнаружения клада является довольно значимым событием, которое, к сожалению, происходит не так часто, как нам бы хотелось. Выявление кладов эпохи бронзы на территории Окско-Донской равнины явление крайне редкое. Наиболее известными являются: Терешковский клад 1975 г. на р. Дон у с. Терешково в Богучарском районе Воронежской области (Пряхин, Синюк, Матвеев, 1981), а также Завьяловский энеолитический клад 2011 г. на р. Хопер у с. Красный Полуостров (бывшее с. Завьялово) Аркадакского района Саратовской области (Хреков, Быков, 2012).

Из кладов, найденных на сопредельных территориях, необходимо отметить знаменитый Сосново-Мазинский клад медных изделий позднего бронзового века, найденный у ст. Сосновая Маза в Саратовской области и Скакунский клад литейщика у д. Скакун (ст. Касторная) Курской области (Кривцова-Гракова, 1955. С. 147. Рис. 35, 1–6).

Клад, о котором пойдет речь в данной статье, был найден местным жителем в урочище (ранее селе) Альфа Петровского района Тамбовской области осенью 2013 г. О факте находки было сообщено в Институт Археологии РАН А.М. Обломскому, который предоставил находку в наше распоряжение. В настоящее время клад передан в музей-заповедник “Куликово поле”.

Находка была сделана на правом берегу р. Матыра (левый приток р. Воронеж), в месте, где река делает своеобразную петлю, на расстоянии 0.7 км от слияния с руч. Мордовка и в 2.5 км восточнее с. Хренное, на террасе высотой 10–14 м от уровня

реки. Место находки в данный момент распахивается. Название кладу дало ур. Альфа, находящееся в 0.5 км от места обнаружения. По сообщению находчика, все предметы лежали вместе, без каких-либо оболочек.

Клад состоит из 7 предметов: массивновислообушного топора, тесла и пяти серпов с крюками.

Топор (рис. 1, 1) имеет плавные формы, полотно, переходя в лезвие, образует правильный клин, брюшко вогнуто, с четырьмя гранями с обеих сторон. Они начинаются в нижней части обушка, огибают брюшко и соединяются к пятке округлого лезвия. Четвертая грань начинается чуть ниже центра стенки втулки, пересекает полотно и идет по центру спинки. Таким образом, грани в центре топора образуют девятиугольное сечение. Обух выступающий, приостренный. Длина топора – 18.5, высота лезвия – 5.3, диаметр втулки 5 × 3.4 см. Со стороны спинки втулка скошена в сторону гребнеобразного обушка, ширина верхней стенки проушины – 4.4, нижней – 6 см. Толщина стенок втулки: правая – 0.6, левая – 0.7, верхняя – 1.1 см. Вес топора 958 г.

Топор, судя по всему, был отлит в двухстворчатой литейной форме, которая ранее уже использовалась. На это указывает ряд фактов. Во-первых, сильное несовпадение створок литейной формы, из-за чего образовался своеобразный дефект в виде ступеньки под обухом при переходе в брюшко. Ширина ступеньки 0.3 см. Во-вторых, следы достаточно сильной доводки спинки, а также гребня обуха. И, наконец, в-третьих, — не убранный

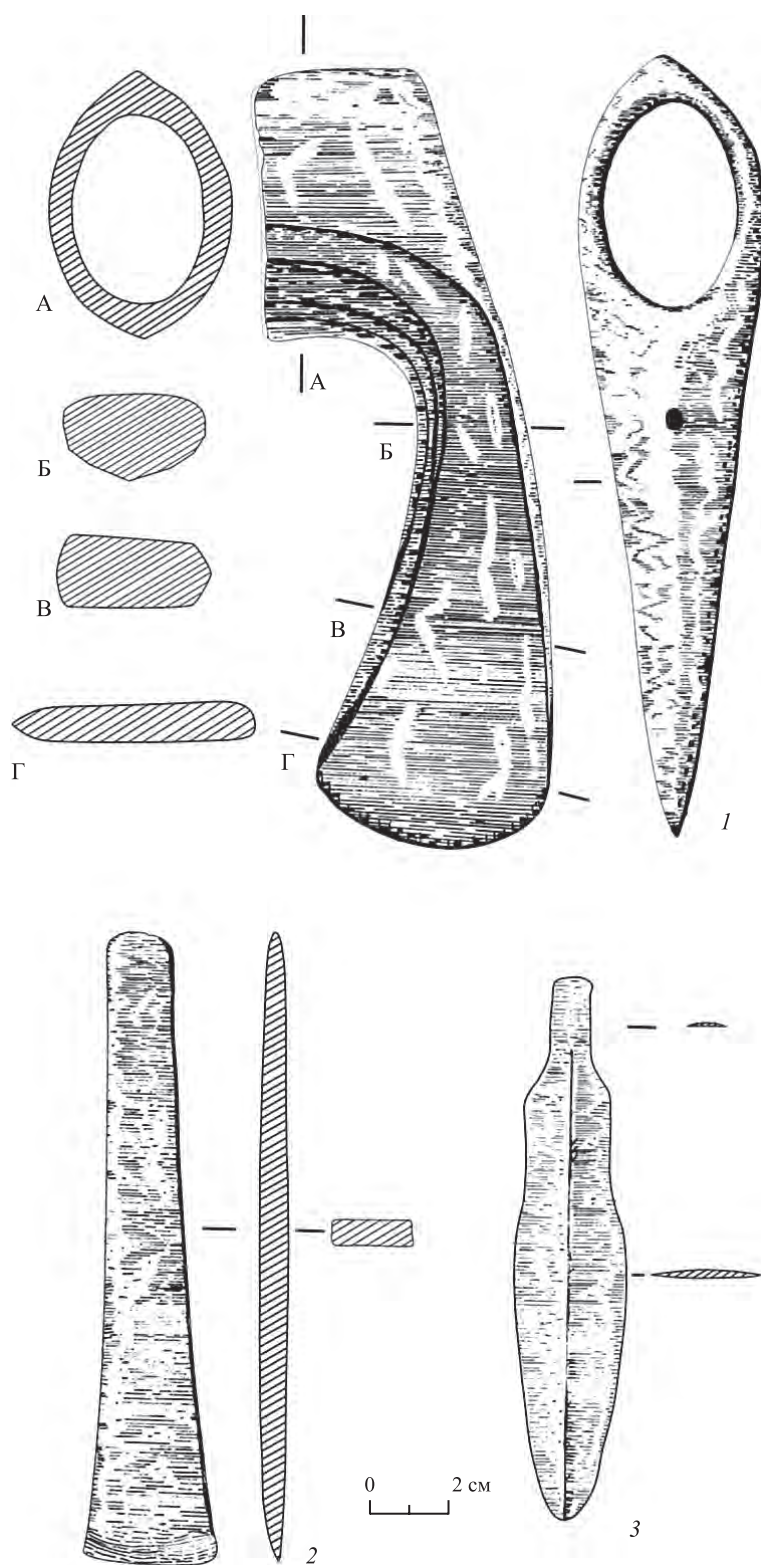

Рис. 1. Орудия труда эпохи бронзы: 1 – топор, 2 – тесло, 3 – нож (1, 2 – Альфовский клад, 3 – случайная находка у с. Тынково).

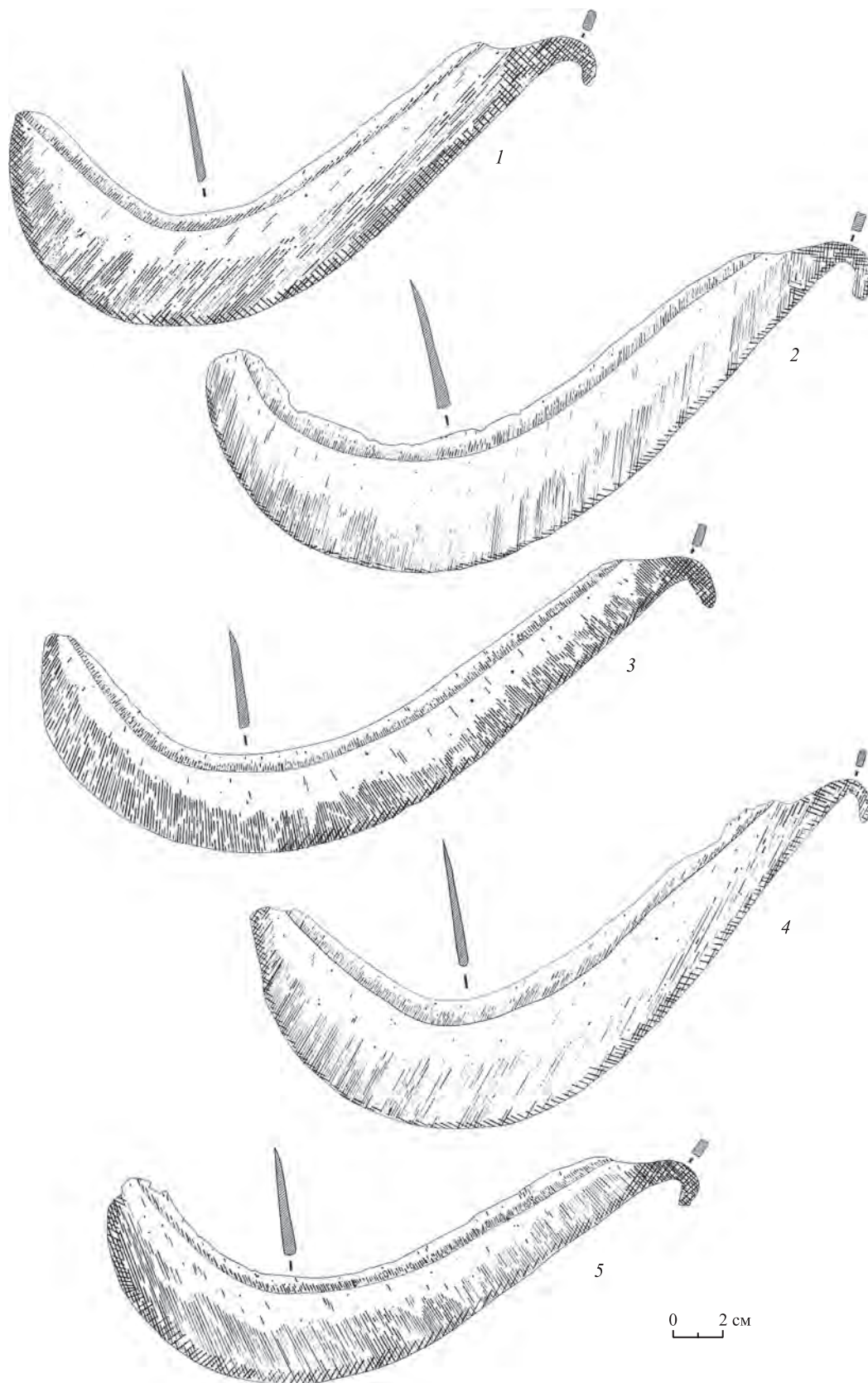

Рис. 2. Серпы крюкастого типа из Альфовского клада.

литейный шов с задней стороны проушины. Однако самый значимый технологический дефект топора — отверстие в центре спинки (диаметр 0,6 см), которое внутри расширяется ($2,5 \times 1,2 \times 1,5$ см).

Данный дефект образовался, вероятно, потому, что при отливке было расплавлено недостаточное количество бронзы, а в связи с тем, что форма ранее использовалась и была выщерблена, часть металла заполнила эти дефекты и межстворочное пространство. При этом воздух, вытесняемый расплавленной бронзой, стал уходить к основному литнику, но из-за нехватки металла полностью вытеснить воздушный карман не удалось.

Проведенный в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН рентгенофлуоресцентный анализ¹ показал, что топор отлит из низкооловянистой бронзы с содержанием олова около 4% (таблица, № 50343). Соотношение других химических элементов в сплаве позволяет отнести металл топора к химической группе ВУ (волго-уральская), рудные источники которой скорее всего связаны с горно-металлургическими центрами к востоку от Урала (Черных, 1970. С. 14, 15).

По классификации С.Н. Кореневского, топоры подобного типа соотносятся с изделиями четвертой группы, которая представлена топорами “с выделенной втулкой, изогнутым коротким клином, линзовидным проухом, слабым скосом верхнего края втулки, широким планом, коротким обухом” (Кореневский, 1973. С. 47–50). Топоры данной группы главным образом распространены в нижнем и среднем течении Волги и на Дону (Кореневский, 1973. С. 49. Рис. 8), т.е. на территории, занимаемой племенами срубной культуры.

Морфологически наиболее близок топору из Альфовского клада экземпляр из станицы Николаевской, на Нижнем Дону (Кореневский, 1973. Рис. 6, 8). Близкие по типу орудия происходят с поселений Черкасское 4 на р. Битюг в Павловском р-не Воронежской обл. (Скоробогатов, Килейников, 2011. С. 166. Рис. 3) и Нижняя Красавка 2 на р. Медведице в Аткарском р-не Саратовской обл. (Лопатин, 2010. С. 156. Рис. 9, 2), а также из района Дивногорского монастыря в Острогжском р-не и у с. Большие Алабухи Грибановского р-на Воронежской обл. (Березуцкий, 1985. Рис. 46; 2003. С. 80; Килейников, 2011. С. 188. Рис. 2, 18, 19).

Общей технологической особенностью перечисленных экземпляров является дефект на спин-

ке, образовавшийся при отливке, и наличие граней на обеих сторонах орудий.

Второй предмет клада — тесло, удлиненное, с расширенным лезвием (рис. 1, 2), отлитое в двухстворчатой литейной форме (вторая створка являлась крышкой). Его размеры: длина — 15,8, ширина с обушковой стороны — 1,6, в центре — 2 и со стороны лезвия — 3 см, толщина в центре — 0,5 см, вес — 149,8 г. Тесло покрыто благородной патиной изумрудного цвета. Со стороны обушка есть небольшое замятие, которое образовалось, вероятно, из-за удаления литника. Доводка лезвия проходила путем расковки.

Тесло отлито из оловянистой бронзы ($\text{Sn}=3,33\%$) группы ВУ² (таблица, рис. 1, 2). По классификации Е.Н. Черных, данный вид тесел-топоров можно отнести к типу Т-8 (Черных, 1976. С. 232. Табл. XXX).

Аналогичные тесла найдены у г. Покровска Саратовской обл. и у с. Сорочинское Бахмутовского уезда (ныне Донецкая обл. Украины) (Черных, 1970. С. 61. Рис. 52, 11, 13). Более короткое тесло известно из г. Сорочинска Оренбургской обл., которое О.А. Кривцова-Гракова отнесла к раннесрубному времени (Кривцова-Гракова, 1955. С. 56. Рис. 13, 4). Негативы подобных тесел вырезаны на литейных формах Мосоловского поселения (Пряхин, Саврасов, 1989. С. 70. Рис. 17, 1). Таким образом, тесло из Альфовского клада может быть отнесено к древностям срубной культуры.

Основой Альфовского клада являются серпы (рис. 2) — пять экземпляров. Все они относятся к крюкастному типу и несколько различаются лишь в размерах и пропорциях. Длина первого — 23, ширина в центре — 4,2 см, вес — 176,09 г (рис. 2, 1); размеры второго, соответственно, — 26,3 и 5 см, вес — 261,6 г (рис 2, 2); размеры третьего — 26,5 и 3,8 см, вес — 188,53 г (рис 2, 3); размеры четвертого — 24,5 и 5 см, вес — 172,6 г (рис 2, 4); размеры пятого — 22,8 и 4,2 см, вес — 148 г (рис 2, 5). Все они отлиты в двухстворчатых литейных формах (матрица и крышка). Лезвие на всех серпах сформировано ковкой.

Серпы отлиты из различных сплавов³: из низкооловянистой бронзы (№ 50348, $\text{Sn}=1,22\%$) и из меди, “загрязненной” оловом (№ 50346, 50347, 50349, 50350; $\text{Sn}=0,7; 0,34; 0,56\%$, соответственно). Химико-металлургическая группа металла серпов однородна: это все та же группа ВУ.

¹ Выражаю благодарность за проведение анализов С.В. Кузьминых и В.Ю. Лунькову.

² Анализ № 50344.

³ Анализы № 50346, 50347, 50348, 50349, 50350.

Данные рентгенофлуоресцентного анализа

№ анализа	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	ХМГ*
50343	1, 1	ОСН	4.04	0.08	0.48	0.01	0.04	0.02	0.04	0.39	0.02	Cu+Sn
50344	1, 2	—"	3.33	0.06	0.04	0.02	0.03	0.03	0.04	0.28	0.01	Cu+Sn
50345	1, 3	—"	0	0.09	0.41	0.02	0.06	0.08	1.04	0.17	0.09	Cu+As (Zn)
50346	2, 1	—"	0.7	<0.05	0.27	0.02	0.04	0.02	0.02	<0.03	0.01	Cu+Sn (Zn)
50347	2, 2	—"	0.31	0.07	0.15	0.02	0.04	0.03	0.01	0.65	0.01	Cu (Sn)
50348	2, 3	—"	1.22	0.11	0	0.05	0.06	0.05	0	0.27	0	Cu+Sn
50349	2, 4	—"	0.34	<0.05	0.23	0.03	0.04	0.03	0.02	0.2	0.01	Cu (Sn, Zn)
50350	2, 5	—"	0.56	0.08	0	0.05	0.06	0.07	0	0.24	0	Cu (Sn)

* Химико-металлургическая группа.

В работе О.А. Кривцовой-Граковой имеются данные о кладе из четырех целых и одного сломанного серпа, найденном крестьянином Тарасовым во время раскопок им кургана у Крыловского хутора (д. Овсянки Бузулукского р-на Оренбургской обл.) (Кривцова-Гракова, 1955. С. 62, 63. Рис. 14, 10, 11). У Е.Н. Черных также имеются данные об аналогичных серпах, найденных у с. Костенки в Воронежской обл. в 1932 г., и в Вольском р-не Саратовской обл. (Черных, 1970. С. 62. Рис. 53, 5, 11). В 2006 г. в окрестностях Черкасской стоянки на р. Битюг в Воронежской обл. был найден крюкастый серп (Килейников, Крамской, Дущенко, 2009. С. 82. Рис. 10).

По классификации Е.Н. Черных подобные серпы относятся к типу С-14. Они имеют очень широкое территориальное распространение от Зауралья до Правобережья Украины (Черных, 1976. С. 92–94. Табл. XVII). Центр их ареала находится в Поволжье и Приуралье, а само производство связано с приуральским металлургическим очагом срубной культуры (Черных, 1976. С. 94).

В работе В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева подобные серпы относятся к Волго-Уральской группе, Ибракаевскому типу Волго-Донского варианта (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 68–73). Ибракаевский тип был выработан в “срубной” среде на основе серпов типа Петровки и Береговки, имевших “абашевскую” основу происхождения (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 33, 34, 298). Исследователи также отмечают и то, что подавляющее большинство серпов данного варианта найдены в составе кладов и лишь незначительное число — в качестве случайных находок (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 68).

Помимо многочисленных аналогий, подтверждающих отношение клада к срубной культуре, отметим, что место обнаружения клада, как выяснилось при анализе архивных материалов, находится на территории поселения Альфа-2. Данное посе-

ление было выявлено разведкой А.С. Саврасова в 1992 г. (Саврасов, 1992. С. 11). В результате сбора подъемного материала установлено, что размеры поселения составляют 95 × 40 м, а фрагменты керамики (91 экз.) относятся к срубной культуре.

В 2015 г. автором было проведено повторное обследование данного поселения с целью проверки информации о кладе.

Для выяснения мощности культурных напластований в центре поселения был заложен стратиграфический шурф (2 м²). Им был затронут, судя по всему, котлован постройки. С верхней части заполнения котлована получен преимущественно материал, относящийся к XVIII–XIX вв., в том числе ряд индивидуальных находок, таких как железный серп, гвозди, скобы и т.д.

В нижней части заполнения концентрация керамического материала XVIII–XIX вв. снизилась, при этом материал, относящейся к срубной культуре, стал преобладать. В итоге можно предположить, что котлован постройки XVIII–XIX вв., вероятно, пререзает намного более раннюю постройку эпохи бронзы, о чем говорит распределение керамического материала по слоям.

В целом полученный материал подтверждает связь клада с поселением, дальнейшее исследование которого позволит уточнить границы памятника, его датировку и др.

Вместе с кладом находчиком был сдан бронзовый нож (рис. 1, 3). По его сообщению, нож был найден на правом берегу р. Матыра, севернее с. Тынково Петровского р-на Тамбовской обл. Нож — двулезвийный, с выделенным подпрямоугольным черенком и перехватом. Длина ножа — 14,8, ширина — 2,9, ширина в черешке — 1, ширина в перехвате — 2,2, толщина — 0,3 см. Вес ножа — 50,9 г.

Изучение химического состава металла (таблица, № 50345) показало, что нож относится к химико-металлургической группе ВК (волго-камская)

с повышенным содержанием мышьяка ($As=1.04\%$). Рудные источники этой мышьяковой или сурьмяно-мышьяковой меди или бронзы также локализируются к востоку от Урала.

Подобные ножи отнесены к разряду НК-12 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 101–102. Рис. 58, 2). Они распространены в Волго-Камье, на Дону и Южном Урале. Были выработаны, вероятно, на основе абашевской традиции металлообработки и заимствованы покровцами, недолго присутствующим в раннесрубном комплексе (Археологические памятники, 2010. С. 173. Рис. 73, 5).

Резюмируя, отмечу, что Альфовский клад является кладом литейщика срубной культуры. Время его сокрытия определяется пока что в рамках хронологического диапазона этого культурного образования, между 1900–1400 гг. до н.э. (Черных, Орловская, 2009. С. 33), а тот факт, что в предметах из клада ещё есть определенные абашевские традиции, указывает на его принадлежность к раннему этапу срубной культуры.

Выражаю глубокую благодарность А.М. Обломскому за возможность публикации клада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Науч. книга, 2010. 284 с.
- Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11856.
- Березуцкий В.Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (с древнейших времен до XVII в.). Воронеж: ВГПУ, 2003. 162 с.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишнев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
- Килейников В.В. Металлические топоры с памятников бронзового века лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1 / Ред. В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский гос. краевед. музей, 2008. С. 178–188.
- Килейников В.В., Крамской В.А., Дущенко С.Н. Орудия труда и изделия из окрестностей Черкасской стоянки // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13 / Ред. В.В. Килейников. Воронеж: Науч. книга, 2009. С. 71–82.
- Корневский С.Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА. 1973. № 1. С. 39–53.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (МИА № 46). 164 с.
- Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка – II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Наука, 2010. С. 126–156.
- Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье // СА. 1981. № 3. С. 281–285.
- Саврасов А.С. Отчет о разведке по р. Матыра в Петровском районе Тамбовской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 24111.
- Скоробогатов А.М., Килейников В.В. Первые итоги исследования поселения эпохи бронзы Черкасское-4 на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14 / Ред. В.В. Килейников. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 163–168.
- Хреков А.А., Быков В.Ю. Новые материалы раннего энеолита лесостепного Прихоперья: Завьяловский клад (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Науч. книга, 2012. С. 6–14.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 182 с.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Базы данных радиоуглеродных датировок и коррективы релятивной хронологии Эпохи Раннего Металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–40.

A HOARD OF IMPLEMENTS OF THE SRUBNAYA/TIMBER GRAVE CULTURE NEAR THE VILLAGE OF ALFA IN THE TAMBOV OBLAST

Fedor A. Polyakov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (fedor.polyakov.91@mail.ru)

The paper is a description and analysis of a hoard of implements of the Late Bronze Age discovered near the village of Alfa in the Petrovskiy district of the Tambov oblast in 2013. The hoard consists of seven items, i.e. a massive axe with a beetling butt end, an adze, and five hook-shaped sickles. The results of the spectral analysis relate the metal of the implements to the Volga-Urals chemical group, while the analogies to their forms encountered in the Don-Volga interfluvium are indicative of the hoard's belonging to the early stage of the Srubnaya/Timber Grave culture, which enables us to date its deposit to the time span between the 14th and 12th centuries BC.

Keywords: hoard, Bronze Age, Srubnaya/Timber Grave culture, Oka-Don Plain, metal implements.

REFERENCES

- Arkheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezh'ya: ot ranney bronzy do srednevekov'ya (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) [Archaeological Sites of the Saratov Right-bank Volga Area: From the Early Bronze Age to the Middle Ages (from the investigations of 2005–2006)]. A.I. Yudin, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, 2010. 284 p.
- Berezutskiy V.D. Otchet o raskopkakh kurganov Vlasovskogo mogil'nika v Gribanovskom rayone Voronezhskoy oblasti v 1985 g. [The report on the excavation of barrows of the Vlasovka cemetery in the Gribanovo district of the Voronezh oblast in 1985]. *Archive of IA RAN*, R-1, no. 11856.
- Berezutskiy V.D., 2003. Ocherki po arkheologii i drevney istorii Podon'ya. Gribanovskiy kray (s drevneyshikh vremen do XVII v.) [Essays on Archaeology and Early History of the Don Area (From the Earliest Time up to the 17th Century)]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 162 p.
- Chernykh E.N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [The earliest Metallurgy of the Urals and the Volga Area]. Moscow: Nauka. 182 p.
- Chernykh E.N., 1976. Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR [Early Metal Working in the Southwest of the USSR]. Moscow: Nauka. 304 p.
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii [The Early Metallurgy of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2009. Bazy dannykh radiouglerodnykh datirovok i korrektyvy relyativnoy khronologii Epokhi Rannego Metalla [Databases of Radiocarbon Dates and Corrections of Relative Chronology of the Early Iron Age]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Studies of the Laboratory of Scientific Methods], 1. E.N. Chernykh, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 26–40.
- Dergachev V.A., Bochkarev V.S., 2002. Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [Eastern European Metal Sickles of the Late Bronze Age]. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola. 348 p.
- Khrekov A.A., Bykov V.Yu., 2012. Novye materialy rannego eneolita lesostepnogo Prikhoper'ya: Zav'yalovskiy klad (predvaritel'naya publikatsiya) [The new Early Aeneolithic materials from the steppe-forest Koper River area: The Zavyalovo hoard (an interim publication)]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [The Archaeological Heritage of the Saratov Region], 10. A.I. Yudin, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 6–14.
- Kileynikov V.V., 2008. Metallicheskie topory s pamyatnikov bronzovogo veka lesostepnogo Podon'ya [Metal axes from the Bronze Age sites of the steppe-forest Don area]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [The Archaeology of the Eastern European Steppe-forest Zone], iss. 2, vol. 1. V.V. Stavitskiy, ed. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey, pp. 178–188.
- Kileynikov V.V., Kramskoy V.A., Dushchenko S.N., 2009. Orudiya truda i izdeliya iz okrestnostey Cherkasskoy stoyanki [Tools and articles from the vicinity of the Cherkasskaya encampment]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological Sites of Eastern Europe: An Inter-university Collection of Scholarly Papers], 13. V.V. Kileynikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 71–82.
- Korenevskiy S.N., 1973. Metallicheskie vtul'chatye topory Ural'skoy gorno-metallurgicheskoy oblasti [Metal socketed axes of the Urals mining and metallurgical region]. *SA*, 1, pp. 39–53.
- Krivtsova-Grakova O.A., 1955. Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdney bronzy [The Steppe Volga

- Area and the Pontic Redion in the Late Stone Age]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 164 p. (MIA, 46).
- Lopatin V.A., 2010. Pokrovskiy kul'turnyy kompleks poseleniya Nizhnyaya Krasavka — II (po materialam issledovaniy 2007—2009 godov) [The Pokrovsk cultural complex of the Nizhnyaya Krasavka—II settlement (from the materials of 2007—2009 fieldwork)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [The Archaeology of the Eastern European Steppes: An Inter-university Collection of Scholarly Papers], 8. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Nauka, pp. 126—156.
- Pryakhin A.D., Sinyuk A.T., Matveev Yu.P., 1981. Tereshkovskiy klad epokhi pozdney bronzy v Srednem Podon'e [The Late Bronze Age Tereshkovo hoard from the Middle Don area]. *SA*, 3, pp. 281—285.
- Savrasov A.S. Otchet o razvedke po r. Matyra v Petrovskom rayone Tambovskoy oblasti v 1992 g. [A report on a ground survey along the Matyra River in the Petrovsk district of the Tambov oblast in 1992]. *Archive of IA RAN*, R-1, no. 24111.
- Skorobogatov A.M., Kileynikov V.V., 2011. Pervye itogi issledovaniya poseleniya epokhi bronzy Cherkasskoe-4 na Srednem Donu [First results of the investigation of the Cherkasskoe-4 Bronze Age settlement on the Middle Don]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological Sites of Eastern Europe: An Inter-university Collection of Scholarly Papers], 14. V.V. Kileynikov, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 163—168.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТЕКЛА-СЫРЦА ИЗ ПОДВОДНОГО РАСКОПА ФАНАГОРИИ: УТОЧНЕННЫЕ ДАННЫЕ

© 2017 г. О.С. Румянцева*, К.Н. Беликов**

* Институт археологии РАН, Москва (o.roumiantseva@mail.ru)

** Научно-технологический комплекс “Институт монокристаллов”
Национальной академии наук Украины, Харьков

Изучение химического состава стекла-сырца из подводного раскопа Фанагории методом SEM-EDS позволило уточнить полученные ранее результаты (Румянцева, Ольховский, 2015). Пять из шести образцов по составу наиболее близки стеклу левантийской I группы (таблица, № 1–5), один образец – стеклу группы “НІМТ” (таблица, № 6; рис. 1, 2). Это позволило подтвердить вывод, полученный ранее на основе комплекса данных химического и изотопного составов: изученные находки происходят из стекловаренных центров Сиро-Палестинского региона и Юго-Восточного Средиземноморья. Они являются полуфабрикатами, предназначенными для производства изделий из стекла в стеклообрабатывающих мастерских Азиатского Боспора.

Ключевые слова: стеклоделательное производство, римское время, Боспор, химический состав стекла.

В 2007–2010 гг. в затопленной части Фанагории в ходе изучения подводного фундамента позднеримского времени, предположительно причала, обнаружено семь обломков стекла-сырца. Они могли упасть в воду при перевалке на причал корабельного груза, включавшего стекло-сырец для вторичных мастерских Фанагории, производивших посуду или иные изделия из привозных полуфабрикатов, или попасть сюда с берега при сооружении конструкции вместе со строительным материалом и мусором, предназначенным для забутовки ее клеток. Итоги изучения химического состава стекла данных находок ранее были опубликованы и сводятся к следующему. Результаты анализов, проведенных в трех разных лабораториях, оказались плохо сопоставимы между собой. Это не позволило однозначно соотнести изучаемые объекты ни с одной из групп, широко известных в позднеантичное время в Средиземноморье и западной части Римской империи; относящееся к ним стекло было предметом торговли на дальние расстояния. По комплексу полученных данных фанагорийские образцы наиболее близки к левантийской I и группе “римского” стекла I–III вв. н.э.; один экземпляр, предположительно, мог относиться к серии “НІМТ” (“стекло с высоким содержанием железа, марганца и титана” – *high iron, manganese, titanium*). Результаты изучения изотопов стронция и неодайма пяти образцов подтвердили вывод о том, что они являются продукцией стекловаренных

центров Леванта или Юго-Восточного Средиземноморья (Румянцева, Ольховский, 2015).

Одной из лабораторий, где проанализированы образцы стекла из Фанагории, стал Научно-технологический комплекс “Институт монокристаллов” НАН Украины (Харьков). Это был первый опыт изучения древнего стекла в данном научном центре. Работа по совершенствованию методики анализа, проведенная за последний год, позволила скорректировать опубликованные ранее результаты, уточнив полученные на их основе выводы.

Методика анализа. Определение химического состава шести образцов стекол выполняли на сканирующем электронном микроскопе Jeol JSM-6390LV (JEOL Ltd., Япония) с приставкой для энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа X-Maxⁿ (OXFORD Instruments Analytical, Великобритания). Используемый детектор рентгеновского излучения позволяет выполнять количественный анализ содержания элементов в диапазоне от В до U.

Анализировали поверхность образцов в месте свежего скола, что позволяло устранить влияние выщелачивания на правильность результатов анализа. Ускоряющее напряжение источника возбуждения составляло 20 кВ, живое время измерений – 90 с. Площадь сканируемой поверхности – 100 × 100 мкм. За результат анализа принимали среднее значение не менее чем трех параллельных

определений в разных точках образца. Контроль правильности анализа выполняли сравнением найденных значений концентраций элементов в стандартном образце Corning Glass D с их аттестованными значениями.

Результаты. Напомним, что для определения происхождения античного стекла, сваренного на основе природной соды, ключевыми признаками являются содержания элементов, характеризующих источники песка, который стеклоделы использовали в качестве сырья — в первую очередь кальция, алюминия и железа. Незначительные примеси в составе второго компонента — так называемой природной соды — не оказывают значительного влияния на состав стекла. Судя по данным многочисленных исследований, стекло, предназначенное для изготовления посуды в стеклотрувной технике, в позднеантичное время варилось в ограниченном числе крупных производственных центров, из которых распространялось во вторичные, стеклообрабатывающие мастерские, часто отделенные от первичных мастерских огромными расстояниями; там из него получали готовые изделия. Для I тыс. н.э. выделяется несколько групп стекла, в той или иной степени привязанных

к определенным регионам производства. Различия в составе относящегося к ним стекла обусловлены разницей в составе песка (обзор на русском языке и ссылки на литературу см. Румянцев, 2011, 2015). Сопоставление анализируемых стекол по содержанию элементов, характеризующих геохимический состав песка, с известными нам группами позволяет, таким образом, определить регион его происхождения.

Все шесть образцов стекла из Фанагории по содержанию кальция, алюминия и железа наиболее близки стеклу левантийской I группы, которая была выделена на материалах мастерских Сиро-Палестинского региона IV–VII вв. (рис. 1, 2). На европейской территории Римской империи стекло левантийской I группы также известно начиная с IV в. По содержанию прочих элементов, характеризующих используемое сырье, к левантийской I группе близки пять из шести образцов (таблица, № 1–5, 7, 9–14). Они отличаются лишь чуть более высокими содержаниями магния и более низкими калия (последний выше в левантийских образцах, но сопоставим со средним содержанием в стекле из Западной Европы и Северной Африки, относимом исследователями

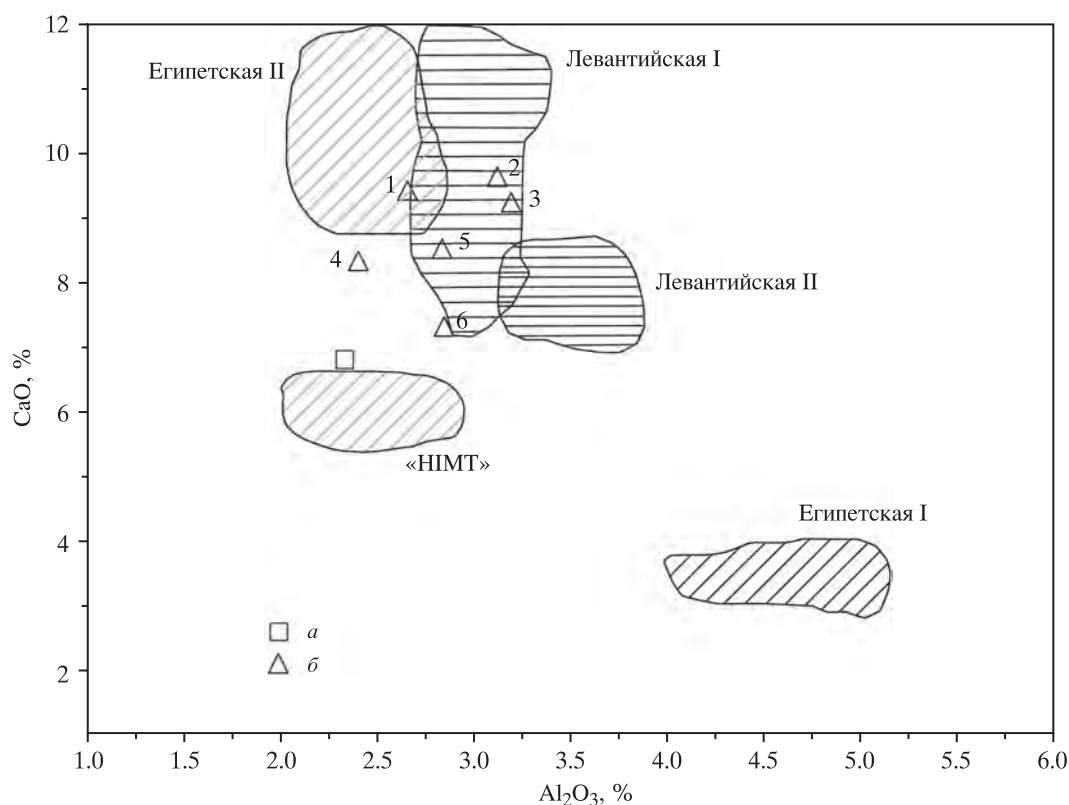

Рис. 1. Находки из подводного раскопа Фанагории и средиземноморские серии стекла (по: Drauschke, Greiff, 2010). Соотношение оксидов алюминия и кальция. Условные обозначения: *a* — среднее соотношение $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{CaO}$ в «римском» стекле I–III вв.; *b* — стекло из Фанагории по данным НТК «Институт монокристаллов». № 1–6 соответствуют номерам образцов стекла в таблице.

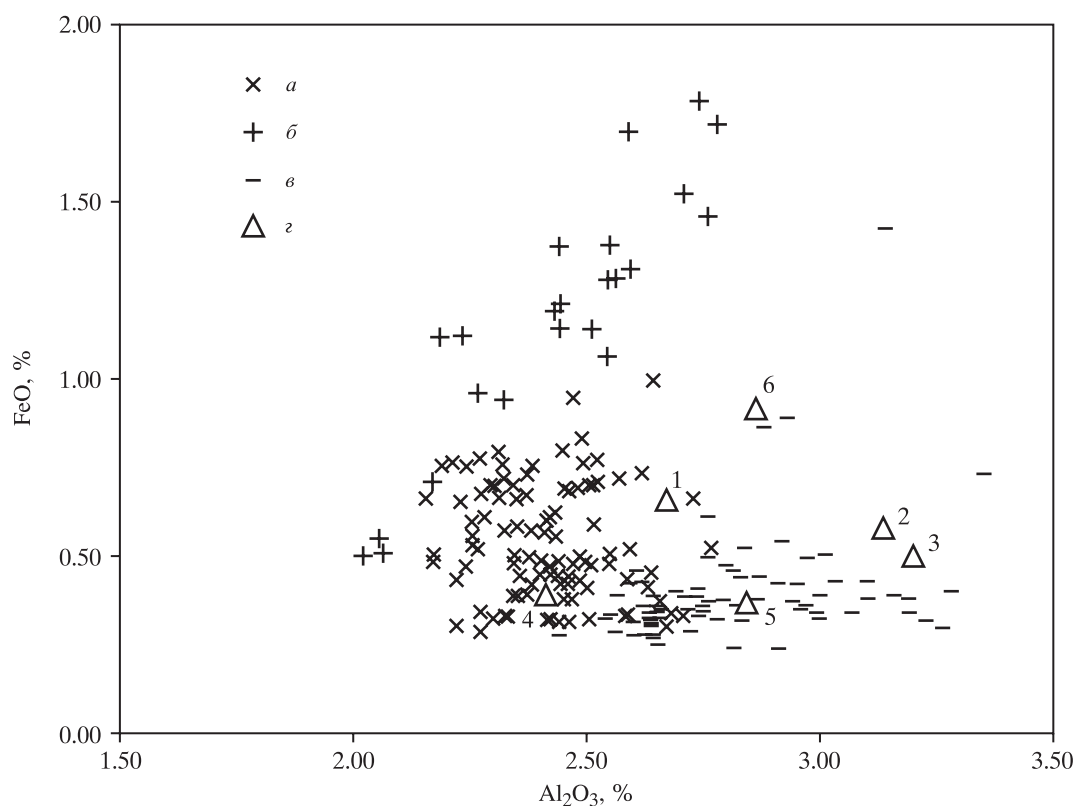

Рис. 2. Находки из подводного раскопа Фанагории и средиземноморские серии стекла (по: Freestone et al., 2002). Соотношение оксидов алюминия и железа. Условные обозначения: *a* – “римское” стекло I–III вв.; *b* – стекло группы НІМТ; *в* – стекло левантийской I группы; *г* – стекло из Фанагории по данным НТК “Институт монокристаллов”. № 1–6 соответствуют номерам образцов стекла в таблице.

к левантийской I группе). В качестве обесцвечивателя в стекле из Фанагории использован марганец, что характерно и для левантийского стекла (Brill, 1988; Foster, Jackson, 2009. Р. 190. Tabl. 2).

Полученные данные хорошо сопоставимы с результатами эмиссионно-спектрального анализа тех же предметов, проведенного в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (таблица, № 8). Наиболее близки средние содержания оксидов натрия, алюминия, кальция и титана, отражающих состав песка и его соотношение с природной содой в составе шихты, а также обесцвечивателя – марганца. Наибольшие различия зафиксированы в содержании оксидов магния и железа.

Один образец (таблица, № 6) отличается от стекла левантийской I группы более высокими концентрациями натрия, магния, титана, железа и марганца¹. Именно данные признаки характеризуют стекло другой группы, также широко распространенной в Средиземноморье и Западной Европе начиная с IV в. Обозначающая ее аббревиатура

“НІМТ” означает “стекло с высоким содержанием железа, марганца и титана” (*high iron, manganese, titanium*); для нее типично также и более высокое содержание магния по сравнению со стеклом прочих серий, получивших распространение в синхронное время. Важнейшим признаком выделяемой группы считается также наличие прямой зависимости между содержаниями железа, магния, марганца и титана, а также между концентрациями перечисленных элементов и алюминия. Стекло группы НІМТ более разнородно по составу, чем левантийской I. Данное обстоятельство обусловлено тем, что оно является результатом смешения двух различных компонентов, возможно, стекла-сырца двух типов, изготовленного на разном сырье (Freestone et al., 2005). Стекловаренные центры, где производилось стекло НІМТ, на сегодня не изучены, однако ряд признаков, характеризующих геохимию сырья, на котором оно изготовлено, в сочетании с зоной его наибольшего распространения позволили предположить, что оно происходит из района Юго-Восточного Средиземноморья, расположенного между дельтой Нила и заливом Хайфы,

¹ В лаборатории ИИМК РАН состав стекла данной находки не изучался.

Результаты изучения химического состава стекла из Фанагории (№ 1–8) и данные о составе стекла левантийской I и HMT групп из Восточного Средиземноморья и Западной Европы (№ 9–20)

№	Группа (гр.)	Происхождение, памятник, образец	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃ /FeO	PbO	Pb, ppm
1	Левантийская I	Фан-1 (2009 г., № 168, зелено-голубое прозрачное стекло)	15.19	0.81	2.67	69.00	0.03	0.71	9.41	0.13	1.59	0.75/0.68	0.05	—
2		Фан-2 (2007 г., № 858, зелено-голубое прозрачное стекло)	15.42	1.12	3.13	68.68	0.12	0.67	9.64	0.10	1.07	0.65/0.59	0.06	—
3		Фан-3 (2007 г., б/н, зелено-голубое прозрачное стекло)	15.84	0.56	3.20	68.45	0.02	0.60	9.22	0.08	1.38	0.57/0.51	0.10	—
4		Фан-4 (2007 г., № 864, фиолетовое прозрачное стекло)	16.06	0.50	2.41	70.55	0.06	0.47	8.28	0.07	1.900	0.44/0.40	0.09	—
5		Фан-5 (2007 г., № 746, зелено-голубое прозрачное стекло)	17.88	0.64	2.84	68.80	0.02	0.46	8.43	0.09	0.58	0.42/0.38	0.06	—
6		Фан-6 (2008 г., №722, оливковое прозрачное стекло)	20.18	1.20	2.86	65.46	0.01	0.44	7.28	0.17	1.48	1.03/0.51	0.10	—
7	HMT	Фан-1–5, среднее значение	16.08	0.73	2.85	69.10	0.05	0.58	9.00	0.09	1.30	0.57/0.51	0.07	—
8	Левантийская I	Фан-1–5 среднее значение по данным ЭСА (ИИМК РАН)	16.20	0.96	2.82	—	—	< 1	8.46	0.094	1.22	0.64/0.58	—	—
9		Джаламе (гр. левантийская I), стекловой, с MnO, m	15.62	0.54	2.68	—	—	0.87	9.08	0.09	2.83	0.49/0.44	—	—
10		Джаламе (гр. левантийская I), посуды, с MnO, m	16.09	0.62	2.65	—	—	0.75	8.55	0.08	1.29	0.44/0.40	—	—
11		Джаламе (гр. левантийская I), стекловой, без MnO, m	15.80	0.66	2.73	—	—	0.73	9.03	0.08	0.12	0.39/0.35	—	—
12		Джаламе (гр. левантийская I), посуды, без MnO, m	15.69	0.54	2.67	—	—	0.80	8.52	0.09	0.08	0.37/0.33	—	—
13		Палестина (Дор и Аполлония, совместно), сырец, посуда, m	15.98	0.63	2.99	—	—	0.83	9.06	<0.1	<0.1	0.42/0.38	—	—
14		Южная и Центральная Франция, Египет и Тунис (группа 3 по: Foy et al., 2003)	16.77	0.62	2.53	69.36	0.13	0.55	7.81	0.07	0.732	0.51/0.46	—	121
15		Карфаген	17.90	1.10	2.80	—	—	0.50	6.90	0.40	1.70	1.89/1.70	—	—
16		Аоста, Италия	17.26	0.959	2.56	—	—	1.02	5.88	0.514	1.955	1.402/1.262	—	—
17	HMT	Южная и Центральная Франция, Египет и Тунис (группа 1 по: Foy et al., 2003) (разные памятники)	19.12	1.23	2.88	64.49	0.11	0.41	6.22	0.49	2.023	2.28/2.05	—	63
18	HMT	Южная и Центральная Франция, Египет и Тунис (группа 2 по Foy et al., 2003) (разные памятники)	18.37	1.20	2.53	64.67	0.19	0.79	7.73	0.16	1,503	1.32/1.19	—	1075
19		Британия (HMT 1 по: Foster, Jackson, 2009) (разные памятники)	19.11	0.98	2.49	—	0.05	0.50	6.08	0.33	1.71	1.36/1.22	0.01	—
20		Британия (HMT 2 по: Foster, Jackson, 2009) (разные памятники)	19.65	0.76	2.25	—	0.05	0.58	6.00	0.12	0.98	0.72/0.65	0.02	—

Примечание. 8 – по: Ольховский, Румянцев, 2015; 9–13, 15, 16, 19, 20 – по: Foster, Jackson, 2009 (первая публикация: 9–12 – Brill, 1988; 13 – Freestone et al., 2000; 15 – Freestone, 1994; 16 – Mirti et al., 1993); 14, 17, 18 – по: Foy et al., 2003. Условные обозначения: m – среднее значение.

возможно, в Северном Египте (на севере Синая) (Freestone et al., 2005, там же ссылки на литературу).

Большинство стекол серии НІМТ отличаются более низкие концентрации кальция (5–6.5%) (таблица, № 15–17, 19, 20), чем образец из Фанагории (7.28%), однако среднее содержание кальция в стекле данной группы, рассчитанное на основе материалов Южной и Центральной Франции, Египта и Туниса, сопоставимо с полученным (таблица, № 18). Стекло-сырец из Фанагории, отнесенное к группе НІМТ, отличается также характерный для нее оливковый оттенок, в то время как прочие неокрашенные стекла изученной выборки (таблица, № 1–5) характеризует оттенок зелено-голубой, типичный для левантийского стекла.

Вывод о левантийском происхождении пяти из шести изученных образцов стекла хорошо соотносится с данными изотопного анализа, результаты которого также указывают на Сиро-Палестинский регион как на зону его производства². Как и левантийские стекла, стекло из Фанагории отличается значение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, близкое к тем, что характеризуют современную морскую воду, т.е. сырьем для них мог быть песок, содержащий обломки раковин моллюсков. Подобные значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ типичны и для левантийского стекла. Стекло из Фанагории характеризуют также значения ϵNd , типичные для песков Восточного Средиземноморья и близкие к тем, что отличают стекло из производственных центров Сиро-Палестинского региона (Румянцев, Ольховский, 2015).

По сопутствующему археологическому материалу находки стекла-сырца из подводного раскопа Фанагории были отнесены ко второй половине III – IV в. н.э. (Румянцев, Ольховский, 2015). В связи с этим важно отметить, что для стекла, связанного происхождением с разными стекловаренными центрами, по материалам Средиземноморья и Западной Европы была выявлена определенная динамика распространения. Данных об импорте сырьевого стекла групп левантийской I и НІМТ в Европу ранее IV в. на сегодня нет, их широкое распространение на территории Римской империи начиная с IV в. было обусловлено, вероятно, сменой стекловаренных центров, питавших европейские стеклообрабатывающие мастерские (Freestone, 2005; Foster, Jackson, 2009). Если появление стекла-сырца левантийской I группы в римской Европе широко определяется IV в., то наиболее ранние изделия из стекла НІМТ по материалам Британии датируются не ранее

330-х годов (Foster, Jackson, 2009. P. 195). В связи с этим наиболее вероятной датой находок стекла-сырца из Фанагории представляется IV в. н.э.

Полученные результаты подтверждают вывод о существовании на территории Азиатского Боспора стеклообрабатывающих мастерских, работавших на привозных полуфабрикатах стекла, которые поступали сюда из Восточного и Юго-Восточного Средиземноморья. Упомянутые производственные центры были включены в единую систему торговли сырьевым стеклом, установившуюся в Средиземноморье в первой половине – середине I тыс. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Румянцев О. С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 86–97.
- Румянцев О. С. Происхождение стекла I тыс. н.э.: данные источников и состояние проблемы // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре” / Ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: ОИФН РАН, ИЭА РАН, 2015. С. 126–133.
- Румянцев О. С., Ольховский С. В. Импорт стекла на Тамань в позднеримское время: первые результаты и проблема интерпретации // РА. 2015. № 2. С. 86–100.
- Brill R. H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Weinberg G. D. Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Univ. of Missouri, 1988. P. 257–294.
- Drauschke J., Greiff S. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad / Iustiniana Prima (Serbia) // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses / Eds J. Drauschke, D. Keller. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. P. 25–46.
- Foster H. E., Jackson C. M. The composition of “naturally colored” late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // J. Archaeol. Sci. 2009. 36. P. 189–204.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l’Antiquité en Méditerranée occidentale: l’émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l’AFAV. Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001 / Eds D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoïl. 2003. P. 41–85.
- Freestone I. C. Appendix: Chemical analysis of “raw” glass fragments // Hurst H. Excavations at Carthage. V. II, 1: The Circular Harbour, North Side. Oxford: Univ. Press for British Academy, 1994. P. 290.

² Изотопный состав образца стекла, отнесенного к группе НІМТ, не изучался.

- Freestone I.C. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis // *Materials Issues in Art and Archaeology VII* / Ed. P.B. Vandiver, J.L. Mass, A. Murray. Warrendale: Cambridge Univ. Press, 2005 (Materials Research Society Symp. Proceed.; 852). P. 008.1.1–008.1.13.
- Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J. Composition of primary glass from Israel // *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age* / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000 (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen; 33). P. 65–84.
- Freestone I.C., Ponting M., Hughes M.J. Origins of Byzantine glass from Maroni Petrera, Cyprus // *Archaeometry*. 2002. V. 44. P. 257–272.
- Freestone I.C., Wolf S., Thirlwall M. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence // *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. London, 2003. Nottingham: AIHV, 2005. P. 153–157.
- Mirti P., Casoli A., Appolonia A. Scientific analysis of Roman glass from Augusta Praetoria // *Archaeometry*. 1993. V. 35. P. 225–240.

CHEMICAL COMPOSITION AND ORIGINS OF RAW GLASS FROM THE UNDERWATER EXCAVATION AREA OF PHANAGORIA: CORRECTED DATA

Olga S. Rumyantseva*, Constantine N. Belikov**

* Institute of Archaeology RAS, Moscow (o.roumiantseva@mail.ru)

** Institute for Single Crystals of National Academy of Sciences of the Ukraine, Kharkov (belikov@isc.kharkov.com)

A study of the chemical composition of raw glass from the underwater excavation area by SEM-EDS analysis enabled us to correct the results obtained earlier (Rumyantseva, Ol'khovskiy, 2015). Five of six samples are similar in composition to glasses of the Levantine I group (table, nos. 1–5) and one to those of the “HIMT” group (table, no. 6; fig. 1, 2). These facts substantiate the conclusion derived from the data on the chemical and isotope composition of the finds under investigation: these originate from glass-making centres of the Syro-Palestinian region and the southeastern Mediterranean. They were intended for the production of glass articles in glass-working workshops of Asiatic Bosphorus, undiscovered archaeologically now.

Keywords: glass-making, Roman time, Bosphorus, chemical composition of glass.

REFERENCES

- Brill R.H., 1988. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds. Weinberg G.D. *Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. Columbia: Univ. of Missouri, pp. 257–294.
- Drauschke J., Greiff S., 2010. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad / Iustiniana Prima (Serbia). *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses*. J. Drauschke, D. Keller, eds. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, pp. 25–46.
- Foster H.E., Jackson C.M., 2009. The composition of “naturally colored” late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *J. of Archaeological Science*, 36, pp. 189–204.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V., 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux. *Échanges et commerce du verre dans le monde antique: Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre*, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001. D. Foy, M.-D. Nenna, eds. Montagnac: Éditions Monique Mergoil, pp. 41–85.
- Freestone I.C., 1994. Appendix: Chemical analysis of “raw” glass fragments. Hurst H. *Excavations at Carthage, II/1. The Circular Harbour, North Side*. Oxford: Univ. Press for British Academy, pp. 290.
- Freestone I.C., 2005. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis. *Materials Issues in Art and Archaeology*, VII. P.B. Vandiver, J.L. Mass, A. Murray, eds. Warrendale: Cambridge University Press, pp. 008.1.1–008.1.13 (Materials Research Society Symposium Proceedings, 852).
- Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J., 2000. Composition of primary glass from Israel. *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age*. M.-D. Nenna, ed. Lyon, pp. 65–84 (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen, 33).
- Freestone I.C., Ponting M., Hughes M.J., 2002. Origins of Byzantine glass from Maroni Petrera, Cyprus. *Archaeometry*, 44, pp. 257–272.

- Freestone I.C., Wolf S., Thirlwall M., 2005. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence. *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre, London, 2003*. Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, pp. 153–157.
- Mirti P., Casoli A., Appolonia A., 1993. Scientific analysis of Roman glass from Augusta Praetoria. *Archaeometry*, 35, pp. 225–240.
- Rumyantseva O.S., 2011. Steklodelatel'noe proizvodstvo v rimskoe vremya i epokhu rannego srednevekov'ya: istochniki, fakty, gipotezy [Glass-making in the Roman and early medieval time: sources, facts and hypotheses]. *RA [RA]*, 3, pp. 86–97.
- Rumyantseva O.S., 2015. Proiskhozhdenie stekla I tys. n.e.: dannye istochnikov i sostoyanie problemy [The origin of the first-millennium-AD glass: The data of sources and the state of the art in the study of the issue]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN "Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture" [Traditions and Innovations in History and Culture: The Programme of Fundamental Studies of the Praesidium of the RAS "Traditions and Innovations in History and Culture"]*. A.P. Derevyanko, V.A. Tishkov, eds. Moscow: OIIFN RAN, IEA RAN, pp. 126–133.
- Rumyantseva O.S., Ol'khovskiy S.V., 2015. Import stekla na Taman' v pozdnerimskoe vremya: pervye rezul'taty i problema interpretatsii [Glass import to Taman in the Late Roman time: First results and the problem of their interpretation]. *RA [RA]*, 2, pp. 86–100.

ОСТРОГОЖСКИЙ КЛАД (последняя треть — конец VII в. н.э.)

© 2017 г. В.Д. Березуцкий*, П.М. Золотарев**, Е.А. Куцев***

* Воронежский государственный педагогический университет
(berezutski1@rambler.ru)

** Главное управление внутренних дел по городу Москве

*** Россошанский краеведческий музей

В статье публикуются уникальные для донской территории материалы клада, обнаруженного у г. Острогожск Острогожского р-на Воронежской обл. (правобережье Среднего Дона). Судя по составу находок, клад относится, вероятно, к пеньковской археологической культуре ранних славян и датируется финалом ее существования (последняя треть—конец VII в.).

Ключевые слова: Средний Дон, ранние славяне, клад, фибулы, умбоновидные подвески, браслеты, пеньковская культура.

Одно из важнейших направлений в археологическом исследовании территории лесостепного Дона — выделение раннеславянских памятников. На карте раннеславянских древностей, составленной В.В. Седовым, восточной и северо-восточной границей их распространения обозначены лесостепные районы Северского Донца (Седов, 2002. Рис. 43, 48). Совсем недавно история славян на Дону начиналась с боршевской культуры второй половины VIII — X в. (Винников, 1995, 2014). Казалось, ситуация может измениться только в сторону углубленного изучения разных сторон жизни донских славян.

Однако ситуация в корне изменилась с открытием на Верхнем Дону и в Прихоперье археологических памятников II—V вв. В их неоднородных материалах отмечаются и признаки ранних славян, истоки которых указывают на территорию Среднего Поднепровья (Обломский, 1999; Медведев, 1998, 2002; Акимов, 2001, Хреков, 2004). В свое время М.И. Артамонов посчитал сообщение византийского историка/писателя Прокопия Кесарийского (VI в.) о многочисленных племенах антов, судя по тексту, обитавших где-то в верховьях Дона, ошибочным по причине отсутствия там каких-либо свидетельств славянских поселений этого времени (см. Медведев, 2002. С. 202). После открытия на Верхнем Дону поселений и городищ, в том числе и гуннского времени, связанных с культурами Среднего Поднепровья, ситуация в корне изменилась и продолжает меняться. На карту Верхнего Подонья в последнее время нанесены обнаруженные, хотя еще и немногочисленные, археологические

памятники колочинской и пеньковской культур, соотносимые с ранними славянами (Обломский, 2012. Рис. 1).

Вместе с тем раннеславянские древности VI—VII вв., непосредственно предшествующие появлению в лесостепном Подонье славянской боршевской культуры, фактически либо неизвестны, либо малоисследованы (Обломский, 2012. С. 172, 173), а территория Среднего Дона пока еще остается “белым пятном” на карте раннеславянских древностей VI—VII вв. В связи с этим особый интерес представляет обнаружение на Среднем Дону в зоне так называемой настоящей лесостепи клада интересующего нас времени.

В 2013 г. неподалеку от северо-восточной окраины г. Острогожск Острогожского р-на Воронежской обл. (Донское правобережье) на пахотном поле трактористом обнаружены фрагменты глиняного сосуда. Впоследствии место находки было осмотрено одним из авторов статьи. Выяснилось следующее. На высоком правом берегу р. Тихая Сосна, в 4.5 км северо-восточнее городской окраины, на ровном плато плугом был поврежден клад, находившийся в глиняном сосуде. Предметы, перемещенные плугом, удалось собрать воедино (клад хранится в Россошанском краеведческом музее). Какие-либо признаки поселения на месте находки и в округе не зафиксированы.

В составе клада 32 предмета: 1. Две целые литые бронзовые пальчатые фибулы; 2. Два фрагмента литых бронзовых пальчатых фибул; 3. Шесть умбоновидных бронзовых подвесок; 4. Одна сердцевидная бронзовая плоская подвеска; 5. Бронзовые

фрагменты (11 экз.) цельнолитых браслетов; 6. Девять стеклянных бусин; 7. Нижняя часть лепного глиняного сосуда, в который и были, видимо, первоначально положены предметы. В сосуде находились также мелкие фрагменты ткани, судя по структуре, возможно, шелковой.

Описание находок. Две пальчатые бронзовые литые фибулы с маскообразными головками днепровского типа разные и отлиты в разных формах. Они относятся к “днепровской подгруппе группы пост-восточногерманских” (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 58–89) или II подгруппе группы “славянских VII в.” фибул (Werner, 1950).

Фибула 1, тип IV-Б (здесь и далее типология фибул по: Приходнюк, 2000. С. 55), имеет длину 18 см (рис. 1, 1). По овалу верхнего сегментовидного щитка шириной 8 и высотой 5 см фибула оснащена бордюром из четырех птичьих голов, соединенных между собой загнутыми клювами и обращенных к центру щитка по две с каждой стороны. Сегментовидный щиток венчает звериная голова с рельефно переданной мордой и глазами, оформленными, как и глаза птичьих голов, двумя циркульными окружностями с круглой точкой-вдавлением посередине.

Поле щитка украшено орнаментом в виде комбинаций штампа концентрических окружностей разного размера: по три и по два с округлой точкой-вдавлением посередине, расположенными бессистемно.

Дужка фибулы, соединяющая ножку и сегментовидный щиток, выпуклая наружу, дуговидная. По обеим сторонам она украшена наклонными неглубокими параллельными насечками, сгруппированными по три.

Ножка фибулы ромбическая, заканчивается удлиненным неровно-овальным отростком с поперечными полосами, разъединяющими как бы две головы: одна (верхняя) — животного с глазами, оформленными циркульным орнаментом, нижняя же заканчивается головой змеи (?) с такими же глазами. Контур ножки оснащен тремя парами круглых выступов, две пары которых имеют циркульные окружности.

С обратной стороны сегментовидного щитка на расстоянии 2 см друг от друга расположены остатки двух держателей оси пружины. Держатели обломаны в древности, и от них сохранились лишь невысокие основания. В 4 см от держателей на ножке сохранился приемник для иглы в виде изогнутой пластины. Игла отсутствовала.

Фибула 2, тип IV-A (рис. 1, 5) (Приходнюк, 2000. С. 53–55), пальчатая, имеет сохранившуюся дли-

ну 15.2 см (окончание ножки обломано). По овалу верхнего сегментовидного щитка шириной 4.3 и высотой 2.6 см фибула оснащена пятью пальцевыми отростками высотой 1.5–1.8 см. При переходе к щитку отростки сужаются, а их шейки украшены каннелюрами.

Щиток по краю оформлен двумя валиками, а поле щитка — четырьмя комбинациями штампа концентрических окружностей одинакового размера (по три с округлой точкой-вдавлением посередине), расположенными в ряд по дуге. Дужка фибулы, соединяющая сегментовидный щиток и ножку, широкая и рельефная, украшена тремя рельефными валиками по краям и по центру дужки с поперечными насечками.

Щиток ножки по форме ромбический, заполнен концентрическими кругами такого же размера, что и на сегментовидном щитке. В центре его — два ромбовидных поля, заполненных перекрещенными линиями-сеткой. По бокам щитка находятся две пары округлых выступов (один обломан), заполненных циркульным орнаментом. На нижней части щитка ближе к ножке расположены две пары округлых выступов, соединенных друг с другом: по одному с круглыми отверстиями и по одному с циркульным орнаментом. Ножка, хотя и обломана в древности, представляла собой, безусловно, окончание в виде маскообразной головы. Фрагменты концентрических окружностей (глаза животного) сохранились на месте излома.

С обратной стороны сегментовидного щитка на расстоянии 2.5 см друг от друга расположены трапезиевидные держатели пружины с отверстиями диаметром 0.25 см. В 4.5 см от держателей на ножке находится сломанный в древности приемник для иглы. Игла отсутствовала.

С обратной стороны щитка ножки по центру и ближе к краям проходят валики, по-видимому, следы литейного производства.

Ближние аналогии фибулам типа IV-A из Острогского клада многочисленны: Суджанский клад 1947 г. (Кашкин, Родинкова, 2010. Рис. 3), клад Гапоновский (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 24–26); Данчены, Россава (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 50, 13–15); Мартыновский (Седов, 1982. Табл. VII); Винницкой и Хмельницкой областей (Родинкова, 2010б. Рис. 1) и др. Не менее многочисленны и близки аналогии фибуле типа IV-Б: клад Куриловский; из Суджи-Замостья (Кашкин, Родинкова, 2010. Рис. 4, 5); Трубчевский; Пастырское городище (Родинкова, 2010б. Рис. 3, 7, 8) и др.

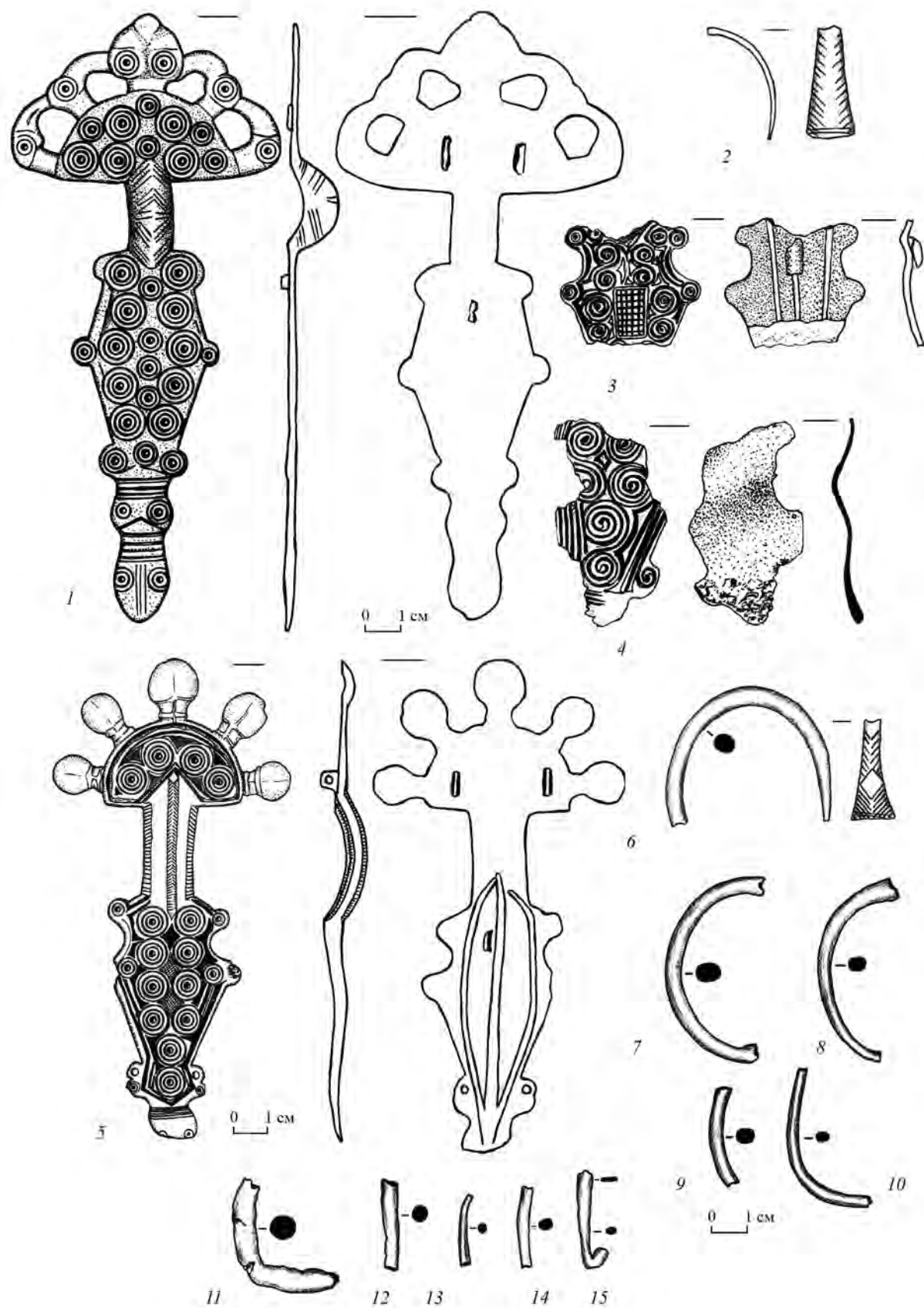

Рис. 1. Фибулы (1, 5), фрагменты фибул (3, 4) и браслетов (2, 6–15) из Острогожского клада. Бронза.

Фрагменты фибул (рис. 1, 3, 4) представлены двумя частями от разных украшений. Первый фрагмент (рис. 1, 3) — средняя часть фибулы, размеры — 3.6×4.2 см, щиток ножки. Щиток заполнен S-видными штампованными закрученными спиралями. По центру между S-видными мотивами орнамента расположен прямоугольник размерами 1×3.5 см, заполненный “решеткой”. По краям фрагмента находятся две пары округлых выступа с концентрическими кругами.

Наличие так называемой решетки, размещенной в центре ножки или на ее конце, — одна из особенностей поствосточногерманских фибул Среднего Поднепровья (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 143). Подобные украшения имеются, например, на фибулах из Суджанского клада 1947 г. (Кашкин, Родинкова, 2010. Рис. 3); Гатера и Россавы (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 49, 5; 50, 15).

С обратной стороны фрагмента фибулы расположен приемник иглы в виде изогнутой трапециевидной формы пластины. Приемник находится на валике, такие же два валика — по обе стороны от приемника.

Второй экземпляр (рис. 1, 4), размеры — 3.5×6.2 см, представлен также средней частью украшения. Фрагмент щитка заполнен S-видными штампованными закрученными спиралями. Обратная сторона гладкая.

Пальчатые фибулы, фибулы с каймой из птичьих голов в литературе обозначаются как древности круга Мартыновского клада. О.А. Щегловой они выделены в “древности антов” I (1990). Обозначенные фибулы — показательная черта набора украшений начала раннего средневековья, который сформировался в Среднем Поднепровье и на его левобережье под культурным влиянием Византии и Дунайского региона (Амброз, 1993; Седов, 2002. С. 216; Родинкова, 2010б. С. 266). Они испытали на себе влияние готских традиций (в частности, наличие птичьих элементов), и вместе с тем ювелиры Среднего Поднепровья активно перерабатывали дунайские прототипы (Приходнюк, 2000. С. 63). По мнению А.К. Амброза, фибулы днепровского типа изготавливались в Среднем Поднепровье антскими ремесленниками по дунайским образцам, но перерабатывались в своем, нужном им новом направлении (Амброз, 1993. С. 184).

В.В. Седов писал, что пальчатые фибулы с маскообразной головкой являются “характерными этнографическими украшениями антов” (1982. С. 216). Отнесение днепровских пальчатых фибул к антам — распространенная точка зрения со времени А.А. Спицына (Спицын,

1928; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 141; Седов, 2002. С. 216), либо более широко — к славянскому этносу (Werner, 1950) или даже русам (Рыбаков, 1948. С. 57–71; 1953. С. 57). И. Вернер отнес фибулы к славянской женской одежде, отличая их от германских украшений (Werner, 1950).

Фрагменты бронзовых браслетов и, вероятно, других изделий (рис. 1, 2, 6–15) обнаружены в количестве 11 экз. Причем изломы на фрагментах старые, затертые, а отдельные фрагменты не стыкуются друг с другом, что свидетельствует о попадании в состав клада именно фрагментов изделий, а не целых экземпляров.

Браслеты имели в профиле округлую (3–4 мм в диаметре) или овальную форму (от 3×5 до 6×8 мм), два окончания изделий имеют плоскую расковку. В одном случае на раскованном окончании нанесены наклонные насечки, завершающиеся двумя горизонтальными линиями (рис. 1, 2). Другое украшение имело расковку, орнаментированную теми же косыми насечками с горизонтальными линиями, образовавшими в центре незаполненный ромб (рис. 1, 6).

Умбоновидные бронзовые подвески и их фрагменты (рис. 2, 2, 3, 5–9). Представляют собой круглые и плоские изделия с полусферическим выступом в центре, сделанные из тонкого листа бронзы толщиной до 0.5 мм. Изделия подвешивались при помощи прямоугольной пластины, согнутой пополам и закреплённой штифтом. На одном из фрагментов подвески с сохранившимся штифтом имеются по краям пластины выпуклые выступы-валики. Другие пластины плоские. Одна из подвесок, по-видимому, имеет вторичное крепление в виде проволоочного кольца, продетое через круглое отверстие.

Диаметр округлых подвесок от 5.5 до 7 см, диаметр круглых выступов 2.8–3.4. Отметим, что все подвески, кроме той, у которой было проволоочное крепление, имели сломанные в древности пластины.

Умбоновидные подвески соединялись при помощи цепочки или шнура. Часто дополнительно нанизывались трубочки, спирали, находимые в днепровских кладах.

Аналогии острогожским подвескам многочисленны: Козиевский (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 59, 9); Гапоновский (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 20, 21); Суджанский 1947 г., Куриловский клады (Кашкин, Родинкова, 2010. Рис. 3, 4) и др.

Сложные нагрудные украшения, в состав которых входили и умбоновидные подвески, — часть византийского престижного женского убора,

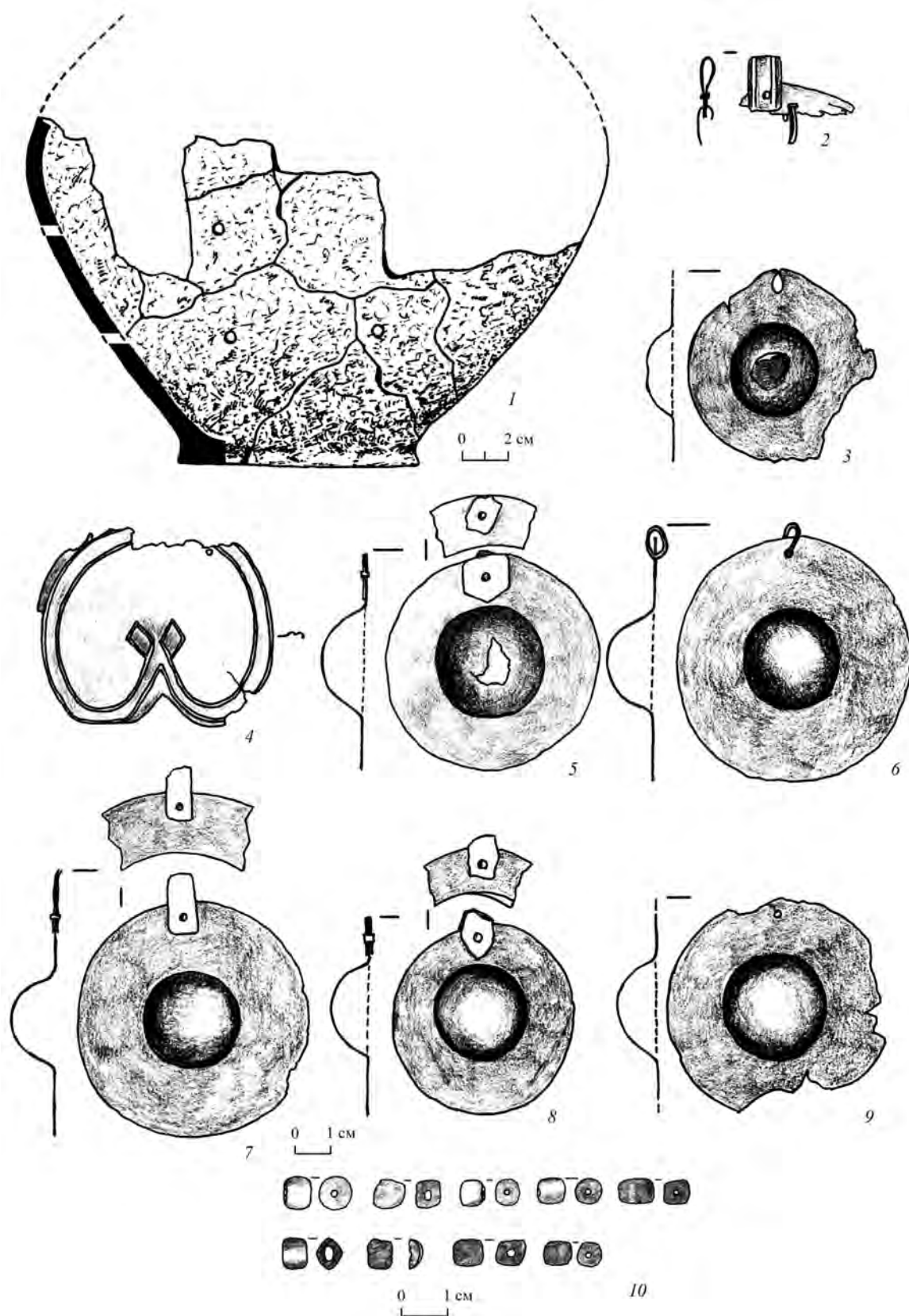

Рис. 2. Острогожский клад. 1 — лепной сосуд; 2 — фрагмент крепления умбоновидной подвески; 3–9 — умбоновидные подвески; 10 — бусы. 1 — глина; 2–9 — бронза; 10 — стекло.

который в свою очередь уходит корнями к традициям эллинистического Востока, вероятно, в результате прямого или опосредованного византийского влияния. То же можно сказать и о распространении этой моды в раннесредневековое время у населения Поднепровья и некоторых других территорий (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 47, 48).

Что касается времени распространения умбоновидных подвесок в Поднепровье, которые большей частью входят в состав кладов I группы, то по имеющимся материалам можно утверждать лишь верхнюю границу — вторая половина VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 129).

Сердцевидная бронзовая подвеска (рис. 2, 4) представляет собой изделие размерами 5.5×6.7 см (часть с местом крепления утеряна в древности) из тонкого (до 0.05 см) листа бронзы с рельефной окантовкой по краю в виде двух параллельных валиков, заканчивающихся в центре ромбовидными окончаниями. В верхней части, которая в значительной степени утеряна, сохранилось два небольших отверстия для подвешивания.

Лепной сосуд (рис. 2, 1) сохранился только наполовину в своей средней и нижней части. Он представлял собой округлобокий горшок (?) с небольшим выделенным поддоном и закраиной. Снаружи сосуд темно-коричневого цвета, грубо заглажен, изнутри темно-серый. В тесте присутствует примесь крупного шамота. В стенке имеются три сквозных отверстия диаметром 5 мм. Диаметр дна — 11 см, высота сохранившейся части — 16, наибольший диаметр тулова — 27, толщина стенок — 0.7. На дне сосуда — маловыразительные отпечатки растений.

Для состава “антских кладов” рассматриваемого времени характерны браслеты и гривны с расширяющимися окончаниями, но не раскованными плоскими, а утолщенными на окончаниях (Седов, 1982. Табл. V, 11; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 16–18а; Кашкин, Родинкова, 2010. Рис. 3–5). Вместе с тем характер орнамента на окончаниях браслетов Острогжского клада, браслетов и гривен из днепровских кладов имеет большую степень сходства.

Стеклянные бусины (рис. 2, 10) обнаружены в количестве девять экз., восемь из которых имеют полную форму, один фрагментирован. Бусины округлые шаровидные, округлые цилиндрические, граненые со сглаженными гранями, полиэдрические (слегка конические со скошенными углами) диаметром от 5.5 до 7, высотой от 5.5 до 7.5 мм, с цилиндрическим или коническим каналом, синего, сине-зеленого, сине-фиолетового цветов.

Представленный набор бусин по морфо-технологическим признакам и цветовой характеристике А.В. Мاستыкова датировала в рамках конца II — середины—конца IV в. Более всего подобное сочетание, по ее мнению, характерно для III — начала IV в. Бусины полиэдрической (слегка конические) формы со скошенными углами примерно со второй половины—конца IV в. (в зависимости от региона) становятся крупнее, хотя экземпляры небольшого размера изредка встречаются и в V в. (Мастыкова, 2009; Мاستыкова, Плохов, 2010). Хронологическое несоответствие времени выпадения клада (см. ниже) и периода распространения бусин из него скорее всего объясняется “запаздыванием” времени их функционирования, так как период широкого распространения таких предметов уже прошел.

При общей характеристике изделий из клада становится ясным, что большинство, если не все бронзовые предметы, входящие в его состав, — это лом, подготовленный для переплавки. Об этом свидетельствуют такие факты, как сломанные держатели пружины у фибулы 1, сломанный держатель иглы у фибулы 2, в результате чего они не могли быть использованы по прямому назначению. Ломом являются и два фрагмента разных фибул. Умбоновидные подвески, кроме одной, имевшей проволоочное, по-видимому, вторичное крепление, а также сердцевидная подвеска имеют сломанные пластины для их подвешивания. В составе клада находился также один из фрагментов подвески со штифтовым креплением, который не являлся частью входивших в клад изделий, а принадлежал подвеске, не попавшей в состав клада. Ни один из фрагментов браслета не соединяется друг с другом, и все они — лишь часть сломанных в древности украшений.

Исследователи отмечают, что клад содержит наборы как мужских, так женских украшений: браслеты, в частности, носили как мужчины, так и женщины. Острогжский клад, по-видимому, содержит вещи женского убора. В настоящее время известно 24 клада, в состав которых входили наборы женских украшений, поясные украшения и другие предметы (Щеглова, 1999. С. 13).

Вопрос о том, какое явление отражают “древности круга Мартыновского клада”, имеет две точки зрения. О.А. Гавритухин, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова склонны видеть в этом явлении свидетельство формирования в Поднепровье в “постантское” время полиэтнического объединения носителей колочинской и пеньковской раннеславянских культур. Клады в итоге отражают статус элиты общества на фоне иных

группировок, который выражался при помощи новой модели костюма (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 145; Родинкова, 2010б. С. 264). О.А. Щеглова считает, что клады “древностей антов” были не сокровищами знати или вотивными комплексами, а результатом накопления праздничных украшений, которые хранились в каждой обычной семье и служили для ритуальных целей. Зона их распространения — это зона реализации продукции ювелирных мастерских, диктовавших престижную моду (Щеглова, 1999. С. 14). Сравнительно недавно В.Е. Родинкова высказала мнение, что “неразрешимого противоречия между представленными позициями нет”. Появление комплексов типа “Мартыновского клада” могло быть результатом деятельности нескольких ювелирных мастерских, поддержка которых осуществлялась со стороны власти, для которой нужно было визуальное выражение своего существования и формировавшей заказ на создание нового убора (Родинкова, 2010а. С. 388; 2011. С. 260, 261; 2014. С. 92).

О времени Острогжского клада и его культурной принадлежности. Вопрос о времени выпадения клада решается общей тенденцией, выявленной для подобных находок. Время выпадения Мартыновского и подобных ему кладов в Поднепровье определяется в рамках середины—третьей четверти VII в. (Родинкова, 2010б. С. 264). Формирование комплекса относится, по мнению О.И. Гавритухина и А.М. Обломского, к концу VI — рубежу VI—VII в. (1996. С. 146). Это, по их мнению, четвертый культурно-хронологический пласт раннеславянских древностей Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного левобережья. Он представлен наибольшим количеством предметов, и в первую очередь это фибулы днепровской подгруппы с пятью пальцами или с каймой из птичьих голов вокруг верхнего щитка. В Поднепровье эти украшения были распространены, по-видимому, в VII в., и они зафиксированы в комплексах второй и третьей четвертей этого столетия (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 126). Верхняя же граница их бытования в Поднепровье вряд ли выходит за пределы второй половины VII в.

Выпадение кладов, почти единовременных, относится к финалу колочинской и пеньковской культур. Резкое изменение этнокультурной обстановки в результате военных действий приводит к одному из результатов — изменению стиля украшений и убора в целом. Это время совпадает с выпадением кладов — последняя треть—конец VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146). По-видимому, к этому времени и относится Острогжский

клад, скорее всего он принадлежал представителям пеньковской культуры.

Вопрос о том, что произошло в Поднепровье и на его левобережье в период выпадения кладов, носит дискуссионный характер. Высказывались суждения о военном натиске хазар во время хазаро-болгарских войн (Г.Ф. Корзухина, М.И. Артамонов). Это мнение было поддержано Е.А. Горюновым (1981. С. 86, 87). О.И. Гавритухин и А.М. Обломский связали выпадение кладов и финал колочинской и пеньковской культур с проникновением славянского населения, основной состав которого соответствует типу Луки Райковецкой. При этом население, принесшее новые традиции, по мнению авторов, не могло проникнуть на Днепровское левобережье ранее конца VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 147).

Авторы признательны А.В. Мастыковой за проведенный анализ бусин из характеризуемого клада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Д.В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2001. 22 с.
- Амброз А.К. К происхождению днепровских антропоморфных фибул // РА. 1993. № 2. С. 179—184.
- Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI в.). Воронеж: ВГУ, 1995. 168 с.
- Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. Воронеж: Кварта, 2014. 396 с.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3). 303 с.
- Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.: Наука, 1981. 135 с.
- Кашкин А.В., Родинкова В.Е. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сб. Вып. 5 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2010. С. 80—104.
- Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009 (МИАР; № 11). С. 438—452.
- Мастыкова А.В., Плохов А.В. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Е.Н. Носова / Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337—357.
- Медведев А.П. Верхнее Подонье в 1-й половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного

- развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 4–18.
- Медведев А.П. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье // Исторические записки. Вып. 8. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 195–207.
- Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1999. С. 127–133.
- Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины: Археологический сб. Вып. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 172–229.
- Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Вып. 14 / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 48–73.
- Родинкова В.Е. Костюмный комплекс населения Поднепровья в раннесредневековое время: особенности формирования, характер, историческое значение // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1 / Ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань; Омск, 2010а. С. 386–390.
- Родинкова В.Е. Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы / Ред.: И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010б (Раннеславянский мир; Вып. 13). С. 261–276.
- Родинкова В.Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: матер. Школы молодых археологов / Ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2011. С. 239–265.
- Родинкова В.Е. Раннеславянский женский убор римского и раннесредневекового времени (проблемы изучения источников) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 88–99.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Наука, 1948. 803 с.
- Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. XVII. С. 23–104.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982 (Археология СССР). 328 с.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
- Спицын А.А. Древности антов // Сб. статей в честь акад. И. Соболевского. Л.: Изд-во АН СССР, 1928 (Сб. Отделения русского языка и словесности АН СССР; Т. 101, № 3). С. 492–495.
- Хреков А.А. Древности Прихоперья. Балашов: Николаев, 2004. 200 с.
- Щеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 1. Курск, 1990. С. 162–204.
- Щеглова О.А. Женский убор из кладов “древностей антов”: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312.
- Werner J. Slawische Bugelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinicke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150–170.

THE OSTROGOZHSK HOARD (the last third – the end of the 7th century AD)

Valeriy D. Berezutskiy*, Pavel M. Zolotarev**, Evgeniy A. Kutsev***

* Voronezh State Pedagogical University
(berezutski1@rambler.ru)

** The Main Directorate of the Ministry of the Interior for Moscow
(zolotarev_pavel@mail.ru)

*** The Rossosh Museum of Local Lore

The paper is a publication of a unique hoard discovered near the town of Ostrogozhsk in the Ostrogozhsk district of the Voronezh oblast on the right bank of the Middle Don. Judging from its contents, the hoard seems likely to belong to the final phase of the Pen'kovo archaeological culture of the early Slavs, i.e. the last third—the end of the 7th century AD.

Keywords: Middle Don, early Slavs, hoard, fibulae, umbo-shaped pendants, armrings, Pen'kovo culture.

REFERENCES

- Akimov D.V., 2001. Lesostepnoe Podon'e na rubezhe drevnosti i srednevekov'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The Steppe-forest Don Area at The turn of the Middle Ages: Abstract of PhD Thesis in History]. Voronezh: Voronezh. gos. univ. 22 p.
- Ambroz A.K., 1993. K proiskhozhdeniyu dneprovskikh antropo-zoomorfnykh fibul [On the origin of the Dnieper anthropo-zoomorphous fibulae]. *RA [RA]*, 2, pp. 179–184.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo Hoard and its Cultural-historical Context]. Moscow: IA RAN. 303 p. (Ranneslavyanskiy mir, 3).
- Goryunov E.A., 1981. Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo levoberezh'ya [Early Stages of the History of the Slavs of the Left-bank Dnieper Area]. Leningrad: Nauka. 135 p.
- Kashkin A.V., Rodinkova V.E., 2010. Pamyatniki Sudzhan-skogo regiona epokhi Velikogo pereseleniya narodov [The monuments of the Sudzha region of the migration period]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 5. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. ped. univ., pp. 80–104.
- Khrekov A.A., 2004. Drevnosti Prikhoper'ya [The Antiquities of the Khoper River Valley]. Balashov: Nikolaev. 200 p.
- Mastykova A.V., 2009. Rannesrednevekovye busy mogil'nika Brut 2 [Early medieval beads of the Brut 2 cemetery]. Gabuev T.A., Malashev V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alan Sites of the central areas of the North Caucasus]*. Moscow: Taus, pp. 438–452. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 11).
- Mastykova A.V., Plokhov A.V., 2010. Datirovka i proiskhozhdenie steklyannykh bus iz mogil'nika u oz. S'ezzhee [The dating and origin of glass beads from the cemetery near the S'ezzhee Lake]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova [The Dialogue of Cultures and Nations of medieval Europe: To the 60th Anniversary of E.N. Nosov]*. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 337–357.
- Medvedev A.P., 1998. Verkhnee Podon'e v 1-y polovine I tys. n.e. (osnovnye etapy i tendentsii etnokul'turnogo razvitiya) [The Upper Don area in the first half of the 1st millennium AD (the main phases and tendencies of ethnocultural evolution)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tysyacheletiya n.e. [Archaeological Sites of the Upper Don Area of the First Half of the 1st Millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezh. gos. univ. S. 4–18. (Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi, 12).
- Medvedev A.P., 2002. O nachal'nom etape etnicheskoy istorii slavyan v Podon'e [On the initial phase of the ethnic history of the Slavs in the Don area]. *Istoricheskie zapiski [Historical Transactions]*, 8. Voronezh: Voronezh. gos. univ., pp. 195–207.
- Oblomskiy A.M., 1999. O ritmakh razvitiya lesostepnogo Podneprov'ya i Podon'ya v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya [On the rhythms of evolution of the steppe-forest areas of the Dnieper and Don Rivers in the late Roman and early Hun time]. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopredel'nykh territoriy [The Archaeology of Central Chernozem Region and Adjacent Territories]*. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. ped. institut, pp. 127–133.
- Oblomskiy A.M., 2012. Rannesrednevekovye pamyatniki Verkhnego Podon'ya. Predvaritel'nye itogi issledovaniya [Early medieval sites of the Upper Don area. Preliminary Results of Investigation]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny: Arkheologicheskoy sbornik [Tambov Antiquities. The Archaeology of the Oka and Don Plain: A Collection of Archaeological Papers]*, 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Izd. dom Tambov. gos. univ. im. G.R. Derzhavina, pp. 172–229.
- Prikhodnyuk O.M., 2000. Fibuly Pastyrskogo gorodishcha [Fibulae of the Pastyrskoe settlement]. *Evraziyskaya step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ya [The Eurasian Steppes in the Early Medieval Epoch]*, 14. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezh. gos. univ., pp. 48–73.
- Rodinkova V.E., 2010a. Kostyumnyy kompleks naseleniya Podneprov'ya v rannesrednevekovoe vremya: osobennosti formirovaniya, kharakter, istoricheskoe znachenie [The dress complex of the Dnieper area population in the early medieval time: Characteristic traits of its formation and character and its historical significance]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [The Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]*, 1. M.L. Berezhnova, ed. Kazan'; Omsk, pp. 386–390.
- Rodinkova V.E., 2010b. Pal'chatye fibuly iz Yuzhnogo Pobuzh'ya [Digital fibulae from the the southern Bug area]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i materialy [The Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium AD. Issues and Materials]*. I.V. Islanova, V.E. Rodinkova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 261–276. (Ranneslavyanskiy mir, 13).
- Rodinkova V.E., 2011. Zhenskiy kostyum dneprovskikh plemen v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: sovremennoe sostoyanie issledovaniy [Women's dress of Dnieper tribes in the migration period: The current state of affairs]. *Novye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii: materialy Shkoly molodykh arkheologov [Recent Studies on the Archaeology of CIS Countries and Baltic: Proceedings of the School of Young Archaeologists]*. V.E. Rodinkova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 239–265.
- Rodinkova V.E., 2014. Ranneslavyanskiy zhenskiy ubor rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni (problemy izucheniya istochnikov) [Early Slavic female attire of the Roman and early medieval time (the issues of the study of sources)]. *KSIA [BSIA]*, 233, pp. 88–99.
- Rybakov B.A., 1948. Remeslo Drevney Rusi [Craftsmanship of Old Rus]. Moscow: Nauka. 803 p.

- Rybakov B.A., 1953. Drevnie rusy [The Old Rus]. *SA [SA]*, XVII, pp. 23–104.
- Sedov V.V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [East Slavs in the 6th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR).
- Sedov V.V., 2002. Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [The Slavs. A Historical-archaeological Study]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 624 p.
- Shcheglova O.A., 1990. O dvukh gruppakh “drevnostey antov” v Srednem Podneprov'e [Two groups of the ‘Ants’ antiquities’ in the Middle Dnieper area]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya [Materials and Studies on the Archaeology of the Left-bank Dnieper Area]*, 1. Kursk, pp. 162–204.
- Shcheglova O.A., 1999. Zhenskiy ubor iz kladov “drevnostey antov”: got'skoe vliyanie ili got'skoe nasledie? [Women's attire from hoards of the ‘Ants’ antiquities’: Gothic influence or Gothic heritage?]. *Stratum plus*, 5, pp. 287–312.
- Spitsyn A.A., 1928. Drevnosti antov [The Ants' antiquities']. *Sbornik statey v chest' akademika I. Sobolevskogo [Collection of Papers in Honour of Academician I. Sobolevskiy]*. Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 492–495. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR, vol. 101, no. 3).
- Vinnikov A.Z., 1995. Slavyane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII – nachalo XI v.) [The Slavs of the forest-steppe Don in the early Middle Ages (the 8th – early 11th century)]. Voronezh: Voronezh. gos. univ. 168 p.
- Vinnikov A.Z., 2014. Yugo-vostochnaya okraina slavyanskogo mira v VIII – nach. XIII v. [South-eastern border of the Slav world in the 8th–early 13th century]. Voronezh: Kvarta. 396 p.
- Werner J., 1950. Slawische Bugelfibeln des 7. Jarhunderts. *Reinicke Festschrift*. Mainz, pp. 150–170.

МОНЕТЫ ИМПЕРАТОРА ФЕОФИЛА (829–842 гг.) НА ТЕРРИТОРИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2017 г. А.О. Шевцов

Государственный Исторический музей, Москва (ao.shevtsov@gmail.com)

Статья посвящена фоллисам — византийским медным монетам императора Феофила, преобладавшим в обращении в империи во второй трети IX в., которые были найдены на территории Гнёздовского археологического комплекса. Анализ хронологического распределения позволил сделать вывод о ранней “волне” поступления фоллисов на памятник, возможно, связанной с дипломатическими или военными контактами Руси и Византии в IX в. Полученные в ходе исследования данные могут внести определенные коррективы в устоявшиеся представления не только о датировке “раннего Гнёздова”, но и о роли, которую играло Гнёздовское поселение на начальных этапах формирования Древнерусского государства.

Ключевые слова: византийская нумизматика, средневековая Русь, Гнёздово, находки монет, фоллисы Феофила.

Среди прочих византийских импортов в Гнёздове собрана представительная нумизматическая коллекция, на сегодняшний день насчитывающая 50 монет. Большинство — фоллисы — медная разменная монета, предназначенная исключительно для обращения внутри империи (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 40, 41). В связи с этим их находки следует интерпретировать в качестве маркеров прямых контактов (не обязательно торговых), существовавших между раннегородским центром и Византией. Особый сюжет в раскрытии этой темы — относительно большая доля ранних монет, выпущенных при Феофиле (829–842 гг.). На территории гнёздовского поселения и могильника найдены 1 солид (золотая монета) и 10 фоллисов чекана этого императора¹ (Приложение).

Если обратиться к поштемпельному анализу интересующих нас монет, то среди них выделяется обрубленная четвертинка очень редкого дореформенного фоллиса Феофила (DOC Class 1²), чеканенного в 829–830/1 гг. (рисунок, 7). Остальные фоллисы относятся к новому типу (DOC Class 3) введенному Феофилом в промежутке между 830–

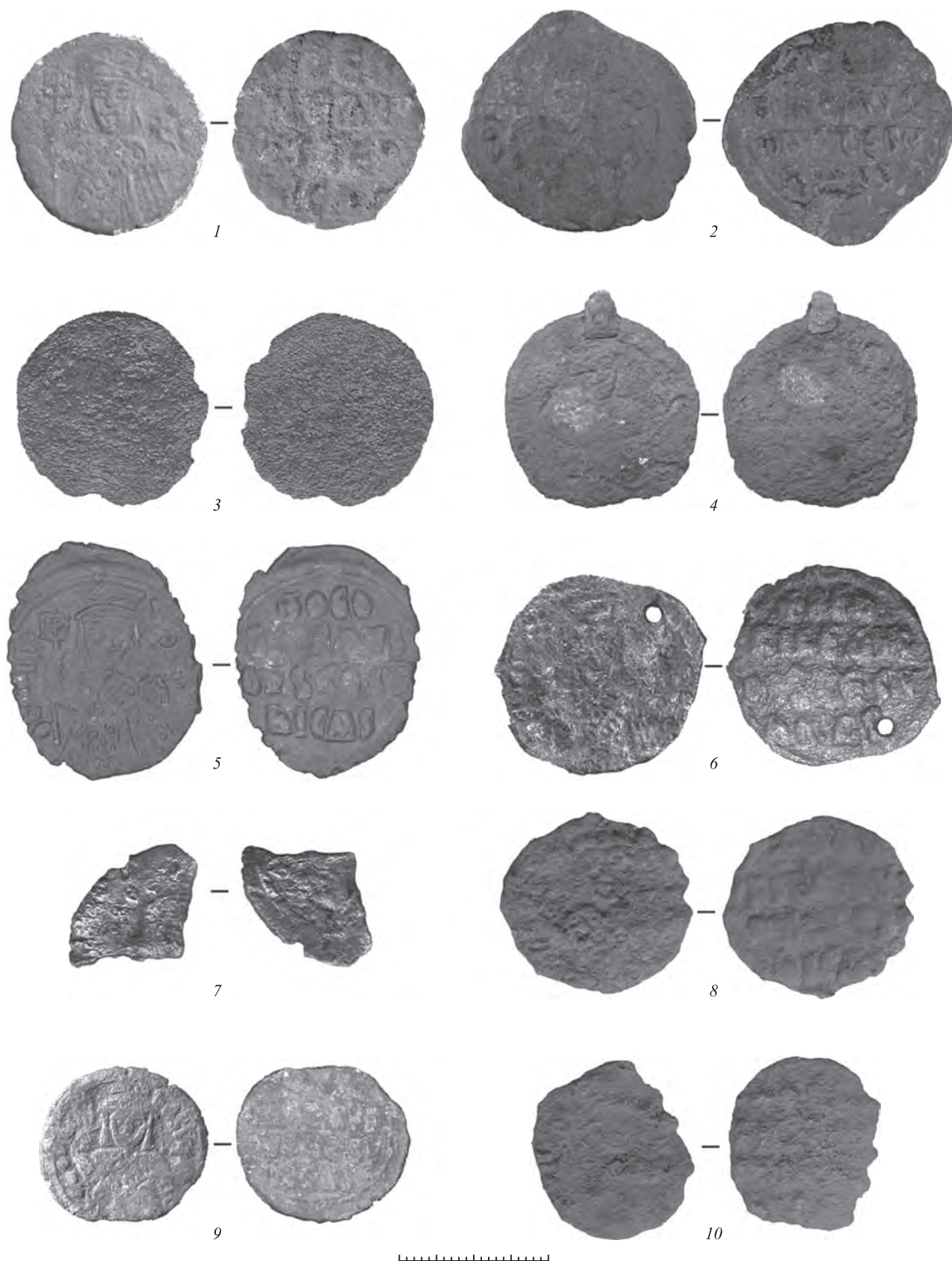
835 гг. (по мнению разных исследователей)³. Этот монетный тип с четырехстрочной легендой на реверсе, заменившей традиционную букву “М” (номинал в 40 нуммиев), стал определяющим для иконографии фоллисов всего средневизантийского периода. Судя по всему, масштабная денежная реформа сопровождалась открытием в провинциях временных монетных дворов, где массово переплавлялись старые монеты. На это, согласно Ф. Грирсону, указывает разнообразие в иконографии и шрифтах внутри одного типа (Grierson, 1993. P. 409, 414). Искусственное изъятие из обращения монет предыдущих периодов отчасти объясняет их редкость в сравнении с пореформенными монетами, которые еще могли ходить в течение продолжительного времени, смешиваться с более поздними выпусками, дольше оседать и тезаврироваться.

Фоллисы преемника Феофила Михаила III Пьяницы первых 24 лет правления достоверно не найдены. Следовательно, с его воцарения в 842 г. вплоть до назначения августом Василия в 866 г. основную массу монет в обращении составляли пореформенные фоллисы Феофила, чеканенные в 830/5–842 гг. Многие фоллисы первых 12 лет

¹ Также с территории памятника происходит уникальное литое подражание солиду Михаила II и Феофила. Оригинальный солид чеканился в 821–829 гг. и его находки неизвестны на территории Древней Руси (Шевцов, 2015. С. 43).

² Здесь и далее определения и датировки монет даны по классификации Ф. Грирсона (Grierson, 1993) в каталоге византийских монет от Льва III до Никифора III (717–1081 гг.) из коллекций Думбартон Оакс и Витмора (сокращенно DOC).

³ Новый тип фоллисов сменил более редкий тип (DOC Class 2), который носил изображение Феофила и его наследника Константина, трагически погибшего в младенческом возрасте. Следовательно, смерть Константина является *terminus post quem* для монет пореформенного чекана. По мнению У. Тредголда, их чеканка началась после 835 г. (Treadgold, 1988. P. 288, 438. № 394).

Фоллисы Феофила из Гнёздовского археологического комплекса. Фото С.Ю. Каинова (ГИМ), А.С. Пахунова (ИА РАН).

правления Василия I (DOC Class 1–4; 868–879 гг.) чеканились поверх сильно истертых монет Феофила, поэтому логично полагать, что массовое изъятие монет Феофила из обращения внутри Империи происходило именно в это время. Сменивший переходные типы новый выпуск фоллисов Василия I (DOC Class 5; 879–886 гг.) и последующие выпуски фоллисов Льва VI (886–912 гг.) чеканились в хорошем качестве и большом количестве (Grierson, 1993. Р. 456, 482, 483, 510), следовательно, они составляли большинство монет в обороте последней четверти IX в. Таким образом, время преобладания медных монет Феофила в денежном обращении Византийской империи ограничивается периодом до 870-х годов, когда этот устаревший выпуск изымался из обращения для перечековки, хотя редкие экземпляры могли еще долго находиться в обороте.

Фоллисы, происходящие с территории Гнёздовского археологического комплекса

Период обращения	Количество
Ираклий и Константин (632–640 гг.)	1
Феофил (829–842 гг.; в обращении до 870-х годов)	10
Василий I, Константин и Лев (870–879 гг.)	1
Лев VI (886–912 гг.)	4
Константин VII (914–931 гг.)	—
Роман I (931–944 гг.)	12
Константин VII и Роман II (945–959 гг.)	1
Никифор II Фока (963–969 гг.)	—
Анонимный A1 (970–976 гг.)	—
Анонимный A2 (976–1030/35 гг.)	1
Неопределенные	5
Итого	35

В коллекции византийских монет Гнёздова присутствует всего один фоллис чеканки Василия I, Константина и Льва (DOC Class 3a; 870–879 гг.). Предположительно, он попал на памятник уже со второй, более поздней “волной” монет X в. (таблица). Об отдельной ранней волне поступления монет в Гнёздово говорит находка 10 фоллисов Феофила (29% от всей коллекции), что в 2 раза больше количества медных монет чеканки 870–912 гг. Это противоречит нормальному распределению византийских монет внутри империи: согласно статистическим выкладкам С. Моррисон по раскопкам городов Византии, объем монет X в. в циркуляции в разы превышал аналогичные показатели IX. Монетная масса резко возрастает начиная с правления Льва VI (886–912 гг.) (Morrisson, 2002. Fig. 6, 1–6, 15). Для сопредельного Первого Болгарско-

го царства наблюдается та же закономерность. Так, среди всех монет VIII–X вв., происходящих с территории Добруджи, 30% выборки приходится на выпуски только Льва VI (Oberländer-Târnoveanu, 2003. Р. 351). К концу IX в. доля интересующих нас выпусков Феофила в общем монетном обращении империи была, несомненно, мала, что минимизирует вероятность попадания сколько-нибудь значимого числа таких монет в Гнёздово в X в. вместе с более поздними (и более массовыми) выпусками. К тому же два фоллиса из описываемой коллекции имеют на удивление хорошую сохранность (рисунок, 1, 5), что исключает их длительное хождение в качестве денег. Таким образом, найденные монеты Феофила могли быть изъяты из обращения в Византии не позднее второй трети IX в. Следовательно, можно говорить о двух отдельных волнах поступления византийских фоллисов на поселение.

Следует заметить, что нами исключается возможность использования монет Феофила для датировки комплексов Гнёздова: они могли тезаврироваться уже в X в. параллельно с монетами позднейших выпусков. Так, например, одна сильно истертая монета Феофила (рисунок, 3) происходит из кургана Ц-175, датированного по шишечке скорлупообразной фибулы (тип ЯП52) и круговым сосудам второй половины X в. Еще один фоллис Феофила (рисунок, 10) происходит из слоя финального горизонта “производственного” участка пойменной части селища, условно датированного концом X – началом XI в.

Подчеркивает наличие в Гнёздове ранней волны монет и тот факт, что в таком синхронном памятнике, как Киев, не найдено ни одной монеты Феофила, хотя коллекция византийских монет Киева насчитывает более 110 экз. Находки монет чеканки этого императора вообще редки на территории Древней Руси. Помимо Гнёздова, фоллисы Феофила в значительном количестве найдены лишь на Рюриковом городище: из семи найденных византийских монет⁴ пять относятся к данному чекану. Четыре фоллиса Феофила происходят из раскопок и сборов Е.Н. Носова на Городище (1981–2013 гг.), пятый был найден в 1951 г. на поле возле Городища (предположительно, при распахке)⁵. Причем как минимум один фоллис происходит из слоя с исключительно лепной керамикой и датируется вто-

⁴ Помимо фоллисов Феофила с Рюрикова городища происходит херсоно-византийская монета Василия I и превращенный в подвеску милиарисий того же императора, происходящий из слоя X в., содержащего гончарную и лепную керамику (Мусин, 2010. С. 42).

⁵ Хранится в фондах НГМЗ. Благодарю за сведения В.В. Гурулеву.

рой половиной IX в. (Носов и др., 2013. С. 47, 48). Две случайные находки фоллисов Феофила были сделаны в недавнее время⁶ близ Хутынского монастыря и в с. Подгощи Новгородской обл. (явно тяготеющих к отрезку пути “из варяг в греки”, на котором доминировало Рюриково городище). Солид Феофила, сходный по типу с солидом из Гнёздова, был обнаружен на селище Пужбол возле Ростова Великого (Леонтьев, 2008. С. 75). Таким образом, мы имеем компактный хронологический массив монет, представленный значимым числом на территории Древней Руси лишь на двух памятниках, единичными находками на территории Севера Руси и незафиксированный на Юге.

С территории Швеции нам известны семь монет Феофила, пять из которых найдены в Бирке. Милярисий-подвеска происходит из женского камерного погр. 632 курганного могильника Бирки, по два фоллиса — из раскопок 1997–2000 гг. гарнизона и, возможно, с территории поселения “Черная земля” (Hammarberg et al., 1989. Р. 14, 26, 62; Jonsson, 2001. Р. 30). В Стирнасе (Северная Швеция), в составе богатого женского погребения, обнаружены еще два фоллиса Феофила, переделанные в подвески (Hammarberg et al., 1989. Р. 84). Наконец, находка одного дореформенного фоллиса Феофила известна с территории Болгарского городища (Кропоткин, 1962. С. 31. № 144).

Фоллисы использовались при мелких торговых операциях во внутреннем обращении империи, поэтому вне ее пределов они не могут быть интерпретированы как денежные средства. Как правило, их распространение связано с миграцией простого населения — торговцев, наемников, путешественников и паломников. Однако монеты обычно теряли свою номинальную стоимость и могли сохраняться в качестве источника сырья (Oberländer-Târnoveanu, 2009. Р. 571) или памятных жетонов о посещении Царьграда, или разменной монеты для будущих трат по возвращении в столицу империи (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 41).

Если вторая волна византийских монет Гнёздова, скорее всего, связана с миграцией торговцев и наемников, ставшей регулярной в 930–940-е годы (что отразилось в обильном выпадении на памятнике фоллисов Романа I), то монеты первой волны в условиях, когда сквозной путь по Днепру был перекрыт кочевниками на юге и полноценное сообщение по нему было невозможно, вероятно, были принесены единовременно участниками какой-то торговой/дипломатической миссии или во-

енной акции. В этом случае на ум приходит единственное известное из письменных источников посольство русов, посетившее Константинополь, а затем направленное императором Феофилом ко двору императора Людовика Благочестивого в Ингельхайм в 839 г. (Назаренко, 2012. С. 14). Уже предпринимались попытки трактовать золотую монету Феофила, происходящую из кург. Л-47, как прямое свидетельство принадлежности ее владельца к этому посольству (Ширинский, 1997. С. 98–199). Однако указанный погребальный комплекс сложился не ранее второй четверти X в., так как погребальная урна из него относится к раннекруговой керамике, появившейся в Гнёздове не ранее 20–30-х годов X в. (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 45). При этом удивительно хорошая сохранность солида свидетельствует о том, что он никогда не был в обращении. Не исключено, что монета действительно когда-то принадлежала участнику посольства и как статусный предмет бережно хранилась и передавалась по наследству, в результате чего была погребена только спустя столетие. Случаи длительного сохранения солидов как дипломатических даров известны на примерах гробниц членов императорских семей Китая VI–VII вв., когда даты выпуска найденных солидов отстоят от известных дат погребений на 100 и более лет (Комар, 2011. С. 561).

Фоллисы не могли быть дипломатическими дарами, однако могли использоваться как средства обеспечения насущных нужд участников посольства, связанных, к примеру, с покупкой пропитания, пока они пребывали в столице империи. Номинальная стоимость медной монеты была достаточно высокой: на фоллис в Константинополе в нормальное время можно было приобрести фунт хлеба и 10 скумбрий или 2 кг рыбы (Morrison, Cheynet, 2002. Р. 872). Потертость гнёздовских фоллисов указывает на то, что прежде они участвовали в денежном обороте. Если подобные дипломатические миссии организовывались неоднократно, участники посольства могли сберегать разменную монету для будущих визитов в Константинополь.

Фоллисы первой волны также можно расценивать как свидетельство участия русов в военной акции против Византии. Причем время ее наиболее вероятного проведения — промежуток между 830 и 870 гг., когда монеты Феофила составляли основу внутреннего обращения Византийской империи. Сведения о походе, предпринятом в 860 г., дошли до нас в таких источниках, как “Венецианская хроника” Иоанна Диякона, гомилии патриарха Фотия “На нашествие руси”, хроника продолжателя Арматолы (Назаренко, 2012. С. 18, 19), а также были воспроизведены в “Повести временных лет” (1950.

⁶ Монеты сданы находчиками в НГМЗ. Благодарю за сведения В.А. Волхонского, В.В. Гурулеву.

С. 19). Фоллисы могли попасть в руки участников похода в результате продолжительных грабежей предместий Константинополя (что зафиксировано в источниках); хотя сложно предположить, для чего в дальнейшем эти монеты могли понадобиться налетчикам, — разве что в качестве напоминания о славном походе. В пользу такой трактовки свидетельствует то, что часть монет была обращена в подвески (рисунок, 4, б).

Помимо трудностей с интерпретацией происхождения монет первой волны, остается необъясненным, каким образом они вообще оказались в Гнёздове. Если исходить из датировки возникновения памятника рубежом IX–X в. (Пушкина и др., 2012. С. 270, 271), то на момент наиболее вероятного изъятия монет Феофила из денежного оборота Византии (вторая треть IX в.) Гнёздовского поселения еще не существовало. Следовательно, прежде чем попасть на место своей тезаврации они должны были вначале осесть в промежуточном месте вне границ империи, где сохранились бы, не подчиняясь естественным процессам смены старых выпусков новыми. Потенциальным претендентом на роль такого места на территории Северной Европы может быть поселение Бирка, в материалах раскопок которой присутствуют четыре монеты данного чекана; в границах Древней Руси — скорее всего, Рюриково городище, на котором фоллисы найдены в достаточном количестве, причем один из них достоверно происходит из слоя, датированного второй половиной IX в. Однако эти построения входят в противоречие с тезисом об отсутствии хождения медных монет на Руси, что должно было бы означать, что в Гнёздово монеты Феофила были доставлены непосредственно бывшими участниками военной или дипломатической миссии в Византию — переселенцами из Бирки или Рюрикова городища.

Иное решение этой проблемы может заключаться в удревнении традиционной датировки “раннего Гнёздова”. В статье С.Ю. Каинова были проанализированы разные категории гнёздовских находок, датировки которых не выходят за пределы IX в., в связи с чем вопрос о пока археологически не фиксированных более ранних этапах существования Гнёздовского поселения был поставлен заново (2014. С. 44). В таком случае монеты Феофила могли попасть в Гнёздово напрямую из Византии. Следовательно, несмотря на то что единичные находки ранних монет не могут служить надежными хронологическими индикаторами для слоев, в которых залегают (по керамическому материалу они датируются преимущественно второй половиной X в.), само присутствие монет Феофила дает воз-

можный *terminus ante quem* возникновения поселения.

В любом случае находки монет Феофила в Гнёздове свидетельствуют в пользу того, что его население имело прямое или опосредованное отношение к контактам второй трети IX в. с Византийской империей. Если учесть, что выявленная ранняя волна поступления монет никак не отражена в массе находок фоллисов на Юге Руси, а на Севере представлена еще на одном памятнике с выраженной скандинавской компонентой, не столь наивно выглядит попытка использовать эти предположения в качестве еще одного аргумента для северной локализации исходной территории русов, в историографии принявшей противоречивое название “русского каганата” (Цукерман, 2007. С. 347–349). Однако следует признать, что подобные выводы должны быть аргументированы не только нумизматическим материалом. Для этого требуется привлечение всего совокупного материала раннего Гнёздова, всесторонний анализ связей поселения с Рюриковым городищем. Бесспорно, наличие обособленной ранней группы византийских монет второй четверти IX в., представленной значительным количеством лишь в двух раннегородских центрах, связанных со скандинавским присутствием на Руси, не может не вызывать интереса исследователей раннего периода истории Древней Руси.

За предоставленную возможность работать с нумизматической коллекцией, собранной в Гнёздове, хочу выразить благодарность Т.А. Пушкиной и Н.В. Ениосовой (МГУ), В.В. Мурашевой (ГИМ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Пушкина Т.А. Отчет Смоленской экспедиции МГУ, сезон 1973 г. // Архив ИА АН СССР. 1974. Ф. 1. Р. 1. № 5132.
- Белоцерковская И.В., Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. Раскопки в Гнёздове // АО–1973. 1974. С. 42.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Матер. V Судакской междунар. науч. конф. “Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре” (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: ТОВ “Горобец”, 2012 (Сугдейский сб.; Вып. V). С. 34–85.
- Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово: к истории древнерусского города / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: МГУ, 1991. С. 200–225.
- Каинов С.Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 34–46.

- Комар А.В. Куда “запаздывают” монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Петербургский Апокриф. Послание от Марка. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011 (STRATUM Библиотека). С. 555, 566.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: АН СССР, 1962 (САИ; Вып. Е4-4). 93 с.
- Леонтьев А.Е. Пужбол, Шурскот и Согило: археологические данные к истории поселений ростовской округи // Сельская Русь в IX–XVI вв.: сб. ст. / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина М.: Наука, 2008. С. 74–81.
- Молчанов А.А., Пушкина Т.А. Новые находки византийских монет на гнёздовском селище // XI Всерос. нумизмат. конф. (Санкт-Петербург 14–18 апреля 2003 г.): тез. докл. и сообщ. СПб.: ГЭ, 2003. С. 52.
- Мурашева В.В. Отчет о раскопках Смоленской экспедиции ГИМ 2012 г. // Архив ИА РАН. 2013.
- Мусин А.Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и “путь из варяг в греки” // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова: сб. ст. / Отв. ред. А.Е. Мусин; ред.-сост. Н.В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 12–35.
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Хвошинская Н.В. Раскопки на Городище на месте установки “Княжого камня” // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27: Матер. науч. конф., посв. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–24 января 2013 г.). Великий Новгород, 2013. С. 46–52.
- Повесть временных лет. Ч. 1, 2. / Подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б.А. Романовым) и коммент. Д.С. Лихачев; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1950. 504 с.
- Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове Смоленской экспедиции МГУ в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2005. Р. 1. № 31 427.
- Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове Смоленской экспедиции МГУ в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р. 1. № 37 653.
- Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове Смоленской экспедиции МГУ в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р. 1. № 39 289.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.
- Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Дукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: матер. междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород): ист.-археол. сб. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 343–351.
- Шевцов А.О. Подражания византийским монетам с территории Гнёздовского археологического комплекса // Восемнадцатая всерос. нумизматич. конф. (Москва–Коломна, 20–25 апреля 2015 г.): тез. докл. и сообщ. М.: Триумф-принт Москва, 2015. С. 43–45.
- Ширинский С.С. О времени кургана 47, исследованного у д. Гнёздово в 1950 г. // XIII Конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997. С. 198, 199.
- Grierson P. Catalogue of the byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore collection. V. 3. P. 1: Leo III to Nicephorus III, 717–1801. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993. 887 p.
- Jonsson K. Mynten – en fyndkategori som speglar Birkakrigarnas internationella kontakter // Birkas krigare. Borgar och befästmansverk i Mellansverige 5 / Red. M. Olausson. Stockholm: Arkeologiska forskningslaboratoriet, Stockholms universitet, 2001. P. 29–33.
- Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine coins found in Sweden. Commentationes de nummis saeculorum IX–XI. L.: Spink and Son Ltd, 1989 (In Suecia repertis; Nova series; 2). 108 p.
- Morrison C. Byzantine money: its production and circulation // The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. Angeliki E. Laiou. V. 3. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002 (Dumbarton Oaks studies; 39). P. 909–966.
- Morrison C., Cheynet J.-C. Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. Angeliki E. Laiou. V. 2. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002 (Dumbarton Oaks studies; 39). P. 815–878.
- Oberländer-Târnoveanu E. The Byzantine Empire and the territories north of the Lower Danube (9th – early 11th c.). The numismatic evidence // Byzantine Coins in Central Europe between the 5th and 10th Century: Proceedings from the conference organised by Polish Academy of arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Rzeszow under the patronage of Union Academique Internationale (Programme № 57. Moravia Magna), Krakow, 23–26 IV 2007. Krakow, 2009 (Moravia Magna; Serbia Polona; 3). P. 561–579.
- Treadgold W.T. The byzantine revival, 780–842. Stanford: Stanford University Press, 1988. 508 p.

Приложение

Фоллисы Феофила, происходящие с территории Гнёздовского археологического комплекса

№ на рисунке	Монета, тип по каталогу DOC, размер, вес, автор определения	Год и обстоятельства находки	Место хранения, источник (публикация)
1	Фоллис Феофила DOC Class 3 17d (чеканен в 830–842 гг.), 24–26 мм; 6.1 г, определение А.А. Молчанова	1973, раскопки Д.А. Авдусина восточного участка Центрального селища (ВС-4)	Фонды кафедры археологии МГУ (Белоцерковская и др., 1974. С. 42; Авдусин и др., 1974. С. 43)
2	Фоллис Феофила DOC Class 3 (чеканен в 830–842 гг.), 26–30 мм; 5.1 г, определение А.В. Фомина	1973, раскопки Д.А. Авдусина Цен- трального городища (ЦГ-VII)	Фонды кафедры археологии МГУ (Белоцерковская и др., 1974. С. 42; Авдусин и др., 1974. С. 26, 27)
3	Фоллис Феофила (?) DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 25–26 мм, 3.6 г, опре- деление А.О. Шевцова	1976, раскопки Д.А. Авдусина Центральной группы (курган Ц-175)	Фонды кафедры археологии МГУ (Равдина, 1988. С. 45. № 52; Жарнов, 1991. С. 206)
4	Фоллис Феофила (?) DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 24 мм, 5.1 г, определе- ние А.А. Молчанова	2000–2001, случайная находка на Западном селище	Фонды кафедры археологии МГУ (Молчанов, Пушкина, 2003. С. 52)
5	Фоллис Феофила DOC Class 3 17d (чеканен в 830–842 гг.), 24–30 мм, 4.7 г, определение П.Г. Гайдукова	2004, раскопки Т.А. Пушкиной Центрального городища (ЦГ-XXIV Б)	Фонды кафедры археологии МГУ (Пушкина, 2005. С. 3)
6	Фоллис Феофила DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 26–27 мм, 3.9 г, определение А.О. Шевцова	2009, раскопки Т.А. Пушкиной Цен- трального городища (ЦГ-XXVI)	Фонды кафедры археологии МГУ (Пушкина, 2010. С. 74)
7	Фоллис Феофила, DOC Class 1 (чеканен в 829– 830/1 гг.), определение А.О. Шевцова	2010, раскопки Т.А. Пушкиной Центрального городища (ЦГ-XXVI)	Фонды кафедры археологии МГУ (Пушкина, 2011. С. 54)
8	Фоллис Феофила DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 24–25 мм, 3.79 г, опре- деление А.О. Шевцова	2012, раскопки В.В. Мурашевой пой- менной части Цен- трального селища (П-8)	ГИМ (Мурашева, 2013. С. 170)
9	Полуфоллис Феофила (подделка?) DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 21–23 мм, 3.4 г, определение А.О. Шевцова	2013, раскопки Т.А. Пушкиной Цен- трального городища (ЦГ-XXVII)	Фонды кафедры археологии МГУ (Шевцов, 2015. С. 44, 45)
10	Полуфоллис Феофила DOC Class 3 (чеканен в 830– 842 гг.), 21–23 мм, 2.83 г, определение А.О. Шевцова	2015, раскопки В.В. Му- рашевой пойменной части Центрального селища (П-8)	ГИМ Публикуется впервые

EMPEROR THEOPHILUS' COINS (AD 829–842) IN THE TERRITORY OF THE GNEZDOVO ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

Alexey O. Shevtsov

The State Historical Museum, Moscow (ao.shevtsov@gmail.com)

The paper deals with folles, copper coins of the Byzantine emperor Theophilus predominating in circulation of the empire in the second third of the 9th century AD, found in the territory of the Gnezdovo archaeological complex. An analysis of their chronological distribution enabled the author to trace an early 'wave' of the coming of folles to the site probably related to either diplomatic or military contacts of Rus and Byzantium in the 9th century AD. The data acquired in the course of the study may modify traditional views not only on the date of the 'early Gnezdovo' but on the role of this site in the formation of the Old Rus state as well.

Keywords: Byzantine numismatics, medieval Rus, Gnezdovo, coin finds, Theophilus' folles.

REFERENCES

- Avdusin D.A., Astashova N.I., Pushkina T.A., 1974. Otchet Smolenskoj ekspeditsii MGU, sezon 1973 g. [Avdusin D.A., Astashova N.I., Pushkina T.A., 1974. A Report of the Smolensk Expedition of Moscow State University of 1973 Fieldwork]. *Arkhir IA AN SSSR [The Archives of the Institute of Archaeology of AS of USSR]*, F. 1, R. 1, no. 5132.
- Belotserkovskaya I.V., Pushkina T.A., Petrukhin V.Ya., 1974. Raskopki v Gnezdove [Excavations at Gnezdovo]. *AO 1973 goda [Archaeological Discoveries 1973]*. Moscow: Nauka, p. 42.
- Eniosova N.V., Pushkina T.A., 2012. Nakhodki vizantiyskogo proiskhozhdeniya iz rannegorodskogo tsentra Gnezdovo v svete kontaktov mezhdu Rus'yu i Konstantinopolem v X v. [Finds of Byzantine origin from the early urban centre of Gnezdovo in the light of contacts between Rus and Constantinople in the 10th century AD]. *Materialy V Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture"* [Proceedings of the 5th Sudak International Scholarly Conference 'The Pontic Region, the Crimea and Rus in History and Culture'] (Sugdeyskiy sbornik, V). Kiev; Sudak: Gorobets, pp. 34–85.
- Grierson P., 1993. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. 3, part 1. Leo III to Nicephorus III, 717–1801. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 887 p.
- Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T., 1989. Byzantine coins found in Sweden. Commentationes de nummis saeculorum IX–XI. London: Spink & Son Ltd. (In Suecia repertis. Nova series, 2). 108 p.
- Jonsson K., 2001. Mynten – en fyndkategori som speglar Birkakrigarnas internationella kontakter. Birkas krigare. *Borgar och befästningsverk i Mellansverige* 5. M. Olausson, ed. Stockholm: Arkeologiska forsknings laboratoriet, Stockholms universitet, pp. 29–33.
- Kainov S.Yu., 2014. Nakhodki detaley mechey rannikh tipov na territorii Gnezdova [Finds of details of swords of early types in the territory of Gnezdovo]. *Rus' v IX–XII vekakh. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries AD. Society, State and Culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev, eds., I.E. Zaytseva, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 34–46.
- Komar A.V., 2011. Kuda "zapazdyvayut" monety? (K voprosu o roli monet v datirovke rannesrednevekovykh pamyatnikov Vostochnoy Evropy VI–VIII vv.) [What are coins 'late' for? (On the role of coins in dating early medieval sites of Eastern Europe of the 6th–8th centuries.)]. *Peterburgskiy Apokrif. Poslanie ot Marka [The Petersburg Apocryph. The Epistle of Mark]*. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, pp. 555, 566 (STRATUM Biblioteka).
- Kropotkin V.V., 1962. Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Byzantine Coins in the Territory of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR (SAI, E4-4). 93 p.
- Leont'ev A.E., 2008. Puzhbol, Shurskol i Sogilo: arheologicheskie dannye k istorii poseleniy rostovskoy okrug [Puzhbol, Shurskol and Sogilo: The archaeological data on the history of settlements of the Rostov neighborhood]. *Sel'skaya Rus' v IX–XVI vv.: sbornik statey [Rural Rus in the 9th–16th centuries: A Collection of Papers]*. N.A. Makarov, S.Z. Chernov, eds., I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 74–81.
- Molchanov A.A., Pushkina T.A., 2003. Novye nakhodki vizantiyskikh monet na gnezdovskom selishche [New finds of Byzantine coins at the Gnezdovo habitation site]. *XI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [The 11th All-Russian Numismatic Conference: Abstracts of Papers and Communications]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo GE, p. 52.
- Morrison C., Cheynet J.-C., 2002. Prices and Wages in the Byzantine World. *The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century*, 2. Angeliki E. Laiou, ed. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, pp. 815–878 (Dumbarton Oaks studies, 39).
- Morrison C., 2002. Byzantine money: its production and circulation. *The Economic History of Byzantium: from*

- the Seventh through the Fifteenth Century*, 3. Angeliki E. Laiou, ed. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, pp. 909–966 (Dumbarton Oaks studies, 39).
- Murasheva V.V., 2013. Otchet o raskopkakh Smolenskoy ekspeditsii GIM 2012 g. [A Report on the Excavations of the Smolensk Expedition of the State Historical Museum in 2012]. *Arkhir IA RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*.
- Musin A.E., 2010. Nakhodki khersono-vizantiyskikh monet na territorii Drevney Rusi i “put’ iz varyag v greki” [Finds of Chersoneses-Byzantine coins in the territory of Old Rus and the ‘Route from the Varangians to the Greeks’]. *Dialog kul’tur i narodov srednevekovoy Evropy: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova: sbornik statey [The Dialogue of Cultures and Peoples of Medieval Europe: to the 60th Anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov: A Collection of Papers]*. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 35–45.
- Nazarenko A.V., 2012. Rus’ IX veka: obzor pis’mennykh istochnikov [Rus of the 9th century AD: An Overview of Written Sources]. *Rus’ v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 12–35.
- Nosov E.N., Dorofeeva T.S., Khvoshchinskaya N.V., 2013. Raskopki na Gorodishche na meste ustanovki “Knyazhogo kamnya” [Excavations at Gorodishche at the place of erection of the ‘Prince’s Stone’]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archaeology]*, 27. *Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M.Kh. Aleshkovskogo [Proceedings of the Scholarly Conference Dedicated to the 80th Anniversary of M.Kh. Aleshkovskiy]*. Velikiy Novgorod, pp. 46–52.
- Oberländer-Târnoaveanu E., 2009. The Byzantine Empire and the territories north of the Lower Danube (9th – early 11th c.). The numismatic evidence. *Byzantine Coins in Central Europe between the 5th and 10th Century: Proceedings from the conference organised by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Rzeszow under the patronage of Union Académique Internationale (Programme № 57. Moravia Magna)*. Krakow, pp. 561–579 (Moravia Magna. Seria Polona, 3).
- Povest’ vremennykh let [The Russian Primary Chronicle], part 1, 2. B.A. Romanov, D.S. Likhachev, translation from the Old Russian language; V.P. Adrianova-Peretts, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1950. 504 p.
- Pushkina T.A., 2005. Otchet o raskopkakh v Gnezdove Smolenskoy ekspeditsii MGU v 2004 g. [A Report on the Excavations of the Smolensk Expedition of Moscow State University at Gnezdovo in 2004]. *Arkhir IA RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R. 1, № 31427.
- Pushkina T.A., 2010. Otchet o raskopkakh v Gnezdove Smolenskoy ekspeditsii MGU v 2009 g. [A Report on the Excavations of the Smolensk Expedition of Moscow State University at Gnezdovo in 2009]. *Arkhir IA RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R. 1, № 37653.
- Pushkina T.A., 2011. Otchet o raskopkakh v Gnezdove Smolenskoy ekspeditsii MGU v 2010 g. [A Report on the Excavations of the Smolensk Expedition of Moscow State University at Gnezdovo in 2010]. *Arkhir IA RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R. 1, № 39289.
- Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks [The Gnezdovo archaeological complex]. *Rus’ v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: An Archaeological Panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–273.
- Ravdina T.V., 1988. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevney Rusi: katalog [Burials with Coins in the territory of Old Rus in the 10th–11th Centuries: A Catalogue]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Shevtsov A.O., 2015. Podrazhaniya vizantiyskim monetam s territorii Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa [Imitations of Byzantine coins from the territory of the Gnezdovo archaeological complex]. *Vosemnadtsataya Vserossiyskaya Numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [The Eighteenth All-Russian Numismatic Conference: Abstracts of Papers and Communications]*. Moscow: Triumf-print Moscow, pp. 43–45.
- Shirinskiy S.S., 1997. O vremeni kurgana 47, issledovannogo u d. Gnezdovo v 1950 g. [On the date of Barrow 47 excavated near the village of Gnezdovo in 1950]. *XIII Konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskikh stran i Finlyandii: tezisy dokladov [The 13th Conference on the Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland: Abstracts of Papers]*. Moscow; Petrozavodsk, pp. 198, 199.
- Treadgold W.T., 1988. The Byzantine Revival, 780–842. Stanford: Stanford University Press. 508 p.
- Tsukerman K., 2007. Perestroyka drevneyshey russkoy istorii [Perestroika of the earliest Russian history]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik [At the Roots of Russian Statecraft: To the 30th Anniversary of the Archaeological Study of the Novgorod Rurik’s Settlement and the Archaeological Expedition of the Novgorod Oblast: Proceedings of the International Scholarly Conference: A Historical-archaeological Collection of Papers]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 343–351.
- Zharnov Yu.E., 1991. Zhenskie skandinavskie pogrebeniya v Gnezdove [Scandinavian female burials at Gnezdovo]. *Smolensk i Gnezdovo: k istorii drevnerusskogo goroda [Smolensk and Gnezdovo: On the History of the Old Rus City]*. D.A. Avdusin, ed. Moscow: MGU, pp. 200–225.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII в. ИЗ СУЗДАЛЯ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЯ

© 2017 г. С.В. Шполянский

Государственный исторический музей, Москва (shpol@yandex.ru)

Одним из результатов исследований средневековых памятников Суздальского Ополя последних 15 лет стало получение обширных коллекций средневековых древностей. Так, общее количество предметов вооружения X – первой половины XII в., собранных к настоящему моменту, составляет почти 100. Они происходят с 43 памятников. Среди них выделяется небольшая группа предметов вооружения, датируемых X – начала XI в., включающая вещи североевропейских типов, в том числе ажурный наконечник ножен меча с личиной. Представленный материал позволяет говорить о тенденциях, существовавших в развитии комплекса вооружения в регионе в XI – первой половине XII в., и о заметной доле промыслово-охотничьего компонента в хозяйственной деятельности части населения Ополя.

Ключевые слова: Суздальское Ополе, вооружение, снаряжение всадника и верхового коня, средневековые поселения.

Одним из результатов планомерных исследований средневековых памятников Суздальского Ополя, последние 15 лет проводящихся экспедицией Института археологии РАН под руководством Н.А. Макарова, стало получение обширных коллекций средневековых древностей, происходящих в первую очередь с поселений (Макаров, 2008; Зайцева, 2014; Шполянский, 2014). В основном вещи получены при проведении поверхностных сборов на распашке, а так же при раскопках селищ и на территории Окольного города Суздаля.

Выделение воинского (охотничьего) и всаднического комплексов в материалах поселений X–XI вв. является важным ориентиром для интерпретации характера селищ Ополя этого времени. Сложная иерархия сельских памятников региона, наличие так называемых больших поселений с выраженным элитарным компонентом материальной культуры (Макаров, Федорина, 2014. С. 173–179), промыслово-охотничий характер хозяйства части селищ (Макаров и др., 2010) могут быть проиллюстрированы находками предметов вооружения и снаряжения верхового коня.

Сложность выделения вещей этого времени связана с отсутствием для большей части находок узкого хронологического контекста, поскольку они происходят из сборов на поверхности. Учитывая особенности средневековых поселений

Ополя, выражающихся в большой длительности их существования и сравнительно больших размерах, приходится констатировать, что датировка значительной части предметов, зачастую, возможна, только исходя из общих представлений о хронологии в рамках существующих типологий.

Таким положением вещей отчасти объясняется довольно широкий хронологический диапазон (X – первая половина XII в.), в рамках которого предлагается рассмотреть имеющиеся материалы.

К настоящему моменту количество предметов вооружения, датирующихся этим временем, составляет около 100; они происходят с 43 памятников, в том числе из Окольного города Суздаля (рис. 1). С шести памятников (Гнездилово 2, Весь 5, Тарбаево 5, Суворотское 8, Весь 1, Суздаль) собраны серии находок численностью от четырех до девяти предметов. На остальных селищах находки представлены или совсем небольшими сериями (не более трех предметов), или единичными вещами. В целом, ситуация с распределением находок лишь частично отражает реальную картину концентрации предметов вооружения, иллюстрируя в первую очередь степень интенсивности исследования разных памятников.

Практически все селища, с которых происходят заметные по численности серии находок, представляют собой крупные памятники с наличием

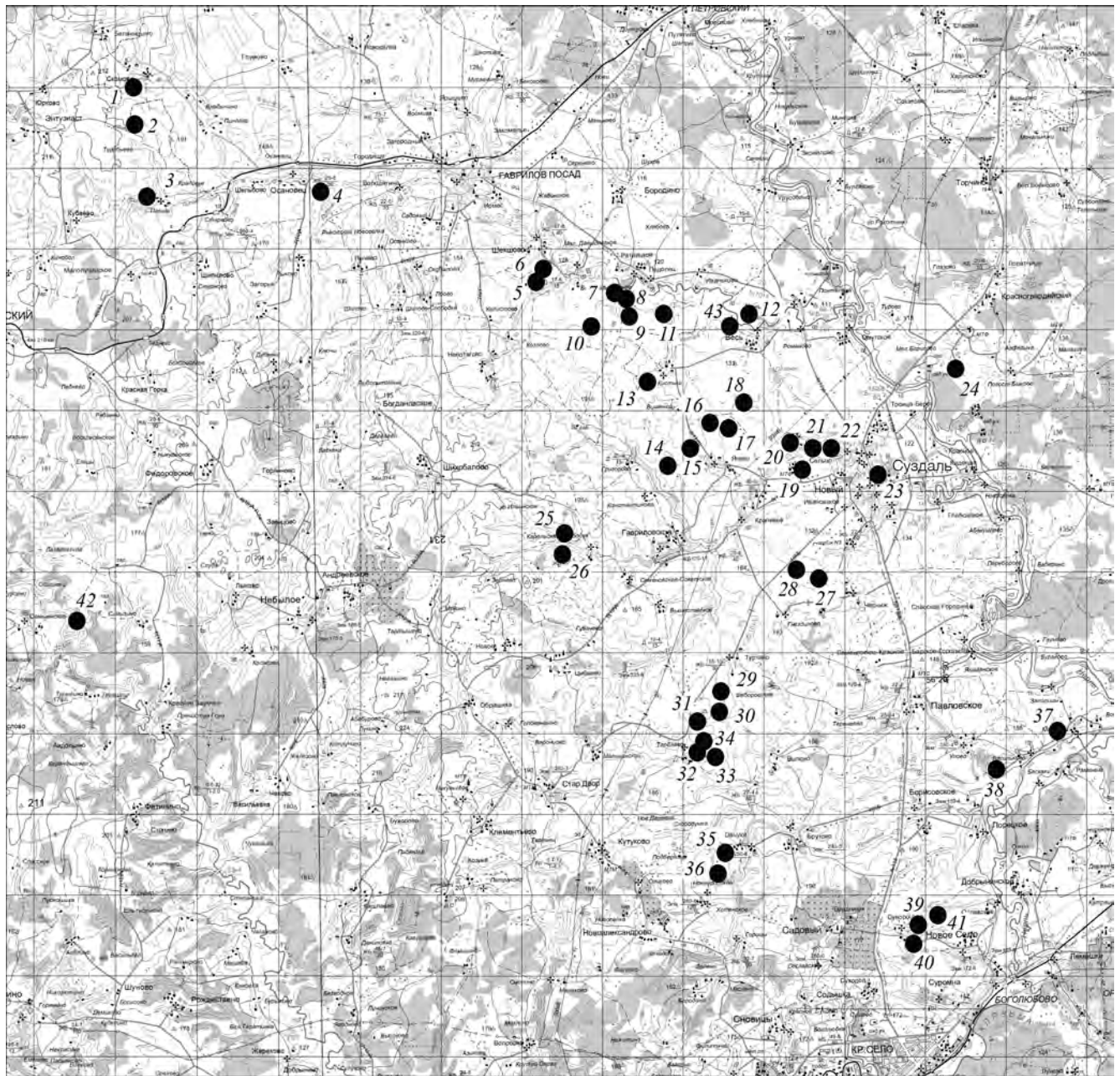

Рис. 1. Список памятников с находками предметов вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. 1 – Скомово 2; 2 – Турабьево 2; 3 – Парша 3; 4 – Осановец 1; 5 – Шекшово 2; 6 – Шекшово 9; 7 – Ратническое 5; 8 – Ратническое 4; 9 – Ратническое 9; 10 – Торки 5; 11 – Подолец 1; 12 – Весь 5; 13 – Кистыш 3; 14 – Константиново 2; 15 – Янево 4; 16 – Вишенки 3; 17 – Вишенки 6; 18 – Кибол 11; 19 – Кибол 3; 20 – Кибол 5; 21 – Кибол 1а; 22 – Сельцо 4; 23 – Суздаль; 24 – Хламово 1; 25 – Карельская Слободка 4; 26 – Карельская Слободка 5; 27 – Гнездилово 2; 28 – Гнездилово 6; 29 – Федоровское 2; 30 – Тарбаево 1; 31 – Тарбаево 2; 32 – Тарбаево 5; 33 – Тарбаево 6; 34 – Тарбаево 7; 35 – Овчухи 1; 36 – Новгородское 1; 37 – Мордыш 1; 38 – Васильково 6; 39 – Суворотское 1; 40 – Суворотское 2; 41 – Суворотское 8; 42 – Семьинское городище; 43 – Весь 1.

выраженного слоя X–XI вв., относящиеся к числу больших поселений с характерным для них набором признаков: размер (не менее 3 га), многокомпонентный характер материальной культуры, наличие свидетельств вовлеченности в дальнюю торговлю и высокие стандарты потребления части населения, фиксация следов ремесленных

производств (Макаров, Федорина, 2014. С. 175–177). В целом с территории больших поселений и памятников, составляющих с ними единые поселенческие комплексы (Тарбаево 5–7; Весь 1, 3, 5), происходит около половины всех находок.

Наконечники стрел. Наиболее многочисленную категорию вещей, отнесенную к числу предметов

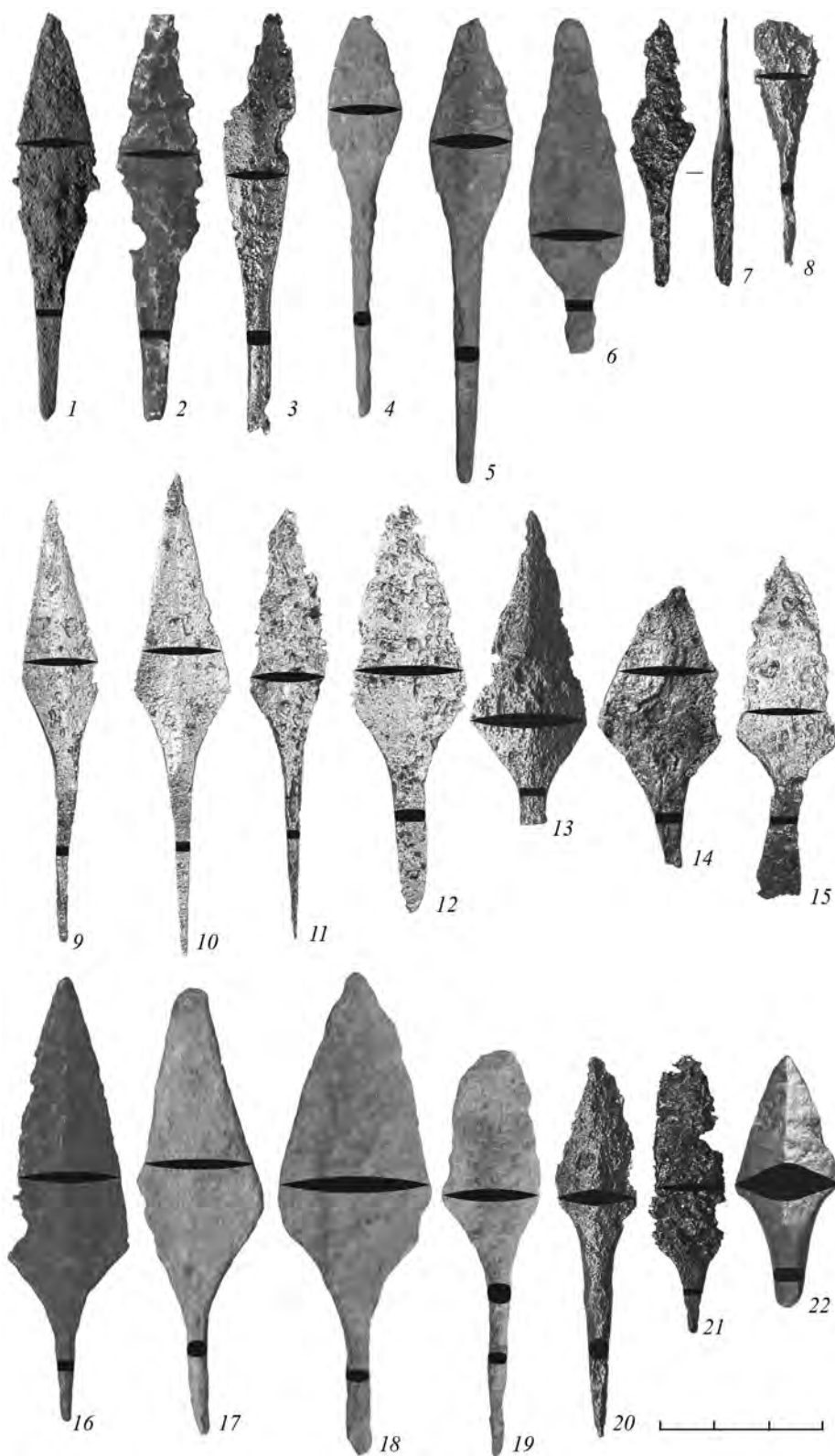

Рис. 2. Стрелы без упора. 1 – Гнездилово 2; 2, 8 – Тарбаево 6; 3, 12 – Кибол 3; 4, 17 – Тарбаево 5; 5, 18 – Федоровское 2; 6 – Суворотское 2; 7 – Тарбаево 2; 9 – Карельская Слободка 4; 10, 14 – Весь 5; 11 – Кибол 1а; 13 – Турабьево 2; 15 – Сельцо 4; 16 – Тарбаево 7; 19 – Суворотское 1; 20 – Овчухи 1; 21 – Ратницкое 4; 22 – Мордыш 1.

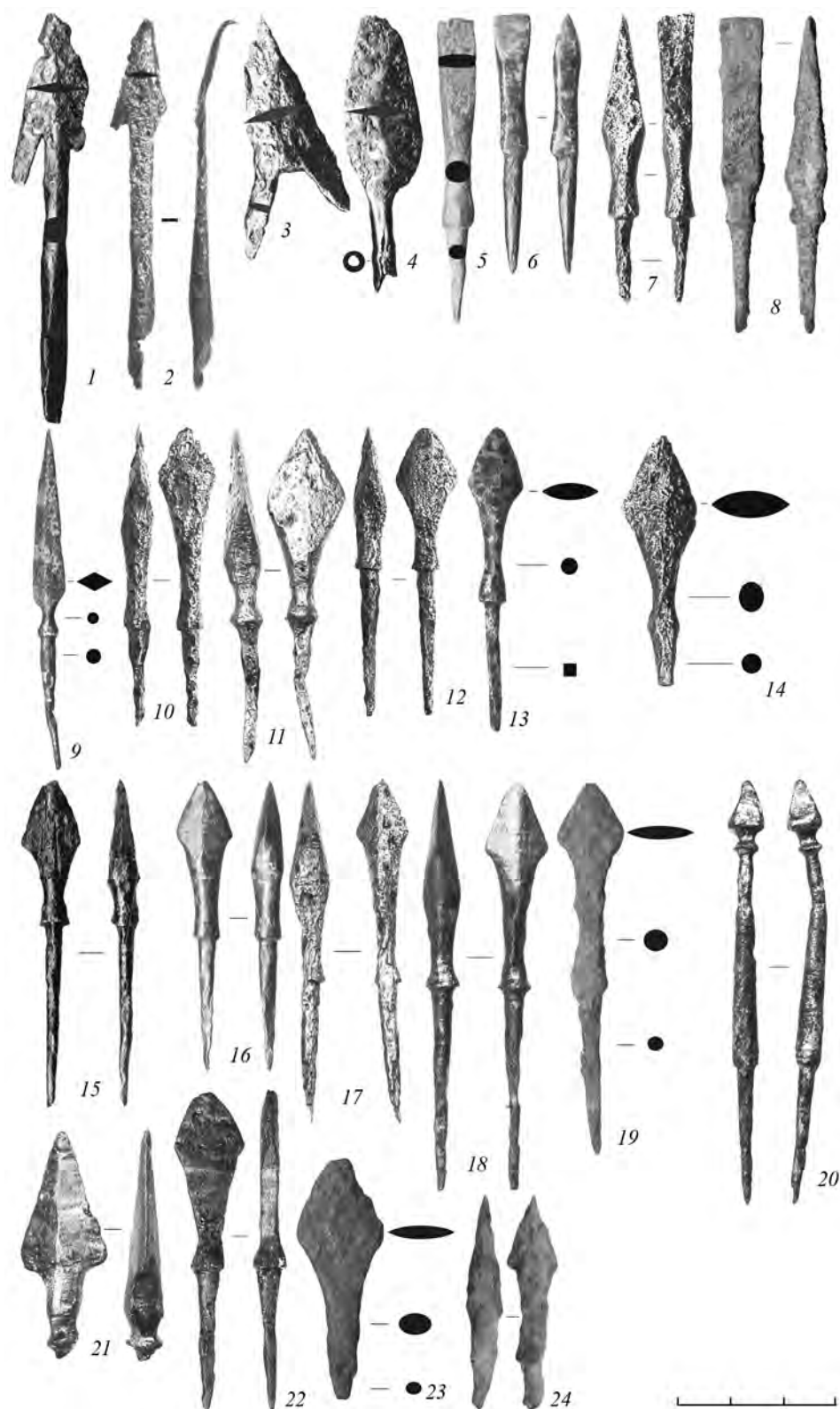

Рис. 3. Стрелы двушипные, втульчатые и с упором. 1 – Гнездилово 6; 2 – Весь 5; 3, 4, 15 – Гнездилово 2; 5, 6, 19, 23 – Тарбаево 5; 7, 14 – Скомово 2; 8 – Мордыш 1; 9 – Тарбаево 1; 10, 12 – Карельская Слободка 5; 11 – Карельская Слободка 4; 13 – Ратницкое 5; 16 – Новгородское 1; 17 – Сельцо 4; 18, 20–22 – Суздаль, Окольный город (ул. Ленина, 82); 24 – Торки 5.

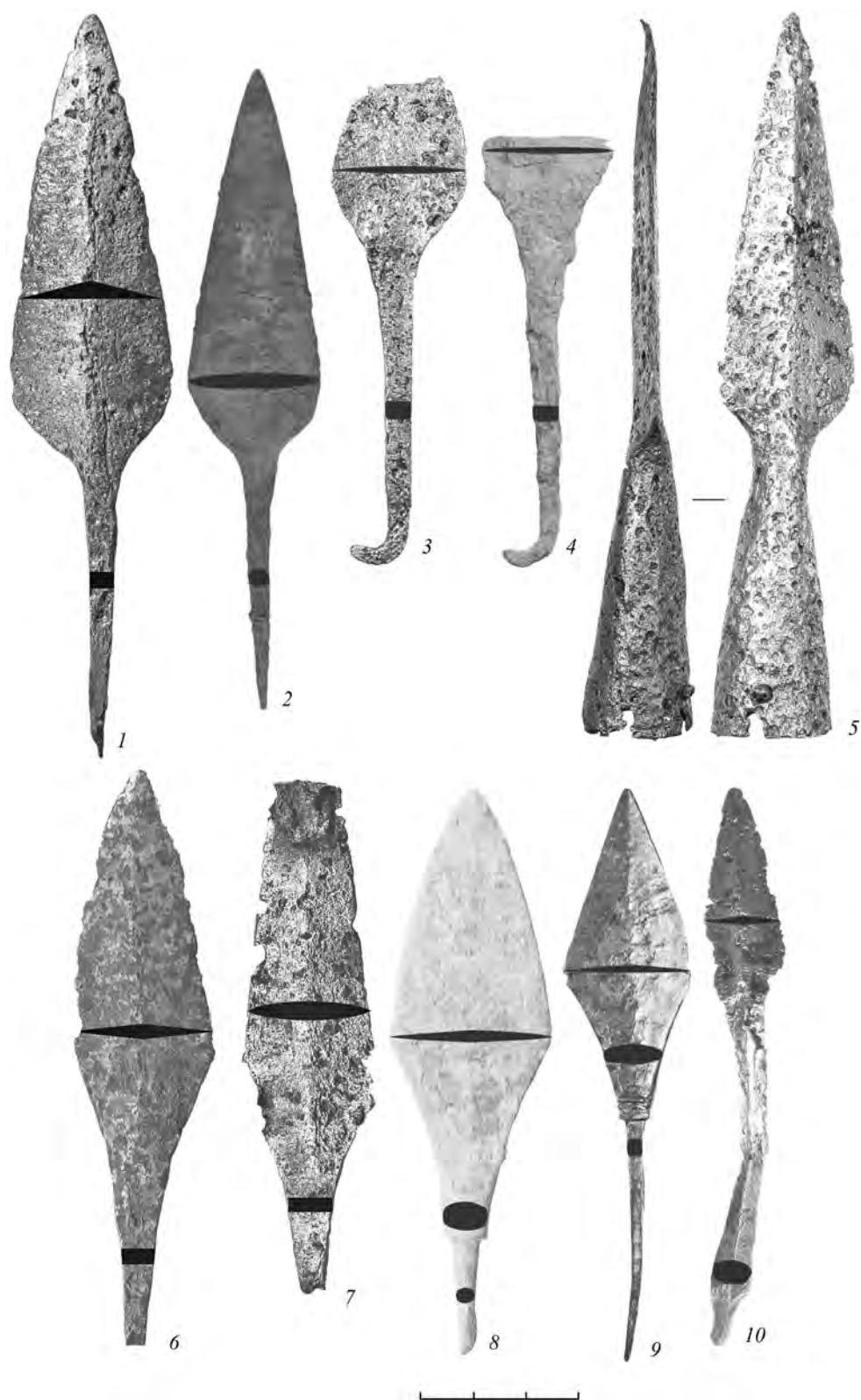

Рис. 4. Наконечники сулиц, копье, крупные наконечники стрел. 1 – Весь 5; 2 – Суздаль (ул. Слободская, 47–49); 3, 10 – Шекшово 2; 4 – Новгородское 1; 5 – Ратницкое 4; 6 – Тарбаево 5; 7 – Скомово 2; 8 – Янево 4; 9 – Васильково 6.

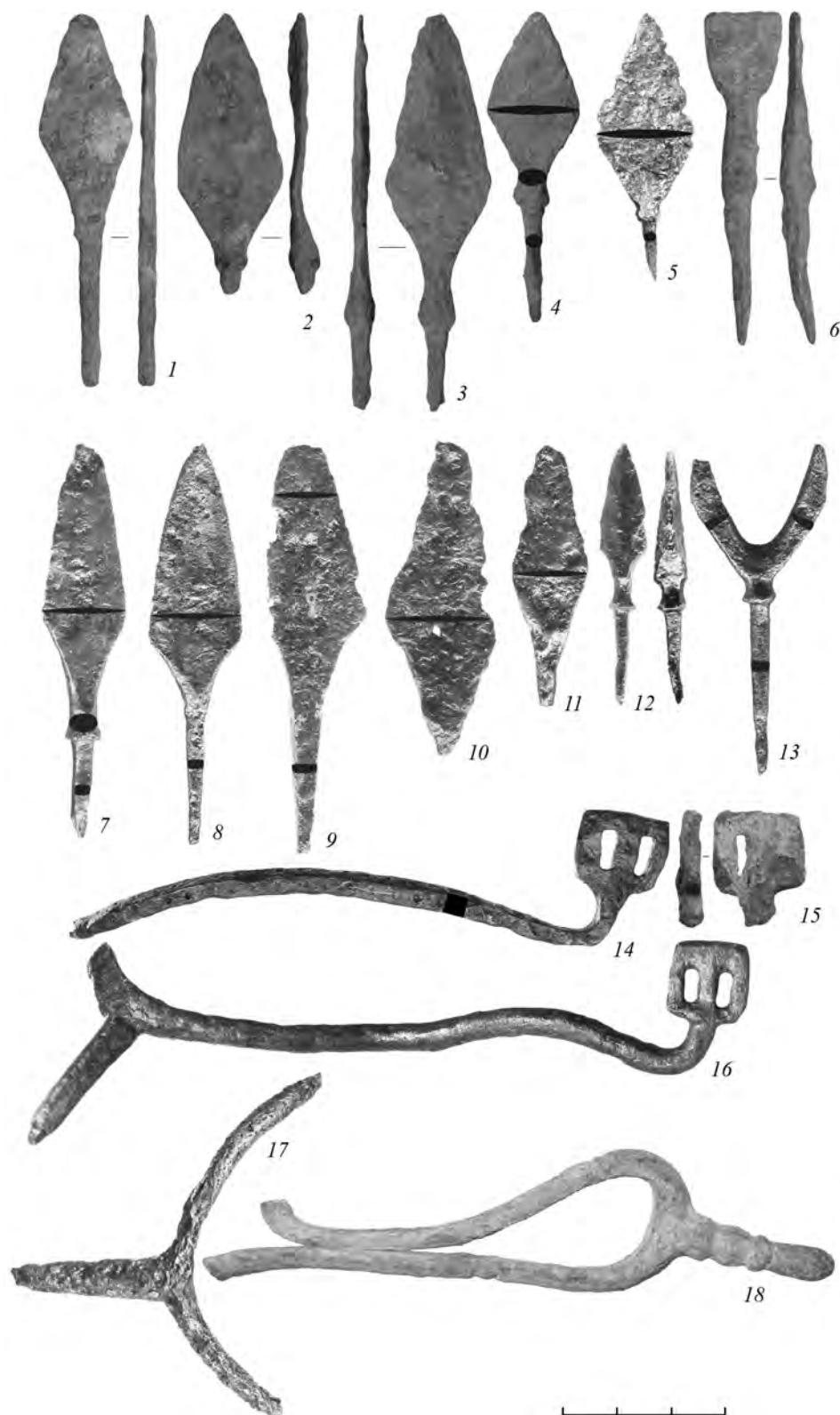

Рис. 5. Ромбовидные наконечники стрел и шпоры ранних типов. 1, 2, 6 – Ратницкое 9; 3, 4 – Новгородское 1; 5 – Вишенки 6; 7–13 – Суворотское 8; 14 – Тарбаево 5; 15 – Торки 5; 16 – Суздаль, Окольный город (ул. Ленина, 82); 17 – Кистыш 3; 18 – Семьинское городище.

вооружения, составляют железные наконечники стрел. Их учтено не менее 70 экз., больше половины из которых — плоские черешковые стрелы без упора, найденные на 18 памятниках (рис. 2; 3, 1, 3; 4, 6, 7; 5, 1, 9—11). Достаточную сохранность для определения формы имеют 36 экз., 22 из них отнесены к типу 46 по А.Ф. Медведеву. Они происходят с 14 селищ (Весь 1, Карельская Слободка 4, Весь 5, Кибол 1а, Кибол 3, Турабьево 2, Сельцо 4, Тарбаево 7, Суворотское 1, Мордыш 1, Суворотское 8, Тарбаево 5, Скомово 2, Ратницкое 9).

Это стрелы “новгородского” типа ромбовидной формы с расширением в нижней трети пера (рис. 2, 9—17, 19, 22). Их размеры варьируют в диапазоне от 55 до 120 мм, при длине пера — от 36 до 110 мм и весе — от 4,8 до 13 г.

Стрелы новгородского типа — один из самых распространенных типов стрел лесной зоны Восточной Европы, использовавшихся вплоть до конца XIII в., хотя подавляющее большинство их датируется IX—XI вв. (Медведев, 1966. С. 68).

Среди оставшихся экземпляров уплощенных стрел без упора большая часть представлена предметами остролистной и лавролистной форм (типы 61, 63): 12 на 8 памятниках (Гнездилово 2, Тарбаево 6, Кибол 3, Тарбаево 5, Федоровское 2, Суворотское 2, Тарбаево 2, Ратницкое 4). Разделение наконечников этих типов можно считать условным, поскольку очертания пера ряда изделий представляют собой переходные формы (рис. 2, 1—8, 18, 20, 21). По справедливому замечанию С.Д. Захарова, форме пера, по-видимому, не придавалось слишком большого значения при изготовлении стрелы (1996. С. 214). Размеры наконечников колеблются от 50 до 100 мм, при ширине — 15—30 мм, в трех случаях (Тарбаево 6, Федоровское 2, Овчухи 1) наконечники имеют черешки длиной, превышающей длину пера, что может свидетельствовать об их приспособленности для охоты на крупную дичь (Захаров, 1996. С. 211).

Наблюдения, высказанные А.Ф. Медведевым, о распространенности наконечников стрел без упора ромбовидных или листовидных форм преимущественно в IX—XI вв., очевидно, не являются достаточным основанием для того, чтобы датировать суздальские находки этим временем. Имеющиеся материалы свидетельствуют о долгом использовании таких стрел в регионах с выраженной промыслово-охотничьей направленностью хозяйства (Захаров, 1996. С. 216, 217). Полученные в последнее время данные расширяют географию и хронологию их бытования. Так, М.И. Гоняным и О.В. Двуреченским

были опубликованы находки семи ромбовидных и пяти остролистных наконечников стрел, датированных XIII—XIV вв. и происходящих из района Куликова поля (2013. С. 109).

Возможности выяснения времени бытования наконечников, поступивших из Ополя, открываются при сравнении их с наборами стрел, собранных с хорошо датированных памятников сопредельных территорий. Наиболее крупная серия стрел, относящихся преимущественно к IX — началу XI в., происходит из раскопок Сарского городища под Ростовом (Леонтьев, 1996. С. 110—114, 189). Типы 46 и 61 называются А.Е. Леонтьевым в числе форм, традиционно принятых у финно-угорских племен. Совокупно ромбовидные наконечники стрел новгородского типа и остролистные без упора составляют более трети всех найденных на памятнике наконечников.

Однако наиболее интересной для сравнения со стрелами из Ополя представляется серия железных наконечников, собранная на селище Клочково 2, расположенном на левом берегу р. Тезы (левый приток Клязьмы в ее среднем течении). Раскопками под руководством О.А. Несмиян и В.Г. Несмиян изучена площадь, превышающая 1100 м²; коллекция вещей, полученная в ходе работ, составляет более 1100 находок. Общая датировка памятника определена в пределах X—XII вв., хотя материалов, которые могли бы относиться ко второй половине XII в., на селище собрано сравнительно немного (Несмиян О.А., Несмиян В.Г., 2012. С. 101—110).

На селище были найдены 26 железных и 3 костяных наконечника стрел. Среди железных для типологического описания можно считать пригодным 21 наконечник, из них 16 наконечников были представлены ромбовидными, остролиственными или лавролиственными формами с плоским черешком без упора¹.

По всей видимости, полученную из раскопок селища серию наконечников стрел можно рассматривать как набор, типичный для поселения с развитой промыслово-охотничьей составляющей хозяйства. Учитывая сравнительную близость памятника к территории Ополя (около 65 км), представляется возможным сопоставить комплекс охотничьего вооружения промысловых поселений, располагавшихся к востоку от Нерли, и синхронных им памятников сходной хозяйственной направленности в Ополе,

¹Выражаю благодарность О.А. Несмиян и В.Г. Несмиян, предоставившим возможность ознакомиться с неопубликованными материалами селища Клочково 2.

существование которых доказано (Макаров и др., 2010).

Близкий состав набора стрел происходит с селища Весь 1, раскопки которого проводились Н.Н. Мошениной (Археологическая карта России..., 1995. С. 259, 260). Площадь раскопа составила около 1000 м², датировка памятника была определена как XI–XII вв. В материалах раскопок селища, хранящихся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, наконечники стрел представлены 11 находками, из которых 4 — изделия из кости (В-41520/8–10; В-43601/13), 7 — из железа, в том числе 4 ромбовидных без упора с расширением в нижней трети пера (В-40882/18–19; В-41520/54–55)².

Из 83 наконечников стрел, опубликованных В.В. Даниловым (1991. С. 78–84) и происходящих из раскопок в Суздале, к снарядам без упора относятся 11 (рис. 1, 21–24; 2, 7–9, 11, 14, 17, 18). Вероятно, такой состав коллекции отражает постепенный выход из употребления наконечников без упора в течение XII в.

Кроме наиболее многочисленных типов, к числу наконечников стрел без упора относятся еще две находки. Двущипный наконечник стрелы с длинным округлым в сечении черешком, который заканчивается уплощенным насадом, происходящий с селища Гнездилово 6 (рис. 3, 1). Сечение пера наконечника ромбическое, ребро жесткости хорошо выражено. Общая длина составляет 77 мм, в том числе черешок — 55 мм. Вес изделия — 6,83 г. Происходящий из Ополя снаряд отличается от большинства известных в лесной зоне Восточной Европы наконечников 29 типа. Наиболее близкая аналогия ему происходит из Тимеревского курганного могильника (Недошивина, 1963. С. 58; Медведев, 1966. Табл. 15, 28).

Второй из сравнительно редких наконечников стрел без упора был найден на селище Гнездилово 2; он относится к числу одношипных, по форме ближе всего к типу 28 (Медведев, 1966. С. 62; рис. 3, 3). Его длина составляет 45 мм, ширина — 18 мм, длина черешка — 16 мм, сечение пера линзовидное, черешок плоский. Вес наконечника — 5,85 г. А.Ф. Медведев датировал наконечники этого типа XI–XIII вв., однако такую датировку сейчас нельзя считать точной. Находки подобных стрел на одном из мерянских памятников

Поволжья (Леонтьев, 1996. С. 234) и на селище Царево 1 в Заволочье, датирующемся XI — началом XII в. (Иванищева, 2012. С. 155–157), позволяют уточнить время бытования таких наконечников пределами X — первой половины XII в., что подтверждается и общей хронологической позицией поселения, с которого происходит стрела (Лапшин, 1991. С. 121).

Всего двумя экземплярами на памятниках Ополя представлены втульчатые наконечники. Один из них был найден в процессе раскопок селища Весь 5 в слое второй половины IX — X в. Это двущипный снаряд (тип 2 по А.Ф. Медведеву) с довольно узким пером (рис. 3, 2). Длина наконечника — 70 мм, ширина пера — 20 мм (без учета несохранившихся шипов), толщина шейки до перехода во втулку — 4–5 мм, ширина сохранившейся части втулки — 7 мм. А.Ф. Медведевым подчеркивалась редкость находки втульчатых двущипных наконечников во внутренних районах древнерусских земель, характерных, преимущественно, для западных соседей Руси (1966. С. 56).

Второй втульчатый наконечник, представленный экземпляром остролистной формы (тип 4) (рис. 3, 4), происходящим с селища Гнездилово 2, датируется не позднее XI в. (Медведев, 1966. С. 57). Он имеет длину 50 мм, ширину — до 16 мм, довольно узкую втулку — около 5 мм.

Наконечников стрел с упором для древка в коллекции около 30 экз.

Долотовидные стрелы с боевой головкой круглого сечения (тип 98) представлены двумя находками с селища Тарбаево 5 (рис. 3, 5, 6). Датировка их в целом определяется X в. или чуть более поздним временем (Медведев, 1966. С. 85). Возможно, к этому же типу относится и снаряд, происходящий из сборов на селище Скомово 2 (рис. 3, 7), отличающийся от наконечников с селища Тарбаева 5 более короткой шейкой и массивным пером.

К числу распространенных стрел древнерусского времени относятся долотовидные стрелы типа 100, подразделяющиеся на две разновидности, различающиеся по форме и размерам. А.Ф. Медведев считал, что время бытования обоих видов совпадает (1966. С. 86). С памятников Суздальского Ополя происходит около 15 наконечников обоих вариантов. Наблюдения за их распространением позволяют заключить, что варианты с утолщением и перехватом у черешка (рис. 3, 8) встречаются, как правило, на памятниках с большой долей лепной керамики и вещей относительно ранних типов в подъемном

²Выражаю благодарность М.Е. Родиной и Н.А. Кокориной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок селища Весь 1, хранящимися в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

материале. Эти наконечники датируются широко, появляясь в древнерусских материалах в середине XI в.

Косвенным подтверждением более раннего бытования долотовидных наконечников стрел первого варианта (с перехватом у черешка) может служить их отсутствие в материалах Куликова поля, где была собрана серия из 15 стрел, относящихся только ко второму варианту (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 111, 112, 141, 142).

Одним из наиболее многочисленных вариантов наконечников стрел, найденных на средневековых поселениях Ополя (не менее 15), являются стрелы типа 83 (Медведев, 1966. С. 81): массивные бронебойные снаряды ромбовидных очертаний и ромбического сечения с выраженной шейкой в основном округлого сечения и с хорошо оформленным, часто манжетовидным упором (рис. 3, 10–19, 21–24). Наконечники имеют длину от 40 до 65 мм, ширину пера – от 10 до 20 мм. Датируются такие снаряды в целом XI в. или чуть более ранним временем. По всей видимости, наконечники стрел этого типа можно относить к основным видам бронебойного наконечника этого времени. Они найдены на девяти селищах и в Окольном городе Суздаля (Карельская Слободка 4, 5; Ратницкое 5; Гнездилово 2; Тарбаево 5; Новгородское 1; Сельцо 4; Скомово 2; Торки 5; Суздаль). По раскопкам М.В. Седовой таких наконечников известно восемь (Данилов, 1991. С. 81. Табл. 1), что составляет почти 10% от всего количества найденных стрел – довольно большой процент, учитывая широкую датировку всего массива материалов (X–XIII вв.).

Одна из стрел, близкая по форме наконечникам типа 83, отличается уплощенным сечением пера и шейки (рис. 3, 22) и, возможно, относится к более позднему времени. Подобный наконечник был найден в районе Куликова поля (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 140. Рис. 14, 22).

Единственным экземпляром представлена стрела с треугольной формой пера типа 37 (рис. 3, 21): довольно массивный снаряд с ромбическим сечением пера, манжетовидным упором и вытянутой граненой шейкой. Несмотря на то что тип имеет широкие рамки бытования (VIII–XIV вв.), находку из Суздаля, по-видимому, можно отнести к ранним, учитывая особенности формы и имеющиеся аналогии (Медведев, 1966. С. 63, 64. Табл. 13, 20). Согласно материалам, опубликованным в последнее время, стрелы близких форм были обнаружены на городище Земляной Струг, отождествляемом с летописным Городцом Мещерским. Здесь была собрана коллекция стрел,

насчитывающая не менее 38 экз., среди которых, по крайней мере 5 имеют формы, сопоставимые с формой стрелы, найденной в Суздале (Челяпов, 2005. Рис. 6, 5, 10, 11; 11, 8, 9). Автор раскопок, В.П. Челяпов, датирует памятник серединой XII – XIV в., но представленные в публикации материалы не позволяют согласиться с такой датировкой. Исходя из набора металлических украшений, наличия в коллекции ключей типа А, калачевидных кресал, ножей с клиновидным сечением лезвия и прямой спинкой, боченковидных весовых гирек, можно предположить активное функционирование памятника в течение XI – первой половины XII в. (Челяпов, 2005. С. 413–426).

Еще один довольно редкий наконечник стрелы представляет собой бронебойный снаряд с короткой пирамидальной головкой почти квадратного сечения и длинной шейкой округлого сечения, отделенной от головки манжетовидным расширением. Он относится к типу 84 (Медведев, 1966. С. 81. Табл. 17, 25) и может быть датирован X – началом XI в. Его длина составляет 81 мм, длина черешка круглого сечения – 31 мм, длина шейки – 42 мм. Шейка изделия плавно расширяется книзу, у упора на нее нанесен орнамент в виде двух параллельных рельефных полос.

Наконечник стрелы (рис. 3, 9) – бронебойный в виде кинжальчика с ромбическим сечением пера и перехватом (Медведев, 1966. С. 85) – относится к варианту 1 типа 97, имеет круглую шейку, датировка таких стрел определяется IX–X вв. Длина наконечника – 63 мм, ширина – 6 мм, длина черешка – 29 мм.

Среди стрел, собранных на поселениях Ополя, выделяется группа, имеющая довольно большие размеры, в том числе два ромбовидных наконечника без упора типа 46. Это стрелы длиной 100–112 мм, шириной 27–28 мм, весом 16–17 г (рис. 4, 6, 7). Наконечники относятся к числу наиболее тяжелых снарядов, пригодных для использования в качестве наконечников стрел; могли применяться как в качестве охотничьего оружия на крупную дичь, так и боевого; за счет своего веса приспособлен для поражения защищенного доспехом противника. Оба изделия характеризуются правильностью формы и наличием ребра жесткости, что отличает их от большинства наконечников без упора меньших размеров.

К боевым стрелам можно отнести находку с селища Янево 4, представленную ромбовидным наконечником “гнездовского” типа с выпуклыми сторонами пера и вогнутыми плечиками (тип 41) (рис. 4, 8). Наконечник имеет длину 107 мм,

длина пера составляет 85 мм, ширина — 31 мм, вес — 16,5 г. Датировка таких находок определяется в пределах VIII — начала XI в. (Медведев, 1966. С. 65).

Еще один наконечник сходной формы (рис. 4, 9) отличается от классических “гнездовских” наконечников отсутствием выраженной выпуклости сторон, утолщением упора у длинного черешка прямоугольного сечения. На упоре у наконечника расположен рельефный пояс, небольшие декоративные симметричные выемки помещены на уровне максимального расширения пера. Общая длина изделия составляет 106 мм, размеры пера — 63 × 24 мм, вес — 15 г.

Важной находкой можно назвать крупный наконечник типа 62 варианта 2, происходящий с селища Шекшово 2 (Медведев, 1966. С. 73) (рис. 4, 10). Он имеет уплощенное ланцетовидное перо, граненую длинную шейку, немного утолщающуюся у насада, округлый в сечении обломанный черешок. Длина его составляет 112 мм, ширина пера — 14 мм, длина — около 50 мм, вес — 14,76 г. Наконечник близок по размерам крупным ланцетовидным стрелам из Гнездово (Каинов, 1999. С. 49). По соотношению длины пера и шейки он относится к подварианту А2 типологии Э. Верге—П. Линдбома (Каинов, 1999. С. 57).

Вероятно, к XI — первой половине XII в. может быть отнесена часть наконечников варианта 2 типа 41 (гнездовского) и типа 40 — ромбовидных с упором и расширением в нижней трети пера. Они датируются с середины XI по XIV в. включительно. Анализируя материалы, происходящие из Ополя, можно предположить, что имеющиеся находки могут быть отнесены к числу наиболее ранних в пределах этого диапазона. Всего таких стрел найдено около 10 на 5 памятниках, размеры их (без учета длины черешка) колеблются в пределах от 35 до 55 мм, при ширине от 14 до 18 мм и весе от 5 до 9 г.

Не позднее середины XII в., а, скорее, более ранним временем датируются стрелы, найденные на селище Ратницкое 9.

Собранный на памятнике материал представлен преимущественно лепной керамикой, ножами с прямой спинкой и клиновидным сечением лезвия, а также узкопластинчатым несомкнутым перстнем с литым орнаментом. Из четырех найденных на селище наконечников два — ромбовидные с упором (рис. 5, 1, 2). Интерес представляет третий наконечник: стрела с боевой частью в виде короткой лопаточки, немного расширяющейся к прямо срезанному лезвию, с шейкой

округлого сечения и упором (рис. 5, 6). От наконечников типа 99, датируемых IX—XI вв. (Медведев, 1966. С. 85), он отличается меньшей длиной пера-лопаточки. Его размеры: длина — 60 мм, размеры пера — 15 × 8—13 мм, длина шейки — 17 мм, вес — 6,5 г.

На крупном поселении Суворотское 8, датированном X—XII вв., было найдено девять стрел, из которых две, представленные долотовидной с перехватом у черешка (тип 100 вариант 1) и ромбовидной с круглой шейкой и упором (сходна с некоторыми вариантами типа 84), были опубликованы ранее (Макаров и др., 2014. С. 122). Из остальных пять представлены ромбовидными наконечниками, два из которых — с выраженным упором, вогнутыми плечиками и выпуклыми сторонами, а три — или не имеют упора (тип 46) или их сохранность не позволяет определить тип снаряда (рис. 5, 7—13). На селище Новгородское 1 были найдены еще два ромбовидных с упором наконечника (рис. 5, 3, 4), на поселении Вишенки 6 — один (рис. 5, 5). В последнем случае ранняя датировка наконечника наименее вероятна, исходя из общей даты памятника.

Наконечники сулиц и копий. На памятниках Ополя найдены четыре сулицы (рис. 4, 1—4). Они представлены черешковыми наконечниками листовидной формы, в двух случаях (находки с селищ Шекшово 2 и Новгородское 1) сохранились только их обломки (менее трети пера), а кончики черешков были загнуты для крепления в древке. Датировка таких дротиков определяется довольно широко (Кирпичников, 1966. С. 23—25), в Новгороде древнейший наконечник сулицы листовидной формы найден в слоях середины X в. (Медведев, 1959. С. 128). Для находок из Ополя, по-видимому, наиболее вероятное время бытования может быть определено в промежутке второй половины X — первой половины XII в.

Сулицы не были встречены при раскопках М.В. Седовой в суздальском Кремле, дротики с листовидной формой пера отсутствуют среди предметов вооружения, собранных при раскопках Ярополча Залесского (Седова, 1978. С. 106). Правда, одна из учтенных находок происходит из Суздаля, но территория, на которой располагался раскоп, находится уже за пределами укреплений Окольного города, на ул. Слободской³, на отдалении от древнейшей зоны застройки и, возможно, не связана с городским культурным слоем.

³Материалы предоставлены О.А. Несмиян и В.Г. Несмиян.

Рис. 6. Псалии и наконечник ножен меча. 1, 7— Кибол 5; 2— Хламово 1; 3— Весь 5; 4, 10, 11— Шекшово 2; 5— Парша 3; 6— Вишенки 3; 7— Кибол 11; 8— Осановец 1; 12— Тарбаево 5; 13— Подолец 1.

В двух случаях находки дротиков сделаны на памятниках с явным преобладанием материалов IX–XI вв. (Шекшово 2 и Весь 5).

Единственный наконечник копья, вошедший в выборку, происходит с селища Ратницкое 4 и может быть отнесен к типу IIIA (Кирпичников, 1966. С. 7, 12, 13). Его длина составляет 142 мм, размеры пера — 80 × 22 мм, диаметр втулки — 23 мм.

Подъемный материал, происходящий с селища, представлен, в основном, обломками лепных сосудов и выразительной коллекцией находок, состав которой позволяет предполагать, что они происходят из распаханного могильника, датирующегося не позднее XI в. (Макаров, 2008. С. 6. Рис. 2).

Снаряжение верхового коня. На памятниках Ополя собрано около 150 вещей, относящихся к деталям упряжи и снаряжения верхового коня и включающих фрагменты кольчатых удилов, подпружные пряжки, обломки стремян, псалиев, шпор, ледоходных шипов. К числу предметов, датировка которых может быть определена в пределах X — первой половины XII в., относится сравнительно небольшая серия находок.

Шпоры. К числу так называемых каролингских шпор первого типа относится одна находка: фрагмент изделия, изготовленного из цветного металла (!) с сигарообразным шипом и прямой скобой (Кирпичников, 1973. Рис. 37; 69, 1–3), был найден на Семьинском городище, расположенном на западной границе Ополя (рис. 5, 18)⁴.

Это вторая находка шпоры подобного типа, первая происходит из раскопок в городе и уже была опубликована (Данилов, 1991. С. 89, 99. Рис. 7, 1).

В ходе работ последних лет на памятниках Ополя были найдены образцы шпор второго типа, ранее здесь не известные (Данилов, 1991. Рис. 7). Появление шпор с плавным волнообразным изгибом дуги и шипом, находящимся в плоскости этого изгиба, относится к концу XI в. (Кирпичников, 1973. Рис. 37; 69, 4–6), к финалу рассматриваемого периода. Всего обнаружено четыре обломка таких шпор (рис. 5, 14–17). В двух случаях сохранились фрагменты дуг с шипом, в одном — дуга с петлей прямоугольной формы с двумя прорезями для ремня, и еще в одном — только обломок прямоугольной петли. На дугах

и шипах шпор были отмечены следы от утраченной или остатки точечной инкрустации.

Удила. Фрагменты удилов относятся к самым многочисленным находкам, в основном представленным деталями кольчатых удилов (тип IV по А.Н. Кирпичникову). На сегодняшний день их известно более 100. К наиболее редким экземплярам можно отнести грызло удила “без перегиба” длиной почти 13 см (тип VI) (рис. 6, 13). Такие удила, датируемые X–XI вв., считаются характерными для степных районов Восточной Европы (Кирпичников, 1973. С. 15).

В остальном детали удилов, датируемые ранее середины XII в., представлены обломками стержневидных и крылатых псалиев. Их, без учета вещей, найденных при раскопках М.В. Седовой, известно 12, 11 обнаружены при проведении археологических исследований (рис. 6, 1–3, 5–12). Псалий, происходящий из района с. Тарбаево, был передан в дар в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Родина, 2012. С. 91, 92). К наиболее выразительным среди имеющихся находок относятся так называемые крылатые псалии (пять экз.), в том числе два почти полностью сохранившихся, украшенных инкрустацией медной проволокой. Находка, происходящая из-под Тарбаево, изготовлена из цветного металла, ее щиток украшен литым орнаментом. Возмозно, обломком крылатого псалия является изогнутый инкрустированный стержень с шишечкой на конце и отверстием для крепления щитка, найденный на селище Шекшово 2 (рис. 6, 11).

Изогнутые псалии со щитками служат основным признаком удилов типа III, время бытования которых определяется в пределах XI–XII вв. (Кирпичников, 1973. С. 14). Наиболее поздний псалий из числа стержневидных был найден при раскопках селища Вишенки 3 (рис. 6, 6), в слое второй половины XII — начала XIII в. Хотя и здесь сохраняется возможность его более ранней датировки, поскольку на памятнике присутствует материал XI — начала XII в. (Федорина, 2008. С. 300–303).

Наконечник ножен меча. Пожалуй, наиболее выразительной находкой, относящейся к комплексу предметов вооружения, можно считать фрагмент бронзового изделия с человеческой личиной, который достоверно может быть определен как часть ажурного наконечника ножен меча (происходит с селища Шекшово 2) (рис. 6, 4). Это вторая находка в Ополе подобного наконечника, первая была сделана при раскопках графом А.С. Уваровым Васильковских курганов в 1851 г. (Каинов, 2009. С. 99). В пределах Древней Руси

⁴Фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Сем.-77/428).

Рис. 7. Топоры и кистени. 1 – Турабьево 2; 2 – Шекшово 9; 3 – Константиново 2; 4, 5 – Шекшово 2; 6 – Суворотское 8.

это седьмой подобный наконечник ножен, а в целом, судя по опубликованным данным, без учета наконечника с селища Шекшово 2, их известно 27 (Wygwa, Janowski, 2014. S. 335, 340–343). Время бытования таких изделий, оформленных в стиле *Borre*, определяется в пределах X в., возможно, второй его половины (Wygwa, Janowski, 2014. S. 335–339)⁵.

Боевые топоры. Обломки топоров, как и детали удила, — одна из самых массовых находок на средневековых поселениях Ополя. Большинство из более 100 вещей представлены мелкими фрагментами лезвий или обуха, что не позволяет определить тип и назначение изделия. Поэтому при выделении среди поселенческих материалов образцов боевого оружия пришлось ограничиться небольшой выборкой целых топоров.

Топор типа IV (Кирпичников, 1966. С. 37) (рис. 7, 1) происходит из сборов на селище Турабьево 2. Его вес составляет 384 г, длина от лезвия до обуха — 147 мм, ширина лезвия — около 100 мм, с внутренней стороны лезвия располагается миниатюрная шпорца, в лезвии — почти квадратное отверстие для крепления чехла. С тыльной стороны обуха — две щекавицы, нижняя достигает 26 мм.

Два топорика, значительно меньшие по размеру и весу (127 и 145 г) (рис. 7, 2, 6), происходят из могильника Шекшово 9 и с селища Суворотское 8. Последний сохранился очень хорошо, это наиболее тяжелый из двух миниатюрных орудий (его размеры — 90 × 50 мм), у него выраженный вырез в основании, опущенное вниз лезвие со шпорцей с тыльной стороны лезвия (тип VI) (Кирпичников, 1966. С. 30). Топорик, найденный в могильнике, близок по форме к типу V, но из-за плохой сохранности это можно определить только предположительно. По своим размерам близок находке с селища Суворотское 8.

Кистени. Роговые кистени могут быть отнесены к числу ранних предметов вооружения только гипотетически, поскольку те немногочисленные предметы, которые можно в настоящий момент представить, происходят из подъемного материала. Эти находки немногочисленны, мы располагаем одним роговым кистенем удлинненно-овальной формы с округлым отверстием под сердечник и находками двух железных сердечников, один из которых сломан у петли (рис. 7, 3–5). Датировка их определяется в пределах X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 59–65), оба металлических

сердечники найдены при проведении поверхностных сборов на Шекшово 2, что как раз и позволяет предполагать раннюю дату, роговой кистень — на селище Константиново 2.

Представленный обзор происходящих со средневековых поселений Суздальского Ополя находок оружия X — первой половины XII в. позволяет приблизиться к пониманию того, как выглядел комплекс вооружения центральных районов Ростово-Суздальской земли в первые века ее существования. Среди всего массива материала выделяется группа относительно узко датировемых предметов вооружения, относящихся к самому раннему этапу древнерусской истории Ополя, — X — началу XI в. Количество находок этого времени невелико — около 10.

В составе набора — вещи североευропейских типов (ланцетовидная стрела и наконечник ножен меча), а так же известные типы (41, 97) стрел, привычные для памятников эпохи викингов. Есть находки, сочетание которых с описанным набором ожидаемо (двушипный наконечник стрелы с круглым черешком и уплощенным насадом), и, наоборот, почти не известные в синхронных комплексах Волго-Окского междуречья. Это втульчатые наконечники, характерные преимущественно для западнорусских земель, долотовидные с головкой круглого сечения, наконечник с пирамидальной головкой и длинной круглой шейкой (тип 84), грызло для удила без перегиба, свидетельство степного влияния или импорта.

Учитывая масштаб проведенных за последние 15 лет работ, на основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что североευропейский компонент в региональном комплексе вооружения выражен относительно слабо. Это довольно неожиданно, учитывая составы наборов предметов вооружения, происходящих из Владимирских курганов, наличие находок оружия североευропейских типов на памятниках, расположенных в непосредственной близости (Выжеша) или в пределах границ формирующейся Ростово-Суздальской земли (Сарское городище, Тимерево).

Вместе с тем количественные показатели рассмотренной выборки кажутся вполне достаточными для получения представлений о тенденциях в развитии комплекса вооружения в регионе. Для XI — первой половины XII в. представленный материал позволяет говорить о составе набора стрел с ведущей ролью ромбовидных с упором (типы 40, 41 вариант 2), массивных бронебойных стрел типа 83, являющихся в это время одним из наиболее массовых наконечников. К этому

⁵Выражаю признательность С.Ю. Каинову за помощь в атрибуции находки из Шекшова 2.

времени относится, по-видимому, начало активного применения верховой лошади в военном деле, что подтверждается находками шпор ранних типов и псалиев, отсутствующих в материалах более раннего периода.

Сравнительно большое количество стрел без упора в составе коллекции позволяет говорить о заметной доле промыслово-охотничьего компонента в хозяйственной деятельности части населения Ополя. Сопоставимость наборов стрел селищ Весь 1 и Клочково 2, одно из которых расположено на северо-востоке Ополя, а другое — более чем в 60 км к востоку — в лесном краю, свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 14-06-00425).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России: Владимирская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Гоняный М.И., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII — последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная археология: сб. матер. Проблемного совета "Военная археология" при ГИМ / Отв. ред. О.В. Двуреченский. Вып. 3. М.: ГИМ; Тула: Куликово поле, 2013. С. 102—146.
- Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня в Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 78—101.
- Зайцева И.Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева; сост. И.Е. Зайцева. М.: Вологда: Древности Севера, 2014. С. 363—376.
- Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белозера // РА. 1996. № 2. С. 207—218.
- Иванищева М.В. По следам чуди заволочской (средневековые древности Тотемского края) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства: сб. матер. Междунар. научн. конф. (Вологда — Кириллов — Белозерск, 6—8 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 152—162.
- Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49—62.
- Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia. V. Kraków; Sanoka, 2009. С. 79—110.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X—XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 181 с.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 4: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. М.; Л.: Наука, 1973 (САИ; Е1-36). 213 с.
- Лапшин В.А. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 120—129.
- Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 338 с.
- Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. научн. семинара. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: Гриф и К, 2008. С. 3—22.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В. О датировке средневекового поселения Весь под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин; ред.-сост. Н.В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 113—141.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н. Феномен "больших поселений" Северо-Восточной Руси X—XI вв. // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдилов. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 173—179.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева; сост. И.Е. Зайцева. М.: Вологда: Древности Севера, 2014. С. 108—133.
- Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгородской археолог. экспедиции. Т. II. М.: ИА АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 121—191.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII—XIII вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-35). 182 с.
- Недошивина Н.Г. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье в IX—XI вв. / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Госстройиздат, 1963. С. 55—63.
- Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища II // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. научн. семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 101—110.
- Родина М.Е. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-

- заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 86–94.
- Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
- Челяпов В.П. Древнерусские памятники северо-востока Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 413–426.
- Федорина А.Н. Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Суздалем // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 299–307.
- Шполянский С.В. Находки вооружения и снаряжения верхового коня в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдилов. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 198–200.
- Wyrwa Andrzej M., Janowski Andrzej. Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5) // Fontes Archaeologici Posnanienses. Poznań, 2014. V. 50. P. 2. С. 323–346.

WEAPONRY AND HORSE HARNESS PIECES OF THE 10TH – EARLY HALF OF THE 12TH CENTURY AD FROM SUZDAL AND RURAL SETTLEMENTS OF THE SUZDAL OPOLYE

Sergey V. Shpolyanskiy

State Historical Museum, Moscow (shpol@yandex.ru)

Medieval sites of the Suzdal Opolye have yielded numerous collections of artefacts over the last 15 years. Thus, the weapons of the 10th – first half of the 12th century encountered so far amount to almost a hundred items from 43 sites. Among them a small group of weapons dated to the 10th – early 11th century and containing articles of the Northern European types including an openwork *bouterolle* featuring a mask stands out. The materials submitted enable us to trace the tendencies of weaponry evolution in the region in the 11th – first half of the 12th century and imply a considerable role of hunting in the economic activity of a part of the Opolye population.

Keywords: Suzdal Opolye, weaponry, riding equipment, horse harness, medieval settlements.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Rossii: Vladimirskaya oblast' [Archaeological Map of Russia: The Vladimir Oblast]. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: IA RAN, 1995. 384 p.
- Gonyanny M.I., Dvurechenskiy O.V., 2014. Kompleks vooruzheniya i snaryazheniya vsadnika i verkhovogo konya kontsa XII – posledney treti XIV v., proiskhodyashchiy s territorii poseleniy, raspolozhennykh v verkhov'yakh Dona [A complex of weaponry, rider's equipment and horse harness of the late 12th – the last quarter of the 14th century recovered from the territory of settlements situated on the upper reaches of the Don]. *Voennaya arkheologiya: sbornik materialov Problemnogo soveta "Voennaya arkheologiya" pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee [Military Archaeology: A Collection of Materials of the 'Military Archaeology' Problem Council of the State Historical Museum]*, 3. O.V. Dvurechenskiy, ed. Moscow: MediaMir; Tula: Kulikovo pole, pp. 102–146.
- Danilov V.V., 1991. Predmety vooruzheniya, snaryazheniya vsadnika i konya v Suzdale [Items of weaponry, rider's equipment and horse harness at Suzdal]. *Materialy po srednevekovoy arkheologii Severo-Vostochnoy Rusi [Materials on Medieval Archaeology of North-east Rus]*. V.V. Sedov, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 78–101.
- Zaytseva I.E., 2014. Detali poyasnoy i uzdechnoy garnitury iz materialov obsledovaniy sel'skikh poseleniy Suzdal'skogo Opol'ya [Details of belt and horse harness fittings from the materials of investigation of rural settlements of the Suzdal Opolye]. *Rus' v IX–XII vekakh: Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th Centuries: Society, State and Culture]*. N.A. Makarova, A.E. Leont'eva, eds.; I.E. Zaytseva, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 363–376.
- Zakharov S.D., 1996. Zheleznye nakonechniki strel iz Beloozera [Iron arrowheads from Beloozero]. *RA [Russian Archaeology]*, 2, pp. 207–218.
- Ivanishcheva M.V., 2012. Po sledam chudi zavolochskoy (srednevekovye drevnosti Totemskogo kraya) [In the footsteps of the Chud Zavolochskaya (medieval antiquities of the Totma area)]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva: sbornik*

- materialov *Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Northern Rus and Problems of formation of the Early Russian State: a Collection of Materials of the International Scholarly Conference]*. S.D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 152–162.
- Kainov S. Yu., 1999. Lantsetovidnye nakonechniki strel iz raskopok Gnëzdova [Lancet-shaped arrowheads from excavations of Gnezdovo]. *Rannesrednevekove drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedey [Early Medieval Antiquities of Northern Rus and its Neighbours]*. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 49–62.
- Kainov S. Yu., 2009. Nakonechniki nozhen mechey iz Gnëzdova [Sword sheathes' tips from Gnezdovo]. *Acta Militaria Mediaevalia*, V. Kraków; Sanoka, pp. 79–110.
- Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Old Russian Weaponry], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisten i X–XIII vv. [Spears, lances, battle-axes, maces and flails of the 10th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. 181 p. (SAI, E1–36).
- Kirpichnikov A.N., 1973. Drevnerusskoe oruzhie [Old Russian weaponry], 4. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Rider's equipment and horse harness in Rus in the 9th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. 213 p. (SAI, E1–36).
- Lapshin V.A., 1991. Lepnaya keramika Gnezdilovskogo poseleniya [Handmade pottery of the Gnezdilovo settlement]. *Materialy po srednevekovoy arkheologii Severo-Vostochnoy Rusi [Materials on the Medieval Archaeology of Northeast Rus]*. V.V. Sedov, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 120–129.
- Leont'ev A.E., 1996. Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [The Archaeology of the Merya. To the Prehistory of Northeast Rus]. Moscow: Geoko. 338 p.
- Makarov N.A., 2008. Srednevekovoe rasselenie v Suzdal'skom Opol'e: novye rezul'taty i perspektivy [Medieval settling of the Suzdal Opolye: New results and prospects]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Scholarly Seminar]*, 2. N.A. Makarov, ed., S.V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: Grif i K, pp. 3–22.
- Makarov N.A., Zakharov S.D., Shpolyanskiy S.V., 2010. O datirovke srednevekovogo poseleniya Ves' pod Suzdalem [On the dating of the medieval settlement of Ves near Suzdal]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova [The Dialogue of Cultures and Peoples of Medieval Europe: To the 60th Anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov]*. A.E. Musin, ed; N.V. Khvoshchinskaya, comp. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 113–141.
- Makarov N.A., Fedorina A.N., 2014. Fenomen "bol'shikh poseleniy" Severo-Vostochnoy Rusi X–XI vv. [The phenomenon of 'large settlements' of Northeast Rus of the 10th–11th centuries]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo S'ezda v Kazani [Transactions of the 4th (20th) Pan-Russian Congress in Kazan]*, III. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 173–179.
- Makarov N.A., Fedorina A.N., Shpolyanskiy S.V., 2014. Srednevekovye selishcha v okruge Vladimira na Klyaz'me [Medieval habitation sites in the vicinity of Vladimir-on-Klyazma]. *Rus' v IX–XII vekakh: Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries: Society, State and Culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev, eds; I.E. Zaytseva, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 108–133.
- Medvedev A.F., 1959. Oruzhie Novgoroda Velikogo [Weaponry of Novgorod Velikiy]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Novgorod Archaeological Expedition]*, II. Moscow: IA AN SSSR, pp. 121–191. (MIA, 65).
- Medvedev A.F., 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely. Samostrel VIII–XIII vv. [Missiles Weapons. Bow and Arrows. Crossbows of the 8th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 182 p. (SAI, E1–35).
- Nedoshivina N.G., 1963. Predmety vooruzheniya iz Yaroslavskikh mogil'nikov [Weapons from the cemeteries of Yaroslavl]. *Yaroslavskoe Povolzh'e v IX–XI vv. [The Yaroslavl Volga Basin in the 9th–11th centuries]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow: Gosstroyizdat, pp. 55–63.
- Nesmiyan O.A., Nesmiyan V.G., 2012. Izdeliya iz tsvetnogo metalla iz kolektsii Klochkovskogo selishcha II [Articles of non-ferrous metals from the record of the Klochkovo settlement II]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Scholarly Seminar]*, 4. N.A. Makarov, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 101–110.
- Rodina M.E., 2012. Nakhodki s selishch u s. Tarbaevo bliz Suzdalya v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya zapovednika [Finds from habitation sites near the village of Tarbaevo in the vicinity of Suzdal in the collection of the Vladimir-Suzdal museum-reserve]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [The Archaeology of Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Scholarly Seminar]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 86–94.
- Sedova M.V., 1978. Yaropolch Zaleskiy [Yaropolch Zaleskiy]. Moscow: Nauka. 158 p.
- Chelyapov V.P., 2005. Drevnerusskie pamyatniki severo-vostoka Ryazanskoy zemli [Old Russian sites of the northeast of Ryazan land]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [The Grand Principdom of Ryzan: Historical-archaeological Investigations and Materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 413–426.
- Fedorina A.N., 2008. Keramicheskiy kompleks selishcha Vishenki 3 pod Suzdalem [Pottery complex of the Vishenki 3 habitation site near Suzdal]. *Sel'skaya Rus' v IX–XVI vv. [Rural Rus in the 9th–16th centuries]*.

- N.A. Makarov, S.Z. Chernov, eds., I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 299–307.
- Shpolyanskiy S.V.*, 2014. Nakhodki vooruzheniya i snaryazheniya verkhovogo konya v Suzdal'skom Opol'e (po materialam issledovaniy poslednikh let) [Finds of weapons and horse harness pieces in the Suzdal Opol'e (from recent studies)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo S'ezda v Kazani* [Transactions of the 4th (20th) Pan-Russian Congress in Kazan], III. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 198–200.
- Wyrwa Andrzej M., Janowski Andrzej*, 2014. Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5). *Fontes Archaeologici Posnanienses*. Poznań, vol. 50, part. 2, pp. 323–346.

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ОТПЕЧАТКИ НА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2017 г. О.А. Лопатина

Институт археологии РАН, Москва (lopatina.olga@gmail.com)

В статье обобщен опыт, накопленный в изучении так называемых текстильных отпечатков на керамике дьяковской и городецкой культур. Выборочно затронуты исследования текстильной керамики бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири. Выделены три направления их исследования: установление морфологических особенностей отпечатков, их систематизация; реконструкция приемов нанесения отпечатков; текстильные отпечатки как источник для реконструкции древнего плетения и ткачества. Проанализированы возможности текстильной керамики как источника для реконструкции историко-культурных процессов в древности.

Ключевые слова: историография, текстильная керамика, морфология, технология.

Так называемые текстильные отпечатки на поверхности сосудов были широко распространены в разные эпохи и на разных территориях. В данной статье ставится задача, во-первых, выделить направления, по которым проводилось их изучение, и обобщить накопленный исследователями опыт, во-вторых, оценить современные возможности изучения текстильной керамики как источника для реконструкций древних технико-технологических традиций и историко-культурных процессов, имевших место в прошлом. В работе рассматриваются исследования текстильной керамики разных археологических культур (дьяковской, культуры сетчатой керамики, городецкой, западносибирских комплексов с текстильной керамикой неолита и бронзы). При этом наибольшее внимание сосредоточено на материалах дьяковской культуры, которая представляет собой часть обширной области, где в эпоху бронзы и раннего железного века она была широко распространена.

Текстильные отпечатки на керамике подвергались изучению многократно в связи с решением самых разных исследовательских задач. Эти работы очень разнородны и по степени методической разработанности, и по детальности исследований, и по охвату материала. Можно выделить три основных направления, сложившихся к настоящему времени в изучении текстильной керамики.

В рамках первого направления рассматриваются морфологические особенности отпечатков,

которые служат для описания материала и его первичной систематизации. Они также являются средством для выявления локально-хронологических особенностей текстильной керамики. Второе связано с выяснением происхождения текстильных отпечатков, а именно тех технологических приемов, с помощью которых отпечатки создавались на поверхности сосудов. Третье рассматривает текстильную керамику как источник для изучения древнего плетения и ткачества. Остановимся на каждом из них подробнее.

Первое направление. Впервые классификация текстильных отпечатков была предложена В.А. Городцовым (1901. С. 44–49). Он объединил их в “семейство печатных орнаментов”, которые, по его мнению, наносились мягкими материалами, связанными с текстильной продукцией (“род нити”, “род веревочки”, “род перевитой веревочки”, “род тесьмы”, “род рогожи”, “род ткани” и “род сетки”). С задачей описания текстильных отпечатков была связана классификация В.И. Каменского и А.А. Спицына (1903а) материалов с городищ Клинского уезда.

Формирование терминологического аппарата для описания особенностей текстильной керамики происходило в начале XX в. Изначально в отечественной литературе наиболее употребительными в качестве общего обозначения были два термина: “сетчатая” (Сизов, 1897. С. 258; Спицын, 1903а. С. 130; Гендуне, 1906. С. 6; Городцов, 1910. С. 373) и “рябчатая” (Городцов, 1900. С. 25, 26; 1901. С. 73; Спицын, 1903а. С. 133; Спицын,

1922). Рябчатым В.А. Городцов называл “тип узора, составленный из более или менее коротких или округлых элементов одного и того же вида, расположенных равномерно по всей площади орнамента”. Этот термин он использовал в отношении не только текстильной керамики, но и неолитической, сплошь покрытой так называемыми чеканными орнаментами (Городцов, 1901. С. 73). Термин “ниточные” использовался В.А. Городцовым только в качестве синонима термину “рябчатые” (1900. С. 25, 26), но никак не для обозначения отдельной группы керамики, как пишут некоторые исследователи (Фоломеев, 1975. С. 157, 161; Чернай, 1981. С. 71; Сыроватко, 2009. С. 104).

Термин “текстильная” был предложен позднее. Его появление, скорее всего, связано с работами Б.С. Жукова (1929), по-видимому, заимствовавшего его из североевропейской, точнее финской научной литературы. Интересно отметить, что А.А. Спицын, характеризуя керамику с рельефными отпечатками на поверхности с многослойной Бологовской стоянки, называет ее “сетчатой” (1903б. С. 254, 276), а Ю. Айлио ту же самую керамику — “текстильной” (Ailio, 1922. С. 52). В дальнейшем в использовании терминов “текстильная” или “сетчатая” керамика, прослеживались предпочтения представителей разных научных направлений. Первый термин в основном использовали ученики Б.С. Жукова, последователи палеоэтнологической школы (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский и др.), второй — В.А. Городцова (А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс).

Позднее над систематизацией текстильных отпечатков много работали Б.А. Фоломеев (1975; 1998) и И.Л. Чернай (1981). Предложенные ими классификации были нацелены, прежде всего, на выяснение локальных и хронологических особенностей керамики с разными видами отпечатков. Связь отпечатков разного облика с разными хронологическими периодами неоднократно отмечалась исследователями (Городцов, 1900. С. 34, 35; Фосс, 1949. С. 38, 39; Бадер, 1950. С. 125, 127; Качанова, 1954. С. 13–18; Розенфельдт, 1974. С. 151, 152).

Текстильные отпечатки поселения эпохи бронзы — раннего железа Тюков городок были разделены Б.А. Фоломеевым по особенностям их морфологии на два типа — ниточные (в виде отпечатков нитей) и рябчатые (в виде мелких ячеек различных очертаний), а внутри типов — на четыре варианта (1975), таким образом, в термины, изначально предложенные В.А. Городцовым как синонимичные, Б.А. Фоломеев вложил иное понимание — они стали обозначать не один массив

отпечатков, а две разные группы. Для каждого варианта выявлен круг аналогий, определены хронологические особенности. Б.А. Фоломееву удалось установить, что в эпоху поздней бронзы — начала железа керамика с ниточными отпечатками была распространена преимущественно на памятниках Среднего Поочья, а с рябчатыми — Верхнего Поволжья. К другим важным выводам этой работы относится установление относительно раннего характера варианта 1 рябчатых отпечатков (мелкие подквадратные оттиски) и относительно позднего — варианта 4 рябчатых (крупные подпрямоугольные оттиски, напоминающие рогожные), что в дальнейшем подтвердилось работами других исследователей (см. ниже). Вместе с тем территориально-хронологические особенности других выделенных автором вариантов отпечатков остались довольно расплывчатыми.

Позднее Б.А. Фоломеев предложил более подробную классификацию отпечатков. Он выделил три “вида текстильных фактур” (рябчатая, ниточно-шнуровая и ниточно-жгутовая), внутри которых — 5 типов с 18 подтипами отпечатков (Фоломеев, 1998. С. 84, 85). Эта классификация обобщала большой объем материала на памятниках бронзового и раннего железного века Среднего Поочья, являлась своего рода каталогом отпечатков, однако попытки выявить хронологические особенности отпечатков автором уже не предпринимались.

Классификация И.Л. Черная включала четыре типа, представленные овально-ячеистой, стежковой, жгутовой и рябчатой фактурами. Внутри типов выделялись подтипы, виды и разновидности — всего 20 дефиниций (Чернай, 1981. С. 71–73). На основании предложенной систематизации автор попытался выявить хронологические особенности отпечатков на керамике Селецкого городища. Было сделано важное наблюдение о том, что стежковые отпечатки встречаются только в ранних слоях памятника (Чернай, 1981. С. 82. Рис. 5).

Чрезмерная дробность классификаций И.Л. Черная и Б.Ф. Фоломеева стала причиной того, что они не применялись в последующих исследованиях. Кроме того, И.Л. Чернай сам отмечал некоторую морфологическую изменчивость отпечатков даже в рамках одного сосуда. Именно это обстоятельство делает весьма расплывчатыми границы между таксонами, особенно на уровне наиболее мелких различий. Объяснение технологии создания отпечатков (Лопатина, 2015а) показало необоснованность выделения

ряда таксономических единиц в рамках этих классификаций.

В дальнейшем для описания дьяковской текстильной керамики использовались гораздо более простые классификации. Так, К.А. Смирнов на основании распространения групп текстильной и ложнотекстильной керамики в Волго-Окском междуречье делал вывод о существовании двух независимых центров формирования дьяковской культуры (средняя Ока и верхняя Волга). Разный облик двух групп отпечатков автор связывал с разными традициями изготовления керамики (Смирнов, 1991. С. 20). По сути, вывод Б.А. Фоломеева о локальных особенностях в распространении ниточных (текстильных) и рябчатых (ложнотекстильных) отпечатков был подтвержден новыми материалами, в основном происходящими с дьяковских городищ, в меньшей степени — со стоянок эпохи бронзы.

По керамике городища Дьяков Лоб К.А. Смирновым (1993. С. 53–55) были выделены три группы сетчатых отпечатков (ложнотекстильная в виде отпечатков гребенки, ложнотекстильная в виде ногтевых отпечатков и текстильная). Первая, судя по описанию, соответствует варианту 1 рябчатых отпечатков (по Б.А. Фоломееву) и относится к раннему времени.

В работах А.С. Сыроватко идея выделения локально-хронологических особенностей разных видов текстильных отпечатков нашла дальнейшее развитие (2000; 2007–2009). На материалах дьяковских городищ коломенского течения р. Оки им исследовалось послойное распределение керамики с ниточными, рябчатыми и рябчатыми крупноячеистыми отпечатками. Вопреки полученным ранее наблюдениям К.А. Смирнова, общее количество рябчатой керамики на ряде памятников превышало ниточную (Сыроватко, 2009. С. 119). Вместе с тем ниточная керамика преобладала на определенных этапах существования памятников.

Автором была предпринята попытка доказать, что в разные хронологические периоды существования городищ преобладала керамика с разными видами отпечатков. Так, в эпоху финальной бронзы — середины I тыс. до н.э. доминировала ниточная керамика типа Климентовской стоянки; в V–III вв. до н.э. — мелкочаеистая рябчатая; в III–II вв. до н.э. — первых веках н.э. — ниточная керамика; в финале бытования сетчатой керамики — крупноячеистая рябчатая (Сыроватко, 2009. С. 123). Исходя из такой “смены облика керамического комплекса”, автор делает вывод о культурной неоднородности в рамках

классической ранней дьяковской культуры (Сыроватко, 2008). По мнению А.С. Сыроватко, это соотносится с переменами, за которыми могут стоять как некие исторические события (2009. С. 178–180), так и определенные климатические изменения (2013). Для соседних территорий (рязанские, каширские и городища средней и верхней Москвы-реки) А.А. Сыроватко отмечает несколько иную последовательность смены одних отпечатков другими. Данная ситуация связывается с чередованием “периодов сходства” и “периодов различия” керамической традиции соседних памятников, т.е. с мозаичностью “культурных вариантов” во времени и пространстве (Сыроватко, 2009. С. 136–171, 254). В связи с этим автором часто используются словосочетания “культурные различия”, “культурные импульсы”, “культурная неоднородность”. Однако осталось не ясным, в чем еще заключаются эти культурные различия, кроме различий в облике отпечатков; насколько они глубоки; какие события могли приводить к смене одних отпечатков другими.

В настоящее время для первичной систематизации дьяковской текстильной керамики ряд исследователей придерживается разделения ее на “ниточную” и “рябчатую” (Кренке, Лопатина, 2008. С. 379; Лопатина, 2009. С. 205; Сыроватко, 2009. С. 110, 111; Сидоров, 2009. С. 147, 148). Эти термины, учитывающие самые общие особенности морфологии, достаточно нейтральны. В отличие от терминов с частицами *псевдо-* и *ложно-* они не несут в себе явной попытки объяснить, каким материалом наносились отпечатки, что всегда нуждается в специальном обосновании.

Классификации текстильных отпечатков были предприняты не только по керамике Волго-Окского междуречья, но и других областей. Так, В.С. Патрушев систематизировал большой массив материалов с памятников эпохи бронзы и раннего железного века лесного Поволжья. Он предложил 35 признаков, предназначенных для описания и статистической обработки разных вариантов рельефных отпечатков на керамике (ниточных, рябчатых, типа “дождь”, бороздчатых и их сочетаний) (Патрушев, 1989. С. 22–25, 89, 90). К сожалению, в работе В.С. Патрушева отсутствует морфологический анализ отпечатков, что заставляет усомниться в обоснованности выделенных им групп. По его данным, преобладание рябчатой керамики на памятниках Поволжья не столь очевидно, что не вполне согласуется с выводами Б.А. Фоломеева об особенностях распространения ниточных и рябчатых отпечатков.

Особенности морфологии были взяты за основу И.Г. и Т.Н. Глушковыми для классификации текстильной керамики неолита — бронзы другого географического региона — Западной Сибири. Она включает восемь типов оттисков: треугольно-ячеистые, овально-ячеистые, рябчатые, гусеничные, жгутовые, отпечатки узелковой сетки, отпечатки тканой фактуры, неопределимые (Глушков, Глушкова, 1992. С. 58). На сегодняшний день она представляется наименее противоречивой, поскольку учитывает только наиболее явные морфологические различия. Вместе с тем в окончательных выводах авторов фигурируют уже не морфологические, а технологические типы, связь между которыми не обозначена (Глушков, Глушкова, 1992. 109, 110).

Второе направление. Несмотря на то что текстильные отпечатки изучаются уже давно, специальных работ, направленных на исследование технологических приемов их нанесения, крайне мало. В работах, посвященных дьяковской культуре, высказывалось множество мнений о возможном использовании либо тканей, либо штампов для создания текстильных отпечатков. Однако при этом конкретные приемы их нанесения вообще не обсуждались. (Обобщения этих высказываний см., например: Розенфельдт, 1974. С. 151–153; Чернай, 1981. С. 70; Смирнов, 1991. С. 12–16; Lavento, 2001. P. 52–57.)

Попытки как-то объяснить происхождение текстильных отпечатков отразились в появлении терминов с частицами *псевдо-* и *ложно-*. Однако какого-либо фактического обоснования они не имели и не получили распространения.

В целом взгляды исследователей на технологические приемы нанесения текстильных отпечатков на керамику сводятся к предположениям об использовании штампования, конструирования в рельефной емкости, прокатывания и выбивания. Рассмотрим их последовательно.

Штампование как прием орнаментации рассматривалось в работах многих исследователей; оно представляет собой наиболее раннюю версию. В качестве штампа предполагалось использование разных инструментов. Помимо уже упомянутых нити, веревочки, тесьмы, рогожи, ткани, сетки, которые допускал В.А. Городцов, речь шла об использовании каменного штампа с нарезанными ячейками (Трубникова, 1952. С. 125–129); палочки, обмотанной веревочкой (Семенов, 1955, С. 141); дощечки, обмотанной нитями (Арзютов, 1926; Лозе, 1972. С. 21); деревянного штампа с вырезанными ячейками (Глушков,

Глушкова, 1992. С. 75, 89–92); ладони руки, обмотанной нитями (Сидоров, 2009. С. 147–149).

Конструирование с помощью форм-моделей. Впервые эту гипотезу выдвинул В.А. Городцов, предполагавший использование для этого “внешних форм” с рельефной поверхностью (1922). Аналогичную точку зрения примерно в то же время высказывал Ю. Айлио: речь шла об использовании “сплетенных и тканых вспомогательных средств ... и корзинообразных или других моделей” (Ailio, 1922. S. 52).

В дальнейшем эта гипотеза была развита и обоснована А.А. Бобринским. Использование форм-емкостей и форм-основ он считал архаичным способом придания сосудам формы. В материалах городищ железного века Восточной Европы им отмечены формы-емкости из таких материалов, как ткань, кожа, рубец желудка животного (Бобринский, 1978. С. 187–190). Были выявлены специфические особенности таких форм. Некоторые виды текстильных отпечатков на поверхности дьяковской керамики рассматривались А.А. Бобринским как следы конструирования в форме-емкости из кожи рубца (1978. С. 193–201).

Связь текстильных отпечатков с формовкой в форме-емкости из плетеного текстиля предполагалась И.Г. и Т.Н. Глушковыми и для западно-сибирской текстильной керамики. Эта гипотеза проверялась авторами экспериментально, однако в археологическом материале соответствующие следы не были обнаружены (Глушков, Глушкова, 1992. С. 69, 70).

Ю.Б. Цетлин рассматривал прием конструирования в емкости в связи с изучением происхождения графических способов декорирования сосудов как один из способов создания технологически-декорированной поверхности. Его он считает исходным в эволюции навыков сплошного декорирования сосудов. Приемы же выбивания и прокатывания, по мнению Ю.Б. Цетлина, возникли позже как подражание конструированию в рельефной емкости (2002. С. 231–240).

Выбивание. Несмотря на то что выбивание стенок сосудов широко известно по этнографическому гончарству (см., например, Drost, 1967. S. 163, 164), этот прием долгое время не рассматривался в связи возникновением текстильных отпечатков. В ранних работах, как правило, не делалось различий между приемами штампования и выбивания. Речь шла, например, о следах “быстрых ударов зубчатым инструментом” и отпечатках “орудия в виде дощечки с намотанной на нее веревкой” (Арзютов, 1926). Об ударах

зубчатого чекана писал и А.Х. Халиков, при этом вслед за В.А. Городцовым используя терминологию, связанную с обработкой металла (чеканка) (Халиков, 1960. С. 144). В качестве инструментов для выбивания, помимо зубчатого чекана, предполагались округлые в сечении инструменты, не подходящие для этой процедуры. Так, Б.А. Фоломеев полагал, что некоторые рябчатые отпечатки получались в результате ударов по поверхности палочкой, обмотанной веревочкой (1975. С. 165). П.Д. Степанов, исследуя керамику раннего железного века с рельефными отпечатками с Хвалынских городищ, высказал предположение о связи рогожных отпечатков с ударами лопаточки “с вырезанными на ней шишечными узорами”, а текстильных — с таким же применением лопаточки, обернутой тканью или рядами перекрученных нитей, с целью уплотнения глиняной массы (1960. С. 66, 67).

Впервые выбивание было подробно рассмотрено в работе А.А. Бобринского “Гончарство Восточной Европы” (1978), в основном в качестве приема, связанного с задачей придания сосуду формы. В этой связи им были изучены следы использования колотушек как с гладкой поверхностью, так и с рельефными насечками в виде полос или ячеек, а также колотушек, выбивание которыми происходило через разные рельефные материалы (ткань, кожу рубца, кожу книжки желудка животного); выявлены специфические следы использования таких инструментов (Бобринский, 1978. С. 201–209). Некоторые виды текстильных отпечатков на дьяковской керамике рассматривались А.А. Бобринским как результат выбивания через ткань или рубец желудка животного или колотушкой, обмотанной кожей рубца, а также ячеистой колотушкой (1978. С. 203. Рис. 81, 1–3; С. 205. Рис. 84, 2; С. 206. Рис. 86, 1–4; С. 208. Рис. 88, 3).

Следы выбивания как массовое явление отмечены И.Г. и Т.Н. Глушковыми в материалах западносибирской текстильной керамики. Опираясь на свои эксперименты, они выявили следы колотушек с нарезкой “под текстиль” и колотушек, обмотанных шнуром, в крохалевско-одиновской керамике эпохи бронзы, а также колотушек, обтянутых сеткой-плетенкой, в ангарской неолитической керамике (Глушков, Глушкова, 1992. С. 81–89).

Рельефное прокатывание как и выбивание, будучи широко известным по этнографии приемом (Drost, 1967. S. 164–172), редко рассматривалось в связи с происхождением текстильных отпечатков. Изучая материалы Тюкова городка,

Б.А. Фоломеев впервые предположил возможность прокатывания поверхности сосудов круглым в сечении штампом, обмотанным нитями, для получения так называемых ниточных отпечатков (1975).

А.А. Бобринский рассматривал следы на поверхности рогожной керамики городецкой культуры как результат прокатывания деревянного валика с вырезанными ячейками с целью обработки поверхности сосудов. Использование такого штампа было доказано экспериментально (1978. С. 231, 234).

Прием прокатывания палочкой, обмотанной шнуром, отмечен И.Г. и Т.Н. Глушковыми на керамике ботайской культуры и керамике эпохи раннего металла Прииртышья (1992. С. 75–81). Ими также выявлены единичные случаи прокатывания отдельным жгутом и резным штампом “под текстиль” в крохалевско-одиновских материалах; экспериментально опробованы для прокатывания штампы в виде веточек ели и ольхи. Прием прокатывания также рассматривался исследователями как способ обработки поверхности (Глушков, Глушкова, 1992. С. 73, 92, 93).

Вывод о прокатывании был сделан и Б. Думпе в результате изучения ранней текстильной керамики Латвии. Опираясь на данные эксперимента, автор приводит убедительные доказательства использования для этой цели скрученных или плетеных шнуров из грубых растительных материалов (Dumpe, 2006. L. 71–84).

Отличительные признаки приема прокатывания были выявлены О.А. Лопатиной на дьяковской текстильной керамике; также были реконструированы инструменты, которыми оно производилось; установлено массовое распространение традиции прокатывания в среде дьяковского гончарства (Лопатина, 2015а; б).

В целом всесторонняя разработка методов идентификации тех или иных признаков на поверхности сосудов с конкретными приемами труда и орудиями гончаров (в частности, конструированием в емкости, выбиванием и прокатыванием), была начата в работах А.А. Бобринского (например, 1978). Им разрабатывались основы особого направления в исследованиях керамики — керамической трасологии, в рамках которого были намечены основные объекты, цели и методы исследований (Бобринский, 1999. С. 16, 17).

В дальнейшем И.Г. и Т.Н. Глушковы стали рассматривать “методику трасологического изучения текстильных отпечатков как

самостоятельный раздел археологического источниковедения” (1992. С. 27, 28). Ими была предложена схема описания текстильных отпечатков, которая дает возможность “довольно точно диагностировать разные типы оттисков и прогнозировать природу их образования” (Глушков, Глушкова, 1992. С. 29). Выглядит она следующим образом: планиграфия общей схемы текстильных отпечатков (место расположения, зональность, упорядоченность и направленность, перекрывание и наложение); рельеф (глубина, деформация, микроследы на отдельных отпечатках); характер оттисков (форма, край, ложе); метрические характеристики (длина, ширина, плотность на кв/см); схема взаиморасположения оттисков.

По сути, предложен список признаков, призванный ответить на вопрос о приемах создания отпечатков. Вместе с тем конкретные примеры не иллюстрируют, как он работает. Выводы о способах нанесения отпечатков делаются на основании выборочных наблюдений, а не всего перечисленного выше (Глушков, Глушкова, 1992. С. 33–57).

Третье направление. Связь текстильных отпечатков с тканями, плетениями и сетями была давно отмечена исследователями (Путятин, 1884. С. 289–297; Сизов, 1897. С. 256–267). При этом внешнее ассоциативное сходство являлось единственным доказательством высказанного мнения.

А.Я. Брюсов впервые попытался рассматривать текстильные отпечатки в целом как источник для реконструкции древнего плетения и ткачества, сравнивая реальные образцы древних тканей с отпечатками на керамике. Для этого использовалась макрофотография и слепки с поверхностей текстильной керамики (Брюсов, 1950. С. 287–305). Некоторые его сопоставления текстиля и отпечатков выглядят достаточно убедительными, но большая их часть нуждается в дополнительном обосновании. Кроме того, сам А.Я. Брюсов писал, что, помимо ткани, можно предполагать и следы “твердой основы с намотанными на нее нитями” (1950. С. 294).

Позднее аналогичную методику использовал и И.Л. Чернай (1981), собравший внушительную базу из 1500 слепков с текстильной керамики Селецкого городища, которые затем фотографировались с большим увеличением. Изначально полагая, что все отпечатки оставлены тканями, И.Л. Чернай пытался по слепкам выявить систему переплетения нитей. Однако, по признанию самого автора, “детальное строение текстиля проследить оказалось затруднительным”,

а “варианты строения текстиля ... можно проверить лишь путем физического моделирования выработки текстиля” (Чернай, 1981. С. 76). В другой своей работе он все-таки попытался представить в виде графической реконструкции текстиль особого, не известного нам строения, который мог бы оставлять на керамике некоторые виды текстильных отпечатков. Как признает сам автор, неполнота наблюдений за макро- и микрофактурой слепков заставила синтезировать строение текстиля “путем сведения ряда наблюдений”. Иными словами, полученная реконструкция отражает не конкретный отпечаток на керамике, а представляет собой некую синтезированную модель (Чернай, 1993. С. 38–41). В качестве доказательства отпечатков именно текстиля И.Л. Чернай предлагал признак расположения элементов по порядку сетки с ячейками в углах параллелограмма (1981; 1993). Однако это его предложение нельзя считать убедительным. Дело в том, что такое же расположение элементов наблюдается в результате воздействия на поверхность сосуда иными инструментами (Лопатина, 2015а).

Более совершенные приемы снятия слепков и подготовки их для макрофотографии были использованы группой исследователей при изучении текстильной керамики неолита и бронзового века Эстонии (Kriiska et al., 2005. S. 3–31). По нескольким образцам керамики им была предложена реконструкция способа переплетения, направления крутки нити, плотности ткани и толщины пряжи. Приведено сравнение отпечатков на керамике и некоторых образцов текстиля, плетеного иглой (Kriiska et al., 2005. P. 20–22).

Тем не менее следует признать, что приведенные попытки сопоставления якобы текстильных отпечатков с текстилем остаются малоубедительными (за исключением единичных явных случаев). В их основе лежит априорное допущение, что все текстильные отпечатки являются отпечатками тканей. В этих исследованиях не рассматривается возможность использования иных инструментов, способных оставлять похожие следы. Кроме того, они совершенно не затрагивают вопрос о том, как создавались текстильные отпечатки, какую функцию выполняла ткань при изготовлении сосуда. Речь шла только о “применении ткани при лепке или сушке” (Брюсов, 1950. С. 287), об использовании “цельнотканевых мешочков” (Чернай, 1981. С. 76), прикладывании или обтягивании тканью наружной поверхности сосуда (Чернай, 1993. С. 45), а также об использовании варежек, сшитых из тканого полотна

либо плетеных иглой (Kriiska et al., 2005. Р. 25). Все эти суждения высказывались только в форме предположений и специально не обосновывались. Между тем ткань при использовании ее для конструирования сосуда может оставлять очень специфические следы (складки, следы стягивания, следы соединения конструктивных элементов и т.п.), не связанные с самими отпечатками, но способные показать, с какой целью ткань использовалась в данном конкретном случае. Отсутствие трасологического анализа в этих исследованиях не позволяет признать доказательность предложенных выводов. Кроме того, результаты новых исследований приводят к заключению о том, что большая группа текстильных отпечатков, в частности на дьяковской керамике, принятых И.Л. Чернаем за отпечатки тканей, оставлены в результате приема прокатывания поверхности инструментами из шишек ели с частично удаленными чешуями (Лопатина, 2015а).

И.Г. и Т.Н. Глушковы также рассматривали текстильную керамику как источник для реконструкции древнего плетения и ткачества, но основываясь на трасологическом анализе керамики. Под обозначением “текстиль” авторы понимают как плетеные изделия, так и ткани (Глушков, Глушкова, 1992. С. 63, 64). Установлено, что тканые фактуры наиболее просты для диагностики; их отличительными признаками являются строгая упорядоченность элементов в рядах, разная степень пропечатки одной и той же фактуры, непрерывность рядов, относительная плотность переплетения. Признаки, характеризующие плетеные изделия, отдельно авторами не сформулированы. Вместе с тем ими экспериментально исследованы разные виды плетений, которые гипотетически могли бы оставлять некоторые виды сходных с текстильными отпечатков. Это виды “безуточного текстиля типа безузовой сетки”, в котором нет поперечных нитей утка, вязаных узлов и петель. Авторы приходят к заключению, что невозможно точно диагностировать использование разных текстильных (плетеных) структур, так как они имеют сходные отпечатки в глине. Предложены только “возможные версии способов плетения, создающие непротиворечивую картину” (Глушков, Глушкова, 1992. С. 95–99). В целом, среди текстильной керамики неолита–бронзы Западной Сибири отпечатки, собственно, текстиля практически не встречаются, отмечены лишь единичные случаи формовки на шаблоне с использованием ткани (Глушков, Глушкова, 1992. С. 66–68).

Отпечатки текстиля на керамике, если их связь с текстилем действительно доказана, являются ценным источником для реконструкции древних приемов плетения и ткачества. Однако неверно рассматривать всю текстильную керамику в качестве такого источника. Поскольку не только и не столько ткани, но и иные инструменты способны оставлять на поверхности следы, похожие на отпечатки текстиля.

Подводя итог сделанному обзору, отметим, что с самого начала изучения керамики с текстильными отпечатками она рассматривалась исследователями как важный исторический источник. В отечественной литературе такая керамика традиционно продолжает рассматриваться как этнический маркер финно-угорского населения (см., например: Спицын, 1903а. С. 113, 114; Третьяков, 125–145; Сидоров, 2013).

Динамика развития знаний о текстильных отпечатках представляется в следующем виде. Вначале исследование отпечатков сводилось к задачам чисто описательного характера. В дальнейшем стали предприниматься попытки классифицировать отпечатки по морфологическим признакам. Значительное морфологическое разнообразие отпечатков привело исследователей к мысли о возможностях использовать их в качестве локально-хронологических индикаторов для разных групп древнего населения. Ставились задачи проследить динамику культурных взаимодействий на основании данных о морфологии текстильных отпечатков.

Параллельно решались задачи, связанные с выяснением происхождения отпечатков с точки зрения технологии их создания. Были выдвинуты следующие основные гипотезы, объясняющие приемы создания отпечатков, — конструирование в емкости, выбивание, прокатывание, штампование. Высказаны предположения об инструментах, которые при этом использовались. Методика, предложенная А.А. Бобринским, дала возможность использовать технологическую информацию как полноценный источник для историко-культурных реконструкций. Изучение навыков гончарного производства, передающихся, главным образом, по кровнородственным каналам, позволяет делать заключения о традициях гончарного производства в древних обществах, изучать процессы их смешения (Бобринский, 1978; 1999). Информация о приемах, с помощью которых текстильные отпечатки появлялись на поверхности сосудов, может стать основанием для таких реконструкций. Однако в целом здесь пока достигнуты достаточно скромные

результаты, что связано с необходимостью специального трасологического исследования отпечатков, разработки методов такого исследования.

Следует признать, что в отношении керамики с текстильными отпечатками дьяковской культуры, а также культур финальной бронзы Восточной Европы преобладает морфологическое, а не технологическое направление их исследований. В последнее время наметились определенные противоречия между этими двумя подходами. Это проявилось, во-первых, в том, что целый ряд дефиниций в рамках морфологических классификаций И.Л. Черная и Б.А. Фоломеева оказались необоснованными. Во-вторых, в ошибочности реконструкций тканей по одному только внешнему сходству отпечатков с текстилем без их специального трасологического анализа. Кроме того, доказано, что морфологически сходные отпечатки могли быть получены в результате совершенно разных приемов, связанных с разными гончарными традициями. Так, по морфологическим признакам к группе “ниточных” можно отнести и отпечатки, полученные выбиванием колотушкой, обмотанной нитями, и прокатыванием инструментом в виде округлой в сечении основы, обмотанной нитями (Лопатина, 2015б). Поэтому опираться только на морфологию отпечатков при реконструкции историко-культурных процессов совершенно недостаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой рогожной керамике // Тр. Нижневолжского научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Отдельный оттиск. Саратов, 1926. С. 1–6.
- Бадер О.Н. Древние городища на верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.; Л.: АН СССР (МИА; № 13). С. 90–133.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ, 1999. 233 с.
- Брюсов А.Я. Сетчатая керамика // СА. 1950. Т. XIV. С. 287–305.
- Гендуне Ю.Г. Городище Топорок // Тр. Обл. Тверского АС. Отдельный оттиск. Тверь, 1906. С. 1–15.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник: По материалам бронзового века Западной Сибири. Тобольск: Тобольск пед. институт, 1992. 130 с.
- Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVII. М., 1900. С. 1–37.
- Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС в Киеве в 1899 г. Т. 1. Отдельный оттиск. 1901. 97 с.
- Городцов В.А. Бытовая археология: курс лекций. М.: Московский Археологический институт, 1910. 482 с.
- Городцов В.А. К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. № 2. Отдельный оттиск. Казань, 1922. С. 178–187.
- Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.
- Качанова В.И. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Сб. статей под ред. проф. А.П. Смирнова. М.: Госкультпросветиздат, 1954 (Тр. Музея истории и реконструкции Москвы; Вып. 5). С. 9–37.
- Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья: Матер. научн. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–392.
- Лозе И. Поздний неолит и ранняя бронза Восточной Латвии: Автореф. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1972. 31 с.
- Лопатина О.А. Опыт технологического изучения “текстильных” отпечатков (на примере дьяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Вып. 8. Елабуга, 2009 (Серия “Археология евразийских степей”). С. 304–212.
- Лопатина О.А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности “текстильной” керамики // КСИА. 2015а. Вып. 240. С. 163–171.
- Лопатина О.А. К различению приемов прокатывания и выбивания на дьяковской “текстильной” керамике (экспериментальное изучение) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015б. С. 43–53.
- Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 99 с.
- Пуятин П.А. О гончарном искусстве в каменном веке // ИИРГО. 1884. Т. XX. Вып. 3. С. 280–309.
- Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 90–197.
- Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. № 57. С. 137–144.
- Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.

- Сидоров В.В.* Взаимодействие культур позднего бронзового века в лесной зоне Восточной Европы // История и культура Ростовской земли: Матер. конф. Ростов, 2013. С. 5–20.
- Сизов В.И.* Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX АС. Т. II. М., 1897. С. 256–268.
- Смирнов К.А.* Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. С. 12–22.
- Смирнов К.А.* Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993. С. 48–60.
- Спицын А.А.* Городища Дьякова типа // ЗОРСА РАО. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903а. С. 111–142.
- Спицын А.А.* Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА РАО. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903б. С. 239–277.
- Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922 (Переиздание: Антология советской археологии. Т. I. М., 1995. С. 15–30).
- Степанов П.Д.* Хвалынские городища // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3. 1960. С. 50–90.
- Сыроватко А.С.* К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. 2000. № 4. С. 43–53.
- Сыроватко А.С.* Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль // Археология Подмосковья: Матер. научн. семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 47–52.
- Сыроватко А.С.* Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 173, 174.
- Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБук, 2009. 351 с.
- Сыроватко А.С.* Культурные трансформации у населения Средней Оки и Москворечья в раннем железном веке в контексте климатических колебаний // ТАС. 2013. Вып. 9. С. 390–392.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.
- Трубникова Н.В.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. 1952. ХСVII. С. 125–129.
- Фоломеев Б.А.* Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.
- Фоломеев Б.А.* Фактура текстильной керамики бассейна средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. С. 79–105.
- Фосс М.Е.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. 1949. XXVI. С. 34–40.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960 (Тр. Марийской археол. экспедиции; Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР; Ин-т языка, литературы и истории Казан. филиала АН СССР; Т. 1). 188 с.
- Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. С. 70–86.
- Чернай И.Л.* Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993. С. 35–47.
- Цетлин Ю.Б.* Происхождение графических способов декорирования глиняной посуды (постановка проблемы) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 231–240.
- Ailio Ju.* Fragen der Russischen Steinzeit. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdisty, 1922 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; V. 29. No. 1). 111 s.
- Drost D.* Topferei in Afrika. Technologie. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 15. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. 289 s.
- Dumpe B.* Agras tekstilas keramikas fakturu veidosanas ipatnibas // Arheoloģija un etnogrāfija XXIII. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. S. 71–84.
- Kriiska A., Lavento M., Peets J.* New AMS dates of the Neolithic and Bronze age ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation // Estonian journal of archaeology. 9/1. Tallinn, 2005. P. 3–28.
- Lavento M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus. Nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 2001 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; V. 109). 385 p.

TEXTILE IMPRINTS ON EARLY POTTERY: ISSUES OF INTERPRETATION

Olga A. Lopatina

Institute of Archaeology RAS, Moscow (lopatina.olga@gmail.com)

This paper summarizes the study of the so-called textile imprints on pottery of the Dyakovo and Gorodets Cultures. The investigations of the Bronze Age textile pottery of Eastern Europe and Western Siberia are also touched upon selectively. Three directions of the study are distinguished, i.e. the establishment of morphological traits of the imprints and their systematization; the reconstruction of ways of making imprints; textile imprints as a source of the reconstruction of early plaiting and weaving. Textile pottery is examined as a potential source of the reconstruction of early historical-cultural processes.

Keywords: historiography, textile pottery, morphology, technology.

REFERENCES

- Arzyutov N.K., 1926. K voprosu o tak nazyvaemoy rogozhnoy keramike [Concerning the so-called sackcloth pottery]. *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniya* [Transactions of the Lower Volga Scholarly Society of Local Lore], iss. 35, part 1. Saratov, pp. 1–6.
- Bader O.N., 1950. Drevnie gorodishcha na verkhney Volge [Early habitation sites on the Upper Volga]. *Materialy po arkheologii Verkhnego Povolzh'ya* [Materials on the Archaeology of the Upper Volga Basin]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 90–133 (MIA, 13).
- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe: Sources and Research Methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A.A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as the object of cultural-historical research]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical Issues of the Study of Early Pottery]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 5–109.
- Bryusov A. Ya., 1950. Setchataya keramika [Netted pottery]. *SA* [Soviet Archaeology], XIV, pp. 287–305.
- Chernay I.L., 1981. Vyrabotka tekstilya u plemen d'yakovskoy kul'tury [Textile manufacture among the tribes of the Dyakovo culture]. *SA* [Soviet Archaeology], 4, pp. 70–86.
- Chernay I.L., 1993. Makro- i mikrostruktura slepkov s faktury tekstil'noy keramiki [Macro- and microstructure of casts from the texture of textile pottery]. *Finnougruy Rossii* [Fenno-Ugrians of Russia], 1. Yoshkar-Ola, pp. 35–47.
- Drost D., 1967. Topferei in Afrika. Technologie. Berlin: Akademie-Verlag. 289 p. (Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, 15).
- Dumpe B., 2006. Agras tekstilas keramikas fakturu veidosanas ipatnibas. *Arheoloģija un etnogrāfija*, XXIII. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, pp. 71–84.
- Folomeev B.A., 1975. Tyukov gorodok [Tyukov Gorodok]. *SA* [Soviet Archaeology], 1, pp. 154–170.
- Folomeev B.A., 1998. Faktura tekstil'noy keramiki basseyna sredney Oki [Texture of textile pottery of the Middle Oka basin]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya* [Archaeological Sites of the Middle Oka Basin], 7. Ryazan', pp. 79–105.
- Foss M.E., 1949. Itogi Galichskoy ekspeditsii [The results of the Galich expedition]. *KSIIMK* [Brief Communications of Institute of the History of Material Culture], XXVI, pp. 34–40.
- Gendune Yu.G., 1906. Gorodishche Toporok [The Toporok Habitation Site]. *Trudy Oblastnogo Tverskogo Arkheologicheskogo S'ezda* [Transactions of the Tver Oblast archaeological Congress]. Tver', pp. 1–15.
- Glushkov I.G., Glushkova T.N., 1992. Tekstil'naya keramika kak istoricheskiy istochnik: Po materialam bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri [Textile Pottery as a Historical Source: From the Bronze Age Record of Western Siberia]. Tobol'sk: Izdatel'stvo Tobol'skogo pedagogicheskogo instituta. 130 p.
- Gorodtsov V.A., 1900. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v doline r. Oki 1897 g. [A report on archaeological investigations in the Oka river valley in 1897]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Transactions of the Moscow Archaeological Society], XVII. Moscow, pp. 1–37.
- Gorodtsov V.A., 1901. Russkaya doistoricheskaya keramika [Russian prehistoric pottery]. *Trudy XI Arkheologicheskogo S'ezda v Kieve v 1899 g.* [Transactions of the 11th Archaeological Congress held in Kiev in 1899], 1. Moscow, pp. 577–672.
- Gorodtsov V.A., 1910. Bytovaya arkheologiya: Kurs lektsiy [Popular archaeology: Lectures]. Moscow: Moskovskiy Archeologicheskiy Institut. 482 p.

- Gorodtsov V.A., 1922. K vyясneniyu drevneyshikh tekhnicheskikh priemov goncharnogo dela [Elucidation of the earliest pottery techniques]. *Kazanskiy muzeynyy vestnik [The Kazan Museum Bulletin]*, 2, pp. 178–187.
- Kachanova V.I., 1954. O zaselenii Moskovskogo kra-ya v epokhu d'yakovskoy kul'tury [On the settling of the Moscow area in the epoch of the Dyakovo culture]. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya: sbornik statey [Archaeological Sites of Moscow and its Vicinities: A Collections of Papers]*. A.P. Smirnova, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 9–37 (Trudy Muzeya istorii i rekonstruktsii Moskvy, 5).
- Khalikov A. Kh., 1960. Materialy k izucheniyu istorii naseleniya Srednego Povolzh'ya i Nizhnego Prikam'ya v epokhu neolita i bronzы [Materials for the Study of the History of the Population of the Middle Volga and Lower Kama Basin in the Neolithic and the Bronze Age]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat. 188 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 1).
- Krenke N.A., Lopatina O.A., 2008. Gorodishche Borovskiy kurgan [The Borovskiy Kurgan settlement]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The Archaeology of the Moscow Area: Materials of the Scholarly Seminar]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 367–392.
- Kriiska A., Lavento M., Peets J., 2005. New AMS dates of the Neolithic and Bronze age ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. *Estonian journal of archaeology*, vol. 9, no. 1, pp. 3–28.
- Lavento M., 2001. Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus. Nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy. 385 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 109).
- Lopatina O.A., 2009. Opyt tekhnologicheskogo izucheniya "tekstil'nykh" otpechatkov (na primere d'yakovskoy keramiki) [An attempt of the technological study of 'textile' imprints on the example of Dyakovo pottery]. *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ya (k 150-letiyu otkrytiya Anan'inskogo mogil'nika) [At the Sources of the Archaeology of the Volga-Kama Basin: to the 150th Anniversary of the Discovery of the Ananyino Cemetery]*. Elabuga, pp. 204–212 (Arkheologiya evraziyskikh stepy, 8).
- Lopatina O.A., 2015a. K razlicheniyu priemov prokatyvaniya i vybivaniya na d'yakovskoy "tekstil'noy" keramike (eksperimental'noe izuchenie) [The differentiation of rolling and embossing techniques on the Dyakovo culture 'textile' pottery: An experimental approach]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii [Modern Approaches to the Study of Early Pottery in Archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 43–53.
- Lopatina O.A., 2015b. O proiskhozhdenii odnogo vida otpechatkov na poverkhnosti "tekstil'noy" keramiki [On the origin of a kind of imprints on the surface of 'textile' pottery]. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 340, pp. 163–171.
- Loze I., 1972. Pozdnyy neolit i rannyya bronza Vostochnoy Latvii: avtoreferat ... kandidata istoricheskikh nauk [The Late Neolithic and the Early Bronze Age of Eastern Latvia. Ph.D. Thesis Abstract]. Leningrad: Leningradskoe otделение Instituta arkheologii AN SSSR. 31 p.
- Patrushev V.S., 1989. U istokov volzhskikh finnov [At the Origins of the Volga Finnic Peoples]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. 99 p.
- Putyatina P.A., 1884. O goncharnom iskusstve v kamen-nom veke [On pottery-making in the Stone Age]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society]*, vol. XX, iss. 3, pp. 280–309.
- Rozenfel'dt I.G., 1974. Keramika d'yakovskoy kul'tury [Pottery of the Dyakovo culture]. *D'yakovskaya kul'tura [The Dyakovo Culture]*. Moscow: Nauka, pp. 90–197.
- Semenov S.A., 1955. K izucheniyu tekhniki naneseniya ornamenta na glinyanye sosudy [An investigation of the technique of decoration of earthenware]. *KSIIIMK [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture]*, 57, pp. 137–144.
- Sidorov V.V., 2009. Rekonstruktsii v pervobytnoy arkheologii [Reconstructions in the Prehistoric Archaeology]. Moscow: Taus. 216 p.
- Sidorov V.V., 2013. Vzaimodeystvie kul'tur pozdnego bronzovogo veka v lesnoy zone Vostochnoy Evropy [Interaction of the Late Bronze Age cultures in the forest zone of Eastern Europe]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli: materialy konferentsii [History and Culture of Rostov Land: Materials of the Conference]*. Rostov, pp. 5–20.
- Sizov V.I., 1897. D'yakovo gorodishche bliz Moskvy [The Dyakovo habitation site near Moscow]. *Trudy IX Arkheologicheskogo S'ezda [Transactions of the 9th Archaeological Congress]*, II. Moscow, pp. 256–268.
- Smirnov K.A., 1991. Dva rayona poyavleniya setchatoy keramiki [Two areas of the origin of netted pottery]. *Keramika rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya Verkhnevolzh'ya i sosednikh territoriy [Pottery of the Early Iron Age and the Middle Ages in the Upper Volga Basin and the Adjacent Territories]*. Tver', pp. 12–22.
- Smirnov K.A., 1993. Setchataya keramika s gorodishcha D'yakov Lob [Netted pottery from the Dyakov Lob settlement]. *Finno-ugry Rossii [The Fenno-Ugrians of Russia]*, 1. Yoshkar-Ola, pp. 48–60.
- Spitsyn A.A., 1903a. Bologovskaya stoyanka kamennogo veka [The Bologovo Stone Age site]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Department of the Russian and Slav Archaeology of the Russian Archaeological Society]*, vol. V, iss. 1. St. Petersburg, pp. 239–277.
- Spitsyn A.A., 1903b. Gorodishcha D'yakova tipa [Settlements of the Dyakovo type]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Department of the Russian and Slav Archaeology of the Russian Archaeological Society]*, vol. V, iss. 1. St. Petersburg, pp. 111–142.

- Spitsyn A.A., 1922. Arkheologiya v temakh nachal'noy russkoy istorii [Archaeology in the topics of early Russian history]. *Sbornik statey po russkoy istorii, posvyashchenny S.F. Platonovu. Petrograd* [A Collection of Papers on Russian History Dedicated to S.F. Platonov], pp. 15–20.
- Spitsyn A.A., 1995. Arkheologiya v temakh nachal'noy russkoy istorii [Archaeology in the topics of early Russian history]. *Antologiya sovetskoy arkheologii* [An Anthology of Soviet Archaeology], 1. Moscow. S. 15–30.
- Stepanov P.D., 1960. Khvalynskie gorodishcha [The Khvalynsk settlements]. *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Transactions of the Saratov Oblast Museum of Local Lore], 3, pp. 50–90.
- Syrovatko A.S., 2000. K voprosu o khronologii tekstil'noy keramiki pamyatnikov ust'ya Moskvy-reki [On the chronology of textile pottery from the sites of the Moscow river estuary]. *RA* [Russian Archaeology], 4, pp. 43–53.
- Syrovatko A.S., 2007. Nekotorye osobennosti d'yakovskogo keramicheskogo kompleksa gorodishcha Rostislavl' [Certain traits of the Dyakovo pottery complex of the Rostislavl' settlement]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [The Archaeology of the Moscow Area: Materials of the Scholarly Seminar], 3. Moscow: IA RAN, pp. 47–52.
- Syrovatko A.S., 2008. D'yakovskie etnokul'turnye transformatsii i keramika: vozmozhnosti rekonstruktsii [The Dyakovo ethnocultural transformations and pottery: Possibilities of reconstruction]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo S'ezda v Suzdale* [Transactions of the 2nd (18th) Pan-Russian Archaeological Congress Held in Suzdal], II. Moscow: IA RAN, pp. 173, 174.
- Syrovatko A.S., 2009. Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [The Southeast Moscow Area in the Iron Age: On the Characteristics of Local Varieties of the Dyakovo Culture]. Moscow: CheBuk. 351 p.
- Syrovatko A.S., 2013. Kul'turnye transformatsii u naseleniya Sredney Oki i Moskvorech'ya v rannem zheleznom veke v kontekste klimaticheskikh kolebaniy [Cultural transformations among the population of the Middle Oka and the Moskva river basin in the Early Iron Age in the context of climatic fluctuations]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [The Tver Collection of Archaeological Papers], 9. Tver', pp. 390–392.
- Tret'yakov P.N., 1966. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [The Fenno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga]. Moscow; Leningrad: Nauka. 308 p.
- Trubnikova N.V., 1952. O tekhnike naneseniya uzorov na posudu gorodetskikh i d'yakovskikh gorodishch [On the technique of decoration of tableware from the Gorodetsk and Dyakovo settlements]. *KSIIMK* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], XCVII, pp. 125–129.
- Tsetlin Yu.B., 2002. Proiskhozhdenie graficheskikh sposobov dekorirovaniya glinyanoy posudy (postanovka problemy) [The origin of graphic means of decoration of earthenware: Setting up the issue]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [The Tver Collection of Archaeological Papers], 5. Tver', pp. 231–240.
- Zhukov B.S., 1929. Teoriya khronologicheskikh i territorial'nykh modifikatsiy neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Evropy po dannym izucheniya keramiki [A theory of chronological and territorial modifications of certain Neolithic cultures of Eastern Europe from the study of pottery]. *Etnografiya* [Ethnography], 1, pp. 54–77.
- Ailio Ju, 1922. Fragen der Russischen Steinzeit. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 111 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, vol. 29, no. 1).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА. Ташкент: Санъат, 2013. 314 с.

Территория Республики Узбекистан богата археологическими памятниками, относящимися к разным историческим эпохам. Изучение их началось в дореволюционный период, продолжилось в большом объеме в советское и постсоветское время. Основными исполнителями археологических исследований на территории Республики являются в большинстве своем выпускники кафедры археологии Ташкентского университета, основанной и возглавляемой много лет М.Е. Массоном. В изучении археологических памятников принимают участие ученые России, а последние десятилетия также Австралии, Германии, Франции, Японии и других стран.

За годы раскопок получен огромный по объему и научной ценности материал, который в значительной степени дополнил данные письменных источников и помог восстановить целые главы в истории Узбекистана. Как отметил в предисловии редактор и один из авторов рецензируемой книги Э.В. Ртвеладзе: «В ней представлены краткие, но достаточно емкие данные о 90 археологических памятниках Узбекистана. Помимо основной характеристики памятника, описания уникальных археологических открытий, особое внимание уделено историко-культурной значимости каждого памятника, вошедшего в это издание».

Статьи, вошедшие в книгу, написаны коллективом авторов. Археологические памятники, о которых идет речь, относятся к большому отрезку времени от палеолита до средневековья. Они сгруппированы по периодам, характеристика их дается по одной схеме: место расположения, история изучения, стратиграфия, датировка и характеристика найденных при раскопках материалов. Текст напечатан на узбекском, русском и английском языках, что дает возможность познакомиться с содержанием книги большому кругу читателей. Характеристика памятников

сопровождается графическими планами и многочисленными цветными иллюстрациями. Прилагаемый к каждой статье список литературы позволяет получить дополнительную информацию.

Как бывает всегда, когда статьи написаны коллективом авторов, содержание их неравноценно. Например, при характеристике материалов раскопок хорезмийской Казаклы-Яткан (Акшахан-кала) детально рассмотрены вопросы датировки и атрибуции настенной живописи, найденной в дворцовых помещениях, и приведены разные мнения на этот счет. Менее детально рассмотрены стратиграфия и датировка материалов поселения Шуробкурбан, названного автором статьи «городом-крепостью». В некоторых статьях есть при описаниях памятников ошибки: например, неверно приведены размеры жилища неолитической стоянки Джанбаскалы 4–24 × 27 м (у С.П. Толстова 17 × 24 м). В другой статье говорится о том, что буддийский памятник Айртан впервые «отметил журналист и путешественник Д.Н. Логофет», хотя он был офицером-пограничником, контролировавшим посты на бухарско-афганской границе в конце XIX — начале XX в. При описании Хайрабадтепа не упомянуты раскопки, проведенные в южной части памятника К.А. Шейко в 2007 г., во время которых были вскрыты культурные слои, относящиеся к X–XII вв. Без этого стратиграфия Хайрабадтепа выглядит неполной. Графические планы некоторых памятников не проработаны, поэтому они нечеткие, расплывчатые.

В целом же рецензируемая книга является полезным справочником для археологов, краеведов, студентов и преподавателей. В то же время, наличие богатого иллюстративного материала делает ее привлекательной и востребованной для самого широкого круга интересующихся древней историей Узбекистана.

Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина

В.С. Соловьев

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. ПАМЯТНИКИ ЯИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V–IV вв. до н.э. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ // МАТЕРИАЛЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО УРАЛА. Т. III. Уфа: «Белая река», 2013. 223 с.

Рецензируемая книга состоит из 119 страниц текста и списка архивных материалов и литературы на 11 страницах. Текст иллюстрирует 41 рисунок. Книга утверждена к печати Ученым Советом Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. В монографии содержатся Введение, четыре главы и Заключение.

Уже во Введении при формулировке задач исследования на с. 7 авторы заявляют о необходимости выделения на Южном Урале новой археологической культуры — яицкой. И дальнейшее повествование действительно во многом посвящено выполнению этой заранее поставленной задачи.

В главе 1 освещается вопрос о соотношении исторических савроматов Геродота и савроматской археологической культуры, понятий, которые, как выясняют авторы, не совпадают. Надо заметить, что эта идея неоднократно обсуждалась в археологической литературе (Очир-Горяева, 1992; 1993; Яблонский, 2007), но авторы оставили эти публикации по теме без внимания. Они подробно разбирают историографию скифского рассказа Геродота касательно савроматов и связанных с ним этногеографических сюжетов. Авторы при этом неоднократно заявляют, что все без исключения археологи признают идентичность Танаиса Геродота и Дона, хотя упомянутый ими в этом списке автор рецензии приводил аргументы в пользу отождествления Танаиса с Сыр-Дарьей (Яблонский, 2005).

Далее со ссылкой на некоего немецкого ученого А. Хансена говорится об идентификации реки Лик Геродота с современной рекой Илек. Однако сноски на соответствующую работу А. Хансена, к сожалению, не приводятся. Оар Геродота становится, по мнению авторов Орью, то есть современным левым притоком Урала (с. 15), а упомянутые Геродотом крепости, построенные Дарием I во время своих походов на скифов, сопоставляются со “страной городов” Г.Б. Здановича (читай, с памятниками типа Аркаим).

Можно по-разному относиться к названию, предложенному Г.Б. Здановичем для этой группы памятников эпохи средней бронзы, но то, что они относятся именно к средней бронзе, кажется, ни у кого сомнений не вызывает. Не очень понятно, почему авторы, приводя в своей работе датировку памятников этого типа (первая половина II тыс. до н.э.), все же считают возможным отождествлять их с деятельностью Дария I. Однако сами авторы считают свои странные заключения неоспоримыми (с. 16).

Далее авторы переходят к этногеографии Южного Приуралья и отождествляют светлоглазых и рыжих будинов Геродота, “живших у края пустыни”, с кочевниками Южного Приуралья только на том основании, что к северу от степной зоны здесь располагается зона лесостепей и лесов.

Отрицая гипотезу двух савроматских объединений – историческую и археологическую, авторы полагают, что основной домен савроматов Геродота находился именно на Южном Урале (с. 17). Понятно, что данное утверждение вступает в явное противоречие с рассказом Геродота, на который так часто ссылались авторы в иных, нужных им контекстах. Позиция авторов в отношении текстов “отца истории” остается неясной. Либо они доверяют этим сведениям, но тогда следует признать, что савроматы жили в районе “вонючего озера” Меотиды, либо они не доверяют Геродоту, но тогда все их этногеографические реконструкции рассыпаются в пух и прах.

Для чего было авторам помещать савроматов на Южный Урал? Наверное, для того, чтобы устранить отсюда будинов, которых, по собственному замечанию авторов (с. 16) Геродот называл “вшеедами”, а кто захочет иметь таких предков? То же можно сказать и относительно геродотовых “плешиных”. Конечно, савроматы, боевые союзники скифов и победители амазонок намного почетнее и вообще выглядят романтичнее. В общем, авторы окончательно запутались в трактовке рассказов Геродота и в еще большей степени запутали читателя. Так что эта глава книги ничего нового, кроме новой путаницы в понятиях, этнонимах и этногеографии, увы, не вносит.

Другое дело глава 2. Судя по ее названию “Выборка погребений последней четверти V–IV в. до н.э. на Южном Урале”, она насквозь археологическая. Глава открывается интересными описаниями ранее неопубликованных материалов могильника у хут. Веселый в Стерлитамакском р-не Башкортостана (раскопки М.С. Смирнова в 1920 г. и А.Х. Пшеничнюка в 1968 г.). Некоторые находки сохранились только в фотографиях, но можно согласиться с датировками авторов, которые относят могильник к IV–III вв. до н.э. (с. 22), то есть к раннесарматскому времени. Жаль только, что нумерация предметов на таблице инвентаря из памятника перепутана; так, на рис. 1, 12 наконечники стрел обозначены как меч.

Могильник Елена (Николаевка) – раскопки Р. Исмагила и Ю.А. Морозова – содержал один курган с двумя ограбленными захоронениями. Ссылки на публикации отсутствуют. Судя по описаниям, в одном из погребений было найдено

биконическое пряслице и обломки бронзового зеркала с “закрайной?” (так у авторов. – Л.Я.). Авторы датируют курган третьей четв. V–IV в. до н.э. Основания для датировки, да еще с точностью до четверти столетия, не ясны. Утверждение, что в одном погребении был захоронен знатный человек, а в другом, полностью разрушенном, был похоронен его “стражник” критике не поддается. Качество рисунков, иллюстрирующих находки, не позволяет высказать собственную точку зрения относительно датировки погребений. На рис. 4 (удовлетворительного качества) отсутствует позиция 3.

В целом, при описании остальных могильников, упомянутых в главе, характеристика находок является неоправданно краткой, а дурное качество большинства иллюстраций не позволяет составить собственное представление об их культурно-хронологической принадлежности.

Глава 3 посвящена характеристике погребального обряда избранных могильников. Авторы подразделяют рассмотренные в книге могильники на грунтовые и курганные.

Грунтовых погребений немного. Почему-то в их число авторы включают грунтовые могилы из Северного Причерноморья и Дагестана (Бажиган). На самом деле в отношении Бажигана речь идет не о грунтовых, а о разрушенных в результате выветривания изначально подкурганных погребениях. Захоронения в дюнах и буграх Бэра, являющихся специфической обрядовой чертой степного населения Северного Прикаспия (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 141), по сути также сложно считать обычными грунтовыми погребениями.

Из четырех упомянутых захоронений, которые происходят, вероятно, из Южного Приуралья (Ветлянский Пески), одно было испорчено раскопками школьников, которые не оставили полевой документации. По рассказам очевидцев двое погребенных были ориентированы головой на запад и один – на юг. Судя по тому, что в описаниях инвентаря из этих могил фигурирует каменный жертвенник и молоточкообразные предметы, они могут датироваться савроматской и раннесарматской эпохой.

При описании курганных могильников, которых, конечно же, неизмеримо больше, чем так называемых грунтовых, авторы приводят только памятники, расположенные на территории Башкортостана, а среди них те, которые раскапывались при их участии или уфимскими коллегами (проявление своеобразного научного этноцентризма?). Последний проявляется еще и в том, что авторы неоднократно противопоставляют московских и башкирских ученых). Между тем, в заглавии книги речь идет о Южном Урале в целом.

Поэтому многие вводы авторов, возможно, верны для сгруппированной ими выборки, но они никак не могут распространяться на характеристику погребального обряда ранних кочевников Южного Урала и даже Южного Приуралья.

Таков вывод о преобладании индивидуальных погребений (с. 71). Во-первых, неясно, о каком периоде идет речь. Ведь выше авторы рассматривали в совокупности курганы и савроматской, и раннесарматской эпох, погребальный обряд которых различается. Так, курганы могильника Филипповка 1 почти все содержат множественные захоронения, которые присущи не только курганам, но и центральным захоронениям в них (могильные ямы с дромосами) (Яблонский, 2013). Известны такие захоронения и в Западном Казахстане (Гуцалов, 2004).

На с. 73 в рассуждениях о шатровых сооружениях сарматского (?) времени впервые упоминается название некой

яицкой культуры, хотя выше ни слова не было сказано о ее обосновании. Среди перечисленных авторами могильников с погребениями в ямах шатрового типа не упомянут могильник Филипповка 1, в котором их почти 100%. Этот феномен недавно вызвал дискуссию на одной из конференций по сарматской археологии (ср.: Яблонский, 2011 и Мошкова и др., 2011). В трактовке “шатровых” конструкций авторы приводят одну точку зрения о том, что они являлись реальными перекрытиями погребальных камер, хотя автор данной рецензии приводил аргументы в пользу того, что деревянные конструкции лишь имитировали крышу полуземлянки (Яблонский, 2009).

Далее авторы правильно утверждают, что подземные ходы в больших курганах ранних кочевников не являются грабительскими.

В специальном разделе рассматриваются каменные изваяния конца V—IV в. до н.э.

Рассуждая о “жреческих” атрибутах погребений савроматского времени, авторы верно предлагают называть их не “жреческими”, а “шаманскими” (с. 87). Они также правильно догадались о том, что в “савроматском” обществе именно женщины занимались нанесением татуировок (с. 89). Я говорю о догадках, поскольку, судя по всему, в период написания книги авторам не были известны находки специальных наборов для нанесения татуировок, которые были неоднократно сделаны именно в женских захоронениях могильника Филипповка 1 (Яблонский, 2009; 2014). Но в подтверждение своих слов авторы приводят очень интересные этнографические данные (с. 89). Три абзаца раздела посвящены проблеме амазонок. Понятно, что сколь-нибудь основательно эта проблема мельком не решается, и лучше было бы ее не затрагивать в таком виде вовсе.

Рассматривая проблему хронологии “савроматской культуры” авторы выделяют так называемую гумаровскую культуру VIII—перв. пол. VII в. до н.э. Однако для ее выделения используются всего пять курганов и не раскопанный пока могильник с выпавшим на его территории оленным камнем. Представляется, что этих материалов недостаточно для выделения новой археологической культуры, которая, к тому же, по словам авторов, бесследно исчезает к середине VII в. до н.э. (с. 95). Однако именно савроматы являлись, по их мнению, носителями этой гумаровской культуры. Тогда до героических времен (V в. до н.э.) они просто не дожили.

Следующей стадией развития раннесарматской культуры является не названная пока культура, сопоставимая с келермесской стадией развития скифской культуры после эпохи, последовавшей за возвращением скифов из переднеазиатских походов. Авторы датируют Келермес VII—перв. пол. VI в. до н.э., не принимая во внимание мнение В.Р. Эрлиха (и не только) о “протомеотской” принадлежности Келермеса (Эрлих, 2005. С. 319—323). В этот же круг памятников они включают кург. 17 из могильника Покровка 2, который автор раскопок датировал временем не ранее конца VI в. до н.э. (Davis-Kimball, Yablonsky, 1995/1996).

Еще одна новая археологическая культура, “марычская”, выделяется на с. 95, 96 книги. И здесь в контексте своих путанных рассуждений о хронологическом месте так называемых древностей марычского круга авторы с ожесточенной критикой обрушиваются на Б.Н. Гракова, называя его человеком, “легко и непринужденно ретранслировавшим чужие идеи”, “легким плагиатором” (с. 96, 97). Без комментариев оставляю это на совести авторов. Одного из классиков сарматоведения подвергают наветам только за то, что никому не понятная “марычская культура” ну никак не находит

места в его типолого-хронологических периодизациях (интересно знать, что о подобных высказываниях думают уважаемые рецензенты книги — кандидаты исторических наук Е.А. Круглов и Н.С. Савельев?).

Дальше — больше. К критической оценке произведений Б.Н. Гракова привлекаются работы небезызвестного в сарматоведении В.Ю. Зуева, которому, несмотря на предпринятые им энергичные усилия, так и не удалось переиначить периодизацию культур ранних кочевников Южного Приуралья. А вот К.Ф. Смирновым при “посильной помощи М.Г. Мошковой”, оказывается, была создана “защита Гракова”, не подлежащая научной критике. По-видимому, авторы предлагают нам заменить “защиту Гракова” на “защиту Зуева”. Но обмен будет неадекватным, и от него сарматчики наверняка откажутся.

Тут уж достается и автору рецензии, который, по словам авторов книги, некритично повторяет слова Б.Н. Гракова о том, что погребений блюменфельдского времени в Приуралье немного. И все это только для того, чтобы необоснованно объявить некоторые памятники Южного Приуралья конца VI—IV в. до н.э. принадлежащими к некой яицкой культуре, которая вновь неожиданно для читателя возникает на с. 98.

В список памятников яицкой культуры, публикуемый в книге (с. 98), попали могильники неоднородные как в хронологическом, так и в типологическом отношении, например, Гумарово (отнесенный выше к гумаровской культуре, не позднее VI в. до н.э., а то и ранее) и Филипповка 1, который (даже с учетом антикварного характера погребального инвентаря) не может датироваться временем ранее конца V, а скорее всего — IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012). Если разделить список Р. Исмагила только на два хронологических этапа — конец VI — конец V в. до н.э. (Альмухаметово, Сибай, Биш-Уба, Кырык-оба) и конец V — IV в. до н.э. (Переволочан, Филипповка 1, некоторые погребения Кырык-Обы и еще ряд отсутствующих в списке памятников), — то окажется, что на обоих этапах могильники немногочисленны, что вполне соответствует наблюдениям Б.Н. Гракова и Л.Т. Яблонского.

И вот наконец на с. 101 делается попытка обосновать существование яицкой культуры. Оказывается, что в ее появлении виноваты Б.Ф. Железчиков с А.Х. Пшеничнюком, и только потому, что эти героические ученые еще при советской власти осмелились заявить, что савроматская культура пришла в Приуралье из Приаралья в “готовом виде”. Оба упомянутых ученых действительно совершили немало героических поступков при проведении полевых работ в условиях сухой степи, но ничего героического в публикации их научной гипотезы я не вижу. Тем более что она была поддержана и другими сарматчиками в виде соответствующих публикаций (см., например, Таиров, 2007).

Не вызывает принципиальных возражений мнение о межкультурных влияниях населения Южного Приуралья и Средней Азии в раннесакское время (Железчиков, Пшеничнюк, 1994). Однако, как нам кажется, наличие общих археологических признаков в погребальном обряде двух этнокультурных массивов легче объяснить не сезонными миграциями (и тем более, переселениями), а их вхождением в общий культурно-хронологический горизонт (КХГ)¹.

Вот эту-то “готовую” культуру авторы рецензируемой книги и предлагают обозначить, как яицкую (по старому

¹ Подробнее о КХГ см.: Яблонский, 2011, 2012.

названию р. Урал – Яик)². Уверен, что, если бы мои друзья, ныне покойные Борис Федорович и Анатолий Харитонович, узнали об использовании их построения, они бы, не задумываясь, отреклись от своей приаральской гипотезы только ради отказа от предположений Р. Исмагила и Ф.А. Сунгатова.

Время бытования этой мифической культуры авторы определяют в пределах посл. четв. V – IV в. до н.э. Нельзя не видеть, что эти рассуждения, включающие критику периодизаций Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, прозвучали в работе ученика Р. Исмагила – В.Ю. Зуева за тринадцать лет до издания рецензируемой книги (Зуев, 2000. С. 86–93). Вот уж поистине: “Учитель, воспитай себе ученика, чтобы было у кого учиться”! Разница в подходах к теме только одна: ученик называет эту культуру V–IV вв. до н.э. не яйцкой, а филипповской (Зуев, 2000. С. 93). Смена названия не меняет сути дела, которая состоит в том, что разрушаются концепции Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова о культурно-генетической преемственности культур ранних кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века.

А вот это уже принципиально. В.Ю. Зуев обосновывал свою позицию ложными, как оказалось (Яблонский, 2010), представлениями о поздней дате эпонимного для сарматской археологии Прохоровского могильника и о хронологическом hiatus между памятниками типа Филипповка и Прохоровка. Позиция В.Ю. Зуева была подвергнута справедливой критике, но ее можно критиковать, поскольку она хоть и неверна, но авторская аргументация понятна.

На чем основывают свою позицию авторы рецензируемой книги непонятно вообще, так как обоснования путаны, противоречивы и неточны. Поэтому в данном случае концепцию авторов книги критиковать бесполезно. Нам предлагают очередной археологический миф, к которому именно так и нужно относиться.

На с. 102 авторы заявляют, что рецензент поддержал позицию В.Ю. Зуева (Яблонский, 2008) в понимании филипповской культуры, когда высказался в пользу существования филипповского культурно-хронологического горизонта. Однако, мало-мальски образованному человеку понятно, что археологическая культура и хронологический горизонт – вовсе не одно и то же, и никакие утверждения о существовании филипповской культуры Л.Т. Яблонский никогда не поддерживал. К филипповскому культурно-хронологическому горизонту относится, например, как оказалось, продукция ювелирных мастерских, расположенных на территории ахеменидской державы (Влияния..., 2012), но последние никак не принадлежат ни к какой археологической культуре Южного Приуралья.

Далее авторы приводят хроноиндикаторы яйцкой культуры. Приведенные ими для хронологических обоснований широкие аналогии (от Причерноморья до Верхнего Приобья и Алтая, включая Среднюю Азию) лишний раз говорят о разнотипности памятников и комплексов, к которым эти аналогии принадлежат. То же касается и обсуждаемых признаков погребального обряда.

В ЗаклЮчении авторы повторяют путанные обоснования яйцкой культуры, попутно (на одной странице) задев проблему соотношения письменных и археологических источников.

Как это принято при издании материалов археологических раскопок, текст проиллюстрирован чертежами

и таблицами рисунков сопровождающего погребения археологического инвентаря. С сожалением нужно отметить, что качество выполнения и печати этих таблиц оставляет желать лучшего. Формат книги диктовал чрезмерное уменьшение отдельных позиций в таблицах.

К сильным сторонам монографии можно отнести то, что в ней впервые изданы некоторые археологические памятники (могильники). Эти памятники асинхронны и типологически неоднородны, но в совокупности своей они принадлежат к савромато-раннесарматской эпохе культуры кочевников Южного Приуралья. Это результаты археологических раскопок, которые носили в основном охранной характер и выполнялись без заранее определенных научных целей. Цель определилась, вероятно, в период подготовки книги к печати: правдами и неправдами доказать существование выдуманной яйцкой культуры и заодно еще двух – гумаровской и марычской. Материалов для выделения этих культур мало (использованы, в основном, памятники, раскопанные только самими авторами книги, без привлечения других многочисленных источников, полученных в последние десятилетия). Поэтому доказательства не надежны, а система их изложения запутана и противоречива. Попытка втиснуть новообразованные культуры в традиционно принятые в археологическом сарматоведении периодизации классиков отечественной археологии Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова закономерно заставляют авторов рецензируемого опуса попытаться разрушить эти периодизации. При этом сами авторы “легко и непринужденно” используют в своих рассуждениях давно опровергнутые наукой идеи В.Ю. Зуева, опубликованные еще в 2000 г.

В заключение можно лишь отметить, что представленный в книге материал и способы его изложения никак не соответствуют названию монографии, поскольку яйцкой культуры, как выясняется, в природе не существует, а изложенный в книге фактологический материал вовсе не покрывает сколь-нибудь полно известные памятники кочевого населения Южного Приуралья в обозначенную в заглавии эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.): в 2 т. М.: Таус, 2012. 2 т.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья в VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 134 с.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скелета I в.н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничник А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: тез. докл. междунар. конф. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1994. С. 5–8.
- Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии “раннесарматской” культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: матер. IV междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Вып. 1. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 85–104.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: матер. VII междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167.

² Хотя, если уж на то пошло, было бы правильнее назвать ее “готовая сырдарьинская”.

- Очир-Горпыева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 6. С. 32–41.
- Очир-Горпыева М.А. Савроматы Геродота // Скифия и Боспор: сб. докл. симп. Новочеркасск, 1993. С. 132–140.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М.: Тauc, 2012. С. 282–284.
- Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 319–323.
- Яблонский Л.Т. Археолого-антропологическая гипотеза: к проблеме формирования культур сакского типа // Центральная Азия. Источники, история, культура / Е.В. Антонова, Т.К. Мкртычев. М.: Наука, 2005. С. 776–791.
- Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II / И.В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 4–36.
- Яблонский Л.Т. От редактора // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 5–17.
- Яблонский Л.Т. Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: Андерсен, 2009. С. 150–158.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Тauc, 2010 (МИАР № 12). 383 с.
- Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: матер. VII междунар. конф. / Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 234–240.
- Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт южно-уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал / М.Н. Сдыков. Уральск, 2012. С. 370–392.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по матер. раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 231 с.
- Davis-Kimball J., Yablonsky L.T. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk Road Art and Archaeology. Tokio, 1995/1996. V. 4. P. 1–16.

Институт археологии РАН, Москва

Л.Т. Яблонский

REFERENCES

- Davis-Kimball J., Yablonsky L.T., 1995/1996. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia. *Silk Road Art and Archaeology*. Tokio, 4, pp. 1–16.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v.n.e. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [A Sarmatian burial of a sceptre-bearer of the 1st century AD near the village of Kosika in the Astrakhan oblast]. *VDI [Bulletin of Ancient History]*, 3, pp. 141–179.
- Erlikh V.R., 2005. K diskussii o skifakh na Kubani [On the discussion of the Scyths on the Kuban]. *Chetvertaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [The Fourth Kuban Archaeological Conference]*. Krasnodar, pp. 319–323.
- Gutsalov S. Yu., 2004. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v VII–I vv. do n.e. [Early Nomads of the South Urals in the 7th–1st Centuries BC]. *Ural'sk*. 134 p.
- Moshkova M.G., Malashev V. Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and catacomb burials of the South Urals of the Sauromatian and Early Sarmatian time]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy VII mezhdunarodnoy konferentsii [Funerary Rites of Early Nomads of Eurasia: Materials of the 7th International Conference]*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 162–167.
- Ochir-Gorpyaeva M.A., 1992. Savromatskaya problema v skifo-sarmatskoy arkheologii [The Sauromatian issue in Scytho-sarmatian archaeology]. *RA [Russian Archaeology]*, 6, pp. 32–41.
- Ochir-Goryaeva M.A., 1993. Savromaty Gerodota [The Sauromatians of Herodotus]. *Skifiya i Bospor: sbornik dokladov simpoziuma [Scythia and Bosphorus: A Collection of Papers Read at the Symposium]*. Novocherkassk, pp. 132–140.
- Tairov A.D., 2007. Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e. [The Nomads of the Urals-Kazakhstan Steppes in the 7th-6th century BC]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 274 p.
- Treyster M. Yu., Yablonskiy L.T., 2012. K voprosu ob absol'yutnoy dате mogil'nika Filippovka-I [On the absolute date of the Filippovka-I cemetery]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.) [Influences of Achaemenid Culture in the South Urals in the 5th-3rd Centuries BC]*, I. Moscow: Taus, pp. 282–284.
- Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.) [Influences of Achaemenid Culture in the South Urals in the 5th-3rd Centuries BC]. Moscow: Taus, 2012. 2 vols.
- Yablonskiy L.T., 2005. Arkheologo-antropologicheskaya gipoteza: k probleme formirovaniya kul'tur saksckogo tipa [An archaeological-anthropological hypothesis: The issue of formation of cultures of the Saka type]. *Tsentral'naya Aziya. Istochniki, istoriya, kul'tura [Central Asia. Sources, History and Culture]*. E.V. Antonova, T.K. Mkrtychev, eds. Moscow: Nauka, pp. 776–791.
- Yablonskiy L.T., 2007. Problema khronologii i tipologizatsii sarmatskikh kul'tur na sovremennom etape ikh izucheniya (v svete noveyshikh materialov iz Yuzhnogo Priural'ya) [The issue of chronology and typologization of Sarmatian cultures at the current stage of their study in the light of recent materials from the South Urals]. *Regional'nye osobennosti rannesarmatskoy*

- kul'tury: materialy seminara Tsentra istorii i kul'tury sarmatov [Regional Traits of the Early Sarmatian Culture: Materials of a Seminar of the Centre for History and Culture of the Sarmatians]*, II. I.V. Sergatskov, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 4–36.
- Yablonskiy L.T., 2008. Ot redaktora [Editor's note]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona [Early Nomads of the Volga-Ural Region]*. L.T. Yablonskiy, ed. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–17.
- Yablonskiy L.T., 2009. Novye sensatsionnye nakhodki v Filippovke (k diskussionnym voprosam o khronologii pamyatnika, osobennostyakh ego pogrebal'nogo obryada i tipologii) [The new sensational finds at Filippovka: Controversies over the site's chronology, its funerary rites and typology]. *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ya (k 150-letiyu otkrytiya Anan'inskogo mogil'nika) [At the Sources of Archaeology of the Volga-Kama Valley: on the 150th Anniversary of the Discovery of the Ananyino Cemetery]*. S.V. Kuz'minykh, A.A. Chizhevskiy, G.R. Rudenko, eds. Elabuga: Andersen, pp. 150–158.
- Yablonskiy L.T., 2010. Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii [Prokhorovka. At the Sources of Sarmatian Archaeology]. Moscow: Taus. 383 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 12).
- Yablonskiy L.T., 2011. Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Priural'ya perekhodnogo vremeni i voprosy arkheologicheskoy periodizatsii pamyatnikov [Funerary rites of the early nomads of the Urals area in the transitional period and the archaeological periodization of pertinent sites]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy VII mezhdunarodnoy konferentsii [Funerary Rites of the Early Nomads of Eurasia: Materials of the 7th International Conference]*. L.T. Yablonskiy, S.I. Luk'yashko, eds. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 234–240.
- Yablonskiy L.T., 2012. Kul'turno-khronologicheskiy gorizont yuzhno-ural'skoy kul'turno-istoricheskoy oblasti v epokhu formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury [Cultural-chronological horizon of the South Urals cultural-historical area in the epoch of formation of Early Sarmatian culture]. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura i kochevaya tsivilizatsiya basseyna reki Ural [Medieval Urban Culture and the Nomad Civilization of the Ural River Basin]*. M.N. Sdykov, ed. Ural'sk, pp. 370–392.
- Yablonskiy L.T., 2013. Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): katalog kollektsii [Gold of Sarmatian Chieftains. The Elite Necropolis of Filippovka 1 from the Excavations of 2004–2009: A Catalogue of the Collection], 1. Moscow: IA RAN. 231 p.
- Zhelezchikov B.F., Pshenichnyuk A. Kh., 1994. Plemena Yuzhnogo Priural'ya v VI–III vv. do n.e. [Tribes of the South Urals in the 6th–3rd centuries BC]. *Problemy istorii i kul'tury sarmatov: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii [Issues of History and Culture of the Sarmatians: Abstracts of Papers Read at the International Conference]*. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 5–8.
- Zuev V. Yu., 2000. Osnovnye problemy khronologii "rannesarmatskoy" kul'tury [The main issues of chronology of 'Early Sarmatian' Culture]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya: materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Early Sarmatian Culture: Its Formation, Evolution and Chronology: Materials of the 4th International Conference 'Issues of Sarmatian Archaeology and History']*, 1. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 85–104.

Institute of Archaeology RAS, Moscow

L.T. Yablonskiy

**Д.Д. Ёлшин, Е.А. Мелюх, Е.В. Ходаковский.
ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛЕЕВ (1878–1914):
АРХИТЕКТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 400 с., ил.**

Имя Дмитрия Васильевича Милеева знакомо всем, кто занимается историей древнерусской архитектуры, реставрацией и архитектурной археологией, — его вспоминают в связи с исследованиями первого памятника древнерусской каменной архитектуры — Десятинной церкви; изучением утраченных ныне памятников русского деревянного зодчества; реставрацией Троицкого Ипатьевского монастыря в Костроме, выполненной к 300-летию Дома Романовых. В то же время в публикациях обычно лишь упоминается автор этих работ, сам же Д.В. Милеев невольно оказался в тени наиболее известных исследователей древнерусского зодчества, живших в конце XIX — первые десятилетия XX в., — В.В. Суслова и П.П. Покрышкина.

Монография Д.Д. Ёлшина, Е.А. Мелюх, Е.В. Ходаковского впервые подробно рассказывает о недолгой жизни и трудах выдающегося архитектора-реставратора и археолога начала XX в.; ученого, методы и принципы работы которого остаются актуальными и в наши дни. Фигура Д.В. Милеева показана “как связующее звено между глубоким опытом дореволюционной археологии и реставрации с достижениями советской историко-архитектурной науки” (с. 8)¹.

В первой главе дан обзор публикаций, посвященных творческой и научной деятельности Д.В. Милеева: авторы отмечают, что специальных исследований биографии архитектора-реставратора и археолога, его трудов, методов и подходов, не существует. Монография основана на широком круге разнообразных источников, подробно рассмотренных в этой же главе: публикации исследователя, протоколы заседаний Императорской Археологической комиссии, некрологи, документы и фотографии из собраний архивов России и Украины.

Во второй главе воссоздается научная биография Д.В. Милеева, обозначены основные вехи его недолгого жизненного пути.

Третья глава посвящена обмерам и реставрации памятников деревянного зодчества Русского Севера. Работы Д.В. Милеева в этом направлении изучены в контексте деятельности Императорской Академии художеств по исследованию памятников русского деревянного зодчества (экспедиции Л.В. Даля, В.В. Суслова и др.).

В 1905 г. Дмитрий Васильевич был отправлен в длительную командировку для обмеров памятников деревянного зодчества Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Костромской губерний. Поездка продолжилась в 1906 г. Всего за два года были выполнены чертежи около 50 памятников деревянной архитектуры, а также каменных церквей Русского Севера. Большая часть обмеров включала план, продольный разрез, один или несколько фасадов. Выполнялись чертежи особо интересных в художественном или архитектурном отношении деталей, а также церковной утвари. К счастью, графические листы, выполненные Д.В. Милеевым, сохранились и ныне находятся в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств. Некоторые церкви не были обмерены исследователем, однако была осуществлена их фотофиксация (негативы сохранились в Научном архиве ИИМК РАН). В монографии подробно прослежены маршруты экспедиций Д.В. Милеева, выявлено значение его поездок для последующей деятельности Императорской Археологической комиссии в области реставрации памятников деревянного зодчества. Так, именно по чертежам Дмитрия Васильевича был отремонтирован целый ряд церквей (Богородицкая в с. Верховское, Ильинская в с. Поцкое Тотемского уезда и др.). Под его руководством в 1913 г. была выполнена реставрация Богоявленской церкви Челмужского погоста, построенной в 1605 г. и связанной с именем инокини Марфы, матери будущего царя Михаила Федоровича. Отдельная страница научной деятельности Д.В. Милеева — борьба за сохранение деревянного Троицкого собора в Санкт-Петербурге.

Оценивая труды Д.В. Милеева по исследованию и реставрации памятников деревянного зодчества, авторы монографии подчеркивают, что исследователь выработал свою концепцию реставрации деревянных храмов: его проекты предполагали, как правило, не полную переборку зданий, а устранение причин, вызывающих деформации построек — замену нижних венцов, устройство каменного фундамента, исправление покрытий, а также освобождение от поздних наслоений (обшивки тесом, окраски и т.п.). Именно эти установки стали базовыми для А.В. Ополонникова, со второй половины 1940-х годов начавшего работы по реставрации памятников русского деревянного зодчества.

Четвертая глава монографии посвящена деятельности Дмитрия Васильевича в качестве руководителя архитектурно-археологических работ в Киеве.

¹ Архитектурно-реставрационной и археологической деятельности Д.В. Милеева посвящены и некоторые другие публикации авторов (Ёлшин, 2009. С. 909–937; Khodakovskiy, Meliukh, 2015).

В 1908–1914 гг. ученый проводил раскопки на территории усадьбы Десятинной церкви (работы первоначально возглавлял Б.В. Фармаковский, но вскоре фактическим руководителем исследований стал Д.В. Милеев). Именно здесь, впервые на средневековых памятниках России, был применен кессонный метод раскопок, позволяющий получить максимум информации о напластованиях разных эпох. Передовой для отечественной науки стала четкая система разбивки раскопов, обмеры, выполненные с необычайной тщательностью, а также подробная фотофиксация всех этапов археологических работ. Кроме того, исследователем был внедрен принцип послойного изучения культурных напластований с полной документацией всех находок по слоям. В 1911 г., к приезду Николая II в Киев, план фундаментов апсид Десятинной церкви был выложен камнем на поверхности: как отмечают авторы монографии, это один из первых опытов музеефикации средневековых фундаментов в отечественной практике.

Помимо исследования Десятинной церкви и находившейся рядом с храмом гражданской постройки, Д.В. Милеев проводил в Киеве раскопки на Митрополичьей усадьбе (храм XI в.), в Софийском соборе, усадьбе Трубецкого и др., изучал Борисоглебский храм на Смядыни в Смоленске. Храм на Митрополичьей усадьбе был открыт в ходе наблюдений за строительством нового дома: в докладе на IV съезде русских зодчих (1911 г.) Д.В. Милеев одним из первых в России отчетливо обозначил необходимость обязательных спасательных археологических исследований в исторических городах; важность принятия закона, позволившего бы членам Императорской Археологической комиссии контролировать строительство на частной земле.

Исследователи подчеркивают значение археологической деятельности Д.В. Милеева для развития архитектурной археологии в России. По их мнению, “раскопки на усадьбе Десятинной церкви стали для своего времени самым масштабным проектом планомерного археологического исследования сложного многослойного памятника археологии, включавшего в себя разные типы археологических объектов: монументальные постройки, оборонительные сооружения, жилища, погребения, производственные комплексы и клады” (с. 177). В ходе археологических работ тщательно фиксировались все культурные наслоения, включая позднесредневековые слои и слои нового времени. Примененные ученым методики полевых исследований и фиксации полученных результатов позволили представить постройку в контексте окружавшего ее культурного слоя. Именно поэтому справедливым кажется вывод авторов монографии — методологические основы современной архитектурной археологии как научной дисциплины были заложены именно в ходе киевских работ Д.В. Милеева.

В пятой главе монографии рассматривается деятельность Д.В. Милеева по реставрации и охране памятников монументального зодчества. Первый проект реставрации каменного храма — Троицкого собора Макарьевского Желтоводского

монастыря — был выполнен архитектором в 1907 г. совместно с А.К. Ивановым. Проект предполагал значительное сохранение поздних наслоений, что кажется авторам монографии удивительным на фоне масштабных реконструкций и реставраций конца XIX — начала XX в. (например, восстановления Успенского собора во Владимире-Волынском или реставрации церкви Спаса на Нередице). В 1911 г. Д.В. Милеев обследовал наклонившуюся колокольню Успенской Боровской церкви в Архангельске. Благодаря результатам этих исследований в 1912 г. П.П. Покрышкину удалось спасти памятник, выпрямить здание без разборки его частей. Как горько замечают авторы монографии, Боровская церковь с колокольней, — “памятник не только архитектуры XVIII в., но и архитектурной реставрации и технической мысли начала XX в.” (с. 197) — в 1930-е годы была снесена. При воссоздании в 2000-е годы формы здания были значительно изменены, что печально диссонирует с принципами, которыми еще в начале XX в. руководствовались лучшие представители реставрационной науки.

Одним из главных дел недолгой жизни Д.В. Милеева были исследование и реставрация Ипатьевского монастыря в Костроме, проводившиеся с 1911 по 1913 гг. в преддверии 300-летия Дома Романовых. На основании архивных документов в монографии подробно освещен процесс реставрации зданий обители и, прежде всего, Троицкого собора; выявлены основные принципы и методы, использованные Д.В. Милеевым в этой работе. Интересный вопрос, который обсуждался в ходе реставрации стенописи собора, — возможность ретуширования утраченных участков древней живописи. Д.В. Милеев придерживался мнения о необходимости “музейной” реставрации — очистки фресок от копоти и пыли, их укрепления, но без значительного ретуширования.

По завершении всех работ в монастыре Д.В. Милеев предполагал издать специальный научный отчет с приложением фотографий, рисунков, чертежей. Несомненно, это издание стало бы образцом отчета о подлинно научной реставрации ансамбля памятников архитектуры и монументальной живописи. К сожалению, смерть исследователя, а затем Первая мировая война и революции помешали осуществить это намерение.

Изучение реставрационной деятельности Д.В. Милеева показывает стремление ученого к тщательному документированию всех проводимых работ, составлению специальной программы исследования и восстановления памятника. В области архитектурной реставрации работы Д.В. Милеева характеризует стремление восстанавливать постройку, исходя из результатов натурного обследования и реальной ситуации; приоритетными оставались вопросы сохранности памятника, а не его воссоздания к определенной дате. Авторы монографии особенно отмечают качество проведенных в 1913 г. работ, что свидетельствует о постоянном авторском надзоре со стороны Д.В. Милеева.

В Заключении авторы подчеркивают, что ранняя смерть Д.В. Милеева воспринимается особенно

драматично в контексте всех тех событий, которые пережила страна после 1914 г.: “Милев ... словно ознаменовал собой само созревание, восхождение и расцвет отечественной научной реставрации и архитектурной археологии дореволюционной эпохи, так внезапно оборвавшейся после пышных празднеств 300-летия Дома Романовых” (с. 259). Однако работы ученого дали толчок дальнейшему развитию реставрации и архитектурной археологии в России, а его усилия по охране памятников русского искусства служат примером и для современных исследователей.

Помещенные в качестве Приложения к книге документы, связанные с именем исследователя, письма, а также немногочисленные научные труды, опубликованные Д.В. Милеевым, позволяют дополнить сведения, приведенные авторами монографии в основной части.

Особо следует отметить значение монографии Д.Д. Ёлшина, Е.А. Мелюх и Е.В. Ходаковского в качестве источника по истории русской архитектуры: в ней 200 иллюстраций, большая часть из которых — фотографии и чертежи Д.В. Милеева, преимущественно публикующихся впервые. Помещенный на обложке монографии фрагмент чертежа показывает всю тонкость архитектурной графики Д.В. Милеева, талантливого рисовальщика. Остается только пожалеть, что полиграфические возможности не позволяют полностью представить весь комплекс обмерных материалов, обладающих высочайшим художественным качеством.

Книгу украшают Указатель имен и Географический указатель, позволяющие легко ориентироваться в издании.

Санкт-Петербургский государственный университет

Отметим, что выход в свет монографии Д.Д. Ёлшина, Е.А. Мелюх и Е.В. Ходаковского — это событие в истории отечественной науки: исследователям удалось воссоздать творческую биографию одного из наиболее интересных отечественных архитекторов-реставраторов и археологов начала XX в. Будем надеяться, что монография о Д.В. Милееве — это только начало. Давно уже назрела необходимость в создании монографии о крупнейшем отечественном архитекторе-реставраторе начала XX в. П.П. Покрышкине; достоин специального исследования и еще один историк архитектуры и реставратор К.К. Романов.

Изучение опыта отечественной реставрации и архитектурной археологии оказывается актуальным в современной ситуации, когда научная ответственность и добросовестность исследователя должны постоянно выдерживать суровые испытания в борьбе со строителями и заказчиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ёлшин Д.Д.* Императорская Археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908—1914 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания: У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 909—937.
- Khodakovsky E., Meliukh E.* Dmitrii Mileev and the restoration of wooden architectural monuments in early twentieth-century Russia // Russian Review. 2015. V. 74. Is. 2. P. 247—271.

И.В. Антипов

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ПОГРЕБОВА (1931–2015)

12 ноября 2015 г. не стало Марии Николаевны Погребовой, ведущего востоковеда-археолога, специалиста по археологии Кавказа и Ближнего Востока эпохи бронзы и раннего железа, человека удивительного света и доброты. Хотя в последнее время она неоднократно полушутя говорила “о моем уходе нельзя будет сказать как о преждевременном”, для нас, коллег и друзей, этот уход стал внезапной и очень горькой потерей. И сейчас встает перед глазами стройная, летящая, совсем девичья фигурка, тонкое одухотворенное лицо, внимательные умные глаза, воплощенный такт и естественность — прекрасный облик русского интеллигентного человека. Каждый, кому когда-либо случалось оказаться рядом с Марией Николаевной, всегда чувствовал ее доброжелательный интерес и желание помочь. Более того, она обладала редчайшим

свойством ставить интересы других впереди своих собственных. Для нас мир обеднел, поле добра и благодетельства сжалось.

Родилась Мария Николаевна 24 апреля 1931 г. в Москве, в большой и очень дружной семье. Ее археологическая судьба была предопределена тем, что мать, Надежда Николаевна Погребова, самый близкий и дорогой ей человек, была археологом-скифологом. В послевоенное, еще школьное, лето юная Мария поехала работать в свою первую археологическую экспедицию в Крым, на Неаполь Скифский к П.Н. Шульцу. В 1949 г. она поступила на исторический факультет МГУ, окончив его в 1954 г., пришла работать в Археологический отдел Государственного исторического музея. Став хранителем кавказских древностей, она на всю жизнь определила основной круг своих научных интересов: археология Кавказа и сопредельных областей в эпоху бронзы и раннего железа. Во время работы в Историческом музее Мария Николаевна проводила археологические исследования в Дагестане, и первые ее научные публикации посвящены этой теме (“Памятники эпохи бронзы Унцукульского р-на ДагАССР” // Тез. докл. на научной сессии ИИЯЛИ ДагФАН СССР. Махачкала, 1959. С. 20–21; “Ирганайский склеп эпохи бронзы” // Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. 1961. С. 109–123; “Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского р-на” (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Дагестана. Т. 3. 1973. С. 28–34).

В это же время М.Н. ежегодно принимала участие в археологической Орен-калинской экспедиции А.А. Иессена. Коллектив этой экспедиции стал для нее школой кавказской археологии и кругом друзей на всю жизнь (в лице К.Х. Кушнарева, А.А. Иерусалимской и самого Александра Александровича, непререкаемого авторитета в кавказской археологии). Тема, которой стала заниматься Мария Николаевна, была сложной по многим параметрам. Прекрасные коллекции хранились в ее ведении, но, поскольку раскопки в основном производились до революции, полевая документация не давала подробной информации. В Закавказье работы по данной тематике производились археологами из Азербайджана,

Грузии и Армении. Все зарубежные памятники оставались недоступными и известными только по публикациям, которые плохо были представлены в Советском Союзе. Глубокое и скрупулезное знание археологических кавказских материалов Исторического музея, уважение и любовь Марии Николаевны к археологическому источнику, а также удивительное чувство меры и такт, которыми она обладала, оказались залогом ее глубоко дружественных отношений с археологами и историками, занимающимися аналогичными материалами в республиках Закавказья, что в дальнейшем нашло воплощение в ряде совместных работ. Это и статьи источниковедческого порядка в соавторстве с С.А. Есаяном (1978, 1980 и монография 1985 г.), и важная в теоретико-методическом плане статья в соавторстве с И.Г. Алиевым (“Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тыс. до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 126–137).

Конкретные исследования археологии Кавказа эпохи бронзы и раннего железа заключались в источниковедческом анализе материалов, их описании, классификации, определении культурно-исторической принадлежности и в выборе наиболее информативных для исторических реконструкций категорий вещей (в частности, оружия). В 1964 г. Мария Николаевна окончила аспирантуру на кафедре археологии МГУ у Б.Н. Гракова и в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему “Вооружение и войско народов Центрального и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа”. К сожалению, диссертация не была издана полностью, выйдя в ряде статей, как до защиты, так и после (КСИА. 1962. Вып. 89; 1965. Вып. 103; Труды ГИМ. 1966. Вып. 40; СА. 1967. № 2; 1969. № 2; ВИ. 1968. № 9). В определенной степени это объясняется тем, что между 1965 и 1971 гг. Мария Николаевна работала сначала, с 1966 по 1968 г., в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, а с 1968 по 1970 г. — в Музее искусства народов Востока в должности заместителя директора по научной части, что не оставляло достаточно времени для написания и издания научных трудов.

С 1971 г. до конца жизни Мария Николаевна плодотворно работала в Институте востоковедения РАН, издав 10 монографий, закончив одиннадцатую и напечатав более сотни научных статей, включая статьи для БСЭ и *Encyclopædia Iranica*. Отметим, что научные статьи

М.Н. никогда не были повторением разделов ее монографий, но специально написанными эссе, содержащими новые подходы к наиболее животрепещущим темам.

Хочется рассказать подробнее об основных итогах этих интереснейших и очень важных для востоковедения (и, в частности, кавказоведения) и археологии работ. На протяжении всей шестидесятилетней научной деятельности, основой всех историко-культурных исследований М.Н. Погребовой были хранящиеся в ГИМе материалы из до-революционных раскопок памятников поздней бронзы восточных районов Куро-Араксского междуречья. Результаты были обобщены в докторской диссертации “Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XII — VI вв. до н.э.)”, защищенной на Ученом Совете Института археологии РАН в 1985 г., во множестве статей и двух монументальных монографиях (“Иран и Закавказье в раннем железном веке”. М.: Наука, 1977. 183 с.; “История Восточного Закавказья. Вторая половина II — начало I тыс. до н.э. (по археологическим данным)”. М.: Вост. лит., 2011. 422 с.). Две эти книги содержат интерпретацию огромного археологического материала с XV до первой половины VII в. до н.э., рассмотренного по пяти выделенным автором периодам. Работы включают характеристику всех археологических памятников обширнейшей территории Кавказа и Ближнего Востока, анализ погребального обряда и классификацию вещей — оружия, украшений и керамики. На основании соотношения археологических и исторических данных предложена характеристика историко-культурной ситуации не только на Кавказе, но и в сопредельных странах, представлена картина разнонаправленных передвижений вещей и народов. Кроме того, здесь проявился глубокий интерес Марии Николаевны к обсуждаемым в современной литературе методико-теоретическим проблемам, связанным с изучением на археологическом материале различных форм миграций, “диалога культур”, форм и характера заимствований. Ее книги представляют собой пример исследований, написанных прекрасным языком и на высоком научном уровне (с выверенным каталогом памятников, таблицами вещей и серией специальных компьютерных карт, сопровождающих анализ погребального обряда и артефактов). Безусловно, труды М.Н. еще долгое время будут востребованы не только кавказоведами, но и специалистами в других областях археологии.

Большое место в научном наследии М.Н. Погребовой занимают скифологические исследования, включающие в себя как научное издание

кавказских памятников (“Скифские памятники Закавказья”. М.: “Наука”, 1985. 152 с., совместно с С.А. Есаяном), так и историко-культурные реконструкции (в частности, “Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время”. М., 1984. 248 с.). В последнем труде освещены вопросы происхождения скифов и роли переднеазиатских походов в сложении скифской культуры. Рассмотрено происхождение разных типов скифского оружия в связи с местной кавказской материальной культурой и с учетом взаимосвязей разных культур. Исследование проведено на обширном материале, при доскональном его знании, свободном и критическом владении специальной литературой, что придает выводам доказательную силу. Особый интерес представляют разделы о луристанском искусстве и кладе из Зивие в связи с происхождением скифского звериного стиля. Эта тема в дальнейшем была развита в совместной с Д.С. Раевским книге “Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры”. М.: “Наука”, 1992. 261 с. — блестящим по логике, глубине

и доказательности исследовании, наполненным новыми идеями при критическом рассмотрении альтернативных построений. Большой радостью для Марии Николаевны была работа в соавторстве с сыном, Сергеем Всеволодовичем Кулландой, результатом которой стала книга “Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля”. М., 2013. 272 с. (в соавторстве с Д.С. Раевским и С.В. Кулландой).

При свойственной Марии Николаевне мягкости, душевной теплоте и щедрости, она была прекрасной матерью двух детей, состоявшихся в науке, любимой бабушкой пяти внуков и прабабушкой трех правнуков. Любви и заботы у нее хватало на всех — близких, друзей и людей, которые обращались к ней со своими нуждами. Поэтому так много людей осиротело после ее смерти.

Кавказоведению и археологии нанесен невосполнимый урон. Благодарная память о Марии Николаевне Погребовой сохранится в сердцах тех, кто знал ее лично, а ее труды навсегда останутся в археологии и кавказоведении.

Институт археологии РАН, Москва

*В.Б. Ковалевская, О.С. Гадзяцкая,
М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко, А.П. Погожева*

Сдано в набор 12.10.2016 г.	Подписано к печати 22.12.2016 г.	Дата выхода в свет 27.01.2017 г.	Формат $60 \times 80 \frac{1}{8}$
Цифровая печать	Усл. печ. л. 24.0	Усл.кр.-отт. 7.9 тыс.	Уч.-изд.л. 24.0
	Тираж 323 экз.	Зак. 1013	Бум.л. 12.0
		Цена свободная	

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6